

В поуцкѧх
Белого
Верблюжонкѧ.

бi нoуcкax бeлoгo
бepблoжoнкa

ВВЕДЕНИЕ.

Зачем совершать Пилигримажи?

В общем, в данной книге ответ дан. И не раз...

Тем не менее, в качестве эссенциальной прелюдии, есть смысл привести одну довольно большую цитату из великолепного исследования Александра Дугина касательно Иранского Логоса.

Не буду как-то готовить читателя некими преамбулами в чём дело: пусть учится не только плавать, но и нырять.

Жить в Воде.

В Воде распознать Воздух... а в нём — Огонь.

Итак, цитата (в таких скобках /.../ наша вставка, акцентирующая внимание читателя на крайне важном послании):

«Вертикальная топка экзистенциального потока должна иметь иерархическую структуру (это подразумевается вертикалью). Но иерархия, по Мулле Садре, есть не иерархия чтойности, но степени (градиента) интенсивности потока (теория «градиентного экзистирования» — *tashkik al-wujud*). Вещи как сущности не сами по себе хуже или лучше, выше или ниже других; они таковы в силу того, что являются кристаллизациями потока большей или меньшей интенсивности, чистоты или затемненности. Поэтому трансэссенциальный взлет возможен и вероятен через интенсификацию экстатического созерцания. Мулла Садра описывает этот процесс как восходящую интенсивную спираль, направленную пиком в Небо. По ней осуществляют свое вертикальное движение мириады вещей и существ, в каждый момент меняя свою сущность. Все они стремятся только к одному — к интенсивности. Стать лучше, выше, ценнее для вещи или существа возможно только в случае утраты идентичности и воссоздания новой, более интенсивной.

В иерархии существ человек есть (довольно высокая) центральная стоянка, так как снизу к этой стоянке стремятся мириады вещей, камней, металлов, трав, растений, цветов, зверей, влекомых волей к интенсивности, могущественной силой «возвращения» (*ma'ad*). Цель половины существ мира в том, чтобы

достичь человека — способного мыслить, философствовать, созерцать, молиться, возноситься духом к Богу и Небесам. Но стоянка человека не последняя вершина, она прекрасна тем, что призывает двигаться выше; с позиции человека хорошо видно Небо. Человек может заниматься философией и теологией, политикой и благородным трудом, любить и приносить жертвы. Он может познакомиться с бесценными текстами иранских мистиков и эллинических философов и узнать из них о Боге, Едином, потоке, экзистировании, о единстве сущего (*wahdat al-wujūd*), о сущности и категориях. Так, он организует структуры своего полета, своего преодоления, своего латентного антеломорфоза. Человек есть срез ровно посередине потока (*faʿyḍ*): здесь его интенсивность достигает мгновенного равновесия; ниже интенсивность слабеет, выше — усиливается. Поэтому человек может двинуться по «арке нисхождения» (*al-qaws al-nuzulī*), в сторону менее светлого, разумного и созерцательного существования, но может по «арке восхождения» (*al-qaws al-suʿūdī*) броситься ввысь (с чего начинается книга Муллы Садры о «Четырех путешествиях»). Человек неустойчив, его стоянка — ровно в центре экзистирования. Однако для мириадом существ он остается надеждой в великом возвращении: их воля, их стремление к мышлению, к ясному различению, к языку и чтению, к религии и философии остановлены низкой интенсивностью экзистенциального потока; поэтому и звери и даже растения силятся мыслить, различать, упорядочивать мир, конституируя его тем самым, но у них фатально не хватает интенсивности, и они трагически замирают на недоступной для них границе, где свободно обретается человек. Можно предположить, что воля всех этих недочеловеческих слабоинтенсивных существ, которые служат человеку пищей, кровом, одеждой и т. д., является не просто «субстанциями» (которых у Муллы Садры в их материальном смысле вообще нет), но духовной опорой, толкающей человека вверх, в полет, к ангелам и небесным духам, ведь через него и они смогут совершить трансэссенциальный рывок.

Насколько же трагично наблюдать людей, растрчивающих зря свое уникальное достоинство, ту огромную степень интенсивности, которую предполагает человеческая стоянка (*al-hāl*); это глубокое разочарование и даже предательство бескрайних и страдающих, движимых волей к Небу малых подчеловеческих ми-

ров /... здесь мы выделили этот абзац; он крайне важен и предельно сущностен; это — крик Неба нам; в этом сама суть Буддистской Бодхичитты... и в этом само Сердце Пилигримажа... далее, продолжаем цитату прекрасного текста Дугина —/.

Мулла Садра проводит эту линию последовательно. Он говорит: «душа рождается из тела при помощи Духа». Тело не есть материальный объект, это душа слабой интенсивности; и оно может стать душой в большей степени, если просветится, очистится, возвысится. Это тонкое тело — *al-jism al-latīf*, тело славы, тело воскресения (*al-jism al-okhravī*) или тело воображения (*al-jism al-khayālī*). И душа может стать духом, если сделает еще один рывок, еще один шаг по пути трансэссенциации, двигаясь по маршруту интенсивности, по арке возврата.

Здесь мы видим образы, близкие Оригену: с его точки зрения, души людей были сгущенными застывшими ангелами, упавшими в еще более плотные сгустки тел. И задача всех их осуществить возврат/восстановление (апокатастасис). В этом мистическая эсхатология Муллы Садры смыкается с классическими сценариями платонизма. Но теория потока, интенсивности, трансэссенциации является совершенно уникальной и оригинальной, представляя собой духовное философское и интеллектуальное чудо, сопоставимое с озарениями величайших философов самых разных цивилизаций».

(Цитата по: Дугин А. Г. — «Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая Война и Культура Ожидания» — М.: Академический проект, 2016, стр. 412—414).

Часть 1
Турецкие
лоции
Хызра

1. ОРЁЛ И ЗМЕЯ ТУРЕЦКОГО ГНОЗИСА.

Преддверие Нового года...

2020 скоро останется в истории, многие, наверное, большинство, шокированы и травмированы сим кругом времени. Человечество, в обозримом прошлом, ещё не знало столь быстрого и сильного, конвульсивного ужатия Стихии Воздуха: кто-то испугался вируса с весьма символическим названием, кого-то страшно возмутила Операция «Карантин». Кто-то просто умер: то ли действительно от вируса, то ли — за компанию, то ли — пришло время...

В любом случае, мир людей изменился необратимо.

Собственно, благодаря всем этим печальным событиям, мы совершили ряд Пилигримажей в Хорватию и Турцию, открыв много глубокого и сущностного (а не в Священную Европу, как уже повелось в последнее время).

К Новому году границы так и не открыли, в доступе осталась почти лишь одна Турция, впрочем, османские открытия (после первых трёх поездок) и так примагнитили бы нас.

Турция вообще, и Каппадокия в частности, предстала неким Мистическим Орлом из трёх элементов: его левое Крыло — Христианские Передачи и важные фонтаны оных; правое — Суфизм различных Орденов; центр — Герметизм (Аполлоний Тианский) и Рыцарство...

Всю эту ситуацию весьма необычно контрастирует Змея Великой Матери, огни которой возгоняет и очищает упомянутый Орёл. Орёл и Змея.

Анатолийская Формула, пока что, в контексте Опуса наших Паломничеств, предстала своеобразным восточным противовесом испано-португальской Иберии. Особенно, это актуально в связи с Корнем Рыцарства (точнее, с одним из Корней): Каппадокия оказалась местом Опуса Святого Георгия-Змееборца.

Тюркская серо-голубая Волчица, османский мистический Тюльпан и кружащийся Дервиш, предстали некой пламенной Трикутой, в центре которой тайно возжегся Рыцарский Равносторонний Крест; Трикутой же проявилась Эссенция Учения Христа: здесь был дарован Гнозис Пресвятой Троицы.

Троица, Триада — это Перводвигатель. Сия сакральная композиция начинает катафатический разлёт. Потому, совершенно естественно, Каппадокия стала местом, где проявился великий Праздник Рождества Христового. Отсюда изошли Крестители армян и грузин, излилась Передача ариан...

Гермес Трижды Великий транслировал Изумрудную Скрижаль тоже посредством уроженца данных мест.

Год или два назад, один из моих Учеников подарил мне небольшой и элегантный серебряный перстень с изображением Георгия Победоносца. Довольно долго сей артефакт не покидал уютного схрона некой шкатулки, сделанной в Толедо и с Пентаграммой на крышке.

Там ещё обитали Перстни Посвящения, карты для Опуса Предьяснения и колода Тамплиеров, всё ещё ждущая раскладов различных пасьянсов...

И вот, этот перстень как-то робко позвал, актуализировался в мирах паломнических артефактов. Сначала было неясно, то ли вещь сия «хочет» попасть в один из пещерных Храмов Каппадокии и там стать опусом «нечаянной Радости» для первого нашедшего, то ли — ощутить огонь тех камней и вернуться восвояси.

Этот перстень впервые приходит на перст уже в самолёте. Его тонкое серебро обнимает безымянный палец. На другом, таком же — любимая двойная Рыцарская Пентаграмма...

Рёв двигателей, взлёт.

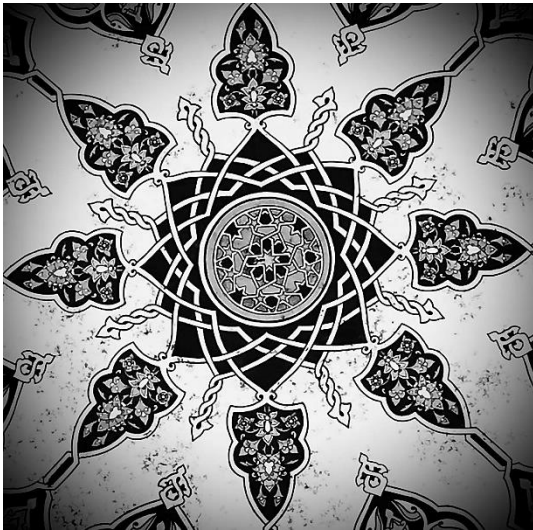
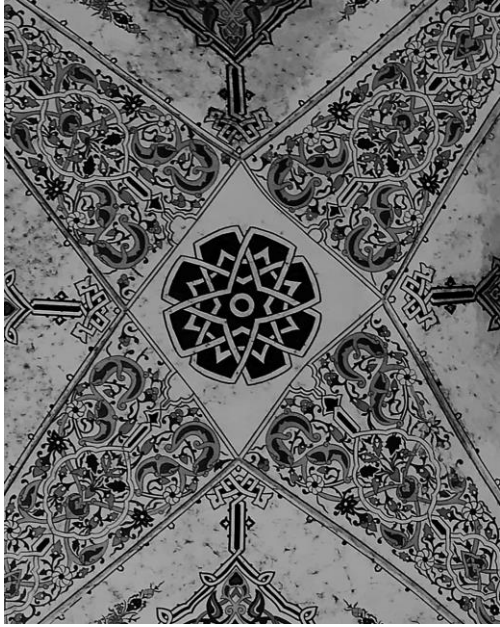
Вообще-то, теперешний Пилигримаж имеет, наверное, три цели. Они вызрели в предыдущих Анатолийских Паломничествах.

Первая: Анкара, место упокоения одного из великих Суфиев, Мечеть Хаджи Байрам Вели.

Вторая — собственно, Георгиевско-Троичная Каппадокия.

Третья — более-менее тщательно спланированный Опус прихождения в землю Кутба одного из Суфийских Орден, Хаджи Бекташи.

В общем, обо всём этом уже писалось в предыдущей книге. Тем более, удалось достать и почти полностью изучить прекрасную книгу Аверьянова о Хаджи Бекташи, его Тарикате и спутниках, — к ней мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Жизнеописание Аполлония Тианского покоится дорожным томом в моём рюкзаке.

Перстень...

Некая площадка символической манифестации; способ свести всё огромное разнообразие к почти монотеизму почти геральдического знака.

Кстати о Геральдике: кажется, что Рыцарские Искусства канули в море забвения... однако, каждый современный город обладает своим Гербом, что безусловно связано с Геральдикой, а значит, и с Рыцарским Опусом. Так, довольно неожиданно, мы посреди обыденной жизни обнаруживаем Рыцарский След.

Металлы Перстней принимают в себя и понт вульгарных персонажей, и обыденность привычных уже каких-то обозначений, и тайные печати операторов, совершающих Опус. Щиты стали Перстнями; Перстни Посвящения — частью доспехов.

Доспехи — и есть достоинство, а также — знак успешной Герметизации.

Шлем, видимо, бывает не только Каской Ужаса, но и — Триумфальной Одеждой не этих Звёзд...

Меч, безусловно Меч, соединяет собою весь Доспех и направляет его стрелкой компаса к Северной ориентации.

Доспехи Славы знаменуют Плод.

Одна из систем Воинского Движения выглядит так:

- сначала, человек — раб, и это необходимо искренне признать, пережив весьма тяжелый опыт утраты иллюзий;
- потом, возможно начать Опус Войны и Борьбы; так обретается Формула Воли;
- после, Жизнь можно реализовывать и не как рабство, и не как Войну, Жизнь превращается с помощью особых Методов, в Игру;
- дальнейшие каскады Очисток и Умножений позволяют Жизнь переплавить из Игры в Искусство...

И уже, Жизнь-как-Искусство, даёт возможность субъектно совершать ту или иную форму Алхимического Опуса.

Вспоминается сегодня (так уж почему-то случается) Александр Блок: возможно, величайший русский поэт, носитель Серебряного Доспеха, сотканного из звёздного дыхания нездешних снов.

На него злословит зависть исследователей, социо-роботы пытаются клеить негативные ярлыки, а горделивые религиозники обвешивают его (конечно, из злобы непонимания и зависти) всевозможными грехами.

Поэт вообще не человек.

Потому и не нужно его мерять мерилom этого стада; его биография всегда ускользнёт, уйдёт забытым томом в сапфировую Тишину и уже оттуда низвергнется туалетной бумагой прокламаций о предельно жестокой версии Вечности.

Поэт не пишет свою биографию: слишком subtilen Белый Снег его иной души, капли событий и судеб изувечат эту фату чрезмерной определённости.

Потому и нельзя изучать жизнеописания Поэтов, ибо их Сердце и Дыхание — только в Стихах.

Потому и платят они, в основном, такую страшную цену, совершенно непостижимую простым смертным.

Вторым Всадником на этом Коне как бы совпадений, предстаёт Георгий Иванов, тоже, весьма сущностный и прозрачно-неуловимый, Поэт.

Эти двое, каждый со своей стороны, своим Дыханием освящают Перстни, они же вкушают Вино Освобождающих мантр (которые начитываются во время перелёта).

Я аккуратно снимаю маску.

Свежесть обнимает лицо. Вот уже полчаса, стюарды не замечают сие ужасное преступление. Остальная публика летит и сидит, сидит и летит, увешанная тряпками унижительных намордников.

Шум двигателей, их монотонный рёв, так похож на извергание Силы Дракoна...

Полёт над пропастью...

Блок и Иванов уютно притаились в Серебре Перстней. Возможно, их стихи расплавят и интонируют данный Опус, так размягчая пневмы до состояния соответствующего Рунического Мёда.

Возможно...

Тамплиерский Крест сопровождает все наши Пилигримажи.

Как ни странно — Турецкие, тоже. Здесь оказывается, что Он связан со Святым Георгием и носит (в том числе) его Имя. Также, сей Символ — это Рыцарский Крест.

Эгида Тампля очевидна. Четыре Линии Передачи Вечного Сентября всегда сквозь нас.

Монотонный рёв самолетных двигателей, Формула понемногу собирается.

Новый год, это, в том числе, период между троеденствием Католического Рождества и триадой аналогичного Православного Праздника. Весьма символичны каппадокийские координаты такого события.

Что-то около двух недель.

Ураническое время. Белое и Красное приходят в смешение... Суфии Бекташи готовят Хлеб, Вино и Сыр.

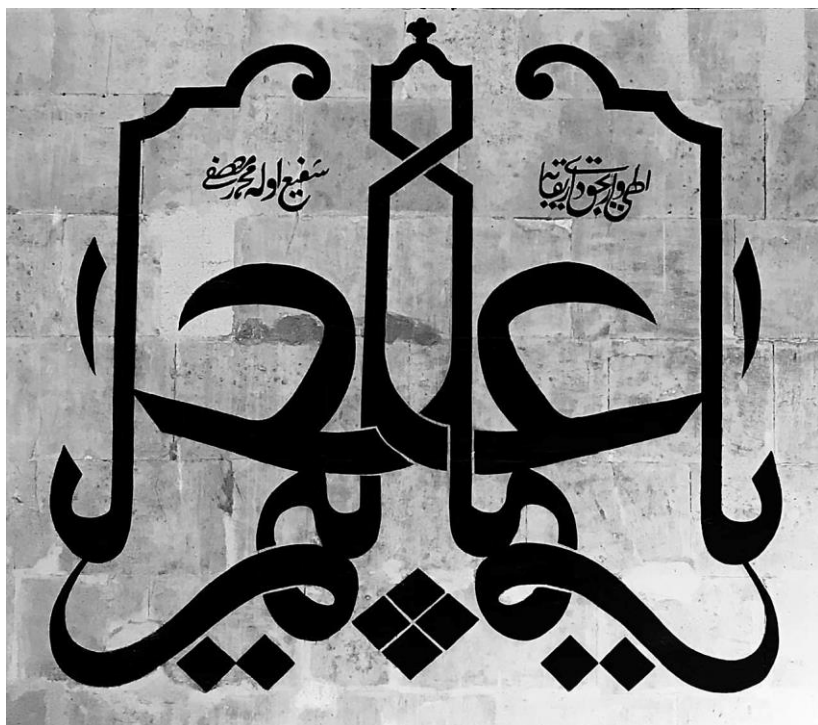
Руми и Тебризи сидят спина к спине. Они срослись спинами, а если учесть, что Спина — это Небо, то россыпи Звёзд у них одни и те же.

Хаджи Бекташи и Ахи Эвран созерцают догорающие угли природного костра, у ног последнего, расслабленным сном, спит гюрза. Её тело обмякло незлобной верёвкой, глаза прикрыты, дыхание гладко.

Все на своих местах.

В Храмах Каппадокии иконы сияют первозданностью свежих красок, идёт Вечная Литургия. Причаститься разрешено всем, райские фонарики застыли стоп-кадрами алхимических Формул на скалах фей.

Великое Таинство незримой Жизни неуязвимо. Оно не имеет конца и отреза. Его лезвие не тупится никогда. Рёв двигателей самолёта превратился в великий нейтральный звук «ХУМ».

2. АНКАРА. ТИШАЙШЕЕ ЗНАНИЕ ХАДЖИ БАЙРАМА.

Анкара.

Собственно, за неполный день мы вращаемся только вокруг парка Хаджи Байрама, здесь же недалеко и живём. Наша цель конкретна — Гробница сего великого Суфия.

Она закрыта, взывающие к Кутбу свершают сие деяние на улице. Причина: Карантин.

Всё тот же Карантин: Мега-Операция наведения новейшего рабства тотальным образом. Христианам не дают Причащаться, местным закрыли непосредственный контакт с величайшей Святыней Анкары.

Тем не менее, люди взывают на улице. Стоя возле закрытых врат. Стоя в масках...

Поле Гнозиса Хаджи Байрама очень конкретно и прямо ощущается даже возле Гробницы. Устойчивая нота Реализации. Мощное состояние Знания, по ту сторону любых ограничений. Оно и тонкое, даже тончайшее; и — довольно стремительное, в частности, разгорается свет за лобной костью и голова начинает приятно гореть.

Без всяких сомнений понятно, что Хаджи Байрам — Святой и это его Присутствие весьма уникально определяет волну, вибрационную характеристику, всей местности.

Несколько раз мы совершаем Воззвание Пилигрима. И чувствуется ответ.

О Хаджи Байраме в русскоязычных источниках не так-то и много информации.

Вот классическое короткое эссе на тему:

«Настоящее имя поэта при рождении было Нуман Бин Ахмед, однако известным он стал под псевдонимом Хаджи Байрам. Поэт родился в Анкаре в деревне Солфасол в 1352 году. Выросший в Анатолии в конце 14-го и первой половине 15-го века, поэт писал свои произведения на турецком языке, что серьезно повлияло на использование турецкого языка в Анатолии. Байрам-И-Вели являлся, прежде всего, поэтом-мистиком, сумевшим объединить

науку и исламский мистицизм (суфизм). Поняв ислам как науку, поэт преподавал студентам в медресе как профессор, а затем занялся изучением суфизма.

Хаджи Байрам Вели наставлял и направлял своих близких и последователей зарабатывать хлеб своими руками, заниматься земледелием и прикладным искусством. Поощряя людей самим зарабатывать на хлеб, поэт и сам был примером, так как возделывал на небольшом участке земли пшеницу, рожь, горох. Поощряя земледелие, Хаджи Байрам способствовал переходу кочевников, пришедших в Анатолию из Средней Азии, к оседлому образу жизни, укреплению турецких поселений в Анатолии и продвижению Османской империи на пути к цивилизации. Традиция совместной уборки урожая, и поныне соблюдающаяся в Анатолии, была заложена именно Хаджи Байрамом.

С точки зрения укрепления культурного и языкового единства Турции Хаджи Байрам-И-Вели сыграл важную роль в переводе на турецкий язык таких произведений как Леме-Ат и Гюльшен-И-Раз. Понятным народу языком, поэт переписывал произведения в виде стихов в стиле Ахмета Йесеви. В то время как согласно традиции, произведения писались на персидском и арабском языках, Хаджи Байрам предпочел вести диалог с народом на понятном ему языке, тем самым подняв значение турецкого языка. Это послужило языковому единству в Анатолии.

Поэт-мистик Хаджи Байрам-И-Вели писал и исполнял стихи в стиле великого Юнуса Эмре, под псевдонимом Байрами».

(Источник: <https://turkeyua.wordpress.com/2011/02/18/хаджи-байрам-вели/>).

Как видим, это сообщение написано в жанре энциклопедической статьи и не представляет оперативной ценности. В турецких источниках находим некую сущностную фразу:

«ДАЮЩАЯ РУКА ВСЕГДА ЛУЧШЕ БЕРУЩЕЙ».

Как бы эссенция Учения Хаджи Байрама. И, пожалуй, сей афоризм дарует Искателю намного больше, чем статья в духе энциклопедии.

Так или иначе, есть Живая и Мёртвая Вода. Так, Аверьянов Ю. А. написал великолепную книгу о Бекташи (которую мы настоятельно рекомендуем читателю), однако, укажут на Живую Воду страниц 20-30 из более чем шестиста, Мёртвой...

Сегодня Грбница Хаджи Байрама закрыта, решетка, замок... тем не менее, священное Излучение не заблокировать — оно рвётся насквозь стен. Живая Вода...

Очень часто (при условии правильного и праведного вопрошания) такой Поток, через межбровье зажигает своеобразный Шлем Славы Гнозиса. Несколько позже, сие, может, девственным Снегом не от мира сего, низойти на Трон Сердца.

У Могилы Главного Суфия Анкары Шлем сей мгновенно обретает сияющее Убранство.

После дневного прихождения к Хаджи Байраму мы свершаем Ритуал Тройной Чаши. Всё проходит точно и хорошо.

Около 21 иду сам ко Святыне. Город словно вымер: вообще никого.

Свершаю ещё одно Воззвание Пилигрима у Гроба Хаджи Байрама. Рядом — никого.

Происходит что-то сущностно тончайшее и, одновременно, пламенное.

Чуть погодя, когда я пытаюсь войти в Мечеть рядом (кажется, что она открыта), подходит мент при всём параде. Он вежлив и предупредителен. Это хорошо.

Для него.

Выясняет, что и как. Видно, служил в армии, есть жена и дети, в ментовку пошёл за стабильностью. Так этот Карантин и насаждают: все боятся потерять иллюзорную устроенность быта, и потому, почти незаметно лишаются источника Жизни — Свободы.

Оказывается, сейчас в Турции введён комендантский час, но на туристов он не распространяется, можешь гулять.

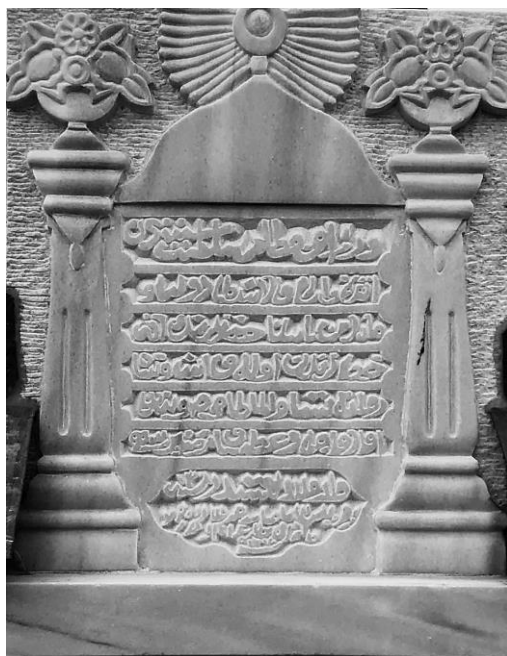
Посмотрев мой трезубый паспорт, меня отпускает, говоря что-то нейтрально-доброжелательное.

Я его благодарю и ныряю в ночную покрову.

Анкара (по крайней мере на небольшом пятачке нашей активности) оказывается весьма свежим городом. Она гориста, даже — немного скалиста. Есть что-то приятное в её иероглифе: какая-то ясность, что ли.

Ангора (а это ещё одно название данного города) основана достаточно давно, что-то около 2700 лет тому. Подле Гробницы Хаджи Байрама находятся остатки античного Храма, возраст которого около 2000 лет...

На этой ясной ноте данный опус уходит в сон, который, несмотря на выдавшую виды гостиницу, оказывается на редкость чистым и свежим.

3. БЕКТАШИ ПОЗВАЛ...-2.

С самого утра мы едем к Бекташи. К счастью, текке (суфийский монастырь), точнее (сейчас) музей, открыто. Людей практически нет. Мы спокойно совершаем все необходимые действия, купаясь в устойчивом Поле Присутствия Бекташи.

Мне удаётся впервые, недлительное время, побыть самому в местах упокоения Хаджи Бекташи и его Учеников. Это немного отличается, всё-таки, спутники привносят некоторую форму замутнения тончайшего потока. Здесь всё просто: они более поражены энергетическим аспектом, лучом Силы, а вот Гнозис, не всегда актуален для них.

Здесь Шар Знания какой-то однородно прозрачный.

Возношу Воззвания, сильно активизируется межбровье и загорается своеобразная Корона Чела.

Спутники понемногу слетают с организованной волны, им кажется, бекташистская Сила вдохновляет и определяет их действия по типу спонтанности, мне — что у них активизируется эго, и вытесненные Святостью инфернальные пневмы задевают некоторых своими крыльями.

Тем не менее, пока что, всё идёт относительно гладко.

После посещения Текке направляемся к лавочкам, которые расположены подле. Традиция продавать различные мелкие культовые и ритуальные предметы, начатая ещё около семиста (а может и больше) лет назад, сейчас ещё и вобрала в себя продажу сувениров. Тут много чего: множество разновидностей перстней с османской и бекташистской символикой, типичный турецкий набор сувениров, всевозможные отсылы к Ататюрку... Продавцы весьма колоритны, видно, что некоторые злоупотребляют алкоголем (а может и гашишем).

Спутники, каждый, что-то покупает: кто перстень, кто сумочку, словом — на память. Мне достаётся серебряный перстень: на изумрудном фоне — Меч Зульфикар, он заплетён меж двух ритуальных Топориков. Замечательная композиция.

Вся покупка происходит в некоторой суете, желание обладать чем-то ценным немного распяляет спутников. Впрочем, все остаются довольны и мы направляемся к Пещере Бекташи.

На русском языке есть вполне классическая и исчерпывающая работа Ю. А. Аверьянова о самом Хаджи Бекташи и его Тарикате. Эта замечательная книга имеет объём более 600 страниц. Автором проделана колоссальная работа и всех интересующихся базовыми знаниями на данную тему, можно смело отослать к этой великолепной книге.

Её наличие значительно облегчает наше описание.

Мы можем более сосредоточиться на описании отражения этого всего в зеркале собственных судеб. Ведь так и жива Передача...

Бодрый шаг.

Уже привычная местность. Немного вверх. Вот и холм Пещеры. Довольно быстро находим её.

Подле места отшельничества Хаджи Бекташи стоит шум и гам, как на базаре: какие-то местные заходят в Пещеру и вылазят через небольшое окошко.

Предание гласит, что Хаджи Бекташи здесь совершал многодневные суфийские аскезы. Как-то раз к нему пришли ученики или просто посетители и сказали, что темновато в Пещере. В ответ на это суфий ударом руки пробил скалу насквозь, таким образом сотворив данный лаз-окно. По местным поверьям, пролазить его можно только либо с ритуальной целью в строго оговорённом контексте Мистерии Бекташи, либо — когда нет никакой душевной грязи. Судя по всему, просто так, из любопытства, или, по каким-то невнятным причинам, себе дороже туда лезть.

Похоже, что сия Пещера, в тонком уровне, представляет из себя мощный, ровно горящий Огонь, а пролезание в отверстие символизирует пересечение Границы Миров: пролазющий, как бы будоражит совершенно особые Огни и это имеет свои последствия. Он как бы проникает сквозь стену Тонкого Пламени, которое инициировано ещё в тринадцатом веке. В человеке, данный Огонь может зацепить следующие Огни:

- на уровне тела: сердце или пищеварение;
- на уровне души: вызвать всплеск страстей;
- на уровне ума: повлиять на пламя сознания, то есть — вызывать состояния вплоть до безумия;
- на уровне судьбы: сжечь какие-то её модусы или активизировать некий активный сюжет;

- на уровне отношений: могут разрушиться какие-то связи или вспылать устойчивое страстно-больное чувство...

Если все эти составляющие чисты и прозрачны, то прохождение через лаз пойдёт в благословение. Если нет, скорее всего на каком-то из этих уровней будут проблемы, не исключено, что большие...

Когда, находясь в Пещере, совершаю заключительное Воззвание приходит некий толчок: Перстень со Святым Георгием аккуратно ложу в расщелину, как знак Связи с Бекташи. Скала уютно и доброжелательно принимает серебряное кольцо. Еле заметный звук: металл по камню.

Впрочем, ещё у Текке приобретаю не только Перстень, но и подвеску в виде двенадцатилучевой Звезды, а также — Камень с надписью из Корана. Вроде как — это артефакты данного Тариката.

Подвеску водружаю на себя: нефрит быстро принимает тепло нового тела.

Пещера Хаджи Бекташи. Оленёнок, Лев, Голуби, аура из Роз...

На такого рода особых местах часто приходят некие знаки, как бы подсказки каждому Пилигриму. Могут они быть и вовсе незаметными, могут — очень жёсткими и, даже, жестокими.

С нами случается всё, с каждым — своё. К сожалению, спутники не распознают подсказок и совершают ряд ошибок. Впрочем, не фатальных. К утру следующего дня, все за разную цену, их, в общем, исчерпывают. Касается сие и меня, в первую очередь тем, что я как бы провёл и привёл их всех сюда.

Огни усиливаются и в почти 12-часовом сне созерцаю множество пейзажей, назовём это так, астральной сферы личного принуждения, проще говоря, изучаю карту своих душевных уродств. Многие из них есть резонансы в контексте Учительства (многие Ученики пытаются нечто сбросить...). Подвеска всё время находится на теле, камень с цитатой сжат в правой руке... как бы сопричастность...

Ряд событий возле Пещеры Бекташи приводит к пониманию, что мне необходимо на следующий день попасть сюда одному.

Без спутников. Интуитивно чувствуется, что, в том числе, сюжет дня во всех его мелочах сообщает это.

Утром ситуация ещё больше проясняется и происходит некий выброс Огня.

Итак: день третий.

Мои спутники идут из Гёреме в Долину Земи, я опять еду к Бекташи.

Начинаю с того, чем вчера закончили, с Пещеры.

Быстро нахожу нужное место, ярко светит солнце, почти полдень, никого нет.

Залажу в Пещеру, свершаю полное Воззвание Пилигрима, испрашивая Гнозис.

Вижу проблеск меж камней: перстень, оставленный вчера. Приходит мысль: может взять его, как бы пропитанным этим местом? Однако интуитивно чувствую: нет, кольцо необходимо оставить здесь. Так, оно, будучи врученное в далёких украинских Карпатах, прожив у меня несколько лет в шкатулке с Пентаграммой, находит своё прибежище в Пещере Хаджи Бекташи... кто бы мог подумать!

Выхожу из Пещеры (почти по Платону). Никого.

Молния-мысль приглашает совершить Ритуал и пролезть через священное Окно. Захожу опять в Пещеру. Ложу прямо там, у стены, заплечную сумку с вещами, шепча священные Слоги, начинаю пролазить. Где-то на полпути, застряю, странный образ — так и висеть ни там, ни тут... пустив корпус волной, таки пролажу. Выхожу, мягко, тело, почувствовав гладкую скалу, плавно идёт в кувырок. Принимающий камень ощущается гладким и мягким. Что-то лязгает о него и автоматически, почти в кувырке, подбираю. Это — камешек Бекташи с арабской вязью, он лежал в кармане, видимо, во время прохода через узкое место, карман разошёлся.

Завершив кувырок, стою, сжимая Камешек-артефакт в ладони. Спонтанное ощущение, будто сам Суфий вложил его в руку...

Что-то важное совершено.

Что-то правильное.

По коже, едва уловимым ветерком, бегают прохладой субтильные огни.

Сев на скамейку рядом, мягко и подношением пою древнюю Священную Песню Истины.

После Пещерной Горы направляюсь в Текке. Здесь свершаются Воззвания у всех важных захоронений. Состояние Присутствия конкретно, воспламеняется межбровье и чело, приятное распирающее тепло и ощущение мягкого расширения...

После сего Опуса, иду к Пяти Камням, которые должны находиться недалеко от селения Живрил. Они, в основном, связаны с полем Силы, Магией, Бекташи. Идти довольно далеко, нет ни людей, ни машин, только бродячий пёс у обочины... Камни не удаётся найти и сие воспринимается как некий Знак Суфия, остужающий гордыню Пилигрима.

Возвращение в селение...

И — как только опущены Пять Камней, — находится тропа на холм, куда Хаджи Бекташ опустился в виде Голубя. Здесь есть некое место, где под деревьями водружены некие пирамидки Пилигримов, под молодыми деревьями. Свершается Воззвание, обнаруживается Священное Присутствие, тот же — Шлем Славы.

Немного поискав в Интернете, нахожу весьма интересную расшифровку базового изображения Хаджи Бекташи:

«Портрет Хаджи Бекташа

На этом изображении замечательны два Живых Существа — Агнец и Укрощенный зверь, похожий на собаку с человеческим лицом, которые мирно сосуществуют, одинаково послушные Человеку. Все трое — и Человек, и Агнец, и Зверь — внутри каждого из нас.

Еще одна деталь изображения, стоящая внимания — двенадцатиконечная звезда на поясе Хаджи Бекташа. Это так называемый *таслим-таш* или «камень повинования» (претерпевания), который дервиши-бекташи носили на груди или на поясе, таким образом, чтобы камень находился как раз в месте расположения тонких центров — *латаиф*. Он делался из особо ценных пород камня, таких, как *шахмаксуд* или нефрит, обычно бледно-зеленого цвета, иногда также из оникса.

Особая внутренняя сила, вырабатываемая дервишем, претерпевающим лишения и ограничения своего низшего я, может частично сохраняться в камне, который служит своеобразным аккумулятором, а также напоминанием о данных обетах. После

смерти Мастера его *таслим-таш*, как предмет силы, обычно вде-
ливали в стену над входом в *теккию*, место собраний дерви-
шей».

(Источник: <https://assalam786.livejournal.com/31493.html>).

Остаётся только вспомнить в связи с этим одно исключи-
тельно важное Даосское изречение:

«От Человека — один шаг до Зверя и один до Небожителя:
знающий куда идти — найдёт дорогу».

Возвращение в Гёреме.

Странно: двенадцатиконечная Звезда Бекташи сама отламы-
вается от звена, соединяющего её со шнурком — Опус как бы за-
вершён. Так это и ощущается.

Что-то увязалось.

С чём-то обретена Связь.

Вечер.

Всё просто и конкретно: Орёл Истины. Одно его крыло:
NNDNN.

Другое: SNTDG.

Завершение: АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

4. ВЕЧНАЯ ПАСХА КРЕСТОВОЙ КАППАДОКИИ.

31 декабря.

2020 год доплавляется. Его грязный снег уже почти всецело ушёл грязными ручейками в чёрную землю «навсегда», впрочем, в ручейки эти частенько, власть имущие (конечно, чужими руками), добавляли кровь. Человеческую. Идущую от страданий...

Свежее утро открывают перевёрнутые груши воздушных шаров: они вносят ноту вознесённой и приветственной радости.

Быстро собираемся и выходим. Наш маршрут лежит через Розовую Долину к Красной, оттуда — в Мескендир. Солнце. Прохлада. Синее небо.

Настроение природы, почему-то, ощущается Пасхальным. Вечная ровная радость.

Довольно быстро пролетаем первых три с чем-то километра и попадаем в первый Храм.

Как он называется, неизвестно (координаты: 38°39'31"N 34°50'56"E), мы наречём его Тампль Трёх Крестов: один, в центре, Равносторонний. Он состоит из ряда концентрических кругов, организованных внутри осей. Креста. Одно из толкований: эти концентрические круги — есть Творение, ангельские базовые Ноты или Аккорды создания и удержания Сфер Бытия; на каждом луче Главного Креста — их по четыре (в сумме — 16); в центре находится ещё одна Сфера, Круг, в нём изваян Равносторонний Иерихонский Крест (его можно узреть как Первоизлияние, Четыре Райских Реки...). Заметим, Тамплиерский Крест тождественен последнему.

Всего внутри большого Креста получается 17 Сфер... ещё четыре концентрических окружности, побольше размером, вынесены за Крест и симметрично расположены в его Измерении. Вся композиция взята в ещё один большой круг.

Итого: 22 Круга.

Сфера Двадцати Двух...

Вообще, если попробовать свести Христианскую Каппадокию к какому-то одному Знаку, мы как раз и получим Крест Святого Георгия.

Как известно, данный Воин-Святой является, наряду с Архангелом Михаилом, Иаковом-Матаморосом, Мартином Турским, Пресвятой Девой, Елизаветой Венгерской, Братьями Маккавеями, Святым Николаем, Иоанном Крестителем и некоторыми другими, одним из Корней Рыцарства.

Впрочем, к этому Знаку необходимо добавить ещё один — Равносторонний Треугольник: ведь именно здесь было создано Учение о Пресвятой Троице.

В результате мы получаем совокупный Символ Каппадокийского Христианства: Равносторонний Крест Святого Георгия помещён в Трикуту, вся эта композиция — в Круг. Пожалуй, будет правильно, ещё поставить Точку в центр Креста: так будет манифестировано Единобожие (которое, можно, в оперативности, узреть как Принцип Единого Эликсира...).

Однако, вернёмся к нашему Тамплю. Кроме барельефа Центрального Креста, там есть ещё два, как бы «растительных» Креста, которые расположены по бокам от основного, уже описанного.

Один внутри заполнен явно растительным орнаментом типа «елочка», другой — плетером восьмёрок (возможно, это намёк на два базовых модуса Растительной Силы: собственно, в конкретном случае, рост («ёлочка») и, вообще, буйство Жизни (плетер)). Они не равносторонние и по бокам находятся, наверное, пальмовые ветви. Верхи этих символов, три луча, собраны вместе неким полукругом (возможно, сие, — небесная Сфера-Твердь).

Таким образом: два Креста катафатических, один — Тотальный.

Данный Тамбль имеет пролом в стене и через него видно некое древо...

Сегодня мы взяли с собой некие маленькие картинки, сделанные в удобном ламинированном варианте: Рыцарь-Тамплиер, соответствующие Крест, Девиз и Печать. Их мы будем оставлять в каждом Храме, так обозначая Эссенцию Рыцарского Гнозиса:

если Святой Георгий — составляющая Альфы, то, Орден Тамплиеров: Омега.

Бережно и с трепетом ставлю сию картинку (почти иконку), в каменную нишу. Загорается новый свет присутствия: небольшое изображение совершенно по-иному интонировало довольно вместительное каменное помещение. Ощущается, что христианские духи как-то особо обрадовались этому... (не принесли как таковую икону потому, что, скорее всего, над нею надругаются или местные, или туристы: мы не хотели создавать такой повод; а поправне упомянутой сущностной картинки, всё-таки, не есть хула на священный артефакт...).

Совершаем Ритуал Возвращения Пилигрима.

Идём далее.

Вверх по ущелью.

Направо. Вниз. Храм Крестonosцев.

Оставляем «иконку» Тампля и здесь. Совершаем Ритуал.

Небо, синее Небо, Солнце и отроги каменного огня.

Опять небольшой переход: Храм с Колоннами (38°39'18.88"N 34°51'20.61"E). Этот Тампль, возможно, младше первых двух где-то на сотню лет, однако, и так, его возраст поражает — тысяча (!) лет.

Этот Храм всецело поразительный. Если не знаешь, то кажется, что ничего такого в данной скале быть не может, тем не менее, зайдя внутрь и поднявшись по пыльной каменной лестнице, получаешь шок: просторное помещение с колоннами и куполом...

Изображение Рыцаря находит свою нишу, зажигается огонёк Георгиевской воинской Радости, свершается Ритуал Тройного Прохода.

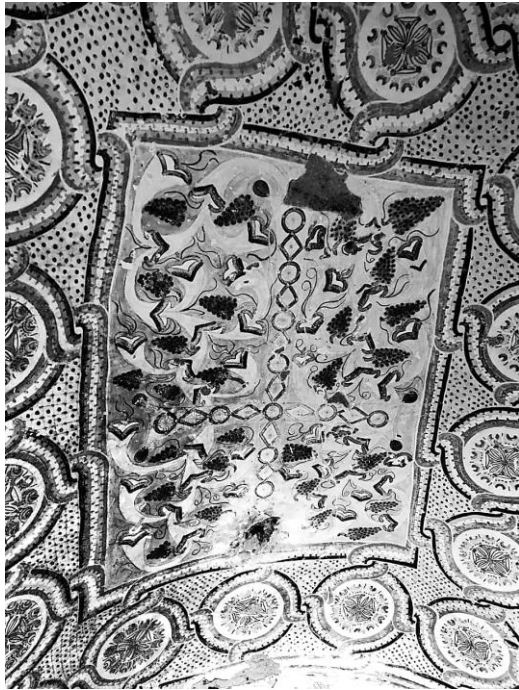
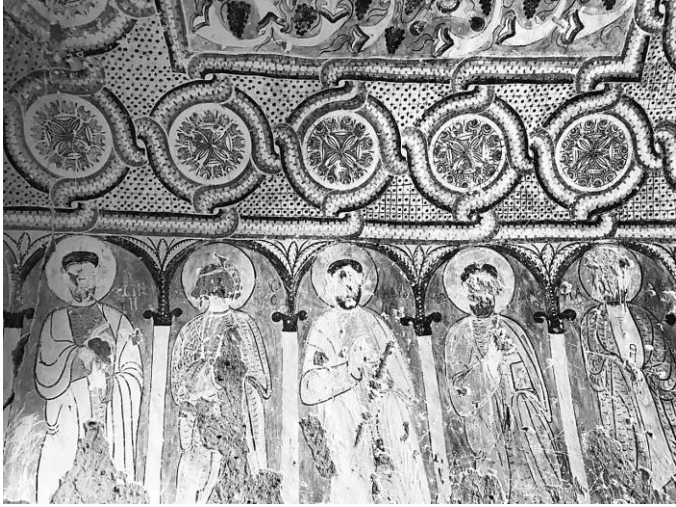
Сегодня в Долинах практически безлюдно.

Прямо перед мостиком, ведущим в Тампль, расположен немало кособокий стол. У нас с собой есть бутылка Красного Вина, Хлеб и Сыр (практически, все элементы «Причастия» Бекташи). Едим, пьём, ловим Солнце в межбровье, которое уже активировано предыдущими опусами.

И тут, одному спутнику, приходит идея: спеть Тамплиерский Кант в этом Храме.

Заходим.

Мы становимся на три стороны, кроме, спиной к Алтарю. Поём. Акустика в Тампле невероятная, ощущение, будто прожигает насквозь и звуком, и более тонкой радиацией. Храм радуется. В нём вдруг и конкретно воздвигается радостное Пламя Вечной Пасхи, золотой свет бурлит в интерьере. Что-то происходит из ряда вон: всё как бы оживает, как тогда, тысячу лет назад...

Снова вперёд.

Вверх. Вниз. В Красную Долину.

На её входе расположена прекрасная Виноградная (значит, Ампелос) Церковь. Она датируется девятым веком. Вход закрыт решёткой, висит замок. Видимо, в сезон, сюда пускают за деньги. Сейчас ключника нет. Однако, решётка не прилажена вплотную, можно, немного испачкавшись в пыли, пролезть под ней. Что мы, конечно, и делаем.

Внутри обнаруживаются великолепные росписи.

Крест, наполненный Ромбами и Кругами (в каждом из которых — ещё маленький Крест); пространство вокруг него заполнено Гроздьями Винограда, которые, вплетены в некую прямоугольную Решётку. Периметр этой Решётки создаёт Лоза, закрученная в крестовые Бесконечники, внутри каждого из них — Крест Святого Георгия. Под каждым таким Бесконечником, уже на стене, находится нимб Святого и он сам, ниже.

Получается, некое Собрание, объединённое Лозой Истины.

Измерение Ампелос.

И снова — вниз по ущелью. Через тоннели. По металлу хлипких лестниц. Красная Долина исчерпана, налево: идём в Мескендир.

И снова — Тампль.

Уходим влево-вверх, внутрь — прекрасно сохранён, в наличии — купол и апсида.

Здесь мы поём ещё один Кант Тамплиеров («Crucem Sanctam»). Звук наполняет всё, он мелкой дрожью пронизывает тела, души горят рыцарским огнём, ум созерцает величие Тамплиерского Опуса... Корпус Храма превращён в единый камертон, Радость Вечной Пасхи бушует во всех частях Святыни.

Допели.

Выходим.

И встречаемся лицом к лицу с девушкой. Похоже, она слушала пение снаружи. Незнакомка немного напугана, но, похоже, и приятно восхищена, будто столкнулась с каким-то небольшим чудом. Скорее всего, она — иностранная туристка...

Расходимся.

Выходим из Долины, подойдя к ещё одному Храму (напротив кемпинга «Кайя»), обнаружив его закрытым, возвращаемся в Гёреме.

Ритм дыхания и сознания выстроен спетыми в Тамплях, Кантами.

31 декабря.

2020 год подходит к завершению.

Остались считанные часы.

Период меж двумя Рождествами нам низошёл, почему-то, Пасхальной Радостью.

Тамплиерской Радостью: SNTDG.

5. С НОВЫМ ГОДОМ. 2021.

Рабство.

Гнёт.

Несвобода.

В этих параметрах подавляющее число населения чувствует надёжность. Правда, до некоторой грани, впрочем, рядом «обидели-погладили», сия грань легко сдвигается в последующую степень угнетения.

Большинство людей — рабы. Более того, их сердца, всё-таки, помнят иное; каждый предал свою душу по какой-то корыстной причине и потому, завидуют тем, кто хотя бы немного, вырвался из стандарта рабства. Не просто завидуют, по возможности — уничтожают (как бы этим самым утверждая себе, что-таки невозможно вырваться из условий тюрьмы)

Рабы охраняют цепи друг друга. Самая надёжная охрана...

Поздравления с Новым годом. Тосты. Вертеп разбитых судеб, где лицемерие и сонм демонических страстей правит бал. Пожалуй, наиболее правдивы конченные алкаши, напивающиеся до полного аутсайда. И, наиболее омерзительны, поздравления президентов, эти предельно лживые клоунады, составленные по рецептам технологий влияния на ряд целевых аудиторий.

Где-то посередине меж тем и этим висит «семейное счастье».

Новый 2021 год.

Люди, попрощайтесь с инфантильными иллюзиями. Добро пожаловать в сказку.

Мы все живём на тотально оккупированной территории. Нет, не масонами. Не иллюминатами. И не «жидами». Нас оккупировало неведение и безумие, как сноп особых режимов работы ума: начиная с ренессанса, утеряно равновесие данной структуры, убраны держатели более-менее сносной для Опуса, социо-культурной композиции.

Вот они, плоды. Чёрная магия узурпации судеб, всецелое изъятие Свободы выбора. Так эти пешки, власть имущие, проводят сей дух, опьяненные своим тщеславием, гордыней и безумием.

А население смотрит в гаджеты.

А население смотрит футбол и ММА.

А население носит маски.
А население сошло с ума.

Что взять с идиотов?

Только точку отсчёта, вроде некой сентенции:

САМОЕ СТРАШНОЕ ПРОКЛЯТИЕ — ЖИТЬ КАК ВСЕ.

С Новым годом, дорогие товарищи.
Горе — побеждённым.

6. ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ ВЕЧНОГО СЕНТЯБРЯ.

Ещё один день в Каппадокии...

Почти все Долины в окрестностях Гёреме обследованы, произошла некая адаптация, огненные скалы уже не так сильно перемалывают прителесную пневму. Есть определённая насыщенность местом.

Сегодня идём в Долину Кинжалов. Сначала проходим её поверху, от Храма с Пряжкой. Потом спускаемся вниз и идём по очень узкому каньону. Ближе к его завершению, слева внизу, обнаруживается тоннель, длинной, пожалуй, что-то около ста метров. Он вырублен прямо в скале.

И хотя проходим совокупно что-то около восьми километров, послекусие ложится, минимум, в два-три раза большей протяженностью пути.

С одной стороны — исключительно разнообразный и активно-огненный рельеф, с другой — многовековая намоленность данных мест всё ещё жива тонкой вибрацией сакральной радиации.

Обнаруживаем остатки одного Храма: в нём сохранились две колонны, множество Крестов Святого Георгия, фрески практически убиты, где была апсида зияет пролом; есть небольшой купол. Всё это устроено прямо в скале.

Кресты — Белые, на Красном фоне. Тамплъ, хотя и невелик, ощущается очень собранным и насыщенным Гнозисом; многочисленные Кресты (а они здесь — нескольких видов) как бы пульсируют и собирают пневму в устойчивые вихри: она виноградной лозою оплетает колонны, упругим светом звучит под куполом...

Храм растерзан.

Видно, хулители старались.

Однако: он не пуст, и если оперативная Чистота Пилигрима довольно устойчива, сей Тамплъ — драгоценная находка.

День очень тёплый. Странно, первое января, а ощущение, будто пятнадцатое сентября. Небо посылает истому многочисленным скалам и она, отражаясь от них путает ноги упорных ходяков, навешивает вуаль расслабленной сонливости на глаза и чело.

Каппадокия...

Сердце Анатолии.

Как дивно...

Великая Мать, её истома; колыбель Христианства и один из Истоков Рыцарства; Империя Суфиев и Ислам...

Здесь много ходишь.

Говоря об оперативном монотеизме, можно аккуратно озвучить Формулу Четырёх.

1. Тело. Опирается само на себя. Ощущение его присутствия однородно.

2. Органы чувств равномерно открыты. Нет разглядывания приоритетных предметов. Аналогично — остальные каналы чувств. Половина присутствия во внешней сфере, половина — на 4 пальца ниже пупка. Равновесие этого.

3. Ум, как Небо. Мысли свободно появляются в нём, пребывают и уходят. Они насквозь пронизаны этим...

4. Всё вместе, в одном моменте и тотально...

Вышеописанное — Четыре Ключа наивысшего Эликсира. В этом и ходит Пилигрим. Сие — конкретная оперативность Делания. Важно обрести Непрерывность. Данная Формула находится за пределами Образов и Имен...

В Турции начат некий жёсткий Карантин: местным вообще нельзя выходить просто так на улицу. Однако, музеи открыты и туристов в них довольно много, как говорил один хитрый китаец «деньги вопрос». Словом, вирус-19, уже очевидно, не представляет той степени опасности, которой посвящена специфика Карантина.

Турецкая нация исключительно управляема, по крайней мере такое впечатление создаётся, когда видишь эту тотальность масочного режима. Ататюрк заложил очень чёткие основы управления данным стадом.

Является ли современная Турция наследницей Османской Империи?

Скорее нет, чем да. Конечно, какие-то основы пробовали интегрировать, но получилось нечто иное.

Оттоманская Порта, это, всё-таки, не только Анатолия, но и Румелия — греческая Ойкумена, где Стамбул висел как бы в сердце. Некое, почти равновесие Христианства и Ислама, где переходным моментом были Суфии. Суфийская Империя...

Отпадение Румелии, пожалуй, акцентировало аспекты Великой Матери, хотя тюркское наследие в какой-то мере уравнивает данный аспект.

Таухид — Единобожие.

Сие: главный признак Ислама. Сама его суть.

С определённой «в-целом-исламской» точки зрения, принципу Таухида не вполне соответствуют ни Христианство (в этой связи Ислам категоричен: у Бога не может быть Сына и Пресвятая Троица не отвечает Принципу Единобожия); ни Иудаизм (идея богоизбранного Народа, здесь, видится как нечто, никак не сочетаемое с Монотеизмом). Таким образом, Ислам более апофатичен и сии катафатизмы не воспринимает.

Однако, множество Суфийских Орден, в общем-то, пошли как раз по пути уточнения и детализации Единого Эликсира, то есть — катафатизации...

Вернёмся к Суфиям Бекташи.

Одна из их сущностных фраз:

«Не считай себя великим. Трава, сегодня растущая у тебя под ногами, завтра будет расти на твоей могиле».

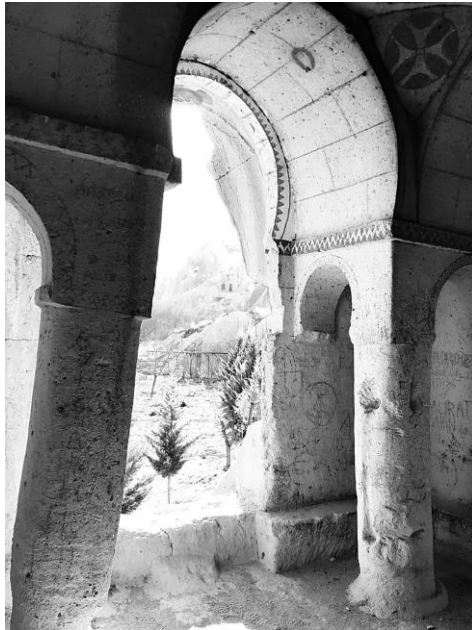
Интересно заметить, что одной из икон Пресвятого Грааля является Котёл. Котёл, из которого можно накормить всех, без ограничений. Некий символический аспект абсолютной сытости, то есть — наполненности и удовлетворённости...

У Бекташей был некий священный Чёрный Котёл. В нём раз в год готовили некую сакральную трапезу; Бекташи считали, что в этом котле пища может вариться сама, без огня под ним.

Весьма интересная метафора герметизации Опуса...

Этот же Казан символизирует братскую общность, Единое Тело Общины.

Люди исключительно часто ищут гарантий, им приятно иметь ощущение надёжного обретения и фиксации всецело правильного пути. В Саду такого практикующего высаживаются, преимущественно, Золотые Розы. Немного есть и Сапфировых, а Изумрудные как бы держат структуру...

Сад Вечного Сентября тем и отличается, что в нём наличествует важное место для очень редких Чёрных Роз. Бережно посадим такую в великолепно-прекрасную клумбу Бекташи:

«В мавлавийских источниках сохранилось воспоминание о встрече Хаджи Бекташа с Нур ад-Дином Джаджа, наместником сельджукского султана в Кыршехире. Этот отрывок подтверждает, что сам Джаляль ад-Дин Руми не принимал мистической практики Хаджи Бекташа и относился к нему с осуждением:

«Эмир Нур ад-Дин сын Джаджа (Джиджа) однажды в присутствии пресвятого Мавланы заговорил о чудесах Хаджи Бекташа Хорасани: «Один раз прибыл я на служение к Хаджи Бекташу. Он совсем не смотрел на внешнюю видимость вещей, не следовал шариаду и не совершал намаз. Я стал настойчиво говорить ему об обязанности непременно совершать намаз. Тогда он сказал: «Иди, принеси воды, совершим омовение и очистимся». Я наполнил своими руками ковш водой из источника и поднес ему. Он взял ковш, передал мне и сказал: «Лей!» Я стал лить воду на его руки и увидел, что прозрачная вода превратилась в кровь, и я был поражен таким явлением».

На это пресвятой Мавлана сказал: «Лучше бы он сделал из крови воду, ибо загрязнять чистую воду не такое уж большое мастерство (волшебство). Мусса для фараона («Египтянина») превратил Нил в кровь, а для сыпты («избранных») превратил кровь в прозрачную воду. Это произошло от совершенства его духовной силы. У этой личности [Хаджи Бекташи] нет таковой силы. Сие же называют изменением излишков (исраф) о чем идет речь в Коране [17.27: «... те, кто делают растрату (исраф) несамненно братья Шайтану»]. Чистое превращение (табдиль): когда твоё вино превращается в уксус, и твои трудности разрешаются. Твоя низменная медь становится чистым золотом, твоя безбожная душа становится мусульманской, принимает ислам. Грязь (глина) твоя [то есть, плоть] приобретает ценность сердца».

И тогда Нур ад-Дин, приклонив голову, отказался от той склонности, которую он испытывал к Хаджи Бекташу.

В данном рассказе Ахмед Афляки, автор жизнеописания Руми, отражает точку зрения своих единомышленников — дerviшей братства мавлавийя — по отношению к Хадже Бекташу. Он подтверждает, что наместник Кыршехира Нур ад-

Дин был сначала сторонником Хаджи Бекташа, но Мавлана Руми заставил его отказаться от этой приверженности. Этот отрывок имеет характер устного предания, записанного Афляки. [...] Резкий отзыв Мавланы о Хадже Бекташе перекликается с не менее резкой характеристикой рассказчика предания (остающегося в тексте не названным). Афляки добавляет (вероятно, от себя лично) следующее двустишие: «Много есть Иблисов (Дьяволов) в человеческом обличье/Поэтому не должно давать свою руку каждому встречному».

Таким образом, Хаджи Бекташ здесь фактически поставлен на одну доску со служителями Иблиса (Дьявола [Шайтана] — Р. Л.). На это намекает сам Мавлана, ссылаясь на приведенную строку из Корана»».

(Цитата по:

<https://www.google.com.ua/amp/s/fil.wikireading.ru/amp114618>).

Итак: никаких гарантий нет.

Остаётся только привести Третью Достоинства:

«Не бойся Нижних Миров. Не трепещи перед Верхними. Не растеряй себя в Средних».

И написать:

PURIS OMNIA PURA.

7. КЕЙСЕРИ. СНОВА АХИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПЕРЕКРЁСТОК.

Заключительный день этого небольшого, но содержательного, Пилигримажа.

С утра едем в Кейсери, Кессарию, город, которому около пяти тысяч лет. У турков — полный Карантин, в городе-миллионнике пустотно, прохожих практически нет, закрыты почти все магазины. Зато много полиции. Все в масках.

Кейсери — хотя и древний, но современный город: множество новых построек, стекло, бетон, полимеры; старина живёт в нём некими вкрапленными островками: Мечети, Гробницы, Крепость, Медресе...

Вполне ощущается соседство вулкана, хотя бы и потухшего.

За пару часов мы более-менее успеваем, не особо торопясь, обозреть центр, где как раз и находится почти всё примечательное.

Пожалуй, некая Суть ощутилась в двух-трёх пространствах: Вращающийся Мавзолей, Мечеть Куршунлу (возведена она по плану Великого зодчего Мимара Синана) и ещё одна Гробница (там захоронен Zeysel Abidin).

В упомянутой Мечети однозначно имеет быть устойчивое Священное Присутствие, это сущностное место и оно, наверное, наиболее пережилось как что-то, точно продолжающее наши османские опусы.

Вращающийся Мавзолей вполне интересен своеобразной организацией пространства, узорами и своей чисто-суровой общей формой.

Гробница Zeysel Abidin, к сожалению, закрыта для посещения и мы смогли только посмотреть в окошко и узреть там, собственно, символический гроб, а также — роспись в союзе растения, геометрии и Буквы... Понять, живёт ли там Нектар, не удалось.

Кейсери оставил довольно чистое ощущение, но он, нами узрелся, скорее, как Город при Горе...

Едем в аэропорт. Не верится, что время сегодня завито в арабеску второго января: всё звенит хорал сентября или, максимум, октября. Спонтанно возникает идея заехать к Гробнице Ахи Эврана, ведь мы и так зацепляем по окружной Кыршехир.

Сказано — сделано.

Бывший Град Розы пуст. Все расфасованы по домам. Пустынно. Умыто. Чисто.

Идём к Мавзолею, к нашему счастью он открыт.

Там затаённо и приглушён свет. В Мечети находится только один человек, в самом Мавзолее — вообще никого.

Заходим.

Будто ныряешь в Озеро.

Словно попал внутрь прозрачного Алмаза.

Насыщенная Равномерность. Гнозис тотален.

Чело и межбровье мягко возгораются. Кажется, словно тело висит в неких ножнах вибрации данного Кутба и потому ещё невесомее, чем есть.

Удивительный, сине-голубой узор Ахи Эврана.

Спящая, у его ног, ядовитая Змея.

Данный Пилигримаж обрёл красивую структуру своей суфийской составляющей одухотворенного сюжета: Хаджи Байрам, Бекташи, неизвестные великие Кейсери, и Ахи Эвран. Некий выраженный Треугольник.

Перелёт, внешним образом, проходит без проблем, однако, внутренне, почему-то ощущается довольно тяжёлым. Тяжёлая работа по перевариванию чего-то нечеловеческого: высоты, скорости, контакта с невозможными ранее (до эпохи полётов) духами и их композициями...

Странное дело.

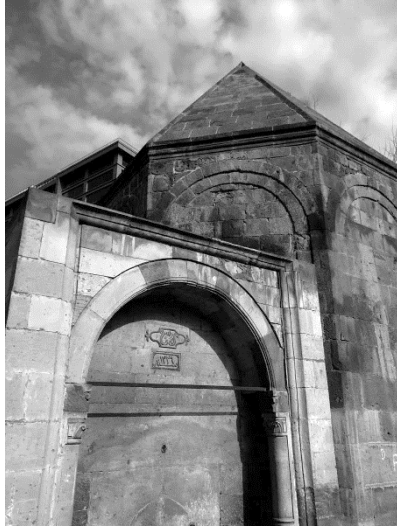
Мы прилетели в Анкару. Хаджи Байрам. День первый.

Второй: Бекташи и заселение в Гёреме.

На третий — разделение: я опять Бекташи, спутники — Долина Земи.

Четвёртый: Большой кольцевой поход по Долинам и Новый год.

Первый день Нового года и пятый Пилигримажа — Долина Кинжалов.

Шестой, завершающий: Кейсери и Ахи Эвран...
Прожита целая жизнь. Долгая жизнь.
И — одновременно всё весьма скоротечно.
Самолёт уже приземлился.
Едем из аэропорта. Почему-то вспоминается Первое Камино
де Сантьяго. Всего чуть более двух лет назад.

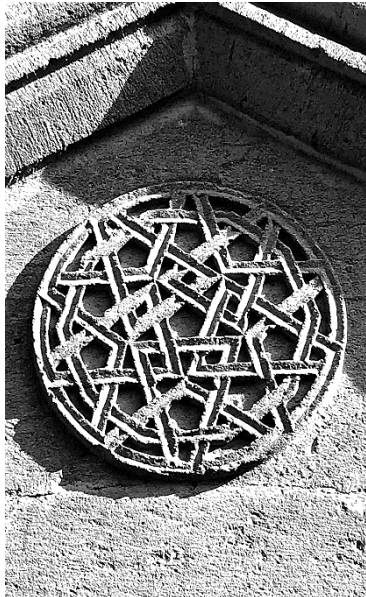
Шаг за шаг.
Идти...

В неизвестность.
С Посохом Гнозиса и в Одиночестве.

Ещё один урок дарован.
Ещё один урок прожит.

Таков Опус Пилигрима. Между Небом и Землёй. Отсюда — и
навсегда.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

Часть 2

Лазурные

купола

Узбекистана

1) ТАШКЕНТСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ.

Наступил, Новый, 2021 год. С ситуацией Карантина ничего не изменилось в лучшую сторону и это тотальное издевательство продолжилось.

Мы собирались после Турецких скитаний взять курс на Хорасан в частности, и Иран вообще, как бы свершая переход по исконному суфийскому следу. Был составлен маршрут и всё собрано для начала. Однако, уже в первых числах января стало ясно: Иран закрыт. Мечети и Гробницы Суфиев недоступны и потому, там делать нечего. К сожалению, великая Страна Зороастра и Шиизма так и не впустила нас.

Карантинные меры в нашей стране и в интересующих нас государствах, всё более напоминали некую чехарду абсурда. Из доступных направлений, имея в виду нереализованные иранские намерения, мы сосредоточились на Узбекистане.

Узбекистан — некий перекрёсток миров и сакральностей, вобравший в себя мощнейший персидский след, Зороастризм, Христианство, конечно, Ислам и, что самое удивительное, Буддизм.

Самарканд, Бухара, Хива — эти названия проявились искусным разноцветьем иранских узоров и форм, Гробницы важнейших суфийских Кутбов...

Однако, ясность условий нормального попадания в Узбекистан, в связи с идиотскими издевательствами Карантина, так и не появилась.

И вот, полная авантюра: есть билеты на самолёт только до Ташкента, мы ещё не уверены, что нас впустят в страну, всё будет решаться по обстоятельствам...

Сдаём анализы на наличие вируса, всё нормально и это значит, мы летим.

Летим, как никогда в плавающую и неопределённую ситуацию. Летим на Восток.

Симметрично вспоминается наш крайний Запад. Тысячу дней назад, три года тому: прямой перелёт в Лиссабон. Сейчас — так же стрелообразно, в Ташкент.

С 2016 года мы раз за разом, Божьим Провидением, совершали Пилигримажи на Запад. Туда, в сторону Белой Атлантики. По направлению утраты иллюзий.

Карантин перевернул мир, изменил он и наши векторы: сначала — Хорватия, потом — южнее и восточнее, Турция, и вот, сейчас, значительно восточнее — Узбекистан...

Странное ощущение.

Наш Вечный Сентябрь распростёрт к заинтересованным таким Гнозисом, через ряд Каналов на ютуб и в соцсети «телеграм», через них, порою, на связь выходят люди.

Несколько месяцев назад с нами связался человек, принадлежащий к Ордену Тамплиеров (судя по всему, к его португальской ветви), проживающий в США. Мы затеяли переписку, судя по всему, проникшись взаимной симпатией.

И вот, за пару дней до отлёта, сей Икс прислал текст некоего послания Великого Мастера Ордена в Америке. С его разрешения, приведу сие как цитату:

«От GM

В период как сейчас вы можете неохотно включать новости, или заходить в социальные сети, или даже общаться с людьми, придерживающимися другого мнения, чем вы... Однако знайте, что ваша эмоциональная тревога на самом деле является продуктом того, что вы привязаны к своему эго, и вы ошибочно полагаете, что эти эмоции и связанные с ними мысли и есть вы. Однако это не вы! Ваше эго — это вычное животное, которое вы должны оседлать, контролировать и брать с собой в лучшие места для посещения! Если вы боитесь или ликуете по поводу того, что делают другие люди, то это потому, что вы привязали к этим вещам свое эго... но, опять же, это не вы! Сосредоточьтесь и наблюдайте за ними, не чувствуя угрозы или раздражения. Смотрите, не позволяя ему контролировать вас. Выйдите из потока и посмотрите, как меняется ваша точка зрения, и насколько вы становитесь менее возбужденными (triggered) и чрезмерно реагирующим. Находясь в этом состоянии покоя, вы можете создать более мирные позиции в своем мире. Быть местом, откуда качается маятник, а не самим маятником. Вас волнует то, что происходит

вокруг, и это говорит о вас больше, чем о том, что происходит вокруг. Обретите спокойствие. Именно в этом месте тишины обитают семена трансмутации. Испытайте себя и выслушайте варианты, которые отличаются от ваших собственных, не опасаясь их. Испытайте себя, прислушиваясь к мнениям, с которыми вы чувствуете себя в безопасности, не испытывая при этом возбуждения или гордости. То, кем вы являетесь на самом деле, выходит за рамки игр, в которые играют в этом мире. Не забывай об этом. Те, кто хочет, чтобы вы были взволнованы или напуганы, хотят, чтобы вы были в этом состоянии чтобы управлять вами. Единственный контроль, на котором вы должны сосредоточиться, — это самоконтроль. Остальные — это игры, созданные другими и предназначенные для того, чтобы вы могли передать свою силу этим другим. Будьте спокойны (be still). Продолжайте движение как выражение своей внутренней совести и смотрите, как меняется мир вокруг вас!

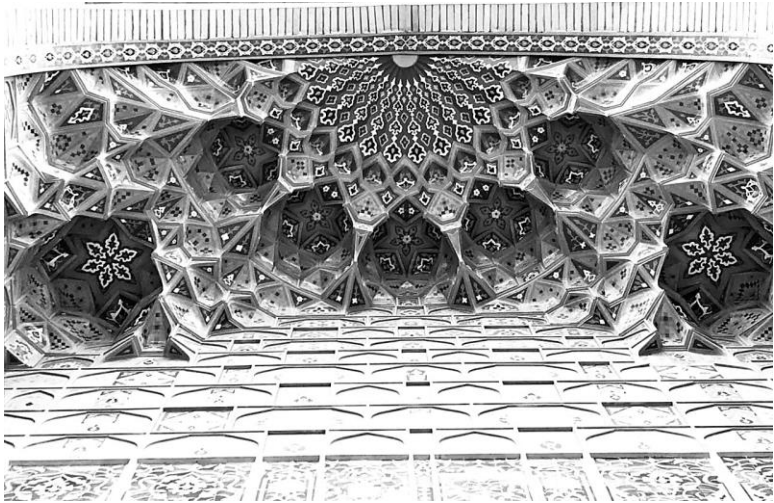
nōn nōbīs, Domine, nōn nōbīs».

Это Воззвание, с нашей точки зрения, как раз и передано в Западной специфике, подводящей к Востоку.

Итак, мы направляемся в Узбекистан. Сложную и комплексную страну. Конечно, в первую очередь, это Ислам. Но и Он бывает очень разным. Как минимум, при первом созерцании, нужно выделить Линию Батин (Сокрытого) и Захир (Внешнего).

Захир подразумевает тотальность и окончательность разрыва Аллаха и твари, полную и окончательную пропасть меж ними. Верный должен конкретно, чётко и буквально соблюдать Шариат, не ожидая никакого контакта с Богом. Всецелость Смерти и есть для него Реальность, даже — окончательная Реальность и Знак Аллаха. Всецелое подчинение, Покорность, без попытки понять (ибо Бога понять невозможно в принципе). Так захириты трактуют Принцип Единобожия и поиск любого промежутка, любого истолкования или Мистического Опыта они опознают как ширк, главный грех для мусульман, — многобожие. В данном контексте не может быть и речи о любого рода пневматологии, каком-либо Учении об Энергиях Божества, включая, Христианскую Пресвятую Троицу...

Захириты — люди плоскостей, со всех сторон завёрнутые в плащ, или, точнее, саван, абсолютной Смерти.

Захириты не признают самой возможности Лабиринта, Мира-как-Тайны, а значит — нет никакого Пути к Богу (Тариката). Для них оперативен ультрамонотеизм, практически переходящий в нигилистическую апофатику со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Батиниты — противоположность захиритов, они видят Путь, распознают Лабиринт и возможность восхождения к Аллаху. В их Воззрении проявляется учение катафатических ступеней к Богу; действительно, батиниты имеют определенный риск сорваться в катафатическую прелесть и придать Богу сотоварищей. Однако, их видение Тавхида, Единобожия, подразумевает тотальность входа в Бога, экстремумом которого явлены судьбы Аль-Халладжа, Сухраварди и подобных им...

Батиниты, это всевозможные Суфии, различные представители Шиизма; условно говоря, к захиритам можно отнести Суннитов...

Конечно, Квадратуру Круга Бинера Батин—Захир каждый оператор решает сам, на свой риск.

Принцип Света, ряд принципов различных Каскадов Света, а ещё точнее, Звуко-Света, можно узреть как Небесную Лестницу батинитов. В этом угле взгляда становится понятна возможность взаимообмена между различными Учениями, связанными с Мистосом Света: Зороастризмом, Герметизмом, Гностицизмом, Христианством, Буддистской Тантрой, Тенгрианством и, даже, Даосизмом...

Понятно, что то, что захириты однозначно определяют как ширк, Гнозис иных Учений, батиниты могут распознать как уникальный Опыт, который вполне можно принять к сведению и в своём Опусе. И здесь открывается огромная возможность взаимовлияния и обменов Знанием.

Ясно и то, что Наш Вечный Сентябрь — направление, весьма удалённое от любых настроев захиритов, пожалуй, кроме их возвышенного Отчаяния: такому модусу настроений может соответствовать Гнозис Чёрной и Синей Роз...

Знание Золотой и Изумрудной Роз могут быть опознаны только в контексте батинизма.

Собственно, согласно предварительному исследованию, Узбекистан-духа, имея в виду все разновидности бытовавших здесь

Учений и, особенно широко распространённый Суфизм, больше пропитан исламским батинизмом. По сравнению с Ираном, Узбекистан звучит существенно иначе, по нашему мнению, именно из-за почти семисот лет Буддизма в Бактрии и Согдиане. На сейчас в Узбекистане раскопаны свыше двадцати памятников (в том числе, Монастырей), связанных конкретно с Буддизмом.

В Измерении Вечного Сентября есть некий Символ «Двух Всадников» — Букв «V. S.».

Он весьма интересен и являет собою созерцание Священного Перекрёстка.

«V.» сама в себе содержит бинер двух типов Учений: её единое острие намекает на Учения Единства; раздвоенная вилка — на строгий Зороастризм в бескомпромиссной дуальности Света и Тьмы. Извив Растительной Силы, «S.», представляет Волну аристотелианства и дионисийства, некий Малый Перекрёсток. В общем смысле, первая Буква манифестирует полюса Духа, вторая — Жизненность, как таковую.

Великая Недвойственность выходит за рамки концепций и потому она подразумевает аспект Энергии, её представляют две эти литеры, как бы идущие насквозь друг друга.

Перелёт в Ташкент довольно долгий, 4,5 часа. Самолёт набирает высоту, немного поскрипывая в морозном воздухе, отрывается от земли и все насельники дюралюминиевого крылатого змея попадают в высотно-скоростную тотальность. Вибрация соединяет всех нас своей монотонностью.

Ощущается скорость.

Ощущается высота.

Огонь крови приливает к вершине и обретается состояние Пылающего Шлема. Если его определённо расслабить и тинктурировать, быть может, эта почти патология состояния здоровья, превратится в конфигурацию Знания.

Дабы совершить сие, в том числе, наслаждаюсь чтением книги С. Х. Насра о трёх значимых Философах Ислама. Читаю с середины, ныряя в судьбу и Учение Ас-Сухраварди. Этот великий Адепт, по сути, был Кутбом Светоносного Батинизма, за что и казнили его в весьма юном возрасте, в 38 лет...

Созерцание Сушностного Востока, Ишрак, движение с материального и тёмного Запада, через срединный Запад, на Родину

— в Свет Светов Истинного Востока: вот суть Гнозиса Ас-Сухраварди.

Пусть всевозможность превратит наш перелёт на восток в Тарикат обретения такого Эссенциального Востока.

Прозрачность и Свет, наверное так можно обобщить Знание Ишрака, — точнее — степени Прозрачности и ступени Света...

Интересно прислушиваться к нарастанию ощущения Востока: будто всё более попадаешь в золотой расплав; словно, завеса за завесой убираются покрывала, становясь всё более равномерным жидким огнём определённого тембра и высоты звучания; кости млеют от специфики восточной печи...

Восток.

Наш Запад, это не Запад Ишрака. У них иная точка отсчёта: Световой Расплав. Видимо, Сухраварди находился прямо там, оттуда и созерцал, — это двенадцатый век.

Мы живём в двадцать первом...

Запад, для нас — не материальная сгущённость, но есть направление Свежего Освобождения, вектор снятия иллюзий и Великого Облегчения. Идя на Запад, эго сбрасывает покровы и напряжения; ради Северной ЦЕНТРАЛЬНОЙ Чистоты.

В созерцании Вечного Сентября, скорее всего, Западу Ишрака соответствует Юг, «обитель Зла». Получаем интересную равнодействующую: Юго-Запад, эссенция мутной тьмы.

Как в Ишрак Западу противостоит Восток, так в V. S. Юго-Западу альтернативен Северо-Запад, как вектор Первого Начала... только после данного Опуса идёт выход на Восток, в Измерение Славного Умножения.

Самолёт, наконец, прилетает. Длительный перелёт завершён. Выходим. И начинается: ещё раз тест. Если находят вирус — по факту, 14 суток ареста. За нарушение, по местным законам, уголовная ответственность.

Народу море, все толпятся друг у друга на голове, тесты забираются из каких-то будок, расставленных по аэропорту. Словом, полный бред и идиотизм.

За пару часов проходим всё это. Вирус не обнаружен, мы в стране, Ташкент и Узбекистан открыты.

Вход во Врата состоялся.

2) ВЕЧНЫЙ АПРЕЛЬ ТАШКЕНТА.

И вот, из минус двадцати киевских морозов, мы нырнули на Восток, в плюс пятнадцать. Ощущение — расцветающего цветка апреля.

Заселяемся в огромную, советскую ещё, квартиру с необычно высокими потолками. В доме ковры, кровати и кресла: много свободного пространства. Оно так приковёрно-площадно, что хочется садиться большим Кланом на этот самый ковёр, пить Вино и сотворять Ритуал. Или: тренироваться, совершая множество валяний и кувырков. Либо: просто лежать. Некое созвучие привольному лугу.

Перелёт был сложным, тела прошли своеобразную энергетическую мясорубку, потому, улёгшись спать только около восьми утра, просыпаемся к тринадцати.

Ныряем в Ташкент.

Странное чувство: постсоветское наполнение... привкус Ислама... восток и его дети... вообще непонятная речь также неясно для нас истекающая в письмо русскими буквами. Базар. Строительный мусор. Большие парки. Южная истома... Весенняя интонация... Другая архитектура Ислама.

Медресе Кукельдаш расположено совсем рядом и мы направляемся туда. Особой новой радостью распознаётся ещё не знаемый код сочетания формы и цвета; видно — здесь сфера персидских влияний. Эта эстетика, хотя и тоже мусульманская, однако содержит иное, чем, например, Османское зодчество, наполнение. Всё более тонко, больше внимания уделено узорам Света и Огня, чувствуется, что тюркская Формула более чисто Воинская, экспансивная и менее склонная к тончайшим интонациям звездных цветков; более, в целом, Мужская. Она идёт к Священной Андрогинности от Триумфально Воинского элемента.

Здесь же, скорее, Трансцендентная Женственность исконной Фраватри... подход к Андрогинату от сбалансированности, связанной в мусульманском Мифосе, скорее всего, с Фатимой. И, конечно, с Тайной Али...

Батин есть исток мифо-поэтического элемента, ибо, по определению, Сокрытое, связано с метафорой, которую категорически отрицает захир. Можно сказать, даже, агрессивно отрицает, воспринимая как некое отвлечение от сути Трансцендентного Предстояния вне каких-либо ожиданий ответа.

Согласимся: захир, по-своему великолепен в абсолютности Тотального Плаща Смерти и в своём всецелом шахадате. Он содержит, уж точно, не приторный ингредиент. Впрочем, сия не-приторность вполне может стать холодным ланцетом нигилизма и не будет уже никакого места Узорам и Цветам, не будет Убранства, а только — строгий металл содержательного ящика.

Ташкент дарует впечатление не-захира. Он не строг. Он — по-восточному растёкся, согрелся и прогрелся, расслабился. Он присутствует теплом жёлтого цветка на лугу сине-голубой травы...

После Медресе направляемся к Мавзолеям Суфиев. Может, не только, собственно, Суфиев; но сам принцип Гробницы, Священного Присутствия (барака, силсилла) и Паломничества к таким местам (зиярат) подразумевает совершение всех этих действий в контексте батин. И, потому, вполне созвучен и Вину Суфизма, и Зороастризму, имплицитно вошедшему в самые различные Учения Шиитов... созвучен он и (как ни странно) Буддистской Тантре...

Итак, мы идём к Комплексу Мавзолея Шейхантаур.

Вот описание данного места, взятое из одного местного туристического ресурса, которое цитирует, аккуратно так, соответствующие представления археологов и историков на данную тему. Естественно, как Вы и догадались, оно написано всецело в духе захир.

Приводим текст почти полностью, позволяя себе в таких /.../ скобках давать наши комментарии, хотя бы подводящие к батин. То есть, ситуация Двери и Ключа:

«На переднем плане располагается мавзолей известного Шейха Ховенди ат Тахура, в котором чудом уцелел окаменевший много веков назад ствол Сауры Искандера. Это единственное, что осталось от священной рощи, которую так любил в дни своей

жизни Шейхантаур. Он завещал похоронить себя именно в ней. Шейх — покровитель Ташкента. Благодарные жители исполнили последнюю волю «мудрейшего из мудрейших» и похоронили Шейхантаура среди саура.

Рядом с усыпальницей возникали новые захоронения местной аристократии и уважаемых людей общины. Комплекс вместе с городским районом получил название Шейхантаур /весьма примечательно, что данное место ещё до Александра Великого, определённым образом было связано с Зороастризмом вообще, аспектами Воды и Огня, в частности/. Помимо мавзолея Ховенди ат Тахура, уцелели усыпальницы Калдиргочбия и Юнус-хана. Когда-то здесь было 16 объектов, но сохранилось только три. Они относятся к древним сооружениям. Мавзолей Шейхантаура — древнейшее здание города /то есть — эссенция Столицы Узбекистана и потому, один из ключей к нему/.

На могиле Ховенди ат Тахура высечены даты рождения и смерти — 1279—1355. В год кончины Шейхантаура эмиру Тимуру (Тамерлану) было только 19 лет. Но именно он, став в 1370 году эмиром и получив власть в Мавераннахре, начал грандиозное строительство мавзолеев на территории современного Узбекистана. Комплекс Шейхантаур получил известность не в последнюю очередь благодаря Тимуру.

По легенде эмир Тимур, спасаясь от боли в ноге, пришел в рощу к живому источнику, где был похоронен Шейхантаур. Получив желанное освобождение от страданий, он велел построить над могилой шейха мавзолей. В 1362 году в одном из сражений Тимур действительно пострадал, получив тяжёлое ранение правой ноги /Сражающийся Царь/. Боли от ран мучили воителя всю жизнь, вызвали хромоту и стали основанием к появлению у эмира прозвища «Тимур Хромой». Также Тимур высоко чтит суфийские традиции ислама и их шейхов /Воин, в аспекте Энергии, всегда склонен к выстраиванию структур батин/. Особенным покровительством пользовались последователи Ахмеда Яссави, умершего задолго до этих событий еще в 1167 году. Именно они сыграли основную роль в утверждении ислама в тюркско-монгольской среде. Учение яссави /батин/ и его традиции стали той фор-

мой ислама, которую приняла монголо-тюркская элита Мавераннахра, сформировавшаяся после вторжения Чингисхана на эту территорию в 1220 году.

Вера Шейхантаур также относилась к яссавийской традиции. Хотя могила шейха ат Тахура являлась предметом поклонения до строительства мавзолея, возведение монументального сооружения послужило началом к созданию архитектурного комплекса, где центром является мавзолей Шейхантаур /Операция Коагуляции/.

По возвращении в Ташкент после странствий ат Тахур селится у источника в роще саура. По легенде место посещал Александр Македонский /очень важно: Александр Великий входит в «Девять Достойных» Рыцарства и потому, данное место — одно из ключевых для всей Рыцарской Традиции/, которого называли Искандер Двурогий. Александр отдыхал около ключа с «живой водой», разбрызгивал ее на землю из двурогого шлема, после чего на увлажненной им земле выросли деревья — Сауры Искандера /это, исключительно важная и энигматичная метафора в том числе: Александр, вернувший Античному миру после беды Троянской Войны, Богов; ученик Аристотеля (внук Платона); Живая Вода, связанная с местом; Двурогий Шлем (бинер и отсыл к сути Зороастризма); Древо Жизни-Древо Знания, выросшее из всего этого и Суфизм, как плод и продолжение данной Линии (ещё и — так связанный с Рыцарством).../.

Шейхантаур провел свои последние годы у источника, где и был похоронен. Самая ранняя постройка ансамбля — мавзолей Шейхантаура. К концу 19 века здесь стояли мечети, минареты, помещения для затворничества, паломников и другие объекты. В 1924 году кладбище Шейхантаур закрывается, большинство зданий сносится, полностью вырубаются все окаменевшие сауры. Этим занималась созданная в 1925 общественная организация «Союз Воинствующих Безбожников» /вот он, агрессивный отряд Кибелы, заметьте, отчасти связанный с определённым вектором в Еврействе/, руководил которой Миней Израилевич Губельман (больше известный под революционным псевдонимом как Емельян Михайлович Ярославский). В 1943 он умирает, а в 1947 прекратил свое существование и сам союз воинствующих.

В апреле 1966 на Ташкент обрушилось землетрясение /некая симметрия к Лиссабонской Трагедии/. Оставшиеся на территории

Шейхантаура мавзолеи и немногочисленные здания сильно пострадали. В новом проекте города для памятников места не нашлось. Все постройки Шейхантаура предполагалось снести — хотели сохранить только мавзолей Юнус-хана. План так и не утвердили, и исторические памятники Шейхантаура уцелели /помешала сила Линии Передачи (силсиллы)/.

Мавзолей Шейха Ховенди ат-Тахура.

Шейхантаур — дальний потомок сподвижника Пророка Мухаммеда, Омара. Его отец пришел из Аравии. Сам же Ховенди ат-Тахур принял суфийское посвящение дервишей в Яссы, где почиталось учение основателя братства Ходжи Ахмеда Яссави /опять же, речь о Линиях Передачи и это исключительно важно/. Мавзолей, построенный для шейха Ховенди ат-Тахура, скромнен. Стиль здания полностью отражает достойную жизнь Шейхантаура. Стоит оно из двух помещений: в одном — надгробие Шейхантаура, в меньшем — еще два погребения (могилы жены и сына шейха).

Мавзолей Калдиргочбий /находится напротив/.

Толе би Алибекулы (Калдиргочбий) — по происхождению казах. Был проповедником, судьей и уважаемым горожанином, а в течение шести лет (1743—1749) управлял Ташкентом. В 1723 году джунгары атаковали и разорили Ташкент, наложив на город дань. Завоеватели уничтожали мусульманские святыни, пытались насадить буддизм на захваченной территории.

Спротивление возглавлял Толе би Алибекулы. Как гласит легенда, когда вражеские войска двигались на Ташкент, а люди покидали город, Толе би не оставил свой дом. Галдан Цэрэн, возглавлявший джунгарский поход, отдал приказ привезти его к себе. На вопрос, почему он не убегает, Толе би ответил, что не стал разбирать свою юрту, чтобы сохранить ласточкино гнездо с птенцами /сие, также намёк в духе батин/. Завоеватель был поражен ответом и пощадил судью. После Толе би стали называть Калдиргочбий — «хозяин Ласточка». После ухода врага Толе би назначили правителем Ташкента. Толе би Алибекулы похоронен в 1756 году (дожив до 93 лет) с большими почестями в мавзолее, построенном в 15 веке задолго до кончины. По мнению ученых, в комплексе не редки более ранние захоронения».

(Источник: <https://centralasia.club/uzbekistan/tashkent/arhitekturnyj-kompleks-shejhantaur>).

Озеро.

Озеро Покоя и Тонкости.

Здесь время замерло, а свежесть момента, вопреки всем толкованиям Десятого Аркана Таро, никак не спотыкается о совокупное неведение людей.

Входишь в первый Мавзолей: четкий ритм кирпичной кладки, простая, но строго-гностическая форма, и... невероятие сухого (скорее, даже, каменного) ствола огромного дерева, как-то почти висящего по неполной диагонали. Древо Александра Македонского, символическая Гробница Суфия и прозрачно успокоенная тишина.

Шлем Славы загорается сразу, здесь мощное и конкретное Присутствие.

Остаётся только мысленно шептать Воззвание и — затаённо-просветлённо Молчать.

Саур (окаменевший ствол которого находится прямо в Мавзолее) — это хвойное дерево местной породы, разновидность можжевельника. По легенде, это единственный саур из 48, посаженных в своё время Александром Македонским (батин-версия: $48=4+8=12$; например, главный Круг Суфийских Орденов как раз и состоит из Двенадцати...).

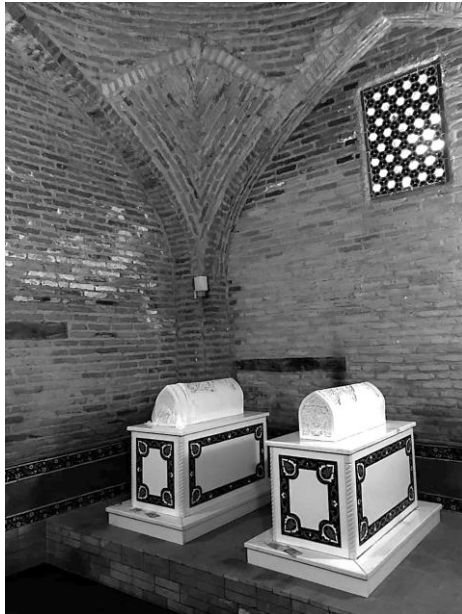
Легенда гласит так:

«... сойдя с могучего Буцефала, вороного коня с белым пятном на лбу, Александр Македонский спустился в сардобу, где бил из-под земли священный источник «вечной жизни» — Зем-Зем. Зачерпнув из источника воду своим двурогим шлемом, он медленно ступал по святой земле, делая неспешные глотки. Из кончиков золотых рогов шлема по обе стороны падали на Шашскую землю серебряные капли Зем-Зема. В тех местах, где упали капли, люди, обожествлявшие «царя царей» Александра Великого, посадили деревья породы саур (тюр. савр). Так на этом веками намоленном месте появилась целая аллея саур».

(Источник: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Саур_Искандера).

Читая сей отрывок, в контексте батин, обратите пристальное внимание на Серебро и Золото...

Исключительно интересно и то, что Шейх Ховенди ат-Тахур (похороненный в Мавзолее с Древом Александра Великого) был Учеником Ахмеда Яссави. Его же Гнозис распространил у осман Хаджи Бекташи, о котором мы довольно много и подробно писали ранее в связи с Османскими Пилигримажами.

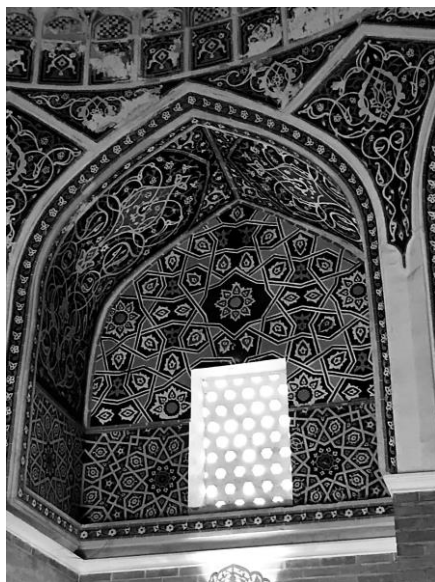
Поражает и то, что Учитель и Друг Руми, Тебризи, по некоторым сведениям был последователем Хаджи Бекташи...

Все составляют один Круг.

Империя Батин.

Возможно, в этом — и есть сокровенно точный смысл Ишрака...

Далее, под занавес светового дня, мы попадаем в комплекс Хазрет Имам. Но об этом — следующая глава.

3) ТАШКЕНТ И ЕГО КАФФАЛЬ ШАШИ.

*Я жилище своё лишил резных дверей.
Оно открыто днём и ночью для гостей.
Входи, садись, мой путник утомлённый.
Здесь все твое: и горечь, и елей.*

*Мудрец, кто трапезу со мною разделил,
Пусть не шербет, а уксус я ему налил.
Бобы отведал с благодарным благородством.
Гордец же — пусть не тратит своих сил.*

(Аль-Каффаль аш-Шаши, перевод: А. Иванюженко).

...Ближе к Закату мы попадаем в Измерение комплекса Хазрат Имам. Здесь — Мечеть, Медресе, музей и Мавзолей Каффалья Шаши.

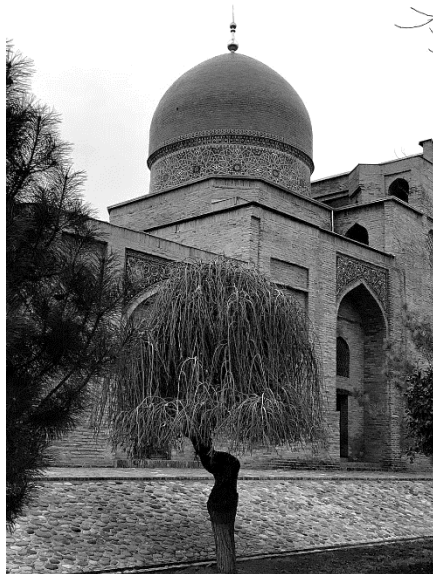
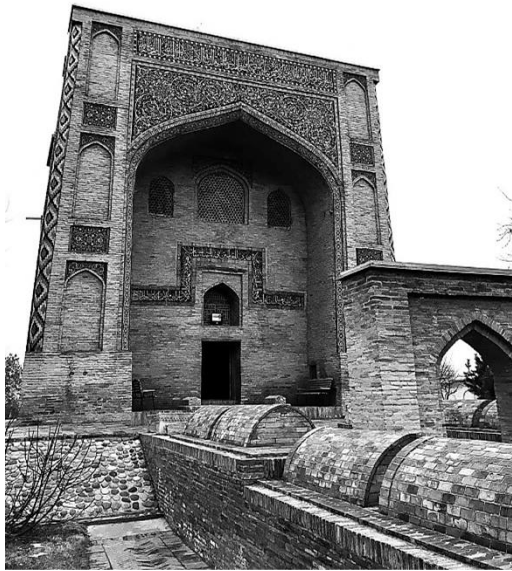
Всё занимает довольно большую территорию.

Минареты; своеобразные узбекские купола; мягкие и нежные орнаменты священных плетеров Света и Огня... местные зодчие прекрасно решили задачу гармонии довольно больших зданий и открытости мистерии Площади. В определённом смысле, они подошли вплотную к почти невозможному равновесию захир и батин.

Форма архитектурных сооружений достаточно женственна и, если бы она была решена в другом цветовом исполнении, вполне можно было бы узреть влияние Великой Матери. Однако, Кибела не любит освобождённый цвет Лазури. Она диссонансна Синеве. Голубая — не её барва... Орнаменты и цвета вытягивают расплав формы, окрашивают его и возносят: и сразу — в Никуда первого аккорда Шахады, и — в гирлянды множественных Стоянок Тариката.

Узор звёздчатый, растительный, порою — вперемешку и потому, ты созерцаешь Цветок, моргнул — а там уже Звезда. Глаза пьют Прозрачную Суть...

Ходим.
Окунаемся.

Пропускаем...

Заходим в Медресе, смотрим множество изделий местных мастеров. Великолепно.

И, уже почти уходя, на карте обнаруживается Мавзолей. Идём к нему. Сухая вознесённость всё в той же Барве Голубой Мечети Руми...

Внутри...

Темно.

Полумрак.

Символический Гроб Каффалья Шаши и, да, Присутствие. Несколько иное...

Иной и сам данный Кутб.

Оказывается, что данный Святой настолько связан с Ташкентом, настолько связан с Гнозисом Истины, что не привести большую цитату, описывающую его Опус, просто нельзя. В таких /.../ скобках, мы, крайне редко что-то прокомментируем в духе, возможно близком к батин...

Итак:

«Абу Бакр Мухаммад ибн Али ибн Исмаил Аль-Каффаль Аль-Кабир аш-Шаши жил на планете больше тысячи лет тому назад /оперативный отсчёт времени в рамках собственного опыта жизни, для обычного человека, что-то около 25 лет, поколения; получается, он жил 40 таких периодов назад; если так ОЩУТИТЬ, можно обрести весьма интересный опыт на данную тему.../. Но нет в современном Ташкенте человека, который бы не знал уважительного титула «Хазрати Имом» (Святой Имам), каким его нарекли горожане ещё в X веке. За десять прошедших веков на проглатывающем слоги ташкентском диалекте «Хазрати Имом» стало звучать как «Хаст-Имам» и даже «Хастимом».

Аль-Каффаль аш-Шаши родился в год 291 хиджры (903/904 г.) в городе Аш-Шаш /кстати, палиндром, и ещё, Три главные Буквы арабского Языка; здесь из них — последняя и первая.../ (современный Ташкент). Семья его отца, мастера Али, была набожной. Дедушку будущего светила мусульманской науки звали Исмаилом, по имени первенца пророка Ибрахима (Авраама). Отец был наречен в честь четвертого праведного халифа Али, сподвижника

пророка Мухаммада (САВ). Потому Абу Бакр при рождении и получил в качестве личного имени («алам») имя первого праведного халифа Абу Бакра, сподвижника Пророка.

Потом к имени добавится профессиональная приставка (лакаб) Каффаль — «Замочник», по ремеслу их семьи. Арабское слово «куфл» — преобразовалось в «кулф» и поныне живет в современном узбекском языке, сохранив свой смысл — «замок». Позже Абу Бакра станут называть по эпитету (нисбах) аш-Шаши («ташкентский») и за мудрую святость «Хазрати Имом» — «Святой Имам».

А спустя несколько веков в рукописях будут добавлять приставку аль-Кабир — «Старший», чтобы не путать с Аль-Каффаль Абу Бакр Абдалла ибн Ахмад аль-Марвази, также знатоком мусульманского права, который родился в Мерве 400 лет спустя и был тѣзкой ташкентского святого. Аль-Марвази станут именовать Аль-Каффаль Абу Бакр «Сагхир» — «Младший».

Так что сложное на первый взгляд имя читается просто — Абу Бакр Мухаммад «Старший», сын Али, внук Исмаила, мастер по замкам из Ташкента, отважный поэт, полиглот и автор многих книг по мусульманскому праву, которые переиздаются и в наши дни /как бы озвучена некая Формула/.

(...)

На средневековом Востоке образование считалось религиозной обязанностью и играло роль современных «социальных лифтов». В истории немало примеров того, как юноши из бедных семей, успешно закончив медресе, становились религиозными и культурными лидерами. Следуя хадису «Постигайте науки с колыбели и до исхода в могилу» большинство выпускников медресе продолжали индивидуальное обучение под руководством того или иного ученого. Как и в современной науке, в то время тоже была специализация по отраслям наук: кто-то шлифовал знания грамматики арабского языка, другой был знатоком мусульманского права. Совершенствуя свои знания, молодые люди, постигающие науку, переходили от одного ученого к другому. Это могло продолжаться десять лет и более.

(...)

Абу Бакр Мухаммад Каффаль Шаши, постигая науку, отправился продолжить своё образование в Хорасан /многие основные Суфии отсюда/, а затем и в центр науки мусульманского мира Багдад /центр захира в том числе.../. Абу-Бакр посетил священные города Мекку и Медину и завершил учебу в Дамаске. Среди

его учителей были знатоки хадисов и ученые в области мусульманского права имам Абу Бакр Ибн Хузайма и Абу-ль-Касим аль-Багави.

Современники свидетельствуют, что в средневековых медресе была развита интеллектуальная теоретическая подготовка. Глубоко изучались богословие, юриспруденция, предания о поступках и изречениях Пророка (хадисы), толкование Корана (тафсир), арабская грамматика и синтаксис, жизнеописание Пророка (сира), а также точные и прикладные науки. По всему исламскому миру распространилась передовая для того времени организация религиозно-светского обучения.

И прибыв в столицу халифата Багдад, Аль-Каффаль перенимает знания у имама Абу Джафара Мухаммада ибн Джарир ат-Табари (839—923 гг.), знаменитого исламского историка и богослова того времени, автора книги «Истории пророков и царей», тафсира Корана и трудов по исламскому законоведению. Ат-Табари прожил 84 года и умер в Багдаде, когда Аль Каффалью было 19 лет. Представьте теперь, в каком юном возрасте он покинул родной город!

(...)

Отдав многие годы совершенствованию знаний, Абу Бакр аль-Каффаль аш-Шаши становится одним из ведущих представителей правовой школы Шафиитского мазхаба, и приобретает широкую известность своей эрудицией во многих научных дисциплинах. Он завоёвывает непререкаемый авторитет благодаря знаниям в вопросах мусульманского права: соблюдении мусульманских ритуалов, морали и социального поведения.

(...)

Уроженец Ташкента Абу Бакр Мухаммад Каффаль Шаши был необыкновенным человеком. Великолепно образованный знаток священных книг и мусульманского права. Полиглот, владевший многими языками средневекового Востока. Автор целого ряда трудов, которые переиздаются и в наши дни. Однако расцвет мусульманского Ренессанса дал миру десятки учёных, сотни богословов и великое множество авторов книг. Почему же и свыше тысячу лет спустя профессора в Бостоне и Торонто читают о нём лекции, Каффалья цитируют в Греции, Ливане и Турции?

В литературной традиции того времени, в том числе и арабской, поэтические сражения и соперничество (Ніја) в периоды войн и вражды были неотъемлемой частью конфликтов и являлись эффективным психологическим оружием /так думает автор данной статьи, но можно сие узреть как Сражение Ритмов и Смыслов, то есть — Букв.../. Каффаль Шаши вошёл в историю как блестящий поэт-полемист /Тонкое побеждает Грубое/, ответивший на поэтический вызов могущественного главнокомандующего византийских войск Никифора.

Во времена domestик схола (главнокомандующего), а затем и императора Никифора II Фоки (912—969) Византия переживала рост, отвоевывая у арабов одну территорию за другой.

Разные источники и разные авторы с небольшими различиями так рассказывают об этом событии, которое произошло, по расчетам автора, в 950-е годы.

Времена и нравы тогда были суровые, но даже по тем временам Никифор выделялся особо. Он в возрасте 42 лет становится верховным главнокомандующим византийской армии (доместик схол), по влиянию уступая лишь императору.

Известна учинённая им ужасная резня в арабском городе Хандак 7 марта 961 года. Лев Диакон, современник описываемых событий, который отзывается о Никифоре в самом восторженном тоне, рассказывает о том, как Никифор приказал отрезать головы мертвых и часть, насадив на копья, выставить против стен, а остальные забрасывать камнеметами в город. Такие были нравы. Примерно в таком ключе была написана 71-строчная поэма, присланная из стана Никифора арабам. Антиисламская риторика и дух крестовых походов /насчёт Крестовых Походов — маловероятно, византийцы всегда были врагами Рыцарства, так что, мусульмане сражались с врагами и Рыцарского Запада.../ которыми пропитано это стихотворение, сделали его печально известным в Багдаде.

В послании перечисляются победы Никифора и его предков. Особо оскорбительна драматизация в послании захвата мусульманских женщин («благородные и роскошные дамы потомков вашего Пророка были захвачены и отданы нам без контрактов и приданого»). В послании византийский поэт клянётся, что христианские рыцари /Византия практически не имела отношения к Рыцарству/ будут продолжать свои нападения на мусульманские

земли, пока не покорят Египет, Аравию, Ирак, Персию и Йемен, завоюют Мекку и истребят мусульман с лица земли.

Далее идёт интересный ход. Византийский поэт не связывает напрямую христианские победы с истинностью их веры или с мужеством воинов. Он связывает поражение мусульман... с их изменой принципам ислама и называет в качестве причины моральную развращённость мусульманских правителей, за что и наказывает их Бог /зороастрийская идея Хварено/.

Известно, что при Никифоре был написан специальный трактат «О военных хитростях», в котором рекомендовалось перед началом военных действий засылать к арабам шпионов с письмами и подарками, чтобы тем самым разведать замыслы врагов, количество кавалерии и пехоты. Так что, скорее всего, посол, прибывший с поэмой в Багдад или в расположение войск (как описано у Суббахи), был опытным и дерзким шпионом, который взорвал в стане противника психологическую бомбу.

Все современники отмечают, что психологическая бомба сработала, повергнув Багдад в шок. И не нашлось среди придворных поэтов человека, способного достойно ответить на стихотворный выпад Византии. Задача была пугающая, поскольку византийцы, которым противостояли арабы, вступили тогда в период беспрецедентного военного возрождения, достигшего своего апогея с приходом к правлению Никифора Фоки.

Ас-Суббахи в своей книге «Табакат Аш-Шафийя» приводит рассказ имама Халими Абдулмалика сына Мухаммеда о том, что среди мусульман, сражавшихся с византийской армией, был исламский воин, которого звали имам Каффаль Мухаммед ибн Исмаил.

В те дни в стан халифского войска со стороны византийского военачальника и будущего императора Никифора пришло жёсткое, эмоциональное и оскорбительно острое стихотворное послание, направленное против религии ислама. Поэтическое послание полководца Никифора было пересыпано угрозами, издевательствами и богохульствами по отношению к мусульманам. Никифор добился своей цели — послание удручающе негативно повлияло на боевой дух армии мусульман, задев их до глубины души. Их обуяла печаль. В то время в составе мусульманского войска было несколько поэтов из Хорасана, Сирии и Ирака, но никто не взялся достойно ответить на стихотворение, которым были задеты чувства всех мусульман. Никто, кроме Каффалья, одинаково великолепно владевшего мечом и пером /интересное

Достоинство владения Медленным и Быстрым Огнём/, который написал ответную поэму и отослал её в Константинополь.

Наш земляк Абу Бакр аль-Каффаль Шаши потому вписал навсегда своё имя в историю, потому что отреагировал первым, написав стихотворный ответ из 74 строк.

Новости пришли ко мне о человеке, который в своей полемике

Показывает себя совершенно невоспитанным в искусстве слова.

Помпезно присваивает титулы, которыми не располагает

И приписывает себе великие дела, которых он никогда не совершал.

*Он называет себя чистым и хорошим христианином,
Хотя творит жестокости хуже любого безбожника.*

Правовед и поэт не только отказывает Никифору в праве утверждать, что он является «чистым» христианском монархом, но и подчеркивает, что тот не заслуживают того, чтобы считаться христианином вообще: из-за известной всем жестокости и отсутствия сострадания, за коварные и преступные действия, политику угнетения в отношении мусульман на границе с Византией.

В то время как мы проявляем милосердие, выигрывая сражения и войны годами,

Вы являете бесчеловечность, побеждая в одном бою одного дня.

Знарок мусульманского права Аль-Каффаль в своей ответной поэме парадоксально соглашается со словами критики поэта Никифора мусульманской коррупции и говорит, что византийцы одержали ряд побед не потому, что их вера лучше, и не потому, что они в военном деле выше. Это Господь избрал их, чтобы предупредить мусульман о наказании за отступление от мусульманских ценностей.

Вы одержали победу благодаря несправедливым действиям наших лидеров.

В самом деле, что это именно то, что вы сказали,

И это служит ещё одним доказательством точности нашей веры:

*Когда мы преступаем закон нашей веры,
От нас отворачивается удача.*

Некоторое время спустя случилось так, пишет Суббахи, что волей случая Абдулмалик попал в плен к византийцам. Было удивительно, что к нему пришли византийские поэты, которые прочитали стихи Каффала. Они расспрашивали пленника (!) Абдулмалика о Каффале. Поэты Константинополя были очень удивлены, сказав: «Мы и не знали, что среди мусульман есть такой великий поэт, процитировав стихи Каффала, в которых говорится о щедрости и скромности».

История по-разному определила судьбы императора и поэта.

Никифор II Фока прожил пятьдесят семь лет. Императором он пробыл шесть лет и четыре месяца. Никифор за время правления так настроил против себя всех в столице: и синклит, и церковь, и население, что, по словам упоминавшегося выше Льва Диакона, был убит ночью самым жестоким образом своими же приближенными, и его обезглавленное тело целый день лежало на снегу под открытым небом /типичная византийская тема/.

Поэт Каффаль Шаши вскоре вернулся в Ташкент, где встретил благородную старость.

*Я двери свои не замкну на засов,
С гостями я пищей делиться готов.
Отдам гостю все, что есть в доме моём,
Пусть это лишь уксус и горстка бобов.
Смиренно служа благородным душой,
Пройду равнодушно лишь мимо глупцов.*

Самыми высокими эпитетами награждали аш-Шаши множество авторов.

Аль-Имам Абу аль-Хак аш-Ширази: «Он был великим Имамом, создавшим много великих произведений».

Аль-Халими: «Наш шейх аль-Каффаль был самым знающим из ученых своего времени, которых я встречал».

Ибн ас-Салах: «Он был одним из самых знающих имамов Шафиитской школы, который поднял знания школы на новый уровень».

Имам ан-Навави: «Аш-Шаши освоил всё — тафсир, хадисы, усул (рациональные основания мусульманской юриспруденции), калам (рационалистическая теология) и науки».

Хахим Абу Абдаллах ибн аль-Байи: «Он был самым сведущим человеком своей эпохи».

(...)

Есть ещё предание о том, как Абу-Бакр Каффаль Шаши, которому современники приписывают владение 72 языками /одно из классических Чисел Ангелов, указание на прохождение Тариката во всех аспектах и степенях/, перевел с иврита на арабский язык священную книгу иудеев Тору и за это ими были освобождены из плена десять тысяч мусульман. И когда халиф спросил Каффалья: «Какую награду желаешь за столь великое деяние?», тот ответил: «Прошу вас выделить правителю моего родного Шаша средства на строительство оросительных каналов города». Халиф немедленно повелел выдать хокиму Шаша 160 тысяч таньга, на которые были наняты работники, которые провели сквозь город целую сеть оросительных арыков».

(Источник:

<https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/tashkent/kaffal-shashi.htm>, автор — Бахтиёр Насимов, «Каффаль Шаши — святой покровитель Ташкента»).

На этом, вполне можно завершить описание дня первого.

Вот только: биографии Святых и легенды о них сообщаются не ради удовлетворения досужего любопытства или черствого нигилизма научного познания.

— Для установления Точек Сопряжения с Линией Передачи.

4) ПАРИЖ В ТАШКЕНТЕ.

Всё-таки, странное дело знаки. Советская просторная квартира, седьмой этаж. Узбекские ковры, минимум обстановки. Некий штрих: в одной из четырёх комнат висит четыре картины, они неплохо выполнены, с определённым минорно-освобождённым чувством: на всех изображён Париж.

Родной и любимый Париж...

На одной из картин — ещё совершенно целый, в своей полной славе, Нотр-Дам.

2016 год.

Апрель.

Тогда началась серия Пилигримажей Вечного Сентября. И первый Храм в который мы пришли, в котором был свершён Ритуал Трёх Проходов — Нотр-Дам-де-Пари...

Примечательное совпадение: Нотр-Дам, Ташкент, картина на стене.

Тона — нейтральные, смещённые к минору...

Второй день.

Вчера на ночь обрушился дождь. Он низвергался с небес какой-то свершённостью определенных не этими звёздами, судеб. Вода и ветер...

Утро разметало крылья мороза. Выпал снег. Всё обнялось Белизною, subtilно предалось Воздуху и было вознесено лёгкостью пера Птицы Рух в сталь небес. Отдано Зульфикару слоёв, когда-то совершённого, всегда совершаемого, Мираджа.

Собственно, Мирадж и есть икона Тариката; Стоянки Пути в виде Ярусов Небес.

Почему-то распознается наверняка: только-что-выпавший-снег связан с Мираджем. Он отрывает и открывает готовые души, проявляя особую киблу: она Сферична, куда не направь своё лицо, она повсюду.

Таков Тавхид, тотальность Единобожия.

Снег не просто выпал.

Он продолжает свой нисходящий танец исконной Чистоты и сейчас.

5) ТАШКЕНТ — НЕ ТОЛЬКО ЖАРА: СНЕГ...

Суфизм...

Батин...

Невозможно объять необъятное. Но можно, во-первых, попытаться это сделать, во-вторых, продолжать это делать.

И, вдохновляться...

Вкушать Вино Гнозиса. Не напрягаться, что что-то пройдёт мимо, не быть эгоистически жадным до Силы Знания, но и — любить Гнозис всегда и везде. И — при первой возможности...

День второй. Снег. Всё засыпано снегом. Время от времени, снег продолжает мелкой белизной дрожать на фоне убранства фасадов Мечетей. Неожиданно: ещё вчера здесь разлился Восточный Вечный Апрель, щедрый и томный, а сегодня пришёл хозяином Север.

Это радует.

Восторгает.

Белой вознесённостью.

Ташкент, почему-то, нам сразу как-то понравился. Если Стамбул категорически не зашёл, то тут ситуация диаметрально противоположная.

Итак: Царство Снега. Да ещё и в жарком Ташкенте, название которого стало нарицательным для плюсовых температурных эксцессов.

С утра (ближе к обеду) едем в ещё одну местную Святыню: 15 км от города, в Мавзолей Зангиата.

Сегодня пятница, день оперативного акцента Уммы, потому, народу очень много. Идёт намаз. Мы (поскольку невозможно пока попасть в Мавзолей), под мелкими и частыми уколами снежинок, направляемся в Гробницу Жены данного Великого Суфия. Проходим по убелённым тропинкам достаточно большого местного кладбища.

Вот оно, Погребение.

Внутрь зайти нельзя. Падает шуршащий снег. Он акцентирует тему расставания навсегда. Просто заглядываем в чрево Мавзолея...

Ловится едва слышная нота разочарованной Белизны, наверное, такова Суть освобождённой истинной Женственности: лёгкая Чистая Сестра и шаль из светлой грусти.

Опять бродим под снегом...

Идём перекусить, меняем доллары на местные деньги, банк напротив паломнического центра. Карантин у них суровый только на влёте в страну, дальше — всё весьма своеобразно: хочешь — носи маску, а не хочешь — не носи. В солидном банке тоже. Часть персонажей в намордниках, часть — нет. Никто и слова не говорит, касательно нашего игнора на тему карантинных мер. Всё как будто так и нужно: живи в той реальности, в которой хочешь.

Разменяв одну кровь Сатаны на другую её разновидность, пообедав шурпой и гречкой, идём в Мавзолей, который уже стал доступен.

Вот цитата на данную тему из прекрасного узбекского ресурса:

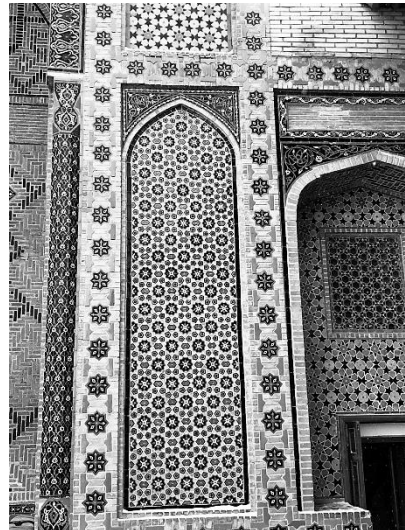
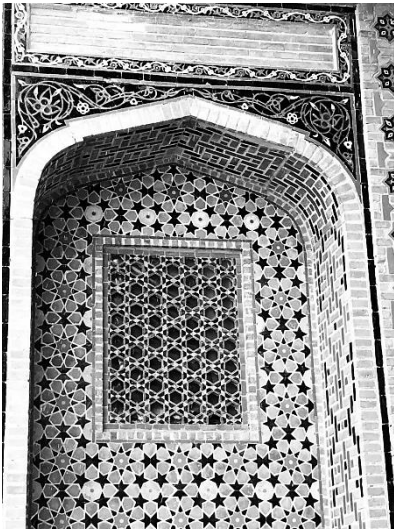
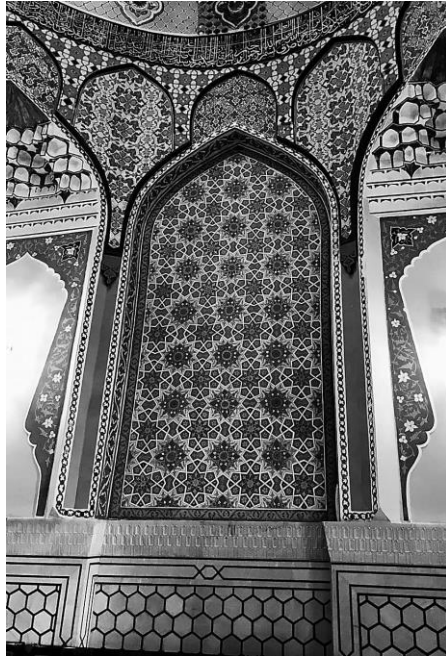
«В 15 км от Ташкента в селении Зангиата располагается знаменитый мавзолей Зангиата, где погребен один из мусульманских святых шейх Ай-Ходжа, живший в XIII веке, и его жена Амбар Биби.

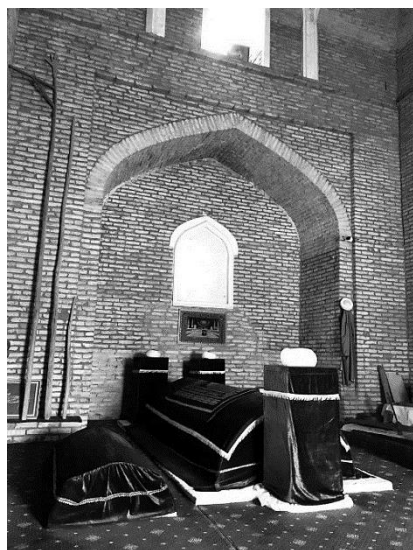
Зангиата, что в переводе означает «темный отец» получил это прозвище из-за темного цвета кожи. Он был последователем выдающегося лидера всех тюркских племен в Центральной Азии суфия Ахмада Яссави.

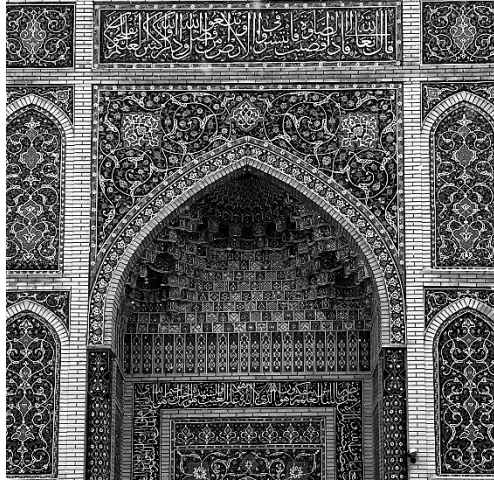
Мавзолей был отстроен во время правления Темура.

Легенда гласит, что Темура первоначально приказал отстроить мавзолей другому мусульманскому святому Ахмаду Яссавий в Туркестане (Казахстан).

Но возводимая стена мавзолея постоянно рассыпалась, и стройка не двигалась. И тогда Тамерлану во сне явился Яссавий и сказал, что сначала почести должны быть отданы Зангиате. Тогда Тамерлан приказал отстроить мавзолей Зангиата, а потом был построен мавзолей Ахмаду Яссавий в Туркестане. Позже в XVIII веке были достроены медресе и мечеть, отделан дворик. В начале XX века был также возведен минарет.

Вокруг мемориальных построек раскинулся обширный сад, комплекс монументальных строений XIV—XIX вв., медресе (XVIII—XIX вв.), мечеть (1870 г.) с минаретом (1914—1915 гг.) и древнее кладбище.

Мавзолей — одно из самых посещаемых святых мест Ташкента.

В ташкентских семьях принято на каждый двенадцатилетний цикл по восточному календарю («tushchal yili»), то есть когда кому-то из членов семьи исполняется 12, 24, 36 и более лет — нести в Занги-ату благотворительный дар. Обычно такой набор включает в себя два метра белой материи, белый платок, пачку чая, килограмм рафинада и всё для приготовления плова: рис, мясо, масло, морковь, лук и четыре лепешки».

(Источник:

<https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/tashkent/zangiata.htm>).

Снег, сырость и холод.

Удивительное, по сравнению со вчера, сочетание.

Идём в Мавзолей.

Разуваемся.

Пилигримы здесь аккордами: заходят, садятся, некий местный хранитель читает аяты из Корана, потом все по очереди подходят ко входу в самую Гробницу. Следом — новый аккорд верных.

Почему-то, здесь, в этих удивительных узорах, различных оттенках лазури, синопля, синевы и белизны, всё время идёт снег. Облегчённый и разочарованный снег. Он освобождает сам себя своим полным нисхождением к самой основе твари. Звёзды Убранства распознаёт сознание: восьмилучевые и пентаграммы. Как-то пустотно...

Ощущения Присутствия Святого нет.

Вообще нет.

То ли, мы не распознаем, то ли — оно такое и есть: развёрстое и распахнутое.

Побыв какое-то время в ситуации отпускания катафатических ожиданий, уезжаем.

Направляемся к Мавзолею Шейха Зайниддин-бобо (кстати, «бобо» означает уютно-мудрое «дедушка»).

«Шейх Зайниддин-бобо родился в Багдаде в 1164 году. Его отцом был Шахобиддин Сухраварди — основатель суфийского ордена сухравардия, поэт и шейх, лидер багдадских суфиев. В молодости Зайниддин был отправлен в Ташкент для того, чтобы распространить и проповедовать учение знаменитого отца. Зайниддин поселился в Кукче — одном из четырех древних районов Ташкента, где и прожил всю свою жизнь. Шейх Зайниддин читал лекции, посвятил всего себя просвещению населения и развитию духовности. Большинство своего времени Шейх Зайниддин проводил в келье — так называемой чилла-хоне, где он молился о благе людей. В тяжелые времена, когда Мавераннахр лежал в руинах после нашествия монгол, а Ташкент практически отстраивался заново, Зайниддин сыграл огромную роль как духовный наставник народа. За пронзительный ум, ученость и мудрость люди уважительно прозвали Шейха Зайниддина — «бобо», то есть дедушкой. Почитаемый всеми, Шейх Зайниддин-бобо ушел из жизни в возрасте 95 лет, и был похоронен на территории кладбища Велоят. Говорят, в Ташкенте до сих пор проживают его потомки».

(Источник:

<https://www.advantour.com/rus/uzbekistan/tashkent/zayniddin-bobo-masouleum.htm>).

С таким потомком мы встречаемся прямо на входе в Мавзолей. Это, женщина старшего возраста. Радушно приглашает нас. Спрашивает, хотим ли мы, чтобы она помолилась, мы благодарно соглашаемся. Женщина читает суру из Корана, её голос мощно и радостно насыщен. Нет и следа какой-то неприязни или высокомерия: бодрая открытость и звон своей миссии без какого-либо пафоса.

Потом, она даёт возможность побыть там в одиночестве. Священное Присутствие определённо ощущается.

Всё объято сыростью и мелкими снежниками, Мавзолей Шейха Зайниддин-бобо тоже обнят множеством могил, чуть далее — Мечеть.

Опять, езда по Ташкенту. Обед. Посещение Медресе, где сейчас множество мастерских. Широкие проспекты. Радостный энтузиазм советского восстановления города, после Землетрясения-66: он буквально вмурован в множество домов.

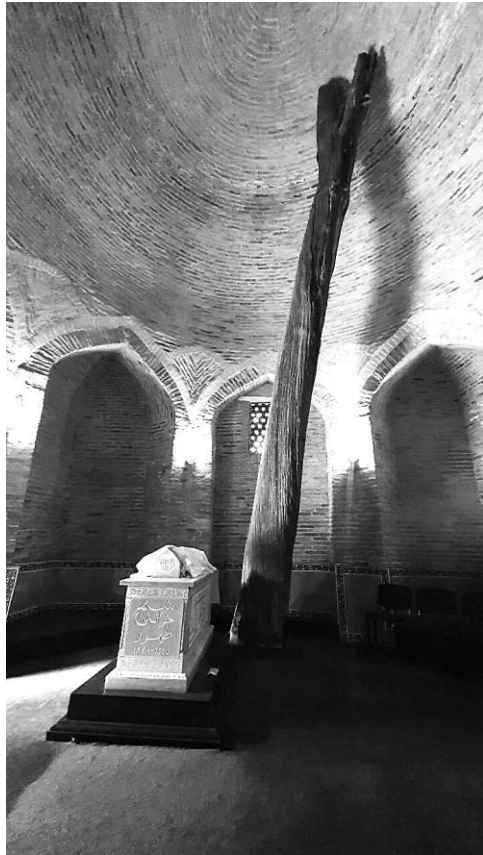
Столица Узбекистана представляет весьма странное и уникальное сочетание советского Огуса Красной Звезды вкуне с Суфийским наследием Освобождённого Снега. По этим воздушно подвешенным Снежинкам Тариката, мюрид и возвращается на небесное Отечество.

Здесь нет противоречия: в неких своих некоторых эссенциях (пусть и весьма редких в таком качестве) активный гомо советикус вполне приближался к аспектам оперативных бытовых применимостей Суфизма.

Видимо, сие и сформировало особый аромат ташкентской пиалы.

Вечером, всюдуприсущий снег, низошёл в эту пиалу таинством Вина...

Белого Вина.

6) СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВОСТОЧНОГО ЦЕНТРА.

Итак, Узбекистан.

А, конкретнее, Самарканд, Бухара, Хива... Ташкент.

Междуречье Амурдарьи и Сырдарьи более-менее, можно, собственно, соотнести с Узбекистаном.

Средняя Азия: Фиксированный Восток. Дальше, к Тихому Океану, из-за нарастания близости Большой Воды, усиливается элемент Транзитности. Известно, что наиболее эссенциальна Срединность.

Средняя Азия — это и не Юг, и не Север; повторимся, Восток, здесь максимально Фиксирован, а две большие Реки создают как бы силовую рамку.

Юг, в том числе, духовный Юг, в нашем видении — это, Индия с её удушающе влажной атмосферой. Средняя Азия надёжно перекрыта от сего влияния Афганистаном и Пакистаном.

Урал и его вертикаль, фундаментально отсекают самые остаточные влияния Запада.

Казахские степи экранируют Север, а Китай содержит настроение Дальневосточной цивилизации.

Пока что, впечатления от духа Узбекистана самые приятные. Как раз, срединные. Узбеки общаются как бы внутри большой семьи, все свои и в воздухе висит некая, немного стеснительная, девственность. Это разительно отличает Узбекистан от Турции.

Ещё одно базовое настроение — скромность. Всё как-то не избыточно и расслаблено.

Быть может, такой конгломерат пеленгуемых состояний связан как раз с широко распространёнными Суфистскими влияниями (в частности) и с ситуацией Священного Перекрёстка, вообще.

Советская Демиургия, по-своему, вторглась в Измерение Узбекистана: Реки Амурдарья и Сырдарья разодрали на множество каналов, в результате — практически умерло Аральское море. Черно-магический мир Тэхнэ такой вульгарностью ворвался в суфийский оазис.

С другой стороны, именно советское братство подняло Ташкент из руин в 1966 году...

Срединность Центральной Азии, в нашем опыте, — нечто противоположное Португальскому прощанию и Саудаде. И всё же: и тут, нет, нет, да и проступит обнаженное чувство транзитности человеческой ситуации, соберётся комом в горле Зов... ощутится, что нет в мире дольнем места успокоения и прихода на окончательный трон.

Точнее, эта возможность центрального Пребывания, дана всюду, но её реализация связана с воплощением Опуса Алхимии себя. Оператор, в исключительных случаях, может становиться Чакраварином; а так, все народы — странники.

Равнина монотонного быта и тёмные горы неминуемой смерти...

Остаётся только, найти Тайную Долину. А в её Сердце — Храм.

И сегодня сие совершается, похоже, исключительно в деле глубоко личного Опуса (нет здесь помощи от семьи или нации, скорее, наоборот).

Пилигримажи обостряют чувство скоротечности и иллюзорности человеческого бытия. Буквально, за две-три недели, проживается отдельная жизнь. Со своей маленькой смертью и со своими расставаниями навсегда. И только Тайный иероглиф такого пережитого опуса, бережно сохраняет обнажённо-ранимое Сердце Пилигрима.

Сохраняет драгоценную каплю обретенного Гнозиса.

Таков Опус Чаши Грааля.

Один из его аспектов...

7) САМАРКАНД. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. РЕГИСТАН. НЕБЕСНОЕ СЕЛЕНИЕ.

Переезд из Ташкента в Самарканд состоялся как некое самобытное событие. На ж/д вокзале, внешне, очень много якобы охраны и проверок, грозные надписи про карантин, перчатки и маску, куча ментов. Однако, мы уже поняли тему: просто себе идёшь, как будто у тебя лично нет никакого карантина и да, стражи порядка так это и воспринимают, не говоря ни слова. Раз без маски, значит мир у тебя именно такой, чего вмешиваться?

На главном пропуске мент проверил наши документы и как бы спрашивая, немного испытывая неловкость, вопросительно сказал «браат?», протягивая маску. Я её взял, поблагодарил и не одел. Никто не возражал. Все остались мягко расслаблены, будто сидели большой семьёй у телевизора и смотрели сериал про любимого Тимура Великого.

И вот, Самарканд.
Довольно большой вокзал, нету и следа снега. Чуть теплее.
Едем на поселение по типичному советскому городу.
Заселяемся. Совсем рядом — Регистан.

День приезда, некий день Открытия Врат, всегда и труден, и специфичен. Зачастую, его содержание даёт некие подсказки...

Итак, купив билеты, мы идём в Регистан: центральную площадь Самарканда, образованную тремя огромными Медресе.

Описать сюжетно это дело категорически невозможно. Точно: Регистан является полюсом Священного определённой специфики, он — Среднеазиатская Сакральность, по Качеству симметричная Романо-Готическому Зодчеству, но в плане реализации способов инициации Батин (Сокрытого Видения) использует другие законы и способы Передачи.

Постройки Трёх Медресе — огромны; есть Минареты (не острые, как у Осман) и Купола (цвета исконной Лазури, что определяюще важно). В общем, форма монументальна, тектонична, она просто поражает размером и мощью: сие, скорее всего, специфический Мужской Имперский Элемент.

Женское определено Куполами и мягкими, не стрелообразными, Минаретами.

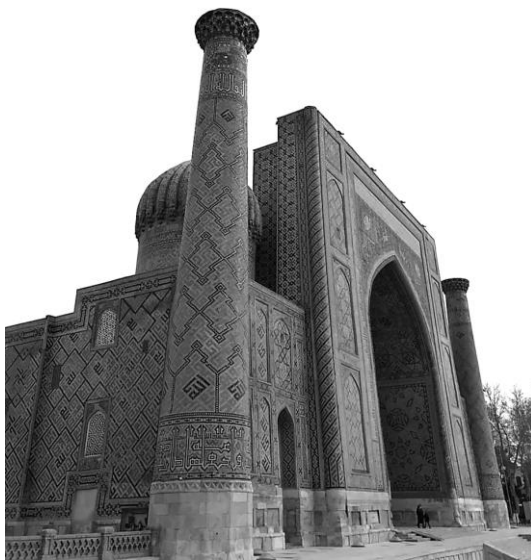
Однако, самое главное, внутри таким образом созданного измерения, живёт его величество Свет. Гигантское число мозаик насыщает и внешнее и внутренне убранство: так они их объединяют. Множество геометрических элементов, включая, Свастику, находящуюся в центре Восточного Медресе (видимо, намёк на восхождение Великого Востока Ишрака...). Есть не меньшее число и растительных элементов. Многие фрагменты мозаик глазурованы и потому передают особый блеск. Особенно поражает роспись купола Центрального Медресе, в сочетании с геометрической колористикой стен, ниш и минбара. Множество мукарн великолепно интонированы в трёх измерениях самыми различными оттенками, находящимися вокруг золотого, голубого и синего... Никакие фото и видео никогда не передадут эффект, производимый данным Дворцом Гнозиса.

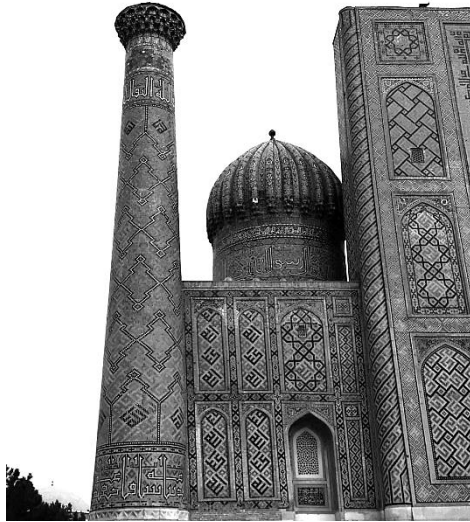
Идёт ТОТАЛЬНОЕ воздействие: пожалуй, это и есть реализация понимания Тавхида (Единобожия) через возможности, открываемые батин. Видимо, сей Клан Света содержался ещё в Зороастризме и вышел в произведение, покинув имплицитное Сокровище внутри Ислама. Это, почти Миссия Махди...

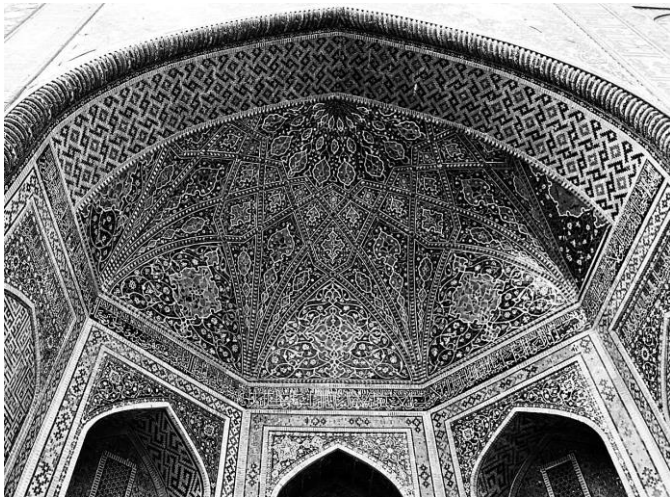
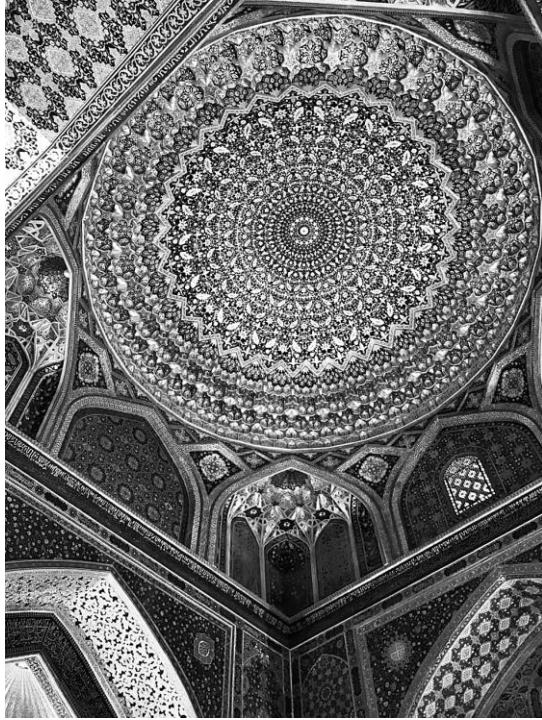
Так вот: множественные точки активности Света (как бы Свечи или Звёзды), все скоординированные по чётким принципам резонанса вибраций, резко и взрывоподобно расширяют сознание: оно напором сферического экстаза как бы проламывает только-телесные пневмы; так, практически, обретается опыт Смерти... Далее, этот шквал колебаний захватывает и вписывает базовую ноту оператора в Музыку Сфер, заново собирая его в Теле Славы.

Нечто подобное (но через иные инструменты) сотворено в Парижской Сент-Шапель...

Итак: тектоника главных массивов созвучна огромной Империи и её экспансии. Рычащий Зверь (видимо, это наследие Передачи Великого Тимура в плане бесконечного расширения Империи).

Зодчество средних элементов, в общем, Женское, смягчающее и тонко интонирующее первичный посыл. Андрогинная утонченность Священной Эссенции — за Узорами и Убранством.

Мы имеем дело с манифестацией самой сути Суфизма в её модусе Имперского Величия и это вполне уникально: на данной карте Вселенной именно Град Самарканд находится в Сердце универсума.

Вечер.

Обрушивается вечер. Расслабленный выдох дня изводит из города остатки тепла: в тоннелях улиц поселятся конкретный хлад асфальтного варианта зимы. Морозно...

Спутники очень устали и направляются в номер, поспать.

Иду один.

Опять — огромнейшая тектоника Мечети. Она построена по приказу и под присмотром Тимура Великого. Прямо и направо. Вдоль кладбища. Закат раскрашивает Самарканд в неповторимую картину: словно Тенгри пробили вену и густая кровь карминовым облаком пролилась в воду низших Небес...

Небесное селение Шахи-Зинда: комплекс Гробниц Великих. Ночь уже почти украла остатки светового дня, до закрытия — ещё полчаса, посетителей нет, но меня пускают. Ключник, уже успевший загерметизировать сосуды Мавзолеев, открывает их для меня. Времени немного, скоро перерыв на ночь, однако, мы практически, вдвоём: ключник и я мягко скользим почти бесплотными тенями по территории усопших.

Есть, конечно есть, барака Присутствия.

Конечно, было совершено то, что должно.

И опять: вереница шагов, подобная перебору чётков. Уже возвращаясь, за полчаса до закрытия, попадаю в Измерение Мечети Биби-Ханум. Оно огромно. Сумерки. Ни одного человека. Сам.

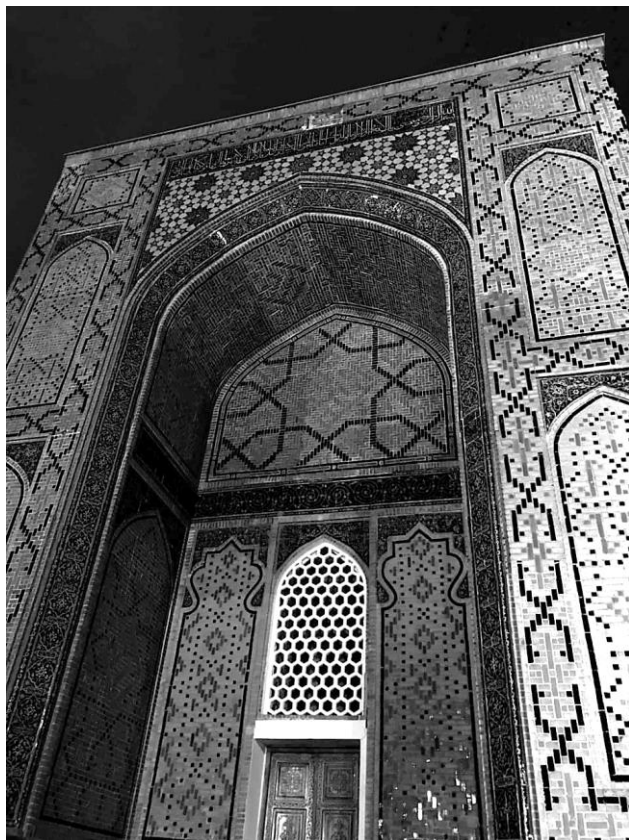
Хожу.

Стою.

Созерцаю зеркала порталов и арок. Воля Железного Тимура в них...

Вечер тих.

День доплавляется свечой.
Ныряю в гавань сна.

8) ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ: САМАРКАНД. ВЕРСИЯ ТИМУРА ВЕЛИКОГО.

Мавзолей Тимура Великого: надгробия здесь зеркальны, они отражают реальные, которые сокрыты в Крипте и посетителям туда хода нет.

Тимур Великий — один из самых удачливых военачальников. За свои 69 лет жизни он провёл около тысячи боёв. Во многих лично принимал участие, как непосредственный участник. В одном из таких сражений, Тимур едва не погиб: он потерял два пальца на руке и получил тяжелое увечье колена, по факту, став калекой. Тем не менее, до нас дошли сведения о его личном высоком мастерстве в воинских искусствах: он прекрасно владел луком, копьём и саблей. Тимур часто вызывал на личный бой военачальников врага, мало кто принимал этот вызов, ибо шансы победить были близки к нулю.

Тимур Великий, пожалуй, третий из самых масштабных в известной истории военачальников, создавших Империи: Александр Македонский и Чингиз-хан — фигуры, того же ряда. В след последнего и ступал всю жизнь Амир Темур.

Центром мира Тимура-Железного стал Самарканд. Великий Правитель щедро украсил любимый город.

О Тимуре Великом, в основном, пишут про его крайнюю жестокость, что, в лучшем случае является не более чем частью правды.

Вот цитата, описывающая другую, основную, сторону:

«Давайте посмотрим, каким человеком был Тамерлан. Он оставил после себя две книги: *Малфузат*, или Мемуары, и *Тузукам*, или Институты. Первая книга представляет собой описание его жизни и дел, хотя и не вполне достоверное. Во второй изложены принципы, на которых Тимур основывал свою стратегию и политику правления. Все историки сходятся во мнении, что Тамерлан был не только храбрейшим из храбрых, но также и очень мудрым, благородным, опытным и проницательным человеком.

Сочетание этих качеств сделало его «почитаемым лидером людей и настоящим Богом Войны, которого уважали все сословия».

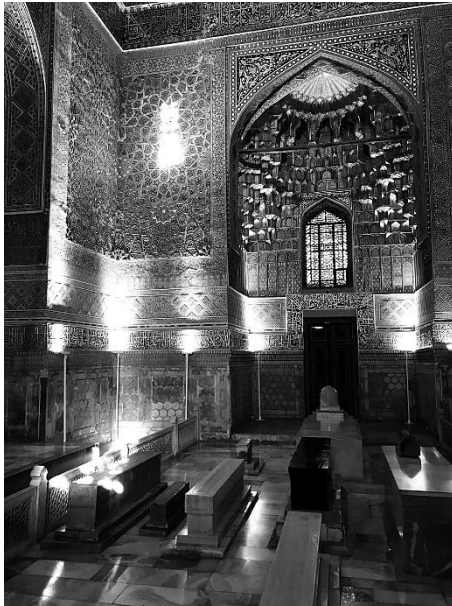
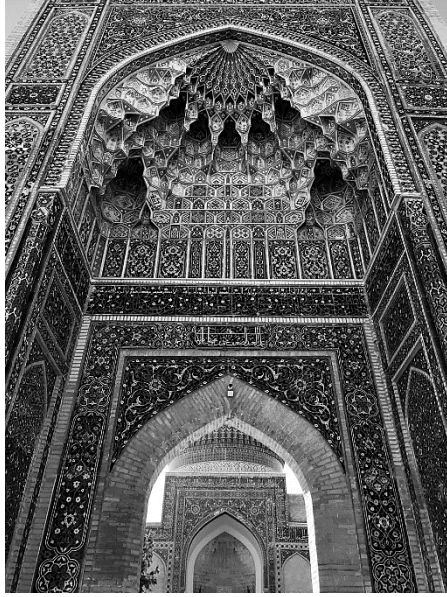
Сам Амир Тимур с благоговейным трепетом относился к своему духовному наставнику, Хвадже Саиду Барака, который был учеником Бахауддина. Кроме того, Тимур считал, что его направляет и поддерживает Ходжа Ахмад Ясави, великий Турецкий Учитель двенадцатого века. Баязид был наголову разбит Тамерланом под Анкарой, и именно во время этого сражения Тамерлан повторял стих, данный ему Хваджей Ахмадом Ясави, о чем уже говорилось раньше.

Амир Тимур умер в 1405 на семидесятом году жизни. Он тогда пошел в последний поход на Китай. Умирая, Тамерлан погружался в молитву и попросил Мавлану читать Коран, пока не будет окончательно уверен, что он покинул тело.

Его похоронили в той же могиле, где ранее был похоронен его учитель, Ходжа Барака. Преемники Тамерлана в течение века правили в Трансоксании. Их сменили узбекские султаны, чье главенство закончилось в 1597 году. В то же время, в Персии Шах Исмаил основал великую династию Сафавидов. Все эти правители, добрые, жестокие, воинственные, художники и поэты считали Ходжаган источником своего духовного вдохновения. В течение более двух веков, именно влияние Учителей лежало в основе социальной стабильности. До конца четырнадцатого века они держались на заднем плане, помогая восстанавливать страну после монгольских нашествий, а также поднимать сельское хозяйство и ремесленничество. Мы уже обсуждали, как Ходжа Бахауддин Накшбанд избегал связей с правителями и наследниками, но, тем не менее, оказывал значительное влияние на их отношение к простому народу.

Тяжкое бремя налогов, которое практически не уступало войне по своим губительным последствиям, было существенно облегчено, благодаря разумному управлению визирей, многие из которых были учениками Ходжагана. (...)

В *Зубд аль-Таварихе* описывается визит Тимура к Хвадже Садр ад-дину, который вместе с несколькими учениками жил в бедности в Ардебиле. Тимур был глубоко поражен святостью Хваджи и спросил, что он может для него сделать. В ответ, Садр ад-дин сказал, чтобы Тимур освободил турков, взятых в плен во время захвата Анатолии. Тимур сделал это, и турки заселили

район, население которого значительно и безнадежно уменьшилось во время Улегу.

Переселение этих турков позднее позволило Шаху Исмаилу основать великую Сафавидскую династию, названную так в честь Хваджи Сафа ад-дина, отца Садр ад-дина.

(Источник: Дж. Г. Беннет — «Учителя Мудрости». Глава 10. Учителя миротворцы).

Тимур Великий похоронен у ног своего главного Духовного Учителя, Саид Барака (1329—1404).

Как сообщает арабский историк Ибн Арабшаха, Тимур постоянно говорил: «Все, что я достиг в государстве и завоеванные мною сильнейшие страны — все это достигнуто из-за молитвы и благословения шейха Шамсуддина ал-Хаворийя и вся нашедшая удача только от Саида Бараки».

Таким образом, Тимур Великий находился внутри (батин) Хырки значимых Суфиев того времени. И если мы посмотрим на всю ситуацию этой Великой Империи, то можем узреть, что её корень — Тасаввуф. Как и Османская Империя, Империя Тимура рождена Внутренним Учением-Путём к Истине.

Станный, для культурно-исторических стереотипов, вывод. Особенно, если учесть такое:

«Последний тотчас же возвратился, однако в течение 15 дней не мог овладеть городом. Поэтому он предложил жителям перемирие на условии, что они передадут в его подчинение 12 тысяч стрелков для какого-то похода. Когда эти воины были отправлены к нему, он приказал отрезать у каждого из них большой палец на руке, после чего отправил их назад в город, который вскоре был взят им приступом. Собрав жителей, он приказал умертвить всех, кто был старше 14 лет, пощадив тех, кому было меньше лет. Головы убитых были сложены в виде башни в центре города. Затем он приказал вывести женщин и детей в поле за городом, где отделил детей моложе семи лет. После этого он приказал своим воинам наехать на них своими лошадьми. Собственные советники Тамерлана и матери этих детей пали перед ним на колени и умоляли его пощадить детей. Но он не внял их мольбам, повторил своё приказание, которое, однако, ни один воин выполнить не решался. Разгневавшись на них, Тамерлан сам наехал на детей

и сказал, что хотел бы знать, кто осмелится не последовать за ним. Тогда воины были вынуждены последовать его примеру и растоптать детей копытами своих лошадей. Всего растоптанных насчитали около семи тысяч. После этого он приказал поджечь город, а женщин и детей увёл в свою столицу Самарканд, в котором он не был 12 лет».

(Источник: Иоганн Шильтбергер — «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427»).

Возникает вопрос: как такая запредельная жестокость вообще совместима с Духовным Путём и хотя бы какой-то реализацией на нём?

Ответ весьма интересен...

Версия первая: данная информация ложь, придуманная врагами Амира Темура.

Версия вторая (более тревожная): всё это правда. И наши культурные представления о добре и зле, не более, чем иллюзии. Да, Тимур Великий был жесток. Но эта жестокость имела свой смысл и принесла свой плод. Возможно, все эти пирамиды из отрубленных голов — просто часть Воинской Магии и здесь нет места садизму, а только эффективность в достижении цели. Не будем забывать: Тимур лично принимал участие во множестве боёв, рискуя жизнью. Понятно и то, что если бы его взяли в плен враги, то придумали бы исключительно мучительную казнь.

Чёрная Роза: горы отрубленных голов, а над ними — прекрасный Цветок Гнозиса Тимуридов в единстве Искусства и Науки.

Мы опять сталкиваемся с его величием Лабиринтом и отсутствием каких-либо гарантий на Пути (Тарикате).

Не исключено, что «военный садизм» — придумка нового времени и что древних, современные лицемеры меряют мерой своей некомпетенции и развращённости. Возможно, столь суровые действия были необходимой частью воинских Операций в деле алхимических преобразований в дееспособности внешней и в пределах внутренних...

Амир Темура создал великую Империю. Он реализовал принцип Центральной Державы. Нельзя сказать, что она представляла некий Ислам в общем смысле.

Здесь ситуация намного более интересная и уникальная: Самарканд получил реализацию Единственного Града. Был заложен задел неслыханным масштабам и формам совершенно особого Искусства: понятно, что все эти узоры, цвета и постройки стали выведением наружу Суфийского мистического Опыта, некоей Великой печатью Батин.

Тимур Великий как раз тем и своеобразен, что его экспансия шла по Линии Передачи Духа от Чингисхана, направлялась Учителями Тасаввуф, имплицитно содержала Зороастрийский Гнозис...

Амурдарья и Сырдарья, две Реки, обняли Самарканд Амира Темура. Насытили пневмой ток воинских бросков за горизонт и в шелесте своих волн спрятали исконную правду от чрезмерно любопытных.

Советские археологи вскрыли саркофаг Тимура. Похоже, очень даже зря.

Мы не будем уподобляться этой предельно циничной научной братии: оставим пока что многое недосказанным и в противоречии.

9) ТАМГА АМИР ТЕМУРА. САМАРКАНД.

Тамга — это довольно лаконичный символ правителя или клана. Печать. Она есть выражение Эссенции.

И всегда связана с Чашей Грааля и её Опусом.

Тамга Амир Темура, по большинству данных, такова.

Три равных Круга составляют Равносторонний Треугольник. Чаще всего, вершиной вверх (Огонь); порою, — вниз (Вода).

В цвете: Поле — Лазурь; Фигура — Серебро.

Линия Передачи: Флаг вручил главный Учитель Тимура, Саид Барака, у ног которого и похоронен Правитель.

Никто достоверно не знает, что конкретно обозначает данный Знак.

Есть, однако, подсказка: данная Линия связана с уже известным нам Ахмедом Ясави — он был Учителем Учителя Амир Темура...

Суфизм.

Тасаввуф.

Те, кто его конкретно практикуют, те и знают, о чём речь: каждый на своём уровне (макам). Но те, кто идут Путём (Тарикат), ещё его не прошли и потому Истину во всей Её Всезавершённости они ещё не знают.

Путь — не есть Истина, он — динамика Её Энергии и соответствует Священному, Тонкому.

Истина — Тончайшему...

Светские науки и религия (в данном контексте) Вульгарны.

То есть, Суфии на Пути, Истины не знают, ибо идут к ней.

Кто не Суфий, тот, вообще как бы не в теме. Тогда: о чём вообще речь? (!).

А речь о том, что можно (попытаться) взглянуть с другой стороны, от Плода. Вне условий постепенности, а значит, времени.

И как это сделать?

— от Узоров.

От Символов.

Попытаться прямо прыгнуть в этот Океан, сжечь им нервную систему, переписать её сигналы, и в черепе у трупа выращивать вазон, корень которого — в Сердце. Оно, не слева, но посередине...

Богу Слава, Аллаху — Слава; Истине — всё: Мечети, Мавзолеи и Медресе Тимуридов просто тотально насыщены этими самыми Знаками.

Свастики.
Кресты.
Ромбы.
Пентаграммы.
Гексаграммы.
Растительные плетеры.
Вязь букв Корана.

Не стоит их распутывать последовательно: прыгни, очертя голову. Не страшно, что не знает. Знает сначала только нафс, то есть — не знает.

Пусть Огонь Символов сожжёт тебя.
Фана.
Спонтанно проявится Росток.
И засияет Звездой.

По Лучам Её и познаешь...
Могильный Камень станет подушкой Фиксации.

10) ИМПЕРИЯ СИМВОЛОВ. САМАРКАНД.

Итак. Самарканд.

Человек-современный, вследствие усиления церебральной дегенерации, лунарно-похотлив в своём интересе к миру; его способ восприятия основан на примате реальности внешних объектов, аспект сознания для него только отражающий.

И потому, Самарканд в частности, это некая совокупность объектов, их каталогизированной истории и примитивных развлечений на тему. Есть некий список достопримечательностей и есть стереотип поведения в их пространстве.

Убогая лунарная функция мозга современника не в состоянии узреть целостной картины, а значит — он не видит Смысл и его представления о чём-либо есть не более чем набор цитат.

Потому, описание тех или иных памятников архитектуры в привычном духе, абсолютно бесполезная тема.

Все эти статьи по типу такой-то объект, такие параметры, такая-то история, — не даёт ничего ни уму, ни сердцу, что и подтверждается очередной серией фото в соцсеть «я на фоне»...

А как по-другому?

Непривычно.

Исходя из Общего, а не купаясь в количественном море экскрементов концептуальных составов типовых вагонов омрачённого ума.

Сказать это или написать не сложно, а вот сделать...

Здесь вопрос Эликсира.

Есть Внутренний Эликсир.

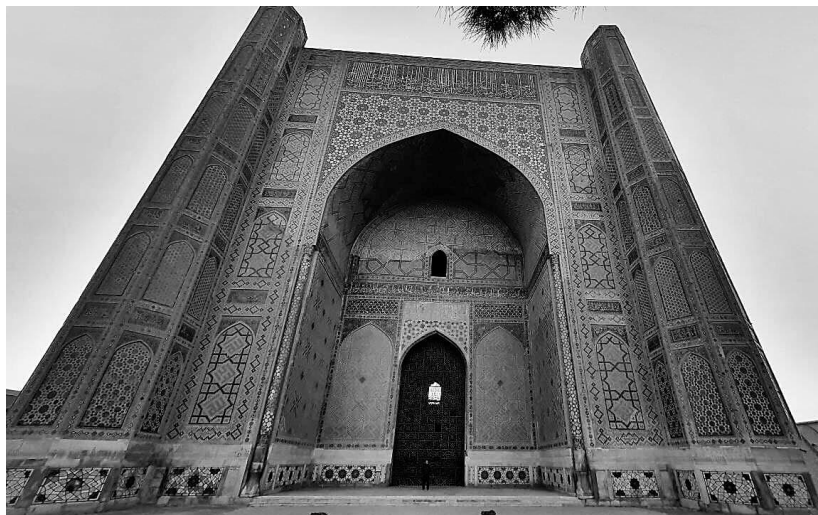
Есть Внешний.

Но самое главное, это один Эликсир. Сие и есть Принцип Тавхида.

Применительно к Зодчеству: мы смотрим не на внешний объект, мы созерцаем свою душу на экране Святыни; происходит иерогамия нашей энергии и энергии архитектурного, сакрального, сооружения. Энергия — одна.

Она — тело, а душа сего тела: Гнозис. Далее: Гнозис — тело, а душа этого тела — Истина.

Истина, относительно человеческой ситуации, Едина, но — Тройственна в проявлении: тело-корпус; душа-энергия; сознание-ум...

Каждая из этих Трёх, узнают сама себя и Единство (прямо и через другие два) несколько специфически. Настройка этих спецификаций и есть отлаживание Арфы Неба и Земли.

Захир — это быт. Батин — защищённая лабораторная Практика; малый Опус. Воззрение: координация. Истинный Гнозис выходит за пределы бинера Захир—Батин.

Всецело и конкретно применимо данное к Зодчеству: захир — функционал и сопромат; батин — символы и дух. Одно не может без другого.

Однако: социо-культура не склонна к батин, потому, вход во Врата идёт именно через Батин (захир, в данном контексте, есть лицемерная морально-этическая волевая принужденность как реакция на «обидели-погладили»).

Современная наука претендует на точность. Математическую точность. Жизнь Живая всегда риторична, символом этого может служить изменчивость Облака. Претензия на точность концептуального познания есть смесь гордыни и неведения. Настоящее познание всегда идёт в субъекте (если смотреть от дихотомии, на

самом деле — оно недвойственно), изначально мифо-поэтика и метафоричность, ибо так говорят Символы. А всё и есть эти самые Символы ...

Потому, понятно, что, например, полупоэтическое эссе на тему (к примеру) Мавзолея Амир Темура, может быть куда содержательнее чем очень подробный рассказ об истории и легендах данной «достопримечательности» или — научного труда группы профессоров об этом.

Целомудренное молчание, порою, намного качественнее «наработанной» молитвы...

Именно в таком контексте имеет смысл обращаться к Зодчеству и другим искусствам. Сами по себе, как внешние объекты, они — ни уму, ни сердцу.

Величайшее или Общее в таком способе познания дышит сквозь Мельчайшее. Наиболее обманчиво срединное, ибо оно приватизирует скучный день и серую обыденность машинного социума.

Промельк полустёртого древнего знака на стене, куда сущностнее фундаментальной работы о «мире символов».

Ощущение общего объёма Регистана (например) внутри и насквозь обще-чувствуемой иероистории Самарканда, эссенцирование данного через Фигуры Амир Темура и его Учителей, дают первичное Масло. Окутывают ароматом. Подносят первую Чашу Вина...

А далее — Звёзды и Свастики, пульсовые точки Неба и динамика его Лазурной Крови...

Ходить Пилигримом одному.

Бродить группой, вынося свои капризы и прихоти, своё эго в функцию дроби.

Освобождаться.

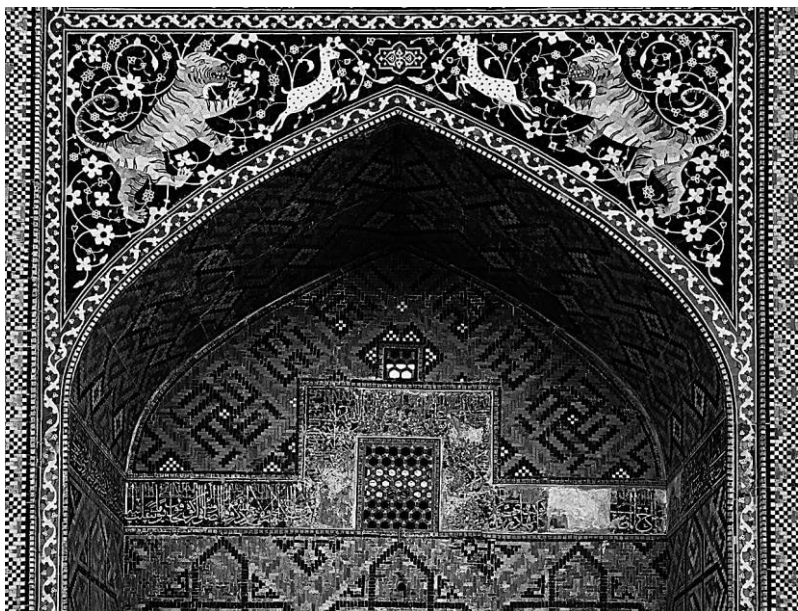
Наполняться.

Терять и Обретать.

Знать, там, в рюкзаке, драгоценно затаилась мудрая книга. С ней ещё предстоит не одно Таинство Встречи. Любовное Таинство.

Самарканд понемногу распластан. Около полудня. Город
млеет под лучами Внутреннего Солнца.

Его, из Страны Синих Гор, принёс своею охемой Снежный
Барс.

11) ТАБЛИЦЫ И ОБЛАКА САМАРКАНДА.

Самарканд.
Центр цивилизации Амира Тимура.
Одна из столиц древней Согдианы.

Площадь Регистан образована тремя Медресе. То есть, Домами Знания...

Мечеть Тимура, Биби-Ханум: крупнейшее сооружение...

Небесные Селения Шахи-Зинда: улица Мавзолеев местных Святых...

Мавзолей Тимуридов. Рядом — Мавзолей Рухабад: место Главной Линии Передачи...

Кто-то культурно обусловлен. Кто-то: религиозно. Кто-то просто развлекается. Кто-то изучает нечто научным методом.

Нам не подходит ни один из этих вариантов, ведь мы ищем Эссенцию, Живой Эликсир.

Пожалуй, начнём так.
Точка первого стояния: Регистан и Три Медресе.

Второе: Мечеть Биби-Ханум (только должен быть вечер, сумерки и людей поменьше, а лучше, чтобы вообще не было).

Третье: восхождение в Небесные Селения. Макамы отдельных Мавзолеев, улица, как Тарикат.

Чаша Вина: Мавзолей Тимуридов; Амир Темур, похороненный у стоп Учителя (Мюрид-Шейх). Воин-гази.

Узоры.
Свастика, точнее, множество разновидностей сложных Свастик.
Звезды: чаще других пяти-, шести- и восьмилучевые.

Свастика здесь динамична, как кровь в сосудах. Звёзды: как звук камертона из точки всесторонь.

Сочетание Свастик и Звёзд: Самаркандская Сетка Порядка.

Цвет: Лазурь. Всё собирается в неё. Белизна, Синева, Лазурь... Синополь — основные.

Мягкие столбы-колонны многочисленных Минаретов.

Просветленная игра с арабской вязью, внимание, связь её со свастичной сеткой.

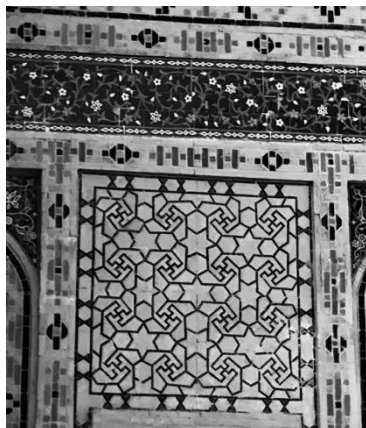
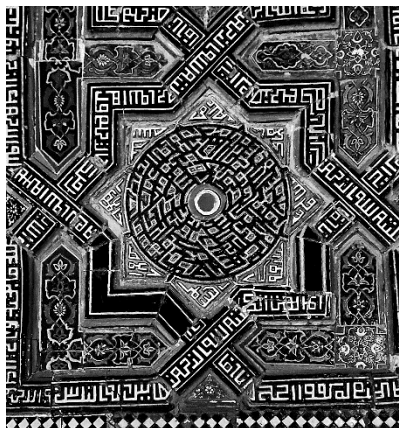
Тигр-Барс: выходящий из множества разновидностей Растительного Узора.

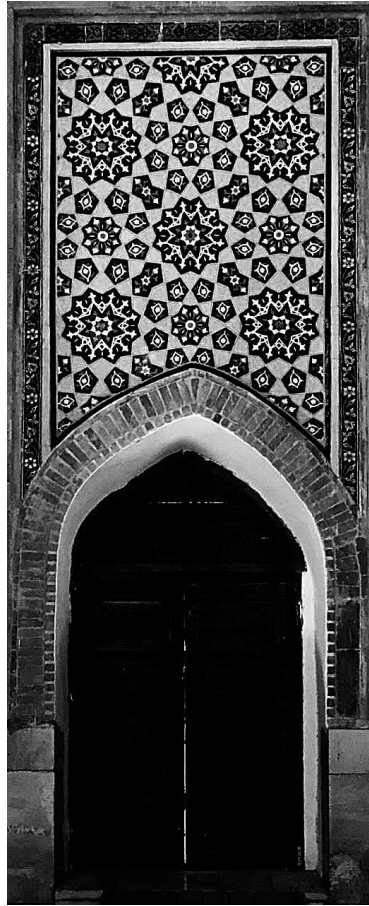
Ритм. Ритм. И ещё раз Ритм. Это захватывает всего тебя, претендуя на инвариант личного Тавхида здесь, в Самарканде. Тектоника архитектурных форм определяет общую мощь и тотальность волны. Мягкие Купола и такие же Минареты расслабляют и открывают энергию оператора. Всеприсутствующие Узоры симметричны тектонической мощи и они просто прошивают своим звучанием все души. Подобно тому, как может долгое время звучать в уме какой-то музыкальный мотив, в Самарканде вибрирует прямо во всём тебе сие Убранство ритмического Узора.

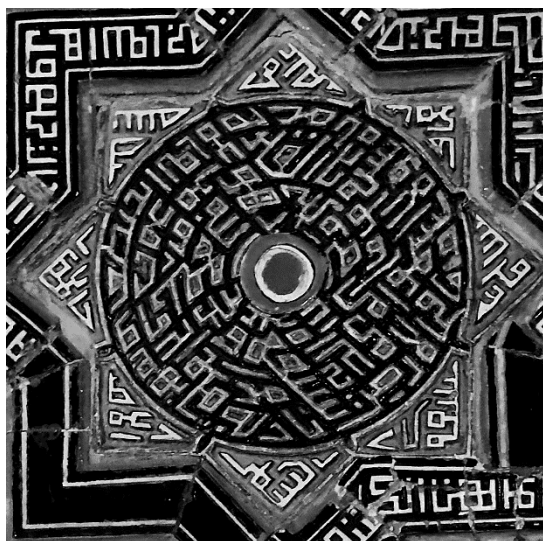
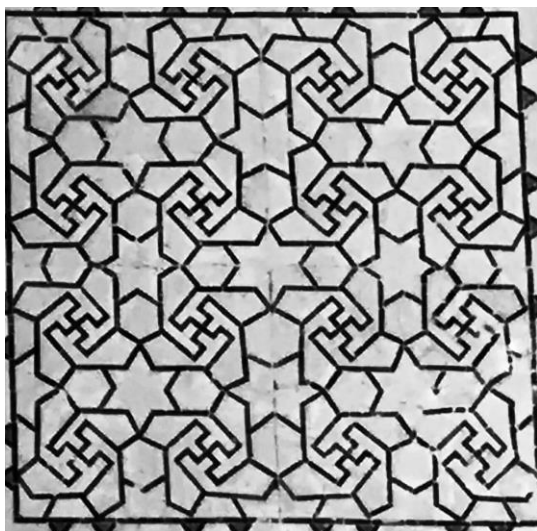
Свастика, Свастика, Свастика.

Звезда, Звезда, Звезда.

Самарканд.

12) МЕДРЕСЕ, МЕЧЕТИ И МАВЗОЛЕИ. САМАРКАНД.

Медресе — это что-то вроде привычных нам училища или Университета (последнее, больше в Средне-Азиатском контексте). Для Самарканда, Медресе, это именно ВУЗ. Там изучалось много разных наук, однако, всё вращалось вокруг Корана и Ислама. Передача Аллах—Мухаммад, посредством Камня (Фиксации) Книги, Корана, в обрамлении хадисов, как бы растекалась посредством Шариата во все уголки быта; расходилась веером прикладных наук и навыков. По сути, Медресе в себе содержало как бы семена всей Жизни, в том числе, внутренней (батин).

В. В. Бартольд вообще считает, что Медресе как таковые появились в Средней Азии и образом для них послужили, как ни странно, Буддистские Монастыри. Медресе Средней Азии были более специфицированы под преподавание наук, связанных конкретно с Исламом, хотя, порою, там изучались и более светские учения. Там же преподавалась и медицина...

Вообще, тема среднеазиатских Медресе огромна и мы отсылаем заинтересованного читателя хотя бы к статье в Википедии, которой достаточно для получения общего представления по теме (https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Медресе_Средней_Азии).

Мы же ограничимся тем, что изречём Эссенцию: Медресе — Ковчег Знания и Гнозиса.

Три таких Ковчеха ориентированы почти по сторонам Света, Юг открыт, остальные магистрали заняты огромными зеркалами и Квадратами Ковчегов Знания.

Это — Сердце Самарканда и сие накладывает свой отпечаток возвышенной утонченности.

Внук Амир Темура (пишут и «Амир Тимур») Улугбек, кроме того, что был правителем, поэтом и историком, самое главное — любил Звёзды. В Самарканде построили удивительную обсерваторию и потомок Тимура составил Каталог, где описал 1018 звёзд.

Не имеющее Имени, не существует: так, Улугбек, умножив Звёзды, превзошёл предыдущие Сферы, воспарил от Десятого

Интеллекта (см. Философию Ибн Сины) значительно выше, вытягивая свой народ ближе к Аллаху и приближая Небо, а значит — Закон, к земле. Он, по сути, как бы магнитил Ишрак в мир материи, совершая акт оперативной Алхимии Платонизма...

Естественно, за такое, он был предательски убит в возрасте 55 лет.

Обратимся к Мавзолею Тимуридов, здесь есть одна очень интересная деталь: Амир Тимур похоронен у стоп Суфийского Учителя, а далее, уже у стоп самого Тимура — захоронение Улугбека.

Мы видим некую Линию Передачи и в ней есть своя логика: Тимур Великий опустил Небо на землю непрерывными походами и битвами, его Внук, тинктурировал всё это иным, более тонким, способом.

Тимур как бы меж двух Людей Знания...

Мавзолеи.

Их довольно много в Самарканде. Батин подразумевает бараку и возможность её передачи. Собственно, отсюда берёт начало Культ Святых (Авлия): по идее, у них должны испраши-

вать Гнозис, взывать о даровании возможности распознавать Батин и сотворять Путь-Тарикат. В контексте захир, такого рода Мавзолеи, почти (или не почти) ширк. На деле, множество людей приходят с мирскими прошениями удачи в мирских делах, действительно превращая это в ширк.

Оператор, заинтересованный в Передаче (причём, не обязательно он должен быть мусульманином и Суфием, вполне можно испрашивать Наитончайший Гнозис, Его дарование, а это — вне каких-либо ограничений) может совершить в Самарканде своеобразный Пилигримаж на данную тему.

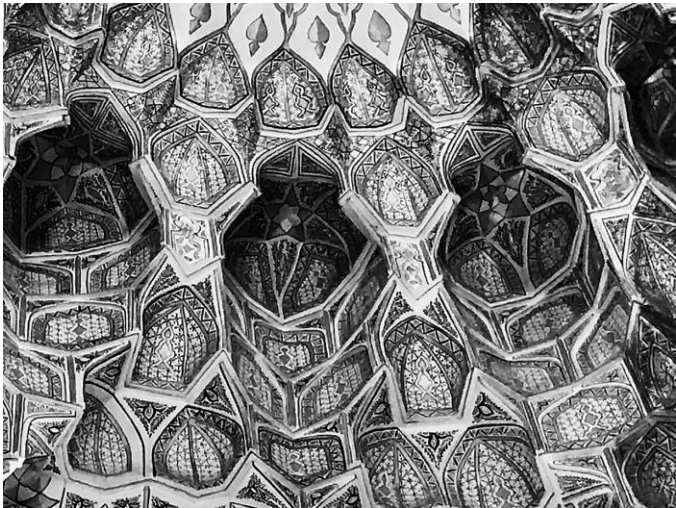
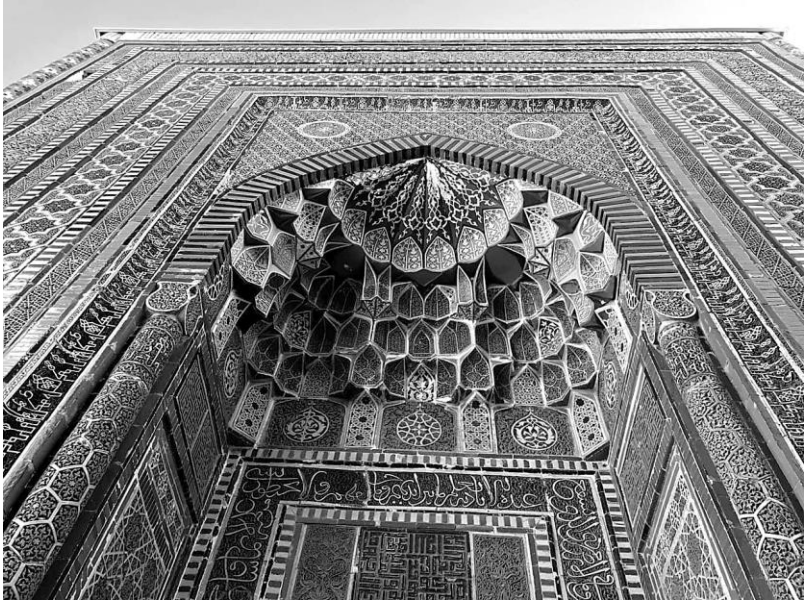
Нюанс: если оператор ограничен Священным и его спецификациями, то есть, он обусловлен Тонким, то Паломничество в Мавзолеи Суфиев и Святых возможно только в контексте суфийского Пути и Ислама.

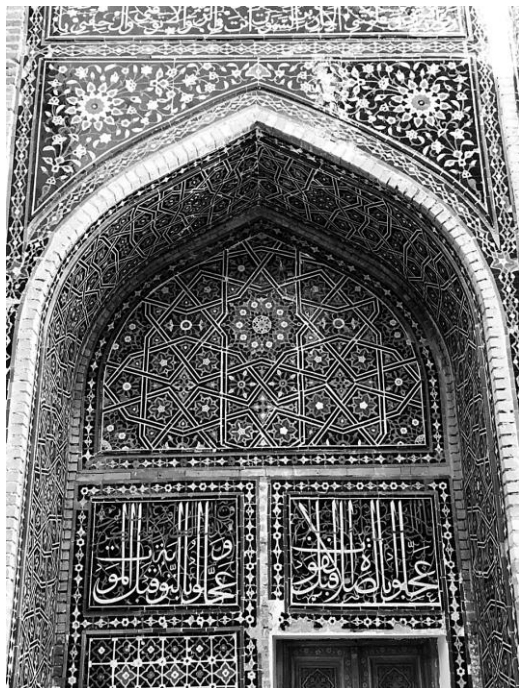
В таком срезе главными Мавзолеями Самарканда являются Гробница Тимуридов и Небесные Селения Шахи-Зинда.

Для кого-то может оказаться очень значимой Святыня, связанная с Пророком Даниилом.

Есть и захоронения других выдающихся Операторов и Адептов...

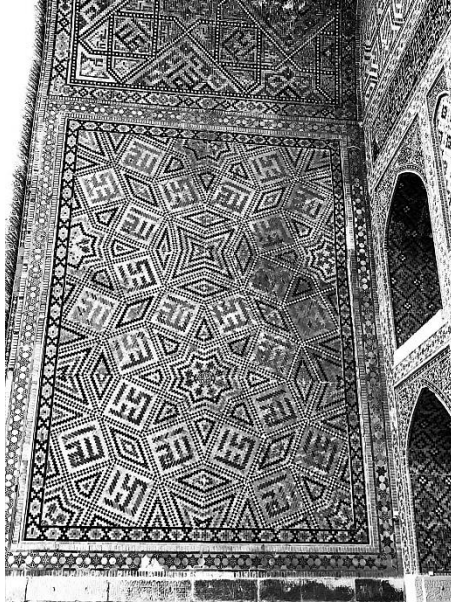

Рядом с этим Мавзолеем Амира Тимура находится очень аскетичная Гробница.

Вот цитата о ней, в таких /.../ скобках наши примечания:

«Мавзолей Рухабад был построен в 1380 году по приказу Амира Тимура над могилой исламского богослова и мистика шейха Бурханеддина Сагараджи, особо почитаемого современниками Тимура.

Бурханеддин Сагараджи внес значительный вклад в распространение ислама среди кочевников Восточного Туркестана. Исламский богослов пользовался большим влиянием при дворе китайской династии Юань и был женат на китайской принцессе /возможная связь с Буддистскими и Даосскими Линиями Передачи/. Точная дата его смерти не установлена, но известно, что умер он в Китае. После смерти, согласно завещанию Сагараджи, его прах был перевезен сыном Абу Саидом в Самарканд.

Окруженное ореолом святости имя шейха послужило причиной названия мавзолея — Рухабад — «Обитель духа». Это нетипичное для того времени однокупольное сооружение без входного портала построено из жженого кирпича и выглядит очень скромно на фоне Гур-Эмира и Ак-сарая, расположенных по соседству.

На основании в виде куба зиждется арочный восьмигранник с окнами на главных осях, а венчает сооружение сфероконический купол /Куб-Восьмигранник-Сфера: это Формула решения Уравнения Освобождения/. Согласно легенде, в купол замурована коробка с семью волосками из бороды пророка Мухаммеда /окрашивающий Ингредиент/, которая принадлежала святому шейху.

В мавзолее три входа с севера, запада и юга. Внутренний декор мавзолея также очень скромный: едва ли не единственным его украшением является двухметровая керамическая панель в основании стен со вставками глазурованных кирпичей в виде узкой ленты. Здесь находятся простые надгробия Сагарджи, его жены-принцессы и 9 детей».

(Источник:

www.advantour.com/rus/uzbekistan/samarkand/rukhabad.htm).

А теперь самое время уделить внимание Небесным Селениям Шахи-Зинда. Прделаем ту же операцию с цитатой:

«Недалеко от мечети Биби-Ханум расположен один из самых загадочных и неповторимых архитектурных памятников Самарканда — комплекс Шахи-Зинда, состоящий из вереницы изящных, сверкающих голубыми красками усыпальниц. Гармонично сплетаясь в живую и подвижную композицию, разновременные мавзолеи тесно сгруппированы вдоль узкой средневековой улочки. Шахи-Зинда состоит из одиннадцати мавзолеев, которые были построены друг за другом в 14—15 веках /это и есть Небесные Селения/.

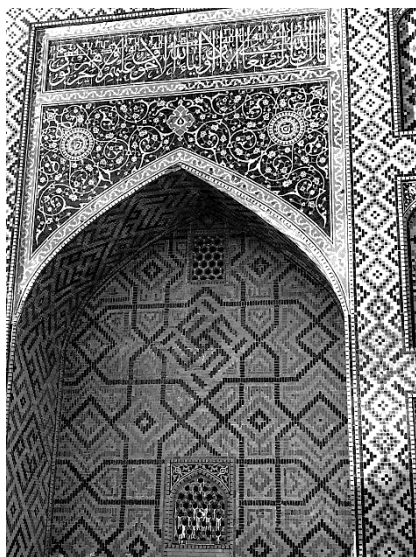
(...)

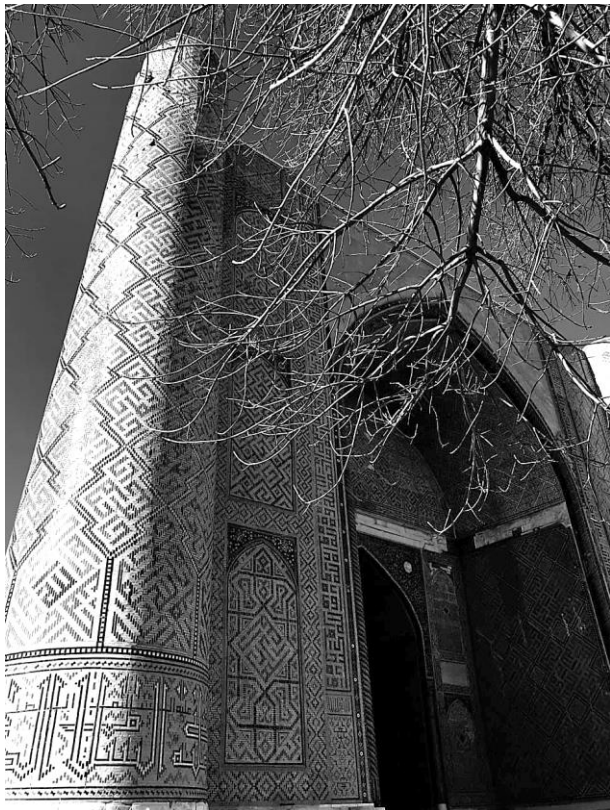
Шахи-Зинда — место захоронения царственных особ и знати /здесь есть связь с Хварено Зороастрийцев.../. Но основным мавзолеем, откуда и начинается некрополь, считается мнимая могила двоюродного брата пророка Мухаммеда — Кусамы ибн-Аббаса /так реализован некий Крест: Горизонталь — Родственники Амир Тимура, образующие Расплав; Вертикаль — сподвижник

Печати Пророков, окрашивающий этот Расплав; так преодолевается кровно-родственная Демиургия Великой Матери, самый ужасный ширк/. Его так и называли «Шахи-Зинда», что в переводе с персидского означает «Живой Царь». Он был одним из тех, кто проповедовал ислам в этом крае и позже этот комплекс стал важным местом паломничества, почитаемым в народе как святыня. По преданию, Кусам ибн-Аббас пришел с проповедью в Самарканд в 640 году, где провел 13 лет и был обезглавлен зороастрийцами во время молитвы /интересен сакральный символизм обезглавливания, есть параллель с Матаморосом и Дионисием Ареопажитом (Сен Дени)/.

(...)

Все мавзолеи комплекса Шахи-Зинда отмечены единым композиционным решением. Это квадратные купольные здания, вход в которые выделен портиком /решение Квадратуры Круга.../. Поражает богатейший архитектурный декор зданий, в котором использованы поливные кирпичи, майоликовые плитки, резная мозаика.

Последнее сооружение — это главный вход в склеп Шахи-Зинда, который завершает весь ансамбль. Надпись на главном входе гласит: «Это величественное сооружение создано Абдулазизханом — сыном Улугбека-Гурагана, сына Шахруха, сына Эмира Тимура-Гурагана в 838 году» (1434/35 н. э.). Поднявшись на тридцать шесть ступенек, вы окажетесь на открытой галерее. Здесь, слева и справа, расположены склепы — мавзолеи близких родственников Тамерлана. Галерея заканчивается круглым двором со сводчатой аркой. Под ним направо древняя резная дверь, которая ведет к главной святыне ансамбля Шахи-Зинда — мавзолею Кусамы ибн-Аббаса, двоюродного брата пророка Мухаммеда. В народе бытует легенда о нем, как о Шахи-Зинде — Живом Царе».

(Источник:

www.advantour.com/rus/uzbekistan/samarkand/shakhi-zinda.htm).

Шахи-Зинда особенно дышит в вечерних сумерках, впрочем, как и ужасающе великая Мечеть Тимура, Биби-Ханум.

Сюда хорошо попасть одному. В молчании.

И чтобы дул сильный холодный ветер.

13) ПО СУФИЙСКОМУ СЛЕДУ. ХАЗРАТИ ДАУД.

Наступил последний день пребывания в Самарканде.

Утро.

Идей куда податься пока нет: мы успели почти всё. Жалко только, что Пещера Пророка Давида недоступна, занесена снегом — так нам сказали уже трое. Хозяин гостиницы звонил друзьям, они живут где-то там рядом и все подтвердили, что доступа нет.

Около 9.30 утра. Нахожу ещё один ресурс в интернете. Смотрю. С радостным удивлением обнаруживаю ещё одну суфийскую Обитель и ещё одного Кутба, Махдуми Азама. Он, изначально принадлежал к Накшбандия, потом создал свою Ветвь Ордена, то есть, — стал Кутбом.

Его захоронение и Остров Бараката находится всего в 14 км от нашего отеля. Нужно брать такси, вызванное администратором отеля, запрашивает слишком грабительскую цену. Отказываюсь.

Некий внутренний импульс ведёт меня в город, сначала иду в одну сторону, потом, резко меняю направление и, наконец, выхожу к стоянке такси слева от Регистана.

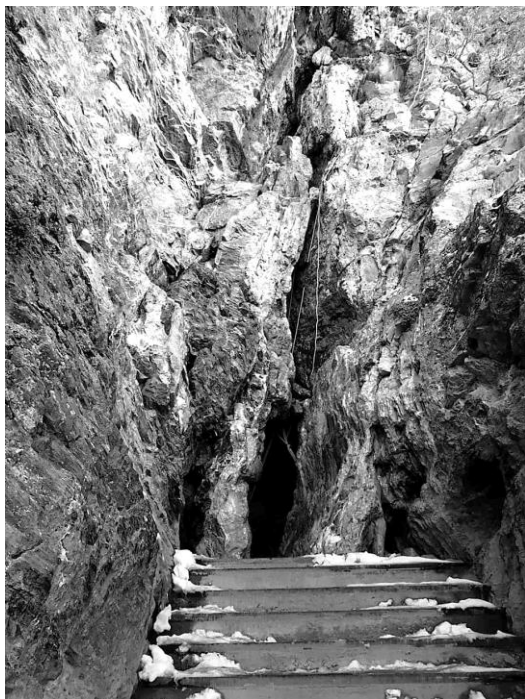
Подхожу к первой машине, водитель — худощавый и спокойный паренёк, Азиз (потом уже знакомимся).

Говорю, куда нужно, Азиз называет приемлемую цену. Едем.

Понемногу завязывается песня разговора. Робкие вопросы. Молчание. Ответы... молчание. Капля за каплей: Кто, куда, зачем, откуда...

Говорю, среди прочего, мол, жаль что Хазрати Давуд, Пещера Давида, закрыта в связи со снегопадом.

Азиз удивляется и уверяет, что туда попасть таки можно. Волна радости резко вспыхивает белизной взрыва в пространстве, становится понятно, к чему были все эти метания и перемены направления: нужный человек, нужные слова в нужное время. А привёл к ним — аромат Суфийской Розы Махдуми Азама.

Приезжаем к месту.

Иду.

Текке (здесь, впрочем, более в ходу термин ханака), суфийская Обитель. Мечеть, комнаты-кельки, старые деревья, ограда, отдельно стоящий минарет, кладбище... На первый взгляд, ничего такого. Всё более чем скромно.

Несколько человек. Они почти не говорят по-русски. Иду к могиле. Напротив — лавочка. Сажусь. Мысленно произношу Воззвание Пилигрима.

Рядом сидит имам. Он только что закончил распев молитвы для пяти посетителей. Оставляю подношение в положенном месте. Имам улыбается, между нами проскакивает некая искра. Ощущение дома.

Просто вернулся.

Присутствие Кутба несомненно.

Иду в главный квадрат.

Присаживаюсь под древнее Дерево, потом окажется, что его посадил Кутб. Что-то совершилось. Какая-то Правильность разлита вокруг.

Побыв немного, ухожу.

Встречаю ещё одного местного насельника: он не говорит по-русски, но сердечно желает обрести Бараку Кутба — это ясно по его сияющим глазам и деснице, приложенной к сердцу. Отвечаю ему.

Все довольны.

Всё как в идеальном обществе.

Теперь, дорогие Друзья, цитаты о Кутбе:

«Изучение многогранного духовного наследия Махдума Азама сегодня приобретает особую актуальность, так как поднимаемые им в философских трактатах проблемы не имеют временного ограничения.

Как сообщает «Самаркандский вестник», исламский богослов и мистик, представитель суфизма, основатель школы «Дахбе-дия», крупный теоретик и шейх учения Накшбанди Саййид Ахмад ибн Джалалиддин Касани, или Махдуми Азам, родился в 1461 году в городе Касан Ферганской долины. В юности Махдуми Азам учился в известном тогда медресе в Ташкенте, став мюридом видного в Средней Азии последователя накшбандизма Ходжи

Ахрара. После его смерти он стал учеником Маулана Мухаммада Кази, а позже наставником накшбандистов.

Благодаря таланту, знанию тасаввуфа и фикха, он прославился среди народа, поэтому Махдуми Азам в начале XVI века был приглашен в столицу шейбанидов в качестве советника по религиозным делам самим правителем Джанибеком Султаном. Наставническая деятельность Махдуми Азама являлась весьма многогранной, он был удостоен почётного титула «пири шасти» как воспитатель шестидесяти святых.

Махдуми Азам жил в очень сложное время, когда распадалась империя тимуридов. Столкновение амбиций и политических интересов наследников престола сопровождалось игнорированием соблюдения справедливости, которой придерживался сам Сахибкирон, это отрицательно влияло на обстановку в стране. Поэтому он старался сглаживать противостояние наследников престола, призывал их во имя Аллаха к мирной жизни, объединению своих сил.

Махдуми Азам оставил после себя более 30 научно-философских, религиозных и дидактических работ, которые сегодня хранятся в центре восточных рукописей Ташкентского государственного института востоковедения. Среди них есть книги, посвященные проблемам воспитания молодёжи, сохранению семьи, духовному совершенствованию человека. В них поднимаются вопросы сохранения мира и согласия, соблюдения толерантности во всех ее смыслах.

По убеждению Махдуми Азама, «истиной сущностью Вселенной является сам Аллах, созерцающий Себя, как в зеркале в совокупности ее составных частей». Вместе с тем, мыслитель не ограничивается признанием сотворения мира Богом, а углубляется в детальное рассмотрение совершенного человека, его связи с миром, обществом. Совершенствование — дело самого человека, оно навязывается извне, а сам человек с помощью божественного призвания, которое есть в душе, может достичь духовного, нравственного совершенства. Человек, по мнению Махдуми Азама, обладает способностью не только телесного и умственного познания, он имеет божественные способности, которые занимают особое место в духовной, интеллектуальной жизни человека.

В философском наследии Махдуми Азама центральное место занимает человеческое бытие, жизненные потребности, интересы и общественные связи человека. Сердце, душа человека

стремятся к Богу, но они способны решать земные дела. Благодаря им человек выполняет свой общественный долг, создает семью, занимается полезными делами, воспитывает своих детей, молодёжь. Женщина (мужчина) создана для мужчины (женщины), считал Махдуми Азам, поэтому тот, кто живет в семье, создает семью, тот соблюдает установления Всевышнего. Если семья прочная, то члены семьи получают духовное удовлетворение не только от совместной жизни, но и от социальной среды, от существующих общественных отношений, от деятельности государства.

В 12 км от Самарканда в местечке Дагбит находится место упокоения великого Махдуми Азама, умершего в 1542 году. Правитель Самарканда Ялангтуш Баходур на могиле Махдуми Азама в поселке Дагбит соорудил ханака. Позже здесь были построены медресе и мечеть».

(Источник: Пресс-служба Управления мусульман Узбекистана; <http://muslim.uz/index.php/rus/stati/item/12714>).

«Научное наследие Махдуми Аъзам Касани является квинтэссенцией философской, религиозно-просветительской и социально-нравственной мысли Востока. Поэтому в нем можно заметить влияние Конфуция, Лао-Цзы, Боязида Бистами, Джалолиддина Руми, Ибн ал-Араби, Ахмада Яссави, Абдухалика Гиждувани, Бахауддина Накшбанди, Мухаммада Порсо, Ходжи Ахрора Вали, Мавляна Мухаммада Кады и других суфийских мыслителей. Но это не помешает рассматривать научное наследие Махдуми Аъзама Касани как своеобразную философскую, социально-нравственную систему».

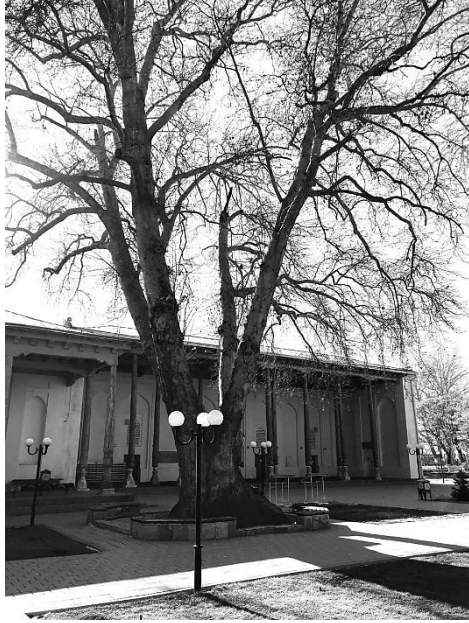
(Источник: Тураев Б. О., Артиков М. А. — «Махдуми Аъзам: мыслитель-гуманист», стр. 24).

Данные отрывки говорят сами за себя и почти ничего не передают сущностно, зато позволяют неугомонному уму строить всё новые последовательности. Как десятому колесу.

Как — необходимой шестеренке в двигателе социума.

Конечно: Кутб был не такой. Описана внешняя (захир) биография. Оператору она не нужна.

Батин — в данном случае направил нас прямо к Давиду, одному из Девяти Достойных Нашего Рыцарства.

Направляемся в Хазрати Дауд.

Вот вполне популярный материал о данном месте, тем не менее, достаточный для первичного представления о нём.

А в таких /.../ скобках наши замечания.

Итак:

«Одно из известных святых мест Узбекистана находится в 40 км к юго-западу от Самарканда, на территории села Аксай. Это пещера Хазрата Дауда (святого Давида), почитаемого сразу в трех мировых религиях. Она окутана множеством легенд, которые из года в год пересказываются местными жителями паломникам, приезжающим попросить помощи у святого, исцеления от болезни или исполнения заветного желания.

По арабской легенде библейский царь Давид был отправлен Господом в Азию проповедовать единобожие. Хазрат Дауд, как называют его мусульмане, своими проповедями разгневал живших здесь зороастрийцев, которые стали преследовать его. Дауд укрылся в горах и, взмолившись к Богу, смог руками раздвинуть камни и укрыться в горе /из всего данного отрывка определённую ценность представляет последний пассаж, о том, как Давид раздвинул руками камни: возможно, здесь есть некий Ключ; бывает, такого рода метафоры, связаны с Первоматерией; Пещера...; Царь в Горе...; Скрытый Имам.../.

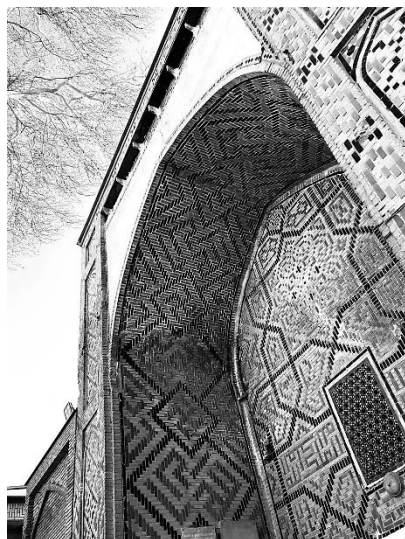
По другой распространенной легенде Давид искал тайное место, чтобы отдохнуть перед битвой с Голиафом. Джинны перенесли его в горную местность неподалеку от Самарканда, но ифриты нашли его и принесли на своих спинах великана Голиафа. Тогда Давид обратился с молитвой к Богу с просьбой спрятать его, ибо не был он пока готов к битве с Голиафом. Он бежал, пока на пути его не встали неприступные скалы. Веруя, что Господь защитит его, Давид начал рыть углубление в каменной глыбе, вдруг ставшей в его руках мягче воска. Он прошел вглубь скалы, оставив ни с чем разъяренного Голиафа, бесильно колотившего дубиной по скале /та же тема, но в контексте дуалистического противостояния, которое, как раз весьма зороастрично/.

Считается, что в пещере Хазрата Дауда исполняется любое, даже самое невероятное желание /просто прочитал Воззвание Пилигрима: что ещё можно желать?!/. Чтобы добраться до нее

нужно преодолеть 1303 ступени, ведущие круто вверх на пик горы /Операция Возгонки; повышение своих вибрационных параметров; акцент на переключение режима гравитации на его антипод; вознесение к точке (Тавхид)/. Здесь, на вершине, можно помолиться в старинной мечети /о чём и речь/. Затем нужно спуститься на 200 ступеней вниз к самой пещере Хазрета Дауда /ещё одна Операция: Синяя Роза поправки гордыни и ослабления сияния; противоядие Люцифериянству/. Пещера шириной от 0,5 до 4 метров, высотой до 15 метров и длиной до 30 метров представляет собой темный туннель /очень важная информация, особенно, в контексте Божественного: так джинны охраняют Суть и обитают они в тотальном идиотизме населения/, в конце которого можно увидеть отпечатки ладоней и ступней Дауда /их пальцы имеют по 28 суставов, столько дней в лунном месяце/. Загадывать желание нужно прикоснувшись к ним.

Преодолеть около 2000 ступеней по силам не каждому паломнику. Местные жители предлагают взобраться на гору на ослике или лошади».

(Источник: www.advantour.com/rus/uzbekistan/samarkand/hazrat-daud-cave.htm).

Что поделать, повествования подобного рода нужны и интересны, однако, толку от них, практически ноль.

Попробуем по-иному взглянуть на вопрос.

Нам нужна точка Оперативного Входа.

Религия здесь не поможет, ибо она — опиум для народа.

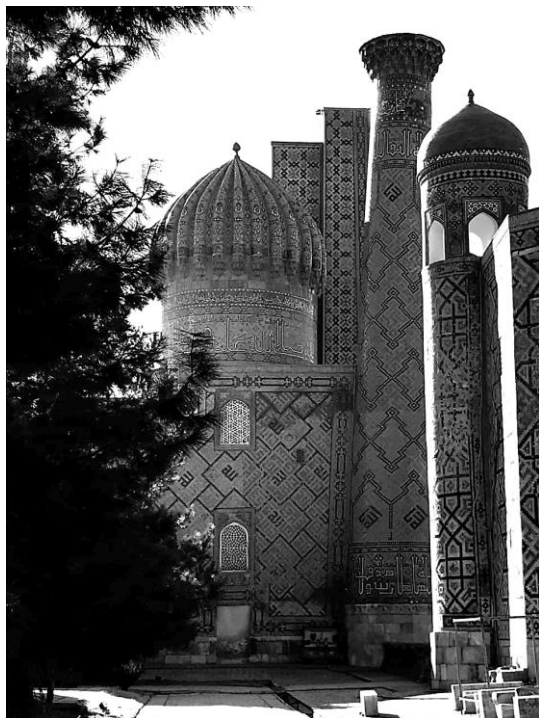
Наука — тем более, ибо она, медленный яд в стакан кефира обывателя, всегда ищущего конфету и плётку.

Можно, конечно, почитать Александра Блока вкупе с Фёдором Сологубом; прослушать лекцию о Бёме и уйти с караваном...

Где она?

Как найти трещину в концептуальном стакане и в подсознательном тотальном неверии хомо интернетикус в любого рода сказки? Нафс, эго, почти всегда присваивают себе религию, они защищают не Бога, — себя любимого; они изучают не Бога, но накатывают резьбу страдания на серьезности бесконечного лицемерного вранья самому себе же.

«Хлопцы, не все сразу», — деловито сказала она, привычно принимая уже вполне удобную позу.

Дозу самообмана...

Плен иллюзий...

Что ещё обретаем мы в плену у постоянной суеты?

В делирии обмана, маразм на дне стакана.

Может ли гражданин совершать Паломничества?

В состоянии ли культурный ассистент кучи замшелых авторитетов вытащить портянки из своих же ампутированных ног?

И как взбираться на гору?

Вопросы.

Вне лицемерия религии.

Вне примитивной производственной (ещё и мало помогающей) магии.

Идти к Давиду

Одному из Девяти Достойных.

Только испытывая боль. Мучения от самоузнавания всей степени лжи. От сбрасывания кожи. Ведь все люди потому и не знают Истину, потому им и плохо, что пролонгировано кокетничают со страданием. Вальсируют свою инвалидность. Нафс так играет. Он любит серьёзность и опоры.

Короли возятся в навозе свиней.

Цари прислуживают рабам.

А всё по-другому.

Ты идёшь в себе. Молишься в Мечети своего Сердца. Приходишь к Давиду в себе...

Ибо, кроме Тавхида нет ничего.

Вообще ничего.

«Нет Бога, кроме Аллаха».

«NNDNN/SNTDG»

И: всё понятно.

Ключевые слова: 26 марта 922 года; Мансур аль-Халладж.

14) ЭФФЕКТ ТЮБЕТЕЙКИ. САМАРКАНД И ОКРЕСТНОСТИ.

Среднеазиатская Традиция (и не только она) подразумевает практически постоянное ношение тюбетейки. Этот головной убор имеет довольно много вариаций, но сумма принципов организации её вещью более-менее подобна всюду.

Считается, что тюбетейка защищает от злых сил.

Когда довольно долго её носишь, возникает ряд своеобразных ощущений.

Можно, в первом приближении, выделить несколько аспектов.

Первый: закрыта макушка без перекрытия пояса жара головы, находящегося на уровне висков. Экран-щит перекрывает макушку; очень часто черно-магическое внедрение в структуры человека как раз идёт неким накатом, сверху вниз, через макушку. От него защищаются двояко: перекрывая вход, как бы герметизируя; наоборот, создавая мощнейший поток к Небу и обратно, не давая входить чему-либо чуждому...

Второй: тюбетейка служит своеобразным отражателем. Свет Сердца, отражаясь от её зеркала, более полно и равномерно насыщает лунный, в своей сути, мозг. Так имеет место ещё один тип герметизации...

Самарканд.

Итак, что-то около 50 км на запад, находится величайшая СВЯТЫНЯ Хазрат Дауд, связанная с Воинским Опусом.

Святое место.

Интересно и то, что на юг от Самарканда, порядка около 40 км расположено Плато Дьявола или Шлем Иблиса. Местные считают его проклятым местом.

Вот общая информация на тему:

«В Самаркандской области, всего в 30 км от города находится одна таинственная долина — «Шайтан жига» или «Шлем дьявола». Это очень загадочное место. Там располагаются огромные валуны, гранитные глыбы причудливых форм.

Странные камни раскиданы по долине, имеют фантастические формы, напоминающие то ли лица демонов, то ли черты языческих божеств, то ли фигуры диких животных. В тёмных камнях и правда можно разглядеть тигра, громадную лягушку, медведя и даже хищную птицу.

Каменные глыбы, скорее, скульптуры, разглядывая которых, даже не верится, что в их создании постаралась сама природа. Некоторые скульптуры каждый может трактовать по-своему, в них можно увидеть великана с отрубленной головой, прижимающихся друг к другу головами исполинов, гигантский череп головы, расплавленные замки, застывшие лабиринты, окаменевших воинов и многое другое.

Многие туристы замечают неприятную атмосферу в этом месте, валуны кажутся совсем неприветливыми и пугающими. Здесь нет деревьев и кустарников, местные жители предпочитают обходить плато стороной. Весной из-под камней пробиваются родники, и пастухи приводят сюда пастись домашний скот.

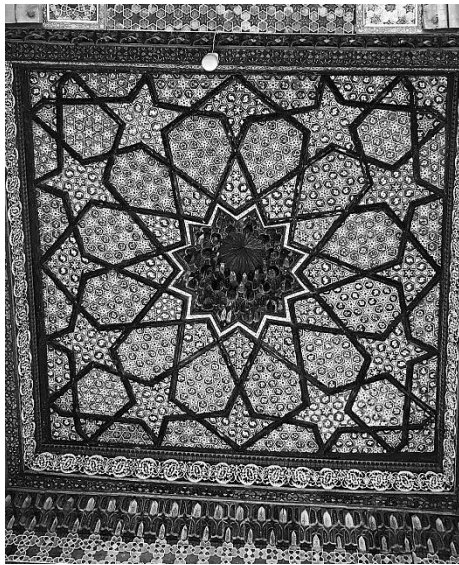
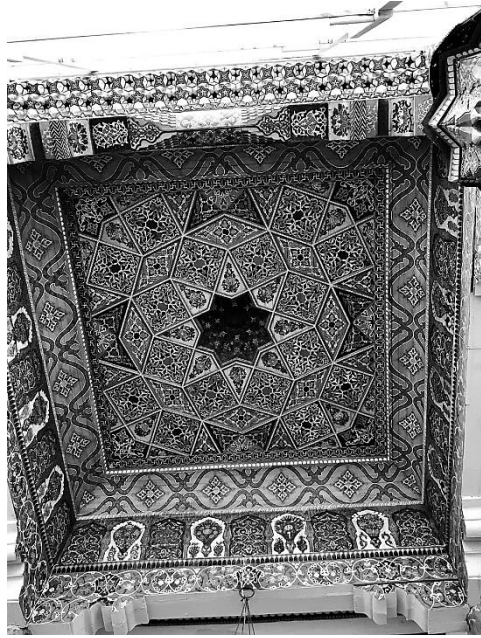
Никто точно не знает откуда пошло такое название. По местному преданию, в языческие времена здесь проводили обряды жертвоприношения, а также во время встречи Света и Тьмы земные богатыри проводили свои сражения, вырывая из земли скалы и горы, и бросая их в друг друга. Так горы разрушались, а их обломки приняли такие невероятные формы».

(Источник: <https://uzbekistan.travel/ru/o/dolina-demonov-chudesaprirody/>).

Как видно из отрывка и понятно из логики немирского, Самарканд и его окрестности пронизаны несколькими кардинальными нарушениями структур Срединного мира, причём и Вверх и Вниз...

Потому, понятно зачем массам шариат.

Вернёмся, однако, к аль-Халладжу. Как известно, его очень жестоко казнили. Приведём важную цитату, подробно описывающую этот запредельный Опус (Халладж смог объединить исключительно сложные переживания от невыносимой боли и Состояние Истины):

«Смертный приговор Халладжу был вынесен, однако, лишь через 10 лет. Все эти годы он провёл в тюрьме. Приговор был приведён в исполнение в 922 году. Согласно преданию, по дороге к месту казни закованный в кандалы Халладж танцевал и декламировал четверостишие о мистическом опьянении. Затем он попросил своего друга подать ему молитвенный коврик и прочитал молитву, коснувшись в последний раз невыразимой тайны единства и разделённости человека и Бога.

(...)

Халладж получил 300 ударов плетью-многохвосткой. При каждом ударе голос из ниоткуда восклицал: «Не страшись, сын Мансура!». Суфийский мастер шейх Саффар позднее сказал, вспоминая тот день: «Я уверовал в преданность палача больше, чем в преданность Халладжа. Хотя голос слышался очень отчетливо, его рука была тверда».

Халладж был приведен на место казни. Сто тысяч человек собрались здесь, и когда он посмотрел на толпу, он выкрикнул:

«Хакк, хакк, хакк, ана'л хакк» — «Истина, Истина, Истина, я есмь Истина».

В это время некий дервиш попросил Халладжа о наставлении в любви. Халладж сказал, что дервиш увидит любовь в этот же день, на следующий день и днем позже. В этот день Халладж был умерщвлен, на второй день его тело было сожжено, а на третий день его останки были развеяны по ветру. Своею смертью Халладж показал, что Любовь означает страдание во имя других.

Когда его вели к месту казни, он выступал весьма горделиво.

— Отчего ты выступаешь столь горделиво? — спросили люди.

— Я горд оттого, что продвигаюсь к месту, где меня зарежут, — сказал он. Затем он запел:

Мой Возлюбленный не заслуживает обвинений,

Он дал мне вина и ухаживал за мной,

Словно хозяин, привечающий гостя.

Когда же настало время, он приказал подать меч и плаху.

Вот награда для тех, кто в летнюю жару

Пьет старое вино со старым львом.

Когда его подвели к помосту для свершения казни, он сам добровольно взошел на помост по лестнице. Кто-то спросил о его хал (духовное состояние, внутреннее переживание). Он отвечал, что духовное путешествие героев начинается на вершине помоста для казни. Он прочел молитву и начал подниматься наверх.

Его друг Шибли присутствовал здесь и спросил: «Что же есть суфизм?». Халладж ответил: то, что видел Шибли, это самая нижняя ступень суфизма.

— Что же может быть выше? — воскликнул Шибли.

— Опасаюсь, что для тебя нет пути узнать это, — ответил Халладж.

Когда Халладж взошел на плаху, Сатана явился ему и спросил: «Ты произносил «Я», и я произносил «Я». Отчего же тебе суждено вечное всепрощение Бога, а мне — вечное проклятие?».

Халладж отвечал: «Ты произносил «Я» и всматривался в себя, я же отделил себя от «Я». Я получил прощение, а ты проклятие. Помышление о себе является недопустимым, а отделенность от «Я» является наилучшим из благих деяний».

Из толпы стали бросать камни в Халладжа. Но лишь когда Шибли бросил ему цветок, Халладж впервые вскрикнул от боли.

Кто-то спросил: «Ты не выказывал никаких признаков боли от ударов камней, цветок же ранил тебя. Отчего?».

Он ответил: «Тех, кто несведущ, можно извинить. Но непремено видеть, как бросает Шибли, поскольку он знает, что не должен этого делать».

Затем палач отрубил ему руки. Халладж засмеялся и сказал: «Легко отрубить руки связанному человеку, но требуется герой, чтобы отрубить руки всем тем качествам, которые отделяют человека от Бога». (Иными словами, оставление мира множественности и достижение единства с Богом требует огромных усилий).

Затем палач отсек ему ноги. Халладж улыбнулся и продолжал: «Этими ногами я путешествовал по земле. У меня же есть иные — для путешествия в обоих мирах. Попробуйте отсечь эти, если сможете!».

Затем Халладж подтянул обрубки рук к своему лицу так, что и лицо и руки окровавились. «Для чего ты окровавил свое лицо?» — спросили люди. Он ответил, что от потери крови его лицо побледнело, и он румянит свои щеки кровью, чтобы люди не думали, что он бледнеет от страха перед смертью.

— Для чего же, — спросили они, — ты окровавил свои руки?

Он сказал:

— Я совершаю омовение. В молитве Любви только два раката, и она требует омовения кровью.

Затем палач вырвал у Халладжа глаза. Присутствующие вскрикнули. Некоторые плакали, другие сыпали проклятиями.

Затем ему отрубили уши и нос.

Палач собрался вырезать ему язык, когда он попросил мгновение помедлить, чтобы что-то сказать.

— О Боже, не отринь этих людей, ибо то, что они совершают, они совершают во имя Тебя. Благословение Господу за то, что они отсекали мои члены во имя Твое. И если они рубят мою голову, то и это во Славу Твою. Затем он процитировал из Священного Корана: «Те, которые не уверовали в Судный День, поспешествуют узреть его, но уверовавшие предостережены, ибо ведают, что это истинно».

Его последними словами были: «Для тех, кто прозрел, достаточно одного — Возлюбленного».

Его изувеченное тело, которое еще выказывало признаки жизни, оставили на плахе в назидание другим. И лишь на следующий день палач наконец отсек ему голову. Когда он совершал это, Халладж улыбнулся и умер. Люди завопили, но Халладж выглядел истинно счастливым и довольствующимся волей Бога. Каждая часть его тела начала кричать: «Я есмь Истина!». Во время его смерти каждая капля его крови, упавшая на землю, приняла форму имени «Аллах».

На следующий день те, кто злоумышлял против него, решили, что даже рассеченное на части тело Халладжа может вызвать смуту, поэтому вышел указ сжечь его. Но даже пепел кричал «Я есмь Истина!»».

(Источник, великолепный сайт:

<http://www.platonizm.ru/content/mansur-al-halladz>).

Как говорится в таких случаях, комментарии излишни.

На фоне такого, любого рода страхи и опасения за своё тело выглядят всецело нелепыми...

Вот уж Халладж манифестировал Универсальное Лекарство!

Вернёмся к пирамидам из человеческих голов, припоминая тему Амира Тимура.

Есть весьма здоровое и банальное объяснение в русле простейшей воинской Магии.

После боя, побеждённые, часто притворялись мёртвыми, пытаясь перележать так исход битвы. Естественно, не выявленные симулянты, потом могли представлять партизанскую угрозу. Тимуру Великому это было неприемлемо.

Логика простая: отсечённая голова безусловно лишает персонажа жизни. Так зачищалось наперёд возможное сопротивление и предотвращались новые жертвы. Ненужные жертвы. А когда все головы отсечены и их много, почему бы не сложить из них пирамиду, совершив и акт Подношения Богу чаш человеческой гордыни и самомнения и, передавая своеобразно конкретное сообщение потенциальным врагам о степени опасности сопротивления имперскому импульсу Амира Темура.

Мир, умытый Истиной
Совсем не такой, как был.
Пространства мерцают таинственно,
Ясность, вместо перил.

Терять иллюзии довольно тяжело.
Но, рано или поздно, придётся.

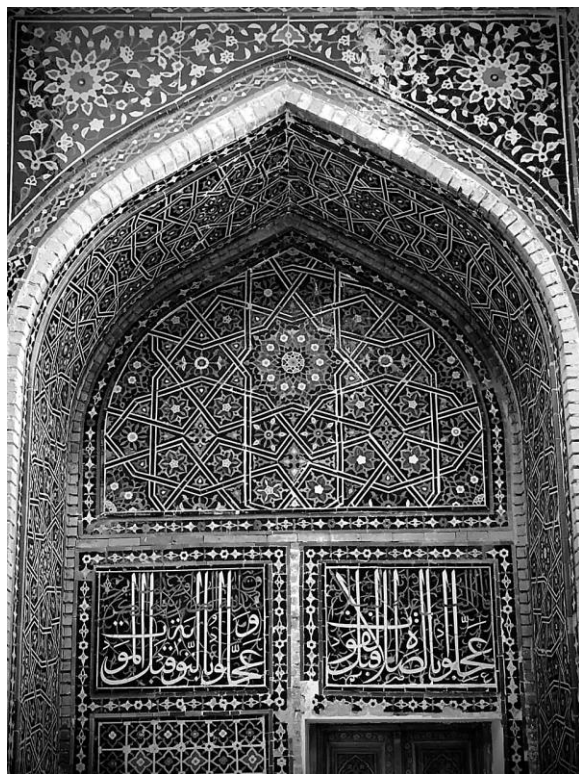
15) ХРУСТАЛЬНЫЕ ЧЁТКИ БЛАГОУХАЮЩЕГО ЛАБИРИНТА.

Можно, а почему бы и нет, выложить Лабиринт (этот символ Пути) лепестками Роз...

Тогда первый же порыв ветра сметёт эту эфемерную Красоту.

Можно, высадить Лабиринт Розовыми Кустами. И ходить им, разрывая колючками в кровь кожу.

Можно, мир окрест узнать как Розу и в сюжете собственного быта распознавать Алхимический Лабиринт.

Небесные Селения, Шахи-Зинда.

Опять вечер.

Снова: почти закрытие, густые сумерки и — никого.

Есть здесь один мавзолей с глазированной плиткой равномерного синего цвета, ей что-то около более шестиста лет. Если выключить свет, в темноте, зажечь живой огонь, спичку или зажигалку, то на этой плитке, волшебным образом, проступают вязи символов. Что они означают, неизвестно. Кто в курсе, тот молчит. Как это сделано древними — не ясно. Плиток таких — сотни...

Сокрытый Сад.

Самарканд.

Мы покидаем его.

Будем ли ещё когда-то здесь, неизвестно.

Шахи-Зинда. Сумерки.

Тишина. Синие Мавзолеи небесной улицы. Этот аккорд достоин завершить Опус святого города Амир Тимура.

16) ОТКРЫВАЯ БУХАРУ...

Не особо длительный переезд, такси, — Бухара.

Как-то так почти сразу.

В озере восприятия ещё рябь от Самарканда, от его узоров и их ритмов. Спутники, уставшие и сонные, уходят отдыхать; я ныряю в новый град.

Куда выведет...

Несколько Медресе с внешней прекрасностью, похожей на самаркандскую, но более уставшей. Иду к Мавзолею Ишони Пира — он наглухо закрыт.

Оттолкнувшись от цепей и замка, продолжаю поиск входных точек. Какие-то грязные улочки, закоулки, сельского типа, заброшенные школы...

Понятно, что внешний пейзаж часто служит отражением внутреннего состояния и даже событийно симметричен ему. Бывает так.

Но бывает и по-другому, когда тебя просто атакуют или когда созрели причины из неизвестного прошедшего.

В любом случае, Пилигримаж всё и всегда обостряет.

В этом смысле — он глубоко личное дело, но изложение сего опуса и его чтение не всегда бесполезно: какие-то нюансы чужого опыта, порою, драгоценны сверх любых оценок. Не всякое можно обрести посредством личного переживания: многое тебя просто убьёт слишком рано. Ещё до умных выводов.

Интересующихся как бы оправдывает (их легкомыслие) и извиняет то, что они, в принципе, не понимают с чем имеют дело. Чтобы намекнуть, приведу некий рассказ из реальной жизни.

Жил себе один монах. Он очень хорошо ориентировался в богословских вопросах и вёл внешне праведную жизнь. Этот монах всё недоумевал от сложных переживаний своих коллег, связанных с бесконечными войнами со грехами и нечистой силой.

Монах сей всё упрекал своих сотоварищей, что мол мало они усердны и вообще несколько тупы, параллельно бахвалясь, что ему сам Сатана не страшен.

Всё так и шло...

Пока, как-то одним прекрасным свежим утром, данный монах не был найден мёртвым под монастырскими кустиками: потом, врачебная экспертиза констатировала смерть от инфаркта.

Бывают, конечно, обычные инфаркты...

Но, почему-то, один прозорливец сказал, что к монаху как раз явился тот, кого он не боялся узреть: монах был убит ужасом, вследствие контакта с Дьяволом...

Возможно, монотеизм видит некий симметр Бога тоже совокупно единым в лице Сатаны. Другие Традиции созерцают, скорее, множественные иерархии самых разнообразных демонов.

Но все они, проецируя и переводя сие inferнальное на человеческий язык, очень раздражены людьми. Ведь, потенциально, человек способен взлететь выше ангелов, а оперативно, чаще всего, мелочен и ничтожен и, потому — бросовая еда для зверей Ада. Inferнальники надёжно держат подавляющее большинство на цепях страстей и жёстких концепций.

В любом случае, Паломничество — дерзкое и опасное заявление на Освобождение и ад не прощает этого осмелившимся.

Потому, не-Воину здесь конец. Так, или иначе. Через сладость или через гадость. Через боль, или через удовольствие.

Если уж ничего не подействует, то через тонкую гордыню...

Вспомним аль-Халладжа и его Опус: вот какая УЖАСНАЯ мера стоит за суфийским батин.

Этого, не стоит никогда забывать. Даже если всё идёт мягко, легко и расслабленно (такое, крайне редко, но всё-таки, бывает), всё равно, под этим цветущим льдом радости всегда такие шокирующие глубины.

И: есть разница. Вытащить небольшую занозу из пальца; изъять нож, насквозь пробивший руку; или — стрелу, прободившую туловище полностью. Кто больше видит — тому большее перераспределить и усвоить. У того — в разы опаснее Опус и больше цена.

Конечно, приятно почитать замечательную книгу про утонченных Суфиев, полюбоваться их великолепными орнаментами и посетить Мавзолеи Святых.

Однако, ни в коем случае нельзя забыть Икону Магистрала: аль-Халладжа.

Итак, Бухара.

После Самарканда, тесноватый город со старыми, грязными улицами, побитыми временем, Медресе и уставшими домами.

Первое ощущение, какой-то томности, какой-то чрезмерной лабиринтности, чего-то не совсем того...

Понятно, что, вполне вероятно, Бухара здесь ни при чём.

Постепенно грязная, полуразбитая, улица приводит к парку, мимо неуютного рынка, — вот она, первая Святыня, Мавзолей Саманидов.

Этой постройке — более тысячи лет и она уникальна во всех отношениях. Сразу чувствуется очень мощное Присутствие.

Оно тёплое, почему-то, Зороастрийское, Суфийское и Буддистское...

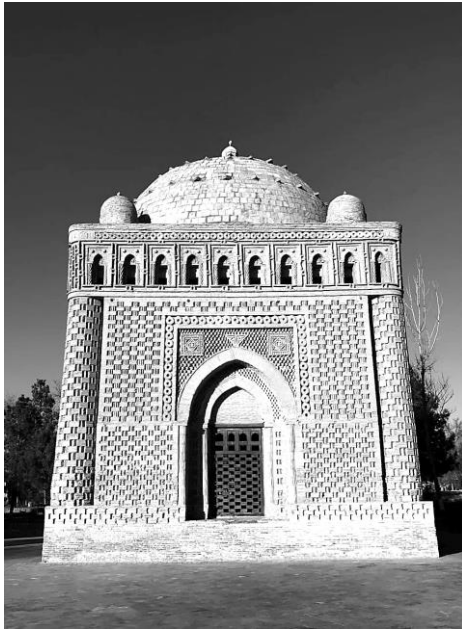
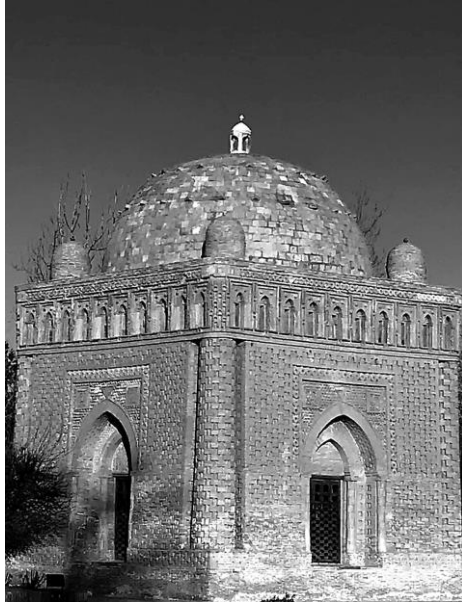
Уже потом, прочитаю в Википедии:

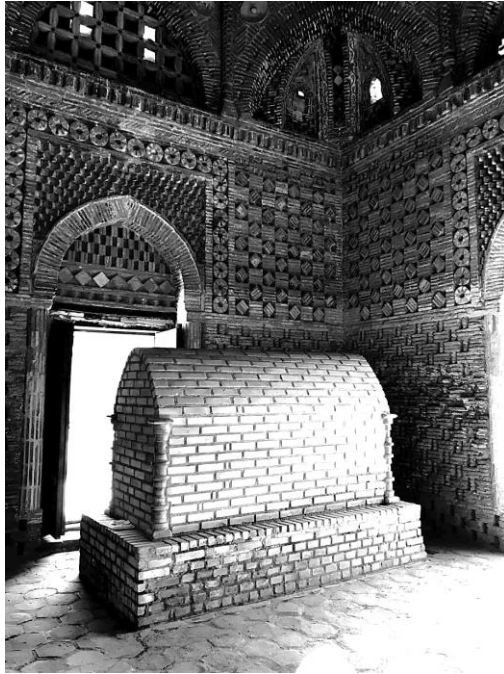
«Узбекский ученый Ш. С. Камолиддин представил убедительные доказательства буддийского происхождения этого проекта. Знаки на стенах мавзолея Саманидов представляют собой сложную геометрическую композицию, состоящую из встроенных друг в друга квадратов и круга в середине, являются особой разновидностью буддийско-манихейской мандалы, что можно рассматривать как символы буддизма. Полагают, что общая планировка мавзолея при «взгляде» сверху является точным воспроизведением буддийско-манихейской мандалы».

(Источник: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Мавзолей_Саманидов).

В данном случае, сия цитата является результирующим выводом на основе компиляции нескольких научных работ.

Действительно, точка отсчёта Бухары обнаружена: от неё и течёт Гнозис данного града... поэты Рудаки, Дакики, историки Наршахи, Табари, Балазури, Великий Ибн Сина, некоторое время в Бухаре жил Омар Хайям...

Итак: привело в, наверное, самое древнее и истоковое сооружение Бухары — Мавзолей Саманидов. Однозначно, место содержащее концентрированный Гнозис и безжалостно напоминающее о качествах Сансары.

Потом — поход уже под крепостью Арк: странные стены, с выступающими бочковидностями...

Понемногу приходит шок осознания ужасающей содержательности и глубины Бухары; параллельно, узреваются неисчислимые сонмы демонов, привольно млеющих в жиге человеческой мерзости и напластования веков...

Уже все вместе едем в Мемориальный комплекс Ходжи Бахоуддина Накшбанди.

Ясное и светло-вознесённое место. Молимся и Взываем у Могилы Кутба...

Несколько позднее узнаём, что существует Семь Святых Мест Суфизма вокруг Бухары и есть определённый порядок их посещения. В данный комплекс приходят в самом конце, по завершению такого хаджа.

Странно получилось: первый день, как в зеркале, отразил всё. Сначала — древняя Альфа Бухары, Мавзолей Саманидов; на закате дня, Омега: комплекс Бахоуддина Накшбанди...

Возвращаемся.

Событийно, получаем те же Алиф и Тау: очень жёсткий конфликт. Примечательно, что вчера, после Хазрати Дауд, была достигнута большая победа в вопросе, который не давался с десяти лет.

Сегодня, потеряно почти всё.

Ценой расслабления и попраiania гордыни, возвращаем мир и реставрируем ритм.

Будто побывали в топке поезда и в камнедробильной машине одновременно.

Впрочем: некая часть всё это созерцала легко и отстранённо, может потому, временное поражение не стало катастрофой всего Паломничества.

К ночи, Бухара таки впустила, взяв весьма немалую цену со всех нас. Поскольку, сюжет данных опасностей и конфликтов связан с личными тайнами участников, постольку он описан не будет. Достаточно упоминания, более того, имея в виду аспект оперативности данного отчета, оно необходимо и должно быть насыщено намёком на степень пережитой деструкции.

Что и сделано.

А далее, будь что будет.

Не бойся Нижних Миров.

Не трепещи пред Верхними.

Не растеряй себя в суете Средних.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

17) ВОПРОС АДАПТАЦИИ КРОВИ. БУХАРА.

... он возникает при столкновении с инфернальными модусами (или, если угодно, с Ужасом Бездны) в себе. Не зря говорят, что кровь стынет в жилах: порою, она просто болит и ноет, испытывая Ужас, от встречи с адскими реалиями. Выдержать это, особо ослабить кровь, призвать Огни Линии Передачи — это и есть Опус Рыцаря.

Просто боец при встрече с Ними, обречён: дурдом или смерть. Воин уже может. А Рыцарь — в любом случае, так или иначе, коснётся этих испытаний.

Колодцы Святости пробивают континуум этой реальности. Отдача от этого удара распахивает и Врата Вниз. Множество слоёв героистории похожи на яму с компостом.

Бухара.

Она осязается более материальной, чем Самарканд. Более уплотнённой, насыщенной и прелой. Здесь меньше полёта, намного меньше свежести, но есть кладбище опыта и много кладов Святости. Её Сакральность не дана так просто, здесь какой-то весьма сложный узел самых разнообразных пневм. Люди более липкие, дух Торговли тут выражен очень явственно и это как раз убивает свежесть, сообщая приторность приватизации липкой ленты времени, на которую пытаются собрать чем побольше мух-денег.

Утро второго дня. После ночных сражений за Адаптацию Крови, иду в одинокое плавание.

Направляюсь в Мавзолей Саманидов. Понимается, что батин потому и закрывают от масс, что эти неисчислимы пневмы внутренних миров просто снесут персонажа. Глубокий покой, контроль страстей, свобода от жёстких концепций, не просто добрые рекомендации, но — условия выживания, когда процесс уже пошёл.

Мавзолей Саманидов.

Ему более тысячи лет.

Особое, Святое, место.

Его план вполне соответствует Мандале Пяти Дхьяни-Будд. Официально, Правитель, захороненный там, принадлежит Исламу, больше, всё-таки, Суфийскому. Говорят, что в него заложена ещё и Манихейская и Зороастрийская подоплёка.

Один из углов Мавзолея, при взгляде, находясь внутри интерьера, представляет собою Голову Льва.

Символ Солнца, Огня и Золота. Так, Усыпальница неожиданно прочитывается как Котёл Нашего Огня. В этом Котле сплавляются различные Сакральности, в одну Истину.

Долго здесь сижу...

Устойчивое, хорошее, точное, ощущение.

На первый взгляд, это небольшое сооружение из обожженного кирпича очень простое, на самом деле тут сокрыт Волшебный Шар Универсума. Причём: в его сакральном дыхании.

Квадраты, Ромбы, Круги, Двойные Кресты, окна (их всего 40)... Земля, Небо и дыхание Человека и Человеком насквозь...

Узел, принявший в себя столь разные Потоки — Правитель.

Он здесь и упокоен.

Совсем рядом с Мавзолеем находится Великая Святыня: Источник Святого Иова, находящийся внутри Мавзолея Чашма-Аюб. Здесь же, по одной из легенд и похоронен данный Пророк. Прожил он, согласно Корану, 254 года...

Святой Иов весьма примечательный Символ сакральных Книг. Мы не будем здесь пересказывать Его историю, заметим лишь, что Иов как бы держит особый Гнозис, который можно выразить как-то так:

«В радости, не забывать о Боге. Во времена тяжелых испытаний не забывать о Боге.

Не привязаться к приятному и не отвлекаться на него через это.

Не быть рабом избегания от неприятного и плохого и не отвлекаться на это. Уповать только на Истину и через Неё видеть всё».

Пророк Иов — Святой тотальности, настоящего Тавхида.

Жил он около 3600 лет тому назад...

Вода Иова.

Ею можно умыться. Можно испить её. Можно распознать субтильный серебряный шум и эту вибрацию пустить в русло своей

крови, тинктурируя её молитвенным шепотом данного Пророка. Вбирая Знание о тотальности всего и о том, что можно освободиться от болезни «принятия-отвержения».

Далее — путь в Комплекс, связанный с Абу Хафс Кабиром.

Там обнаруживается сильное и устойчивое Присутствие.

Его биографию интересующиеся могут изучить сами, а мы приведём пару цитат из наставлений Абу Хафса:

«Десять вещей плохи для десяти категорий людей: поспешность (т. е. суетливость) для правителей, скупость для богатых, корысть для ученых, алчность для бедных, нескромность для известных, знаменитых, стремление молодиться для старых, стремление мужчин быть похожими на женщин, а женщин — на мужчин, обивание подвижниками порогов мирян, хамство для рабов».

(...)

«Десять вещей делают высокой степень ученого: боязнь Аллаха, дача добрых наставлений (всегда и всем), проявление доброты и милосердия, выносливость при постижении лишений, терпеливость, мягкость, скромность, непосягание на добро ближнего, постоянное вдумчивое чтение книг, неучинение преград, то есть, не препятствовать никому, держать двери одинаково открытыми и для царя, и для нищего. Ибо до нас дошло то, что пророк Давид а. с. претерпел страдания из-за препятствующих»».

(Источник: <https://www.islamrf.ru/news/culture/legacy/27437/>).

Такого типа наставления характерны и для Даосской среды. На первый взгляд может показаться, что это просто нравоучения для хорошего социального общежития.

— Не только так.

Сии формы самодисциплины и осознанного поведения, при постоянной практике, изменяют базовый статус пневмы, — энергия становится как бы латами Порядка и это, в том числе, повышает шансы выжить при обострении инфернальных эксцессов и выжить после смерти...

Упаковываются и структурируются эти комплексы изменений постоянным деланием Ритуалов, у мусульман, в первую очередь Пентаграммой Намаза...

Тёплый весенний день.

Опять Вечный Апрель.

Снова — весенняя нега пробуждающихся садов. Миную Крепость Арк: химеричные башни, так странно похожие на амфоры...

Довольно высокие стены.

Чуть дальше — Лазурные Купола Бухары и колосс Минарета.

Кстати, есть мнение, что название «Бухара» происходит от «vihara» — «буддистский монастырь».

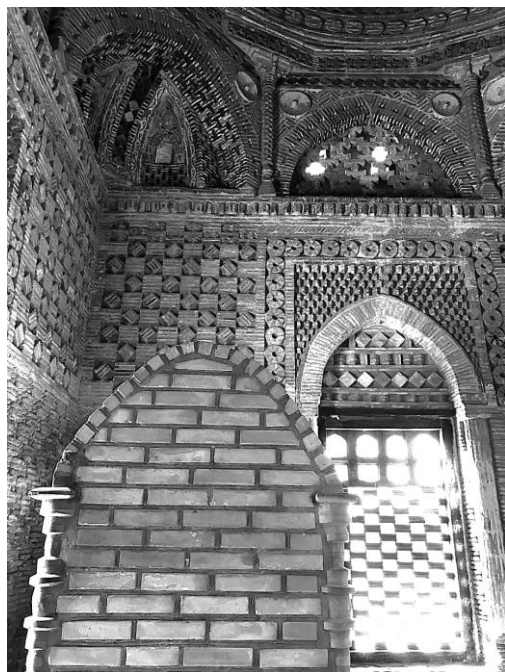
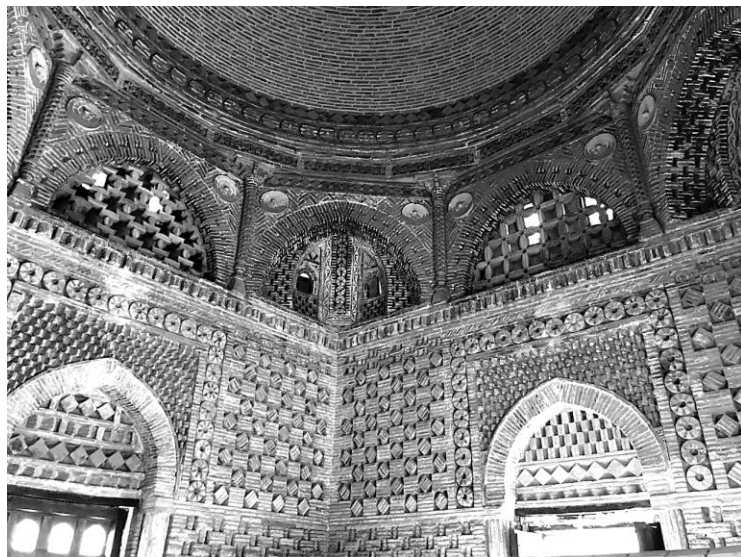
Во второй половине дня свершается Пилигримаж в Город Мёртвых «Четыре Брата».

Сначала, приведём некую цитату, которая введёт вас в контекст, чуть больше, Мертвой Воды, или, захир, внешнего описания:

«Некрополь Чор Бакр изначально был задуман как сад, среди которого стояли бы здания мечети, ханаки и медресе, и все это над могилой предка Ходжи — Абу Бакра Саада. Эти сооружения возвели в кратчайшие сроки, вокруг были высажены кипарисы, чинары и сосны, и проложили дорогу от ворот Бухары. Это было прелестное место, сам хан отдыхал частенько в этих садах, а по каменным дорожкам ходили студенты медресе, с каламмами и толстыми книгами под мышкой. Посреди площади выстроен небольшой минарет, как и любой Бухарский, повторяющий формой и фонарем минарет Калян.

Ходжа Ислам умер, и его похоронили у могилы предка, в трех саванах из парчи. Это было началом некрополя и родовой усыпальницы Джуйбарских ходжей.

Время не пощадило терракотовый некрополь, но даже реставрированный, поднятый из руин он производит впечатление. Бухарские учителя истории любят проводить в нем свои занятия по периоду правления Шейбанидов. Молчаливый, строгий и возвышенный город, с множеством улочек, усыпальниц, дверей и проходов — это настоящее место для медитации. Тут не увидишь туристического потока или множества паломников, — некрополь тих, и только звук неплотно смыкающихся дверей под замочками нарушает тишину. И крики павлинов, расхаживающих по могилам. Каждый раз, входя в усыпальницы, невольно произносишь: «Здравствуйте... Извините за беспокойство...».

Несмотря на то, что Джуйбарские ходжи были мусульманами и суфиями, возле некоторых могил можно увидеть зороастрийские светильники, небольшие цилиндрические сооружения, с нишей посередине, для зажигания огня. Остались следы древней майолики и высоких каменных оснований. А еще на могилах растет очень странное дерево — чулон, которое в древности называли «Разрывателем злых духов». Его ствол выщерблен, как старая стена, среди листьев растут очень острые колючки-семена. И оно дает причудливую тень, которая ложится загадочной каллиграфической вязью на древние могилы».

(Источник: <https://dolorestravel.com/ru/blog/news-chor-bakr>).

Место прозрачно.

Нас встречает местный дервиш. Он весь облеплен голубями, а рядом не спеша бродят павлины. Приветливо поздоровавшись, дедушка резво насыпает корм и нам: вот уже и мы все в голубях, острые коготки гуляющих птиц царапают макушку. Все смеются. Так познакомившись, идём к Мечети. Дервиш выводит нас на крышу, говорит, вот полюбуйтесь. Что мы и делаем.

Вокруг — граненая ритмика кладбища, могилы, склепы... Минарет.

Во дворе галдят и играют дети. Шум их голосов привольно разлетается по пустой свежести.

Направляемся к могилам Святых.

Переходим меж ними, хрустальные чётки отражают терракот глиняных и кирпичных надгробий. Сухое состояние и ощущение. Шелестит Воззвание Пилигрима, Шлем Славы всё время проявлен сквозь чело...

В Бухаре есть пословица:

«Во всём мире Свет приходит сверху, с неба.
И только в Бухаре он идёт вверх, из земли».

Её смысл трактуют как тот факт, что здесь похоронено очень много Святых и их Барака излучается неким Солнцем вверх.

Пожалуй, можно понять и по-другому.

Сколько не ходи по Бухаре, а так, или иначе, время от времени, будешь сверять свой опус тут по главному Минарету, очень похожему на Маяк.

Уж если, сей Минарет — Маяк, то её величество Пустыня — Море. Океан изотропного песка.

Минарет довольно древний и по легенде сам Чингиз-хан рассматривал его после успешного взятия города.

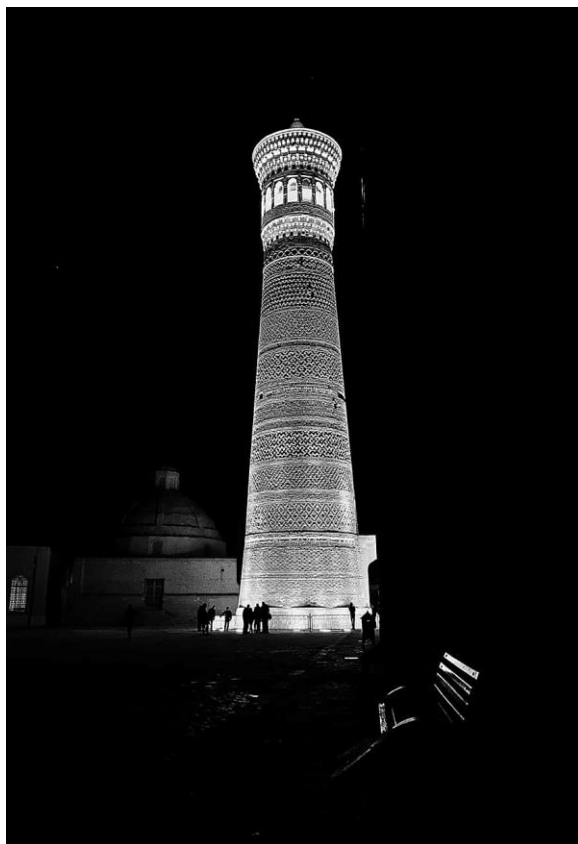
Вот цитата, дающая для начала достаточную информацию:

«Минарет Калян, или большой Бухарский минарет, построен в период правления Арсланхана. Это самое высокое сооружение в городе (46,5 м). Дата постройки — 1127 год — частично сохранилась на одном из его терракотовых поясов /то есть, ему почти 900 лет/.

Минарет представляет собой массивный круглый столб, сложенный из жженого кирпича на крепком алебастровом растворе.

Внутри он полый и имеет винтовую каменную лестницу (104 ступеньки), слегка сужен кверху и увенчан цилиндрическим фонарем-ротондой с 16 арочными проемами.

Минарет служил местом призыва мусульман на молитву. По пятницам с вышки соседней мечети, по каменному мостику, связанному с минаретом, поднимались четыре муэдзина, которые провозглашали азан, затем с вышек остальных мечетей, которых в городе насчитывалось более 200, начинали призывать к молитве местные азанчи. Высокий минарет служил также и наблюдательным пунктом, откуда следили за появлением врага. До сих пор на его вышке сохранилось караульное помещение.

Существует мнение, что минарет выполнял роль маяка для торговых караванов.

Во время правления Мангытов с башни минарета сбрасывали вниз на каменную площадку осужденных на смерть. Отсюда и происходит позднее название минарета — Башня смерти.

Минарет занимает большое место в силуэте Бухары. Он выполняет роль городской доминанты. В узорчатой кладке его корпуса имеются элементы народного орнамента. В этой декорации ярко отразился своеобразный стиль, близкий к декорировке мавзолея Исмаила Самани. Но с другой стороны, стиль караханидской эпохи отличается от стиля периода Саманидов. Здесь утеряны глубина и легкость декорировки и подчеркнуты плоскость и расчлененность узорчатого рельефа.

Голубой пояс его фонаря представляет кладку XVI века. Старый фриз состоял из поливных плит (XII в.) светло-голубого цвета (фрагменты фриза хранятся в филиале Бухарского историко-краеведческого музея в Махасе).

В настоящее время минарет освобожден от наслоений почвы у фундамента, глубина которого более 10 метров. Нижняя часть корпуса реставрирована. Она представляет десятигранник, на котором стоит корпус минарета».

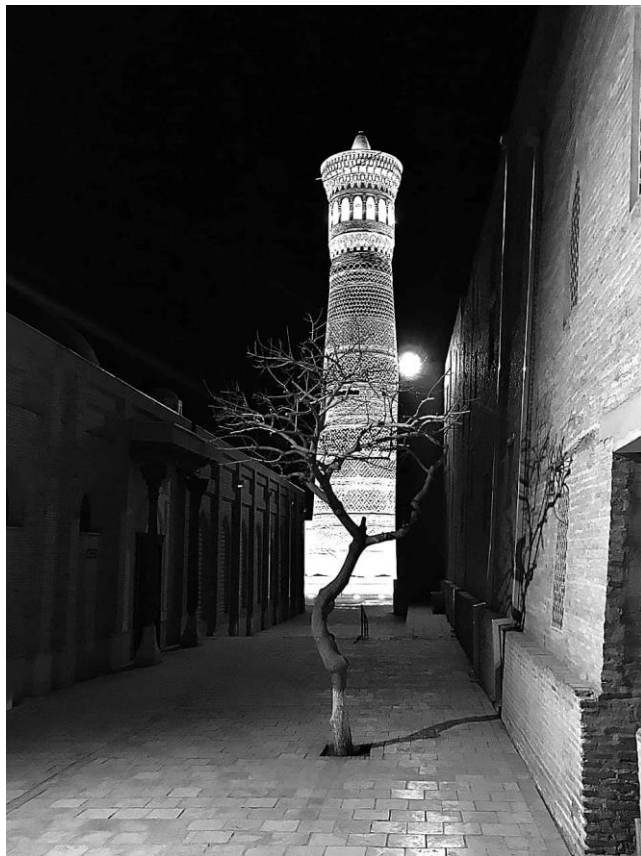
(Источник: <http://www.malika-bukhara.com/rus/kalyan-minaret.htm>).

Минарет, особенно такой, символизирует Ось и Центральный Канал. Приход пневмы в него манифестируется оперативным Знанием Истины.

Где Истина: там Свет идёт и сверху, и снизу; потому что — Он центральный. А знающий Центр, обретает формулы Левого и Правого, Мужского и Женского.

День плавно растворяется в ночь.
Время сказок заканчивается.
Начинается час снов.
Про — незримую и беспристрастную Любовь.

Лампа Алладина, здесь, всё более проступает, её связь с Таинством Минарета как раз и указывает на связь Сферы и Древа...

18) ВОЛШЕБСТВО ЧОР-МИНОР. БУХАРА.

В Бухаре есть удивительное сооружение, Чор-Минор. Это не очень большое здание, скорее всего, своеобразное Медресе: четыре Минарета (скорее, даже, небольшие башенки) с лазурными куполами и каждый из них, со своим убранством.

Два этажа. Пристройки.

Чор-Минор похож на столик с мощными ножками, которые так же мощно упираются своей синевой в синеву Неба.

Между этими башнями расположен небольшой купол, на нём имеются рёбра жесткости.

Состояние подле Чор-Минор умыто чистое и спокойное. Внутрь сооружения попасть нельзя, однако, нахождение в его дворе дарует определённый духовный опыт. Скорее всего, архитектура данной сакральной постройки символизирует Четыре Стихии и Квинтэссенцию. Лазурные навершия башен (для куполов они, всё-таки, слишком маленькие) сразу же определяются как безусловная доминанта и потому здание читается сверху вниз: оперативность начинается с Небесной Синевы и проходит в Голубые навершия.

Здесь важный момент: такой вектор определяет то, что Четыре Стихии подразумеваются не в вульгарном, осязаемом, варианте, но как их сублимные корни — Тонкая Вода, Тонкий Огонь и так далее...

В таком контексте можно сказать, что Квинтэссенцией сих Тонких Стихий является Благородная Душа.

Душа Рыцаря.

В местной спецификации: Душа Суфия.

Возможно, её и обозначает купол в центре.

Таким образом, Чор-Минор, в общем виде содержит в себе способ созерцать мир не материалистически. Не от данных сенсориума.

Но — в платонической оптике. От Единого к вещам. От эйдосов к осязаемому.

Ум первичен.

И точкой его перехода сюда есть Четыре Тонкие Стихии. Пожалуй, их можно символически выразить Четырьмя Светами и Четырьмя Коренными Звуками.

Мы опять созерцаем Мандалу Пяти Дхьяни Будд. В этом плане Чор-Минор созвучен Мавзолею Саманидов.

Бухара, всё-таки, Вихара, буддистский монастырь...

Чор-Минор вполне можно узнать и как Атанор.

А что такое Атанор?

— Тайна.

Так одна Тайна объясняет другую и потому свершается чудо Единой Вещи.

Чудо Единого Эйдоса.

В такой сказке вполне можно жить и не тужить, тотально и всегда претворяя Великий Опус Истины.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

19) БУХАРА. БУДНИ ВОКРУГ МИНАРЕТА КАЛЯН.

Бухара.

Социально-культурное настроение, здесь, будто ты вернулся в начало 90-х годов. Вся та же эстетика, та же ритмика первичной постсоветии. От этого довольно приятно.

Бухара, довольно грязный город. Пища узбеков весьма тяжела и всё это, умноженное на отсутствие хорошего вина, усложняет жизнь.

Если в Турции чётко ощущается некая транзитность, и Мусульманская, и Османская, здесь, всё больше как бы на земле. Социально-религиозный Ислам менее светский, но более добрый.

Сами узбеки весьма сердечные люди, хотя, связанные с торговлей, весьма мутные. Впрочем, как и всюду.

Бухара сильно отличается от Самарканда. Она более фиксированная, некая вещь в себе. Город Амира Тимура пронизан насквозь имперским Ветром.

Бухара, пожалуй, это смесь Земли, Воды и Огня, то есть — Глина.

Воздух здесь выражен весьма слабо, хотя Минарет Калян и площадь вокруг апеллируют и к этой Стихии.

Много Святых.

Много могил Святых.

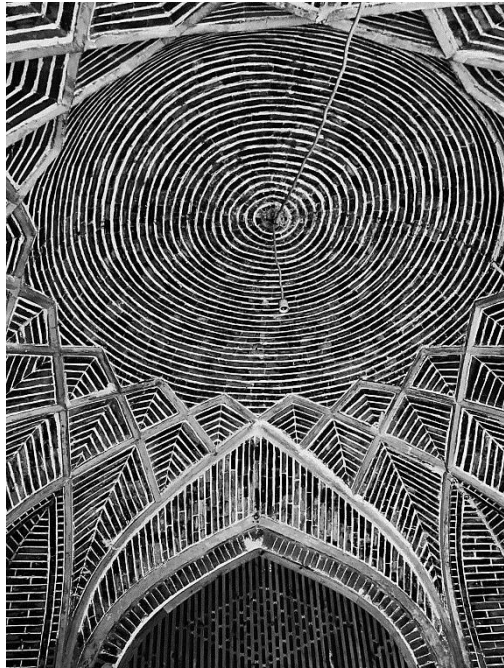
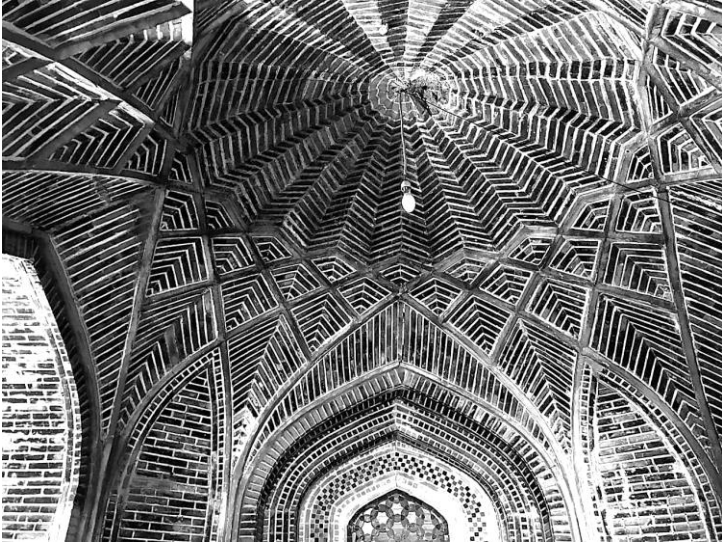
Говорят, всего здесь было около пяти тысяч Адептов...

Возможно ли такое?

В Бухаре довольно много Медресе. Часто, они расположены парами друг напротив друга.

Эти Медресе немного в запустении, однако именно данная специфика транслирует большую аутентичность.

Крепость Арк, снаружи, выглядит довольно интересно и мощно: своеобразные амфороподобные выступы стен и башен, открытый простор перед, всё это создаёт причудливую смесь Водяной Земли и Воздуха. Огня в Крепости как раз и нет. Внутрь можно и не заходить, почти ничего сущностного в турзоне интереса, нет.

Напротив Крепости находится Мечеть Сорока Колонн. Она состоит из двух частей: открытого павильона и внутреннего пространства. Первая часть, по настроению и базовому модусу очень похожа на буддистский Храм.

Вечер.

Конечно же промыслительно пойти к Минарету. Выйти на него по узкой улочке вдоль действующего Медресе. И взглянуть на это сияющее чудо сквозь безлистые ветви январского дерева.

Жизнь на фоне Смысла...

Полная Луна и древний Минарет.

Мавзолее Саманидов и Чор-Минор много чем похожи в сути при внешнем различии.

Ключевое число: Четыре и Суть.

Четыре Стихии и Эссенция, Мандала Дхьяни-Будд.

Сегодняшний день происходит под их эгидой. Вечером удаётся попасть внутрь Чор-Минор и даже подняться на крышу. Удивительной гармонии здание. Однозначно выражает Суфийский Гнозис.

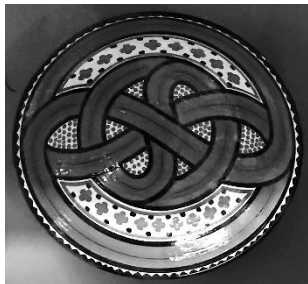
Весьма примечательно: Мавзолей Саманидов, Чор-Минор и Минарет Калян находятся практически на одной линии... создавая своеобразную смысловую ось Бухары.

Всё больше прорывается сквозь внешнее, внутренняя суть: Суфизм, Зороастризм и Буддизм как-то тайно связаны единой Нитью и в Бухаре их кипящий узел.

Сказать «Ислам», почти ничего не сказать. Под этим названием уместаются настолько разные воззрения, что только для описания их различий и нюансировок нужно огромное исследование размером в увесистый том. Потому, зачастую, познание снизу-вверх, от «фактической» базы и структурно организованное, практически сразу обречено на провал. Похоже, каждый Достигший открывал свою уникальную Формулу, пусть и ступая вслед.

В этом плане, наверное, самый эффективный путь как раз и представляет Пилигримаж: ты смиренно, спокойно, неотвратно и тотально спрашиваешь Гнозис у Святых.

Объединяется он в Чаше Грааля с Нашим Красным Белым Вино Истины.

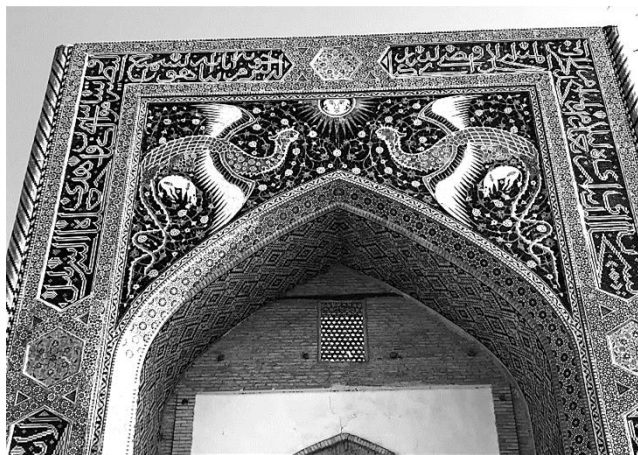
Можно, порою, услышать мнение, что черпать от разных духовных Истоков различных Традиций — это, духовный блуд. С данным утверждением можно согласиться, если вопрошающий даёт запрос Магический, на Силу.

Однако, если, хотя бы немного зная Вкус Тончайшего, Истины, запрашивать Гнозис Тонкого, то, нет здесь никакого духовного блуда.

А есть — Любовь.

Самая большая и сильная Любовь всей судьбы: Любовь Истины.

Остаётся только, как всегда, поставить трюеточие.

20) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-1.

Откуда вообще берётся идея изучать историю?

Почему люди тратят на это силы и время?

Внешний ответ вполне ясен: существующим властям нужна легитимизация во времени. Создаётся исторический миф, где эта самая власть выводится как лучшее следствие всего предыдущего. Сие, всовывается в сознание рабов, которые сами же потом и детализируют этот миф.

Однако, есть и другие подоплёки интереса к истории.

В сакральном приложении вопрос Истории это, в том числе, вопрос Линии Передачи Гнозиса (или — Силы; или, Гнозиса/Силы). В лабиринтах и мифемах истории люди ищут сами себя, своё Хварено.

Вот цитата из некоего словаря, дающая, пусть поверхностное, но представление о Хварено:

«ХВАРЕНО — (зенд.), частица божественной силы и мудрости, даруемая нам и приближающая человека к его Отцу. Она не только освобождает от рабства судьбы, но и возносит над ограниченным временем. Обычно хварено изображают как светящийся нимб. Божественный огонь преобразует не только наш внутренний мир, но и внешний вид, и если человек получил этот дар, то у него на теле обнаруживаются его признаки.

По своим «масштабам», силе и способу получения хварено делится на три вида. Самым главным является хварено царя, которое дается по Божьей воле в счет будущих великих дел. Хварено жреца переходит по наследству и служит признаком чистоты рода, наградой за благие дела предков человека. Хвареном воина человек награждается за добрые дела при этой жизни. Символами трех хварен являются три огня, горящие в зороастрийских храмах».

(Источник: <http://ezo.club/dic/hvareno/>).

В суфийском контексте, имея в виду Хварено, можно говорить о Бараке...

Итак: последний день этого Пилигримажа в Бухаре.

Мы решаем совершить Паломничество к Семи Пирам, важнейшим Учителям и Держателям Суфизма, в данном случае, в основном, связанных с Накшбандия.

Базовая Формула Ислама, как бы общая, весьма конкретна, строга и проработана до мелочей.

Это — Пять Столпов Ислама.

Имеет смысл привести довольно длинную цитату, описывающую общие моменты Ислама (тем интереснее, что она взята с христианского сайта, а в таких /.../ скобках будут некоторые наши замечания, в том числе, цитата уже с мусульманского ресурса):

«Ислам зародился на юго-западе Аравийского полуострова в начале VII в. в Хиджазе среди племен Западной Аравии. Основатель — Мухаммед (570—632 г.), провозгласивший себя пророком. Созданная им община стала основой сформировавшегося впоследствии государственного образования — Арабского халифата.

В настоящее время почти половина всех мусульман проживает в Северной Африке, около 30% — в Пакистане и Бангладеш, более 10% в Индии, первое место среди стран по численности мусульман принадлежит Индонезии. Подавляющее большинство мусульман в России составляют татары и башкиры.

Мусульмане исповедуют, что «нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк Аллаха». Некорректно считать Аллаха тем же Единым Богом, что и в христианстве, т. к. представления мусульман о Боге противоречат Божественному Откровению /сами мусульмане считают по-другому/.

(...)

Слово *ислам* в переводе с арабского означает *покорность*. Ислам также называют мусульманством (от арабского «муслим» — «тот, кто покоряется»).

Согласно вере мусульман, Аллах передал Мухаммеду через ангела Коран, который стал священным писанием для мусульман. Мусульмане противоречиво относятся к Библии, поскольку в ней содержится Откровение о Едином Боге, но нет никаких упоминаний о Мухаммеде. Они считают Библию частично искаженной (но в чём точно, они не знают), но не могут отрицать содержащегося в ней монотеистического знания, заимствованного Кораном.

Коран состоит из 114 глав (сур). Название суры, как правило, не отражает ее содержания, а связано с самой запоминающейся фразой или темой. Помимо Корана, источником вероучения является Сунна — рассказы о жизни Мухаммеда и его высказывания в виде хадисов (сказаний).

В настоящее время ислам разделен на два основных течения. Большая часть мусульман мира принадлежит к суннитам. В частности, к ним относятся около 90% мусульман Ближнего Востока. Другое крупное течение ислама — шииты.

Сунниты придерживаются принятого ими свода хадисов, религиозной практики и правил поведения мусульманина во всех жизненных ситуациях, называя этот свод сунной («обычай», «пример», «направление»). Шииты представляют партию (от слова «шиа» — партия), которая утверждает, что власть в общине должна принадлежать только потомкам Мухаммеда (то есть детям Фатимы, его дочери, и Али, его двоюродного брата), а не выборным лицам, как это существует у суннитов. Они не принимают сунну целиком, дополняя ее своими постановлениями, включающими веру в особых посредников между Аллахом и мусульманами — имамам.

Крупное направление современного ислама представлено ваххабитами, выступающими под лозунгом «очищения» ислама, «возвращения» к порядкам времен Мухаммеда.

В исламе можно выделить следующие главные предметы веры:

1. вера в Аллаха (таухид)
2. вера в ангелов Аллаха (маляикат)
3. вера в Писания Аллаха (китаб)
4. вера в Пророков и Посланников Аллаха (анбийа)
5. вера в предопределение Аллаха (къадр)
6. вера в будущую жизнь (ахъират)

Обязательны для мусульманина следующие пять «столпов ислама» (араб. хамсат уль-аркян аль-ислам) — основные предписания, обязательные для всех мусульман:

1. чтение шахады («нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк Аллаха»);
2. пять обязательных молитв в день («намаз»), выполняемые на арабском языке с соблюдением строго определенного обряда;

3. соблюдение постов в течение месяца рамадан, когда мусульмане обязаны воздерживаться от любой пищи и питья от восхода до заката;

4. паломничество («хадж») в Мекку по меньшей мере раз в жизни мусульманина;

5. пожертвования нуждающимся и на нужды общины («закят»).

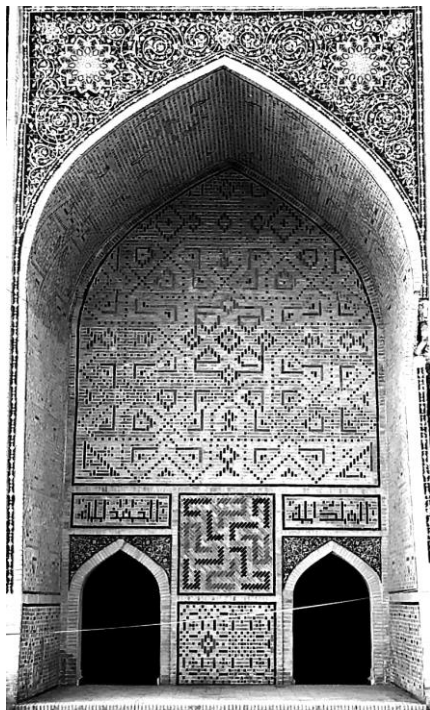
В отличие от христианского Откровения, ислам не учит о том, что Бог есть Любовь /мусульмане с этим категорически не согласятся, например: «Ислам — это религия, проповедующая духовные ценности мира, человеческой свободы, толерантности, любви, милосердия, стремления к знаниям и изучению наук, развитие человеческой мысли и мирное сосуществование представителей разных народов и конфессий.

В Коране говорится: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга» (49:13).

В другом аяте говорится: «Если бы Бог пожелал, то Он сделал бы вас единым народом; но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах!» (5:48).

Почти все главы Священной Книги мусульман начинаются словами, которые ссылаются на Бога как Бога милостивого и милосердного, и, действительно, одним из самых фундаментальных принципов ислама является то, что каждый человек должен неуклонно следовать моральным принципам и ценностям добра, милосердия и сострадания» (<https://www.lolakarimova.com/ru/history-and-culture-of-uzbekistan/the-naqshbandiya/>), воплотившаяся ради спасения людей, а представляет Аллаха лишь как судью, воздающего и наказывающего за дела, предопределяющего человеческую судьбу /слишком категоричное, на наш взгляд утверждение: есть много нюансов и вариантов/. Аллах не любит грешников — это 24 раза повторяется в Коране (2,190), Аллах любит только боящихся его (3,76). Мусульмане никогда точно не знают, определил ли Аллах для них рай или же они пойдут в ад.

Богочеловек Иисус Христос принимается как один из пророков для своего народа и своего времени, но Его Божественность и реальность Боговоплощения отрицается. Мусульмане считают, что перед крестными страданиями Христос чудесным образом заменил Себя другим человеком, а Сам был взят на Небо живым.

Вообще ислам представляет собой нерасторжимое единство веры, государственно-правовых установлений и определенных форм культуры. Исламу не свойственно разделение сферы жизни на светскую и религиозную части. Эта неразделенность привела к появлению Шариата — закона, который основан на интерпретации положений Корана и Сунны и содержит религиозные установления, правовые нормы, нравственные и бытовые предписания.

Здание для коллективных молитв мусульман называется мечетью; флигелем к мечети пристраиваются башни-минареты. Согласно шариату, для мусульманской молитвы, в том числе и коллективной, может использоваться любое помещение, кроме бань и туалетов. И если в православном храме совершаются особые таинства, которые мирянин самостоятельно воспроизвести у себя дома не может, то в мечети мусульмане совершают точно такой же ритуал намаза, как и дома. Ритуалы бракосочетания и похорон традиционно в исламе совершаются вне мечети, что предусмотрено и шариатом.

Руководство религиозной жизнью мусульман в конкретном регионе (государстве) осуществляется наиболее авторитетными лидерами (в исламе нет священства как такового /у Суфиев и некоторых Шиитов (батин) не совсем так или вообще не так/). Это — муфтий у суннитов или шейх-уль-ислам у шиитов; надзор за соответствием шариату ведут шариатские судьи — кази. В настоящее время муфтий утверждает имамов мечетей, в которых они являются полноправными руководителями».

(Источник: <https://azbyka.ru/allax-v-islame>).

Понятно, что в этом описании нет и следа батин, тем не менее, этого следа часто нету и в мусульманской оперативности, потому, определённое настроение базиса в цитате, всё-таки, передано (особенно, если учесть приведённую цитату оппонентов).

Итак, с девяти утра до четырёх дня мы совершаем полное Памяничество Семи Звёзд, посещая каждого Пира и сотворяя Воззвание.

Результат очень двоякий:

— безусловно, Семь Пиров — настоящие Святые, действительно очень мощные... вот только, какой Святости?

— сама обстановка очень душная и с ощущением некой старости, идущей от людей в этом контексте; при том, все эти люди весьма доброжелательны и предупредительны.

Шариат, огромная степень регламентированности бытовой и ритуальной жизни, создают исключительно мощную Землю. Понятно, что всё это есть преимущественно контекст захир.

Чего стоит только постоянный Тахарат, омовения, без которых нельзя делать пятиразовый в сутки, намаз. Вроде и понятно, что сие обращено к страстным персонажам с большим уровнем животности и именно такие операции только и в состоянии изменить доминанту вульгарных вибраций. Ясно и то, что сие сотворяет мощный стержень Воли, так выковывая бойцов. Мощнейшая дисциплина, которая, для людей творческих... просто гроб. Видимо, потому и есть в Исламе такое огромное количество таких различных вариантов, в том числе и крайнее батин на грани всецелой экстремальности.

Оперативный Ислам исключительно противоречив: есть, ведь есть, совершенно Божественные проявления (вспомним, хотя бы, очевидность неземной архитектуры и таких же Узоров).

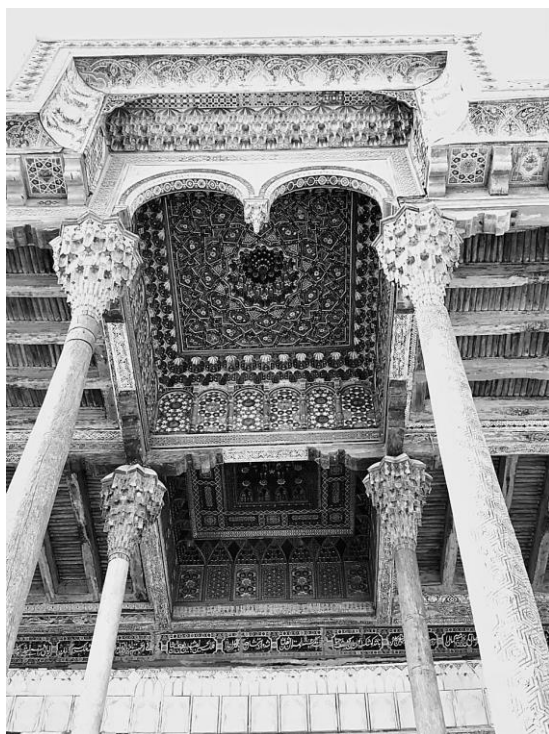
Однако, в наличии, какая-то бытовая задушенность. Некая нераспределённость застарелой похоти, выходящая почти садо-мозахистски на себя и на других.

Словом: Ислам потрясает глубиной и величием, одновременно шокируя и уплотняя атмосферу чуть ли не до тюрьмы, какими-то другими своими аспектами.

Совершенно ясно: для нас захиристский Ислам всецело чужд.

А вот батин — это очень интересно.

Осталось только понять: Накшбандия — не самый ли это Орден захир в среде батин?

21) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-2.

По канонам Ислама нельзя заходить в Мечеть без Тахарата, омовения. Недопустимо ездить в Пилигримаж вне состояния ритуальной чистоты и, например, если ты зашёл в туалет, уже необходимо это самое ритуальное омовение...

Как же мы совершаем данный Пилигримаж?

«Для Чистых — всё Чисто»: вот оперативность Вечного Сентября и это, Батин. Пребывая в таком Гнозисе, ты всё время находишься в состоянии Омовения.

Непрерывный Тахарат — это состояние Прозрачного Тела, то есть самоощущения, свободного от материальности.

Прозрачное эго — это тоже непрерывный Тахарат...

Итак, Семь Звёзд Накшбандия, которые сошлись в Бахауддине и его Тарикате.

Цитата, дающая некоторое представление о вопросе:

«Мухаммад б. Мухаммад Бахааддин ан-Накшбанди (717/1318 —791/1389).

Бахааддин, таджик по происхождению, прошел ученичество под началом двух наставников — ас-Саммасы и Кулала («гончара»). Но у него были связи и в тюркской среде. Рассказывают романтическую историю о его встрече с тюркским дервишем по имени Халил, которого он до этого видел во сне, о дружбе с ним и о том, как тот стал в конце концов (в 1340 г.) султаном Халилом. Бахааддин служил ему шесть лет, а после падения Халила (747/1347) испытал разочарование в мирских успехах, возвратился в свою бухарскую деревню, где возобновил прерванную духовную карьеру. Как и большинство людей, давших наименование тарике, Бахааддин, унаследовав тарику, не имел никакой организации. Он собрал вокруг себя верующих единомышленников, готовых терпеть превратности на Пути мистической жизни толка маламатийа без показных и отвлекающих обрядов, так как он считал, что «внешнее — для мира, а внутреннее — для Бога» (аз-

захир ли-л-халк ал-батин ли-л-хакк). Этот Путь, несмотря на разрушительное действие времени, так и не утратил печати гения 'Абдалхалика во всем том, что касалось наставничества, обучения и чистоты ритуала.

С мусульманской точки зрения он сыграл значительную роль в укреплении связей тюрков с сунной. Мавзолей Бахааддина и находящаяся при нем обитель (великолепное сооружение, воздвигнутое в 1544 г. амиром 'Абдал'азиз-ханом) стали одним из главных мест паломничества в Средней Азии. Великий персидский поэт-мистик Джами связывает свое происхождение с Бахааддином через промежуточные звенья. За пределами Средней Азии орден распространился в Малой Азии и на Кавказе, среди горцев Курдистана (где он стал одним из факторов курдского национализма) и на юге в Индии, так и не обретя популярности в арабском мире».

(Источник: Дж. С. Тримингэм/Пер. Азы Ставиской — «Суфийские ордены в исламе»).

Итак, по пыльным и разбитым дорогам мы ездим по Обителям Семи Пиров. В сумме, поездка составляет около 240 км., но ощущается, будто преодолена тысяча.

Обители, хотя и разные, но многим подобные. Нота каждого Пира звучит по-разному. Особенно близкими, оказываются Бобо Саммаси и сам Бахауддин Накшбанд.

В каждой обители имеется один отдельно стоящий, Минарет, уменьшенная копия главного бухарского Минарета «Калян». Проявляется понимание, что созвездие Пиров как бы собирается вибрационно посредством Минаретов и транслирует Луч Передачи в центр Бухары... рядом с Минаретом, Медресе, дома Знания.

Опять и снова попытаемся подойти к эссенции этой Линии Передачи. Цитата с Исламского ресурса, приводящая изречения Бахауддина Накшбанди:

«Всю свою жизнь Мухаммад Накшбанди (да будет свята его душа) пользовался только дозволенным (халяль). Он говорил, что для суфиев стремление к богатству является грехом. Накшбанди запрещал богослужение (ибада), совершаемое ради достижения мирских благ и уважения людей, так же как и исполне-

ние зикра и поста в течение сорока дней на показ. Основой Накшбандийского тариката является познание Аллаха, стремление достичь довольства Аллаха и поминать Его скрыто, сердцем.

В связи с этим он говорил: «Мюрид — это тот, чье скрытое воюет, а явное находится в согласии». То есть мюрид ведет войну с собственным нафсом, очищая сердце от сомнений и, вместе с тем не давая знать другим о своем состоянии.

Шейх Бахауддин (да будет свята его душа) говорил: «Ничто не принесет такую пользу начинающему мюриду (салику), как усердие, самоунижение и возвышенность стремления. Только придерживаясь этого, я достиг того, чего я достиг».

Когда шейха Бахауддина (да будет свята его могила) попросили показать чудеса, он ответил: «Наше хождение по земле наряду с наличием всех этих грехов — лучшее из чудес».

Шейх Бахауддин (да будет свята его душа) рассказывал: «Шейх Абду Сагид ибн Абу аль-Хайр (да будет милостив к нему Аллах) говорил, для мурида лучше реже посещать своего шейха, но постоянно держать его в сердце, чем постоянно пребывать у шейха, хотя в сердце для него нет места».

Шейх Бахауддин (да будет свята его душа) говорил: «Необходимо, чтобы на долю мюрида выпали такие трудности, чтобы он мог их вынести и не утратить свою веру в шейха. Если мюрид из начинающих, то ему разрешается задавать вопросы шейху. Если мюрид будет из имеющих опыт, то ему уже не следует задавать вопросы наставнику».

Если мюрид говорит о макамах, на которые он не поднялся и которых нет в нем, Аллах не дает ему подняться на этот макам и лишает его чести достичь этого уровня.

Шейх Бахауддин (да будет свята его душа) говорил: «Люди Аллаха [суфии] несут бремя и тяготы людей, чтобы люди, благодаря им [суфиям], очистились и заслужили честь сблизиться с авлия Аллаха. Нет ни одного авлия, на сердце которого не направлен взор Аллаха, независимо от того знает об этом суфий или нет. Всякий, кто встретит подобного суфия, удостоится благословенной благодати от этого божественного взора».

Он говорил: «Зеркало каждого суфийского шейха имеет две стороны, а у нашего зеркала шесть сторон!»».

(Источник: <https://islom.uz/statya/667>).

Пыльные дороги...

Разбитые дороги...

Наполненность. Намоленность.

Пожалуй, не имеет смысла приводить краткое описание Семи Пиров, ибо что толку от этих имён, дат и каких-то, вырванных из контекста, избранных сюжетов их земной тропы...

Интуиция.

Она защитит от догматизма. Она может принести гибель. Она, иногда, дарует свет Путеводной Звезды...

Внешнее и Внутреннее.

Захир и Батин.

Сия диада есть крайне важное указание. Имеются в виду, в том числе, способности людей.

Из Буддистской Традиции мы знаем три уровня:

- Сутра;
- Тантра;
- Маха-Ати.

Сутра — это внешнее и она связана с поведением (а значит, правилами, которые всегда контекстуальны и никогда не отражают точно, истинное); Тантра — переход и само Внутреннее, подразумевается Энергия, находящаяся невидимо внутри Действия.

Внешнее, это Действие и Намерение Действия. Управляется сие осознанностью и контролем, однако, неизбежны напряжения.

Шариат, в определённом смысле, Внешнее.

Внешнее (у гностиков, уровень «человек-тела») всегда доступно для управления у всех нормальных людей. То есть, некий самоконтроль в соответствии с Необходимым, тем или иным способом, той или иной, ценой, может осуществлять каждый.

Упавший ниже Сутры и Шариата — не человек, он актер Хаоса и крайне опасен для мира людей.

Потому, наиболее распространены именно Внешние Учения: они наиболее надёжны и доступны всем, но, самое главное, они держат край Формулы Мира Людей; за этим Краем — inferно и демоны.

Есть Внутренние Люди.

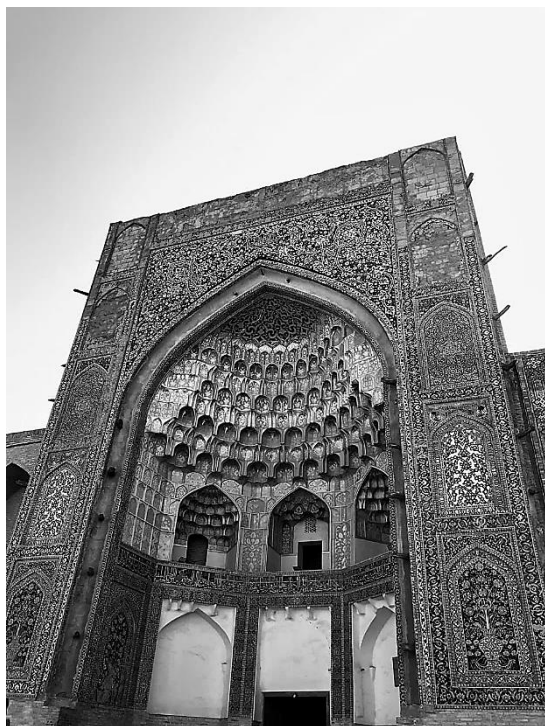
Они способны не просто контролировать свои действия (Сутра), не просто распознавать свои Намерения (Сутра Махаяны), но и превращать Энергию Страстей в топливо на Пути, в Мудрость (Тантра)...

Похоже, те, кто и так Люди, те способны совершить внутренний Хадж: перейти по Пути, всё более Внутри решая (Тарикат) то, что для остальных возможно для управления только усилием и только снаружи (Шариат).

Потому, конечно, в религиозный социум нельзя выносить Внутреннее: народ необходимо учить Закону, не смущая его тем, что он не поймёт вообще и поймёт не так.

А в тайне практикуется Путь, который и тоньше, и опаснее, Пути Внешних Обетов и контроля.

На каком-то этапе, Идущий обретает Гнозис: тогда можно говорить о Хакикате.

На Внешнем уровне невозможны адекватные обсуждения Внутреннего. Для ориентира, аспекты Андрогинного Вина в Чаше: Вульгарный (Вина нет, но есть посуда) — Сутра и Внешнее Поведение; Тонкий — Вино есть: Тантра, Внутреннее; Тончайший — Маха-Ати...

Захир — доминанта Внешнего; Батин — Внутреннего и Тонкого; Тончайшее, выходит за дихотомию Захир—Батин.

Вышедший за Вульгарное, не будет смущать народ, прилюдно он будет объяснять Закон и учить ему, передавая Дисциплину и Самодисциплину; в тайне — обучать Тонкому маленькую и закрытую Общину; и в полном сокрытии передавать Тончайшее Ученику Сердца.

Мистическая Школа вполне может и не обладать Гнозисом Тончайшего, воспринимая за Истину различные уровни Тонкого.

В завершение данной статейки, некая цитата:

«Суфийская традиция разделяет Путь самосовершенствования на три основных этапа. Первый этап — шариат, т. е. буквальное выполнение закона, запечатленного в Коране. Этот этап является подготовительным. Второй и третий этапы называются тарикат и хакикат. Три этапа соответствуют трем ступеням познания. Первая ступень — это уверенное знание, которое объясняется таким сравнением: «Я твердо знаю, что яд отравляет, огонь — жжет». Вторая ступень — полная уверенность: «Я сам своими глазами видел, что яд отравляет, огонь сжигает». Это опытное знание. И, наконец, последняя ступень — истинная уверенность: «Я сам принял яд, испытал его отравляющее действие; я сам горел в огне и таким образом убедился в его способности жечь».

Все три ступени лаконично передаются триадой глаголов: «знать, видеть, быть». Совершенный человек, по мнению суфиев, овладев знаниями, должен привести в соответствие с ними свой нравственный и житейский опыт. Более того, знание, отделенное от личной нравственности познавшего, не только бесполезно, но и губительно. Оно ведет к тому самому лицемерию, в котором погрязло казенное богословие.

Не отрицая значения логического познания, суфии утверждают, что оно ограничено, ибо ему доступны лишь признаки, свойства, качества, иначе говоря, атрибуты, а не субстанция, не суть. При этом, если первые два этапа обозначают опосредованную языком или чувствами передачу знания, то третья — непосредственное знание, основанное на собственном опыте и переживании этого опыта. Такого рода знание приводит к полноте веры и обладает наивысшим достоинством верности, то есть истиной достоверности (хакк ал-йакин).

Первой стоянкой в начале пути считается покаяние. Далее следует осмотрительность, выражающаяся в строжайшем различении между дозволенным и запретным. Эта осмотрительность касается прежде всего пищи. Из осмотрительности вытекает переход к третьей стоянке — воздержанности. Воздержанности от всего, что удаляет помыслы от Истины. Далее следует стоянка нищеты, как отказа от обладания. Поскольку нищета и воздержание связаны с неприятными переживаниями, за ними следует стоянка терпения. Со стоянки терпения путник движется к стоянке упования. Здесь представление о жизни связывается с единым

днем, единым мигом и отбрасывается всякая забота о завтрашнем дне. Последние две стоянки подводят путника к концу пути, называемого приятием или покорностью, то есть спокойствием сердца в отношении предопределения. Личная судьба и вся окружающая действительность перестают иметь какое-либо значение.

Здесь начинается последняя стадия совершенствования, т. е. реальное, подлинное бытие. Достигнув ее, суфий именуется ариф — познавший. Он постигает интуитивно самую суть Истины».

(Источник: <http://www.sufism.ru/rumi/3way.html>).

Ощущение гарантии и полной опоры на правильное — это Внешнее. Сие замечательно, как альтернатива инфернальным вояжам.

Но живое и звёздное — за пределами любых гарантий в нефиксированном потоке Катафатического Океана из Апофатического Истока.

Кто тот безумец, способный утверждать, что он может приватизировать данную Тайну Тайн и поставить на неё печать гарантированной Тропы?!

Ответ: NNDNN.

22) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-3.

Самарканд.

Опять мысленно вернёмся к нему. Вроде бы, та же Центральная Азия, однако, насколько же сей град кардинально отличается от Бухары: большие открытые пространства, мощнейшая тектоника огромных сооружений похищается в небеса, перевитая ритмом и цветом неисчислимых узоров. Воздушные шары лазурных куполов довершают триумф неземной лёгкости...

Бухара.

Святой город.

И...

Цитата:

«Так, в Бухарском оазисе, где подземные воды находятся близко к поверхности, туалет сооружали над искусственным холмом или использовали возвышения, сверху проделывалось отверстие, а под ним ставились сменные глиняные сосуды (хумы), довольно больших размеров. По заполнении сосуды менялись.

А. А. Хисматулин, по свидетельству средневековых арабских историков и путешественников сообщает следующее:

«Видимо, из-за таких туалетов в Бухаре постоянно, особенно летом, стояла характерная вонь, отчего город, используя народную этимологию, иногда именовали Абу Хара (Отец дерьма)».

(Источник:

https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Исламский_туалетный_этикет).

Однородность. Запах однородности. Говорят, дерьмо всегда связано с деньгами.

Город торгашей...

Понятно, что сейчас туалетная проблема в Бухаре решена, но странное дело, какой-то едва уловимый след описанного выше, как-то незримо присутствует здесь.

Так, или иначе, Суфийские Обитатели, в Бухаре, почти все вынесены за черту города; Семь Звёзд Пиров — точно.

Нам повезло: мы приехали зимой, не в жару. Летом здесь бывает до +45 градусов в тени...

Союз дерьма и денег — однозначно, Первома́терия современного мира. Неплохо Бухара выросла из сего, чем-то подобная Вавилону...

Захир Ислам очень напряжённо относится к человеческой животности, выставляя категоричные рамки её контроля. При этом, следует заметить: местные, очень много моются, чистота и опрятность одежды — жёсткое требование религии и, тем не менее, нет от сего народа ощущения свежести. Видимо, это связано с волновой характеристикой крови... возможно, обратная сторона данного эффекта приторной перегретости — избыточный энтузиазм в самых разнообразных делах.

Всё и всегда, здесь, в мире этом, имеет две стороны.

С чем мы соприкоснулись, выполнив Пилигримаж Медведицы Бухары?

Совершенно точно, с Качеством. Наполнение Силой и Гнозисом безусловно.

Суфии Накшбандия, вне сомнений, что-то настоящее.

Вот только, вопрос: куда всё это ведёт? Интересный момент: многие Султаны Османской Империи были представителями как раз Тариката Накшбандия и соответственно окармливались его Шейхами.

Ещё: когда начались притеснения Тариката Бекташи, то в его центральном Текке, была построена Мечеть именно Накшбандия, которую все местные начали дружно игнорировать...

Словом, как всегда, всё очень неоднозначно.

Пожалуй, в этом случае, дело не в Накшбандия, дело в операторе — сможет ли он правильно, относительно своего Опуса Освобождения, распределиться с данным Качеством.

В плане Кутбов, Осей и Орденгов, Бухара симметрична Конье (в том числе). Последний град, место Руми и Мевлеви; Накшбандия, Бахауддин — держатели Бухары.

Мухаммад, в контексте захир, чаще всего уподобляется Луне.

Отражающий Свет Солнца Непостижимого и Недостижимого Аплаха.

В Измерении батин, Мухаммад так и остаётся Луной, а Солнцем вдруг обнаруживается Имам Али (конечно, не во всех направлениях).

Если же ещё появляется Салман Пак, то мы уже имеем дело с Мистерией Звезды, и все трое ассоциируются с тремя Буквами-Матерями... когда такая форма объединения с алфавитом присутствует, алхимия катафатического возврата наиболее детализируется.

Представляет определённый интерес работа Ш. С. Камоллидина и З. А. Илхамова «Саманиды: из истории государственности Узбекистана в 9—10 вв.». В частности, в ней, на основе многочисленных исследований сообщается, что доисламские Учения Бухары и Самарканда, были под очень сильным влиянием Манихейства. Манихеи (что весьма интересно и уникально) равно почитали Сакральность Буддизма, Зороастризма и Христианства. Эти же авторы утверждают, что именно Саманиды ранее христиан и иудеев использовали в своём символическом пространстве Шестиконечную Звезду...

Всё это не могло не повлиять на Измерение Семи Пиров.

Часто используется Свастика, в самых её различных вариантах, этот один из магистральных буддистских Символов.

Вернёмся к Мавзолею Саманидов. Он построен в 868 году. По мнению уже упоминавшихся авторов, его Эссенцией и знаменателем является Манихейство, волшебный и одновременно проблемный, сплав Зороастризма, Буддизма и Христианства. Внешне, на эту базу, лёг Ислам.

Мавзолей представляет собою архитектурное трёхмерное Измерение Квадратуры Круга, которая, здесь же, прочитывается как Мандала Пяти Дхьяни-Будд.

В этом контексте, мы можем аккуратно предположить, что социальная специфика Накшбандия более соответствует Махаяне, а не Хинаяне... в отличие от Тарикатов, акцентирующих монашескую аскезу.

Более 1150 лет Мавзолей Саманидов эманурует базовую Формулу Бухары, как Вихары, Буддистского Монастыря. Не исключено, что специфика этого Света, повлияв на Ислам и Суфизм, как раз и разошлась как Накшбандия.

Попробуем прикоснуться к самой драгоценной сути Накшбандия и процитируем текст о некоторых Учениях Первого Пира:

«Восемь правил из одиннадцати, принадлежащих Гиждувани:

1. **Хуш дар дам** — осознанное дыхание.

«Хуш» (ум), «дар» (в), «дам» (дыхание). По словам Ходжи Абдул-Халика Гиждувани, это значит: *«Мудрый искатель должен охранять свое дыхание от невнимательности при вдохе и выдохе, тем самым всегда удерживая свое сердце в высшем Присутствии. Всякое дыхание, в котором вдох и выдох совершаются с невнимательностью — мертво, отсоединено от Присутствия».*

2. **Назар бар кадам** — наблюдение за шагами.

Помнить о Присутствии в каждый момент жизни, быть внимательным к появлению возможностей для действий, ведущих к Богу, и избегать неверных шагов.

3. **Сафар дар ватан** — путешествие в родной стране. Наблюдать за своим внутренним миром («родная страна»). Изучать себя, отслеживать свои реакции и учиться на своих ошибках.

4. **Хилват дар анджуман** — сохранять внутреннее уединение, находясь среди людей.

Хилват означает «уединение». Здесь необходимо пояснить, что до Гиждувани дервиши практиковали *хилват* или *чилла* — сорокадневное уединение для воссоединения с Божественным в полном одиночестве, в специально предназначенных для этого, полностью закрытых от мира, кельях, которые называли *чиллахан*. В Узбекистане при суфийских *ханаках* (местах, где останавливались и жили дервиши) можно по-прежнему найти немало мест, где сохранились кельи-чиллахан.

Ходжаган и, впоследствии, Накшбанди не были сторонниками отшельничества: они полагали, что возможно и необходимо уметь достигать неотождествления с внешним миром, находясь при этом в обществе и полноценно выполняя свои земные обязанности.

Хилват дар анджуман означает внешне быть с людьми, оставаясь внутренне не привязанным к земному, в соответствии со словами, сказанными Пророком: «У меня две стороны: одна обращена к Создателю, другая — к людям». Ходжа Аулия Кабир, один из ближайших сподвижников Гиждувани, пояснял данное правило таким образом: «Это состояние, в котором человек погружен в поминание Бога с таким постоянством и полнотой, что он может пройти по шумному базару и остаться не потревоженным ни единым звуком. Такие люди пребывают со своим Господом, в то же время действуя среди людей».

Сам Ходжа Абдул-Халик Гиждувани говорил: «Закрой дверь хилвата (уединенного созерцания) и открой дверь сукбата (пребывания в состоянии душевной близости с Учителем и другими дервишами)».

(Четыре вышеприведенных правила, по словам самого Ходжи Гиждувани, были сформулированы им на основании практик, переданных ему его Учителем, основателем Ходжаган, великим суфийским Мастером, **Ходжой Юсуфом Хамадани** (умер в 1140), у которого Гиждувани учился с двадцатидвухлетнего возраста наряду с другим великим суфием — Ахмадом Ясави (о котором я также напишу в свое время).

Предание гласит о том, что Абдул-Халиком Гиждувани в знак переданной ему *бараки* — силы благодати, передающейся по линии преемственности суфийских Мастеров, были получены от Учителя Хамадани четки-*тасби*, привезенные последним из паломничества в Мекку. Этот дар силы-*аманат* Ходжа Гиждувани всю жизнь содержал в особой шкатулке, за которой было поручено следить одному из учеников.

Мало кто из великих суфиев может сравниться с Юсуфом Хамадани в отношении учительства — он был подлинным патриархом суфийских орденов. От Юсуфа Хамадани берут свое начало, по линии преемственности — *силсила* — не только Накшбанди, но также Ясави, а от них, в свою очередь, Бекташи. К настоящему времени последователи Ходжи Юсуфа Хамадани распространились от Балкан до Кавказа и Поволжья до восточного Китая).

Но вернемся к следующим четырем правилам, которые были введены благодаря самому Гиждувани.

5. **Йад кард** — запоминание или создание воспоминания об опыте контакта с тонкими влияниями, полученными от людей, мест, объектов, упражнений Традиции.

6. **Баз гашт** — самоограничение, контроль за нежелательными побуждениями, неуклонное возвращение чувств, мыслей и действий на путь к Богу.

7. **Нугах дашт** — внимательность, бдительность.

Нугах означает зрение, *дашт* — иметь. Быть начеку (иметь особую чувствительность) к влияниям, несущим позитивные возможности.

8. **Йад дашт** — воспоминание, сохранение и вызывание в памяти положительных ситуаций, связанных с людьми, местами, объектами и упражнениями Традиции.

Сам Ходжа Абдул-Халик Гиждувани вел аскетический образ жизни, не имел ни семьи, ни имущества, ни постоянного места жительства. Однако свой сознательный выбор пути, связанного с трудностями и страданиями, он не считал абсолютным методом, которому должно слепо следовать в любых обстоятельствах».

(Из великолепной статьи:

<https://nad-suetoi.livejournal.com/381266.html>).

Из того же эссе, приведём ещё один отрывок, позволяющий, хотя бы немного, прояснить специфику Накшбанди:

«Второе распространенное заблуждение относительно практик Накшбанди состоит в идее о том, что появление в практике ордена *зикра хафи* (тихого *зикра*) — поминания Божественных имен втайне, скрыто — началось от самого Бахауддина Накшбанда. На самом деле первым, кто ввел эту практику в 12-м веке, был также Ходжа Абдул-Халик Гиждувани — Аль-Шах только породил ее спустя два столетия.

Для понимания данного нововведения Гиждувани следует отметить, что к началу его учительства под влиянием времени и других факторов, старые формулировки ордена уже исчерпали свою действенность, превратившись в окаменелости, все еще кажущиеся живыми непосвященным последователям. Дервиши того времени практиковали групповые радения с громким *зикром* и музыкой — *сама*, и, судя по всему, вместо желаемого эффекта, эти церемонии во многих случаях стали служить лишь для стимуляции обычных эмоций и страстей.

В связи с этим, Гиждувани писал в завещании своему духовному сыну:

«Избегай долгих пребываний на радениях, поскольку это развивает лицемерие и убивает сердце (способное произносить зикр); но и не отрицай радений — если тебе не дано способности к восприятию этого, то, может быть, найдется разряд людей, которым следует слушать их; может быть, у них страсти умерли, а сердца живы. Но тому, чьи страсти не подчинены его высшему началу, слушать радения вредно».

Согласно преданию, техника тихого *зикра* была передана Ходже Абдул-Халику Гиждувани самим Хизром («Зеленым»), таинственным покровителем суфиев, который в критические моменты проявляется в человеческом облике, направляя ход развития суфийской Традиции.

Техника *зикра хафи* была связана с задержкой дыхания. Сам Ходжа Гиждувани сравнивал его выполнение с тем, как если бы человек окунулся с головой в воду, и, в состоянии, когда сделать вдох вообще невозможно, произносил бы имя Бога так, чтобы оно исходило прямо из сердца. Метод задержки дыхания во время *зикра*, введенный Гиждувани, называли **«хабс-и дам, хабс-и нафас»**, что буквально означает «ограничивая дыхание, ограничиваю нафс». Слово *нафас* означает одновременно «дыхание» и «самость», нафс человека. Поскольку нафс неотделим от дыхания, то в момент, когда дыхание задерживается, низшее я не может влиять на молитву, и она произносится только сердцем».

(Источник: <https://nad-suetoj.livejournal.com/381266.html>).

На этом, пожалуй, вполне можно завершить данную статейку.

Семи Пирам Накшбандия — Слава. Идущим по Пути: мир и покой в любящие Сердца.

23) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-4.

Интересная штука интернет — ввёл запрос и на тебе: множество материалов на любую тему.

Замечательно!

(как бы замечательно)

Конечно же, у такого есть очень негативная обратная сторона...

Приведём достаточно большой материал по 11 Принципам Накшбандия, тем более, что, такого рода Таблицы Основ, как раз и содержат Эссенцию.

Тем более, этот материал интересен тем, что автор пытается извлечь некое ядро Суфийского Пути как бы вне Ислама как такового и истолковать Мистос магически деловито, по принципу достаточной оперативности. То есть, по нашему мнению, автор больше сосредоточен на пневме, как таковой в различных её ипостасях. Он применяет Бритву Оккама, отсекая как мораль (что нам вполне импонирует), так и мифо-поэтику (с чем мы не можем согласиться). Кроме того, заметна некая технологичность в отношении к Опусу, мало конкретного обращения через Линию Передачи к Истине.

Тем интереснее читателю будет проанализировать данный текст, привлекая и разум, и интуицию.

В частности, моё наитие как раз и подсказывает, что у автора не хватает Нашей Нежности и наоборот, в избытке, слишком гравиурный Огонь, провоцирующий его на чрезмерную отсечённость краёв и на точки в конце предложений.

Мы же склонны к троеточиям: пусть они обычно пишутся горизонтально, мы знаем, каждое такое — Равносторонний Треугольник.

Серебро на Лазури.

Как на Стяге Амира Тимура.

Итак, текст:

«Одиннадцать правил Накшбанди

Автор: Руслан Жуковец

Духовные тексты довольно часто требуют комментариев: некоторые в силу сложности изложения и многозначности смыслов, некоторые — из-за того, что с течением времени были утрачены ключи к пониманию их первоначальных смыслов и нет уже того контекста, в котором те или иные тексты были написаны. Все комментарии делятся на два типа — первые направлены на то, чтобы максимально прояснить смыслы, вложенные автором в текст, упростить их и сделать доступными для понимания широких масс. При этом иногда исходные идеи получают развитие, необходимое для их более полного и глубокого понимания, и подобные комментарии всегда несут в себе объективную пользу. Второй тип комментариев имеет яркий авторский оттенок и служит поводом для того, чтобы комментатор получил возможность высказать собственное видение того или иного вопроса. Нередко комментарии подобного рода не имеют никакого отношения к первоначальной сути исходного материала, уводя читателя к совсем другим смыслам и идеям. Благодаря такому подходу иногда возникают вполне самостоятельные произведения, представляющие самостоятельную духовную и познавательную ценность, как это, например, произошло с книгами Ошо. Гораздо хуже, если комментатор попросту не понимает сути текста, который берётся растолковывать, и тогда вместо разъяснения скрытых или неоднозначных смыслов исходного текста он вносит свои собственные смыслы, которые подменяют собой первоначальные, а отсюда возникает искажение, приносящее очевидный вред пониманию читателей. Свои толкования священных текстов существуют во всех сектах, и суть вероучения всех сект без исключения состоит в искажённом и по-плохому самобытном толковании Библии, Корана, Гиты и прочих великих духовных текстов. Из искажённого толкования рождается практика, вокруг которой и сплачиваются члены секты, и сама «самобытность» их подхода к смыслу духовных посланий даёт им чувство собственного превосходства над остальными «заблудшими» душами.

Совершенно очевидно, что комментировать текст высокого духовно-мистического уровня должен лишь тот человек, чей уровень является как минимум таким же. Однако люди такого уровня обычно выражают своё понимание, сочиняя собственные тексты, и исключения из правил здесь случаются достаточно редко. А когда «Дао Дэ Цзин» начинают трактовать люди, не являющиеся

мистиками, то даже отличное знание китайского языка не помогает им уловить суть послания Лао Цзы, зато мути они вносят сколько угодно. Со временем эта муть начинает считаться чистой водой, и тогда первоначальная суть послания вообще теряется.

С правилами Накшбанди происходит тоже нечто подобное, хоть и придраться здесь особенно не к чему. Главная подмена в объяснении смыслов каждого правила связана с тем, что правоверным — из лучших побуждений — хочется к каждому действию присоединить Аллаха, пусть даже это присоединение лишает правило его главного смысла. Так вносятся лишние элементы, благодаря которым само правило начинает терять основной смысл. Вот, например, первое правило:

1. «Хуш дар дам» — ум в дыхании, или наблюдение за дыханием. Оно абсолютно техническое — наблюдай своё дыхание, и всё. Однако людям, не знакомым с практиками осознания себя, кажется, что этого мало, и они говорят, что каждый вдох и выдох должен быть наполнен памятованием Аллаха. Если начинающий искатель начнёт пытаться наблюдать своё дыхание и помнить о роли Аллаха в этом процессе, то он никогда не придёт к осознанию процесса своего дыхания, потому что ум будет отвлекать внимание на себя через идею об Аллахе и его величии. Всё это, может быть, полезно для верующих, но вредно для мистиков. Переживание величия Аллаха приходит вместе с ростом восприятия мистика и не должно вноситься как обязательный элемент в обычную практику.

При этом сама по себе практика постоянного наблюдения за дыханием является величайшим ключом к вхождению в своё внутреннее пространство, ибо дыхание — это внутренний процесс, и когда вы следите за ним, то поневоле направляетесь внутрь себя. С дыханием связаны наши эмоции и чувства, и чем лучше вы его осознаёте, тем скорее увидите свои подавленные энергии, а значит, сможете от них освободиться. Осознание дыхания — ключ к двери, ведущей внутрь себя, и навешивать на него дополнительные смыслы — значит, не понимать всей силы этой практики самой по себе.

2. Второе правило также имеет прямой смысл, не требующий специальных дополнений. Оно читается: «Назар дар кадам» — и означает «взгляд на шаг», или наблюдение за шагами. Есть простое и единственное трактование данного правила — во время

хотьбы дервиш должен смотреть на свои ступни, должен обратить взор вниз. Внешнее соблюдение этого правила приводит к тому, что внимание дервиша не распыляется по сторонам и не отвлекается на незначительные вещи. Благодаря этому он способен выполнять внутренние практики, и ему хватает на это внимания. Внутреннее следование второму правилу способствует осознанию собственного тела, без чего невозможно достижение высокого уровня осознанности. Никаких смыслов, кроме этих двух, во втором правиле нет, но многим хочется и сюда вставить ум с его проблемами, утверждая, что наблюдение за шагами должно сопровождаться постоянным свериванием собственных действий с тем, что должен делать истинно верующий человек. Другими словами, к правилу пристёгивается мораль, доходящая у некоторых комментаторов до самого примитивного морализаторства, которое не имеет, опять-таки, никакого практического смысла. Люди, встающие на Путь, и так более чем моральны, снабжать их правилами соблюдения правил может прийти в голову только тем, кто не знает и не понимает Пути.

3. Третье правило — «Сафар дар ватан» — переводится как путешествие по Родине, или по родной земле. Множество умных людей, обескураженных его простотой, пытаются найти ему некое высокое объяснение. Например, говорят о том, что правило говорит о переходе искателя от человеческих качеств к ангельским. Также говорят о внутреннем путешествии к Богу, но всё это снова относится к разряду умствований, не имея практического смысла. А правило, не имеющее практического смысла, является ненужным и пустым рассуждением.

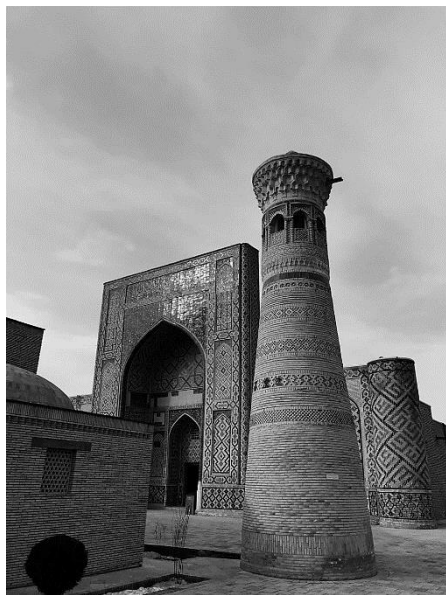
Практический смысл путешествия по родной земле заключается в том, чтобы умерить свою жадность к впечатлениям и детское желание чудес. Дервишу не следует тратить силы на путешествия в иные края, миры и страны, потому что с точки зрения внутренней работы всё это — никчёмная трата времени и сил. Нет снаружи ничего такого, что заменило бы вам внутреннее насыщение, которое приносится практиками, трансформацией и милостью Аллаха. Гонясь за впечатлениями и иноземными чудесами, вы упускаете то, что есть у вас прямо сейчас — возможность обрести переживания растворения в Боге и его Воле. Довольствуйся тем, что есть, и не ищи другого, ибо в этом поиске ты тратишь то время, которое мог бы потратить на обретение невыразимого, вечно сущего и бесконечно наполняющего. Тому, кто

обрёл Путь, нет необходимости искать другие Пути, чтобы сравнивать их со своим, также не имеют смысла заимствования из других мистических школ и систем.

4. Следующее правило — «Халват дар анджуман» — одиночество в толпе. Здесь трактовки, в общем, сходятся, потому что ничего особенно не придумашь. Упускается, правда, одна деталь — это правило призывает дервиша не привязываться к людям. Ни к их состоянию, ни к отношениям с ними, ни к их снам, которыми они так бредят. Быть одному в толпе — это всего лишь половина дела. Вообразить себя особым человеком, который никак не соединён с толпой и превосходит всех остальных людей, — вот любимое занятие подростков и тех, кто вырос, но не повзрел. Одиночество в толпе возможно только тогда, когда ты избавился от толпы внутри. Пока ты внутренне связан с толпой — с её желаниями, ожиданиями и обусловленностью, пока ты разделяешь её надежды и чаяния, ты не будешь одинок, даже забравшись на самый высокий пик Гималаев. Поэтому стать одиноким в толпе можно только тогда, когда ты принимаешь одиночество внутри, то есть избавляешься от обусловленности и привязанностей. Но если ты уже дорос в своей осознанности, чтобы не отождествлять себя с толпой, но в то же время не хочешь противопоставлять себя ей, значит, ты познал одиночество в толпе.

5. Далее идёт «Ядкард» — вспоминание, то есть обязательность выполнения зикра с постоянным поминанием имён Аллаха. Также чисто техническое правило, обозначающее обязательность практики зикра, детали которой и конкретную форму выполнения определяет руководитель Работы.

6. Шестое правило — «Боз гашт» — означает возвращение и везде трактуется примерно одинаково, как памятование о смерти. С практической точки зрения подобное памятование имеет двойную пользу: с одной стороны, осознание неизбежности смерти пробуждает человека, лишая его иллюзии того, что всё будет длиться вечно и что всё можно отложить на завтра; с другой стороны, зная, памятование неизбежности смерти помогает ему не привязываться к обстоятельствам, удовольствиям и людям. Всё скоро кончится, и мы вернёмся к Источнику — так стоит ли привязываться к тому, что мы всё равно утратим?

7. «Нигохдошт» — означающее сохранение, и в первую очередь сохранение осознанности. Есть версии, в которых сохранение означает сохранения памятования Аллаха, но без должного уровня осознанности памятование чего-либо станет попросту невозможным. Ум будет уносить человека во внешние вещи и тревоги, с ними связанные, поэтому не получится помнить ни о неизбежности смерти, ни об Аллахе. Ум по своей натуре является торговцем, и всё высшее для него интересно только с точки зрения обретения новых выгод. Сохраняй осознание, помни себя — вот в чём заключается прямой и практический смысл седьмого правила Накшбанди. Есть, однако, и моралистическое толкование данного правила. Оно гласит, что «Нигохдошт» означает бдительность совести, что, опять же, подразумевает некую степень осознанности, направленную на сравнение соответствия своих поступков своей же обусловленности. Эта версия близка истинно верующим, но для мистиков она не содержит в себе ничего полезного.

8. «Яддашт» — или вспоминание об Аллахе, фактически — помни Бога. Расхождений в толкованиях тут почти нет, и я ничего дополнительно писать не стану, а всем интересующимся предлагаю обратиться к соответствующей заповеди искателя — «Помни Бога» — и к её разъяснению.

9. Девятое правило — «Вукуфи замони» — переводится как остановка времени. Поскольку время относится к категориям, воспринимаемых именно умом, то трактовка этого правила может быть как от ума, так и от состояния вне ума, то есть из осознанности. Первый вариант гласит, что нужно дорожить временем, не тратить время попусту, следить за временем и так далее. С точки зрения мистиков она бессмысленна, но зато понятна любому человеку. Вторая трактовка продолжает тему осознанности и обозначает, что искатель должен остановить время, выйдя за его пределы. Сейчас это называется пребыванием в «здесь и сейчас». Когда человек осознан и разотождествлён, то время перестаёт для него существовать, потому что он полностью присутствует в том, что есть сейчас, не оборачиваясь на то, что было, и не отдаваясь ожиданиям грядущего. Другими словами, он не думает ни о прошлом, ни о будущем; ничего не ждёт, не страдает и не радуется из-за того, что сделано раньше, живя только тем мгновением, в котором находится. В этот момент времени для

него не существует, и в этом проявляется пик его осознанности. Остановить время можно только выйдя из ума, и никаких легальных способов, кроме осознанности, здесь не существует. Остановить время — значит остаться в здесь и сейчас, выйдя из течения мыслей и потока существования ума с его вечными терзаниями и ожиданиями.

10. С десятым правилом возникают некоторые сложности. «Вукуфи адади» — вроде бы должно означать остановку счёта, но везде переводится как ведение счёта, и я подозреваю, что здесь мы имеем подлог. Ведение счёта противоречит почти всем прежним правилам, но очень нравится уму, который считает всё что можно — от количества заработанных денег до количества половых актов, совершённых за текущий месяц. Ведение счёта подразумевает живое участие ума в происходящем, и подсчитывание количества повторённых имён Аллаха не является исключением. Зачем их считать? Если мистик читает зикр с полной самоотдачей, с полным осознанием и в то же время с погружением в энергию имени, то как он ещё может считать количество повторений и зачем ему это нужно? Количество повторений всегда идёт от ума, и чем оно больше, тем большее удовлетворение чувствует человеческое эго. Принятые ныне повторения на счёт — по тысяче или по пять тысяч раз за день — являются не чем иным, как вторжением механистического подхода в ту Работу, которая должна быть живой. Если человек думает о том, сколько раз он повторил имя Аллаха, то ему уже не до смыслов этого имени, ведь он считает. Не может быть заслугой повторение имени пять тысяч раз, потому что наградой в зикре является проявление и осознание качества имени, но никак не механическое бормотание. Аллах должен быть очень нечувствительным, если Его внимание привлекает только количество повторений, которое, как показывает опыт, почти никогда не переходит в качество.

Остановка счёта фактически означает остановку ума. Перестаньте вести внутренний учёт, и у вас появится энергия для самоосознания. Перестаньте подпитывать ум, потакая его привычкам, и вы сумеете разотождествиться с ним. Остановка счёта — один из приёмов, который приводит к этому, и потому в такой трактовке десятое правило выглядит куда правдоподобнее с точки зрения мистика.

11. Одиннадцатое и последнее правило ордена Накшбанди означает остановку сердца — «Вукуфи калби». Общепринятая трактовка опять выглядит неудовлетворительно. Считается, что «остановка» сердца происходит при сконцентрированности сердца на Истинном Всевышнем или же тогда, когда искатель концентрирует своё внимание на сердце, а оно занято зикром. В общем, как ни крути, объяснение малопонятное. Сердце в принципе не может концентрироваться, да и что значит остановка сердца в ситуации, когда оно занято зикром? Разъяснение выглядит притянутым за уши, и оно ничего ровным счётом не объясняет, кроме того, что зикр нужно делать с полной самоотдачей и погружением в процесс повторения.

Если же посмотреть на вопрос под углом работы с осознанностью, то остановка сердца обретает вполне понятное рабочее значение. Если взять сердце как символ чувствительности, как источник человеческих чувств, то остановка сердца будет прямо связана с остановкой продуцирования этих самых чувств и с возникновением отрицательных эмоций. Другими словами, остановка сердца — это остановка появления отрицательных эмоций и разного рода чувств, которыми время от времени бывает охвачен каждый человек. Для остановки сердца требуется разотождествление с эмоциями и чувствами, то есть опять же — осознанность, направленная на ментально-эмоциональную сферу. В этом ракурсе термин «остановка сердца» становится понятным и технически непротиворечивым. Остановить движение энергий чувств, сделаться неподвластным для волн негативных эмоций и в конце концов избавиться от них — вот задача, вполне понятная тому, кто работает с осознанностью.

Ум любит усложнять простые вещи. Ему нравится загадочность, многозначительность и непонятность. Правила не могут иметь метафизического значения, они должны применяться в ежедневной практике и быть такими, чтобы их смог понять даже новичок. Таковыми и являются правила ордена Накшбанди, хотя со временем в их понимание и вошли искажения. Тем не менее Истина всегда может быть проявлена снова, и Свет возвращается в мир даже после самых тёмных времён. Тот, кто практикует даже только первые два правила Накшбанди, рано или поздно придёт к пониманию всех остальных, потому что все они взаимосвязаны Истиной Пути. Истиной, которая описывает наиболее ко-

роткий Путь человека к Богу и те методы и условия, которые помогают в его прохождении. Вечной Истиной, которая должна открываться заново каждым новым поколением искателей, но на которую можно указать, чтобы им было немного проще. Правила Накшбанди служат подспорьем тем, кто готов идти по Пути суфиев, хотя они универсальны и могут применяться практически на любом из мистических Путей. Универсальность Истины — ещё один из законов проявления Бога в нашем мире. А передача и выражение Истины может быть осуществлено по-разному — где-то трактатами, где-то заповедями, а где-то — правилами, ведущими к достижению наивысшей возможной для человека цели».

(Источник: <https://mystic-school.ru/publikatsii/slovo-mastera/odinnadtsat-pravil-nakshbandi>).

Статья хорошая, спору нет.
Но есть в ней и что-то не то...

Нет Аспекта Нашего Вина.

Слишком всё здраво и логично, что всегда чревато и как раз указывает на тонкий обман со стороны нафса. То есть, мы имеем дело с текстом, который обработало Разумное Эго. А базовая оперативность Сада Мистики — это Прозрачное Эго.

Звёзды и дымное небо.

Обретший Нашу Звезду найдёт и Путь.

В Духовном Пути есть множество технологий. Но сам Путь — это не технология и не совокупность технологий.

В нём всегда есть Тайна.

Всегда.

И эта Сокровенная Тайна не может быть вот так просто и рационально объяснена.

Всегда есть опасность отклонений. Возможны оные в виде сенсуально-медиумической мнительности (о чём упоминает автор цитированной статьи).

Но не менее опасен магический волюнтаризм, примером чего и служит данный труд Руслана Жуковца.

Ещё один комплекс ключей для осознания Измерения Семи Пиров Накшбандия дарован данным ветром. И пусть он принёс

не только аромат горных трав, но и вонь химзаводов, всё равно, он ласкал наши лица нездешней свежестью.

24) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-5.

Просто вот так, с наскоку, не поймёшь Страну Суфиев.

Тут необходимо, как при штурме Крепости, заходить с разных углов атаки, брать в осаду, и пытаться воздействовать на своё неведение объемно.

При этом, не забывать о неведении и искажениях тех, кто пишет и рассказывает о Суфиях, сам не являясь оным.

Информация с сайта мусульман, данная в режиме захир:

«Орден сложился среди ханафитов Средней Азии. Это один из самых распространенных суфийских орденов, последователей которого можно встретить в Турции, Центральной Азии, на Индо-Пакистанском субконтиненте, в Великобритании и России, в Мозамбике и на островах Сулу, реже — среди арабов и в Иране, несмотря на то что многие из основных трудов членов ордена были составлены на персидском языке.

Накшбандия всегда отличалась высокой степенью социально-политической активности. Члены братства сыграли важную роль в окончательном утверждении ислама в Средней Азии и Восточном Туркестане, а также среди киргизских родов и казахских племенных объединений. В Индии, куда накшбандия проникло в середине 16 в., деятельность братства более всего связана с именем шейха Ахмада Сирхинди (1564—1624 г.), прозванного Муджаддид-и алф-и сани, что в переводе означает «обновитель второго тысячелетия». В 1608 г. он основал братство муджаддида — ветвь накшбандии, которое стало одним из ведущих братств Индии и глубоко проникло в духовную, социальную и политическую жизнь индо-мусульманского общества.

(...)

Для накшбандии, придерживавшегося ханафитского мазхаба, характерен постулат обязательного контакта со светскими властями «с целью защиты интересов простых людей» — отсюда политическая активность братства. Однако серьезную политическую роль тарикат играл лишь эпизодически, как это было, например, при Тимуридах и в Дамаске на закате Османской империи.

Учение накшбандия составили 11 морально-этических принципов, восемь из которых были заимствованы Баха ад-дином у суфийской школы хваджаган и три разработаны им самим. Накшбандия отрицает аскетизм: все члены братства являются мирянами, и им не обязательно жить в обителях. Братство отрицает необходимость радений и громкого зикра, особое внимание уделяется духовному общению между учителем и учеником.

Братство не исповедует умерщвления плоти, поощряет жизнь в миру, но с соблюдением законов ордена, практикует сухбу — общение ученика и учителя на высоком духовном уровне, таваджух — мысленную концентрацию учителя и ученика на образах друг друга.

Члены накшбандии носят невысокую войлочную шапку белого цвета, некоторые имеют эмблему — нарисованный контур сердца с вписанным в него словом «Аллах». Накшбандийские общины существуют в Чечне и Дагестане.

В Турции активная политическая деятельность ордена привела к его официальному запрету и роспуску братства (1344/1925). Среди его членов были такие восточные поэты, как Джамии и Алишер Навои».

(Источник: <https://islamist.ru/накшбандия/>).

Как видим, захир, оперативные Принципы (как бы это определило батин) нарекает «морально-этическими принципами»: сие нам даёт некий Ключ перевода.

Кроме того, существует многотомное издание Алишера Навои на русском языке: так обретается указание на мифо-поэтический Ключ к Накшбандия.

Концентрация Учителя и Ученика на образах друг друга, типичная буддистская тантрическая Практика Гуру-йоги. Точнее, даже, речь не столько о Практике, сколько о Принципе Гуру-йоги.

Правда, в буддистском тантризме именно Ученик практикует сосредоточение на образе Учителя...

Теперь опять прочитаем 11 Принципов Накшбандия с комментариями, уже взятыми из Исламского ресурса:

«Одиннадцать основных принципов тариката, которые каждый суфий должен знать и жестко соблюдать.

1. «Вукуфи замани» — «остановка времени». Отчитываться перед собой о каждом проведенном мгновении и о каждом состоянии (халь); Благодарить Аллаха за время и состояние, проведенное в поминании Аллаха, раскаиваться за время, растраченное в небрежении об Аллахе. Другими словами, в состоянии «кабз» продолжать просить прощения у Аллаха, в состоянии «баст» продолжать благодарить Аллаха. Салик должен понимать ценность времени, должен обращать внимание на каждый вдох и выдох, сохранять чувство муракаба. Понятия часа и времени сходны с верстовыми столбами на пути духовного развития.

2. «Вукуфи адади» — «ведение исчисления». Во время зикра необходимо уделять внимание счету, избегать рассеянности сознания и добиваться концентрации его на одной точке, контролировать внимание. Наряду с тем, что контроль количества зикра имеет большое значение, главное — не количество, а качество зикра. Даже если количество зикра мало, сердце должно быть в присутствии Того, Кого оно поминает. Осознание ценности контроля количества зикра, считающееся первой ступенью тайного знания, препятствует проникновению в сердце брэнного и преходящего.

3. «Вукуфи кальби» — «бывает двух типов»:

а) совершающий зикр каждую секунду думает об Аллахе, не дает возможности проникнуть в сердце чему-либо, кроме Аллаха;

б) направленность совершающего зикр к своему сердцу. То есть, обращаясь во время зикра к участку своего сердца, расположенному под левым соском и напоминающему стеклянный эллипсоид (шишку), обеспечить присутствие в этом кусочке сердца поминания об Аллахе. Так же, как мы, направляясь к Каабе, обращаемся к Вездесущему Аллаху и открываем свои руки перед Ним с мольбой, так и, обращаясь во время зикра к своему сердцу, мы способствуем наполнению его проявлениями Господа.

4. «Хуш дар-дам» — «ум в сердце, дыхании»: «хуш» — ум, «дам» — дыхание. Сохранять присутствие Аллаха в каждом вдохе-выдохе, не позволять себе даже ни одного вздоха в небрежении к Аллаху. Потому что дыхание без небрежности наполняет сердце присутствием Аллаха. В Накшибандийя основой развития является дыхание. Остерегаться небрежности в отношении Аллаха во время вдоха-выдоха и промежутка между ними означает

оживить в себе имя Аллаха аль-Хайи. Тот, кто защитит свое дыхание подобным образом, избавляется от беспокойства по поводу земного и приобретает уверенность в будущем, став своего рода «Ибн аль-Вакт» или «Человеком времени».

5. «Назар бар-кадам» — «взгляд на шаг». Подразумевает направление взгляда на кончики пальцев ног. Если ходить, глядя по сторонам влево и вправо, внимание рассеивается, сердце наполняется мирским. Тот, кто концентрирует свой взгляд на кончиках пальцев своих ног, сохраняет себя и от взглядов на запретное, и от занятости преходящим, потому что завеса в сердце возникает от внимания к окружающему без необходимости. Глаз является шпионом сердца. То, что видит глаз, занимает сердце. Те кадры, которые снимает камера глаза, откладываются в сердце. Хранящиеся в сердце, они занимают у сердца большую часть времени без необходимости. Направленность взгляда на кончики пальцев ног есть проявление скромности, адаба, норм шариата. Это соответствует сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху-aleyхи-васаллям).

6. «Сафар дар-ватан» — «путешествие по Родине». Движение от сотворенного мира к Творцу. Избавление салика от дурного характера, человеческих свойств и обретение прекрасной нравственности, свойств ангелов есть путешествие к своей истинной родине. Сюда же относится и странствие человека, ищущего наставника, с целью найти себе шейха. Досточтимый Ибрахим сказал: «Я иду к моему Господу, который наставит меня на прямой путь» (ас-Саффат, 37.99) именно о внутреннем духовном путешествии такого рода. В тасаввуфе к такому духовному путешествию относятся все действия, направляющие человека от сотворенного мира к Творцу.

7. «Хилват дар-анджуман» — «находясь среди людей, быть в уединении». Состояние одиночества, несмотря на общение с людьми. Одиночество среди толпы, пребывание с Господом, находясь в обществе людей. Этот принцип можно описать как: «Руки направляются за прибылью, душа направляется к Любимому» (Даст бакорудил ба ёр). Занятость души и сердца Истинно Сущим, в то время как тело и внешние действия обращены к сотворенному миру. Для осуществления этого состояния салик должен посвятить себя полностью зикру в истинном значении этого

слова, чтобы даже среди большого скопления людей он не слышал ничего, кроме поминания Всевышнего Господа, чтобы ничто не могло отстранить его от зикруллах. Таким образом, перед саликом (духовным путником) открывается истина аята: «Поминай имя твоего Господа и всецело посвяти себя Ему» (аль-Музамиль, 73.8).

8. «Ёд-кард» — зикр языка вместе с сердцем. Означает совершение зикра языком салика, достигшего степени муракаба. Так как сердце связано с материальными объектами, от нечистоты этих вещей загрязняется сердце. При совершении зикра языком сначала очищается от грязи язык, затем — сердце. Таким образом, салик поднимается от степени муракаба к степени мушахада. Во время зикра, называемого «нафи-исбот», а также во время урока муракаба закрываются глаза, язык прижимается к нёбу, и на задержке дыхания произносится формула таухида.

9. «Боз-гашт» — «возвращение». Этот принцип означает прогонять все посторонние мысли, негативные или позитивные, которые непроизвольно приходят на ум во время зикра. Особенно, при зикре «нафи-исбот» после возобновления дыхания, при произнесении словестной формулы: «Илахи анта максуди варидака матлуби» (О Аллах! Только Ты — моя желанная цель, и только Твоего довольства взыскую и ничего другого).

10. «Нигох-дошт» — «сохранение». Этот принцип осуществляется через препятствование проникновению всего брэнного и воспоминаний о прошлом в дом сердца, являющийся местом божественных проявлений. Другими словами, это отключение воображения. Нет необходимости говорить, насколько это трудная задача.

11. «Ёд-дошт» — «вспоминование». Это понятие, которое можно еще описать как удержание взора, глубокое понимание, означает пребывание с Аллахом, не говоря это вслух, и удержание этого состояния. Достижение высшего предела в зикре, пребывание в состоянии хузур и степени «шухуд».

Общий эти зикр совершается раз в неделю под руководством шейха поздно вечером после пятой неизменной молитвы. Члены братства практикуют тихий зикр. Необходимо отметить что почти вся персоязычная поэзия — это творчество суфиев: Санаи, Руми,

Хафиз, Джами, Низами, Газоли, Шамси Табрези, Мавлави Чунуни... и многие учёные также были суфиями».

(Источник: <http://www.islamsng.com/tjk/pastfuture/12434>).

Тут много очень похожего и на Даосские, и на Буддистские, опусы...

Есть, правда, один не особо радующий момент: Сердце рассматривается слева.

Дело в том, что уровень Тончайшего подразумевает точкой отсчёта не плотное тело, а самоощущение энергии в особых модулях. И тогда, Сердце, всегда и обязательно, рассматривается в центре, а не слева.

Левое Сердце для духовной Практики означает, всё-таки, непознание Высочайшего Эликсира, потому как нет аспекта Центрального Трона.

Визуализация стеклянного эллипсоида с Именем (см. цитату выше) означает понимание практикующими необходимости аспекта растворения жесткости и тёмной сгущённости материального носителя. Однако, левая ориентация и её оперативное использование, возможно, говорит о том, что состояние Абсолютной Истины через Тончайшее не достигнуто (?).

Конечно, довольно дерзко такое писать о Великой Традиции, но, всё-таки, есть Законы Чаши Грааля. Один из них — это Закон Копья Лонгина: то есть, Центрального Канала.

Быть может, левая ориентация Сердца связана с влиянием заир и шариата, а может — это цена за социальную активность и общественную позицию данного Ордена...

Возможно, также, что это вообще специфика Ислама.

Тогда, логично предположить, что в духе батин, Мухаммаду и Луне будет соответствовать левое Сердце; Иمامу Али и Солнцу — правое; центральное — Звезде. Тарикат будет прочтён как эта самая Центральная Ось...

25) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-6.

Завершая бухарский опус, ещё обратим внимание на один интересный момент.

Повторим некую цитату:

«5. «Назар бар-кадам» — «взгляд на шаг». Подразумевает направление взгляда на кончики пальцев ног. Если ходить, глядя по сторонам влево и вправо, внимание рассеивается, сердце наполняется мирским. Тот, кто концентрирует свой взгляд на кончиках пальцев своих ног, сохраняет себя и от взглядов на запретное, и от занятости преходящим, потому что завеса в сердце возникает от внимания к окружающему без необходимости. Глаз является шпионом сердца. То, что видит глаз, занимает сердце. Те кадры, которые снимает камера глаза, откладываются в сердце. Хранящиеся в сердце, они занимают у сердца большую часть времени без необходимости. Направленность взгляда на кончики пальцев ног есть проявление скромности, адаба, норм шариата. Это соответствует сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху-aleyхи-васаллям)».

(Источник: <http://www.islamsng.com/tjk/pastfuture/12434>).

По тексту этой интерпретации одного из 11 Принципов, понятно, что речь идёт об Операции перехода в Тонкое и охранения оператора от риска упасть в Вульгарное.

О Тончайшем здесь речи не идёт, ибо при его Опусе форма раскрытия взгляда другая.

При опусе Тончайшего нет опасений рассеивания взгляда. Поле взгляда не ужимается, а направляется прямо, взгляд сферичен, в пространство, он не блуждает, нет приоритета каким-то объёмам и объектам. Вы как бы смотрите сквозь всё...

Вероятнее всего, такая форма распахнутого взгляда тоже была известна Суфиям, или их предтечам: множество потрясающих геометрических орнаментов, характерных для Искусства Ислама не придуманы и не рассчитаны, такого рода видения как раз

и могут возникнуть при устойчивом сферическом взгляде и Опусе Центрального Сердца.

Так что, скорее всего, в данной цитате описан как раз способ Преобразования, однако в некой формуле осторожности по отношению к модальностям энергии...

Для глубоко заинтересованного оператора всё это много о чём говорит...

26) ХИВА: АРИЯ НЕДОСТРОЕННОГО МИНАРЕТА.

Завершено Паломничество Семи Звёзд.

Вечер. Завершающая прогулка по Бухаре. К Минарету Калян.

Да, сюда сходится вибрация всех семи малых минаретов Семи Пиров, наверное, Семь Звёзд имеют свой Кутб, свой Полюс.

Минарет Калян прекрасен...

Смотрим на него.

Фотографируем в который раз, как будто очередной фотографией можно просветить сии пространства, узреть убранства и что-то постичь.

Что-то и постигается...

Поразительно: сейчас государство способствует религии, отстроены центры Суфизма, множество Мечетей, в пятницу — узбеки массово на молитве...

Вера возрождается.

Казалось бы...

Нашему водителю около пятидесяти. Воевал в Карабахе ещё при СССР. Беседуем...

Он тоже делает намаз. Халяльно зарабатывает, хорошая семья и всё такое...

Вспоминаем советскую формулу: да, тогда был атеизм и борьба с религией. Однако: души были легче, не было той мути и тяжести, той суеты, которая сейчас заполнила мир.

Деньги.

Все мыслят с молодых лет о них. Только о них. И о всём, что с ними связано.

Деньги тяжелы. Они перепачканы кровью и гноем.

СССР, тоже был империей боли и казней, людей беспощадно големизировали... тем не менее, нафс, в общем и в целом, был расслабленнее, проще. Не такой подлый, липкий и хитрый.

«Советский Суфизм», бред ли это?

«С. С.»...

Утро.

Точнее — ночь.

Едем на поезде до Хивы.

Купе исключительно грязное и пыльное, удивляет, как такое вообще может быть?

Проводник под стать купе: не говорит, что-то злобно мычит и по-звериному зыркает, бычась.

Доехали.

Отель.

Заселение.

Хива.

Хива как-то сразу завораживает. Снимает смирительную пажаму Бухары. Привлекает карусельным полётом вокруг минаретов под защитой глиняных зеркал древних стен.

Она восхищает...

Идём к главному Минарету, Кальта-Минар, его имя.

Сине-зелёное лазуритовое настроение сразу обаяет.

Бирюзовые нотки сего сооружения только добавляют сказочной воспарённости.

Вообще-то, воспарять вроде и нечему: сей недостроенный маяк не очень высок и воздвигнут всего на треть предполагаемой высоты. На определённом этапе стройка почему-то прекратилась. Так и остался некий задел и, то ли половина, то ли — две трети — лишь в теле намерения. Осязаемое явно продолжено только в знании образа.

Исчезающий Минарет...

Или: преимущественно, эйдосный Минарет, такой себе Платонический Маяк, основная часть которого жива лишь в уме, а материализована — опорная масса контакта с землей...

Для сенсуального материалиста, Кальта-Минар, есть недоделанный минарет.

Для Платоника, он же — сверхМинарет, тем более, что цвета Кальта-Минар есть геральдическая поэма небу о Небе.

Кальта-Минар возносит Хиву. Он дематериализует конкретику и ставит под огненный росчерк Симурга паутину привычной позёмной обыденности.

Он ровно и бескомпромиссно транслирует первый аккорд Шахады, шепча лазурью о трансцендентной Трансцендентности.

О, Ты, выводящая за Пределы Пределов!

Кальта-Минар — уникальный Минарет, всё его могучее тело полностью облицовано глазурованной плиткой и майоликой; он буквально похищен диаспорами Лазури; он просто захлебнулся синим-синим Небом...

Старая Хива полностью окружена древней крепостной стеной глиняного ощущения.

Тем выше контраст: Сияюще-Лазурный Минарет (образом своим, в основном, живущий с ангелами и только дарующий земным персонажам цитату на самого себя в виде сооружения с троеточием) противостоит горизонтальной Глине позёмных бытийствований.

Потому, Хива воспаряет оператора. Но она же и рвёт его Сердце напоминанием о Нездешнем. Дихотомия Кальта-Минар— Глиняные Стены: это, приговор.

Приговор человеку и человечеству.

Да, ты вполне можешь спрятаться за стеной. Укрыть свою семью. Своих детей...

Но жизнь твоя — недостроенный Минарет. И, быть может, ты даже не ведаешь, что вообще существует такой Маяк Синевы для алкающих в Пустыне обыденности под Эгидой всеприсутствия Смерти...

Остальная Хива, вполне себе, расположена между этими полюсами Смысла.

Большая часть Кальта-Минар таки прыгнула в Синеву, да там и осталась.

Опять: история о Небесных Селениях.

27) ХИВА: МАВЗОЛЕИ И МИНАРЕТЫ. НАШЕ ТРОЕТОЧИЕ...

Итак: небо уже было пробито. Сине-лазурная кровь изошла на нивы людские, люди её не приняли, их кровь оказалась жирной, потому она и осталась на Минарете Божественного Вопроса.

Сей Вопрос Бога, на самом деле, никакой не вопрос. Это первая фраза Шахады; это — NNDNN...

Люди, уже сами, ищут ответ через вопрос своей судьбы на её загадку. Те, кто поумнее и тоньше, идут через прямую осознанность; кто так не хочет — учатся через страдания и боль.

Другой вопрос, что даже желающие идти прямо, порою, по разным причинам, вынуждены двигаться посредством страдания...

Минареты.
Башни Призыва.
Маяки Истины...

Могилы Святых. Странно, они здесь живее особой subtilной жизнью, чем ощущение витальности среди «живых».

Упругое Присутствие, наполненное поле, где теплее, где нейтральнее, но обладающее сверкающим Бытием.

Итак, народ. Стены. Башни. Зубцы. Глина. Масса.

Минарет Кальта-Минар. Небо. Замешательство потери опор в результате удара Синей Молнии Трансценденции.

Бинер.

Мощный ток между Минаретом и Стенами.

Между ними, ещё не быт, не дома, не медресе, не мечети, не семьи, не магазины... не население.

Всё это мимолётно и вторично.

Между ними: Гробницы и Мавзолеи...

Именно они смягчают Лазурное Пламя.

Именно они, дают глинобитным стенам не лопнуть от перегрева. Они стабильны. Они уже живут Жизнь.

Мёртвые...

Мёртвые, которые живее живых.

В Хиве несколько Мавзолеев и могил Святых, порою, они сгруппированы в своеобразные кладбища. Пожалуй, здесь, не имеет смысла приводить имена и биографии этих Авлия.

Ведь всё равно, не это главное...

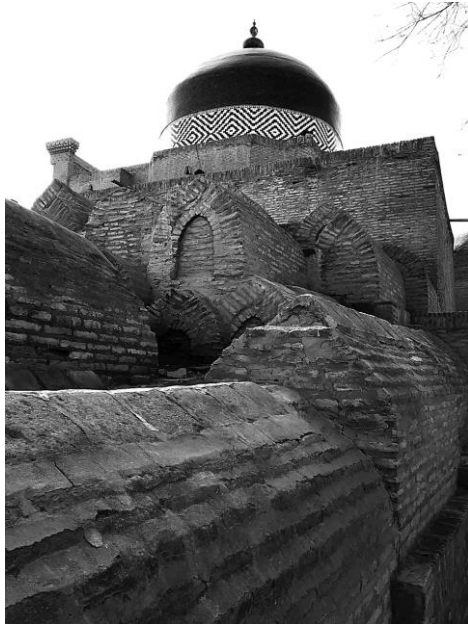
Кладбища, Гробницы и захоронения находятся прямо в сердце Хивы; там спокойно и тихо, наличествует состояние чистоты и кристаллического порядка.

Так мы обретаем в хивском Пилигримаже некий базис Треугольника Смысла: Минарет Кальта-Минар; Глиняная Крепость и Стены; Мавзолеи Святых...

Собственно, это организывает сам опус в Хиве: зацепиться синевой сознания за синеву Кальта-Минар; бродить внутри стен; иногда, выходить за них; созерцать извивы стен с площадки одного из дворцов; приходиться к Гробницам... осознать ИНОЕ, чувствовать Силовое Поле Святости, взывать...

Возносить Воззвание Пилигрима.

В нашем деле важно не ставить Точки.

Запятые, — да.

Вопросительные знаки, — да.

Троеточия: особенно благоприятны...

Как бы объективное описание в русле нормативной научности претендует на фотографическое отображение и всегда подразумевает Точки.

Троеточие отменяет труп факта.

А без этих трупов распадётся их земля.

Метафора, в частности, Риторика, вообще, даруют жизнь; они направляют её к всесвершению. Искусство притчи и намёка, Жизнь Живая Символа в его пульсации дыхания режимом «Символ объясняется другим Символом»...

... благословенное Троеточие...

Наш истинный Тахарат.

Поставленная водой точка, это — лёд. Лёд не годится для Тахарата.

Путеводители для туристов: адаптированные для масс переписки научных скучнейших нелепиц, каталог точек и каторга фактов.

Потому и всецело омерзителен музей (впрочем, не каждый...), ведь, в основном, в нём вещи прибиты на мёртвые гвозди «достоверных фиксаций каких-то сведений»; музей, в отличие от упомянутых Гробниц, — мёртвое в мёртвом.

Любая гарантия попахивает претензией на Точку и на математическую точность. Риторически, гарантия не даётся.

Да.

Они умерли.

Святые ли?

Неизвестно...

Всё это плавает в тревожном и невозможном для «живых-убитых» Расплаве: три точки вверх, три точки вниз, так же — налево и направо...

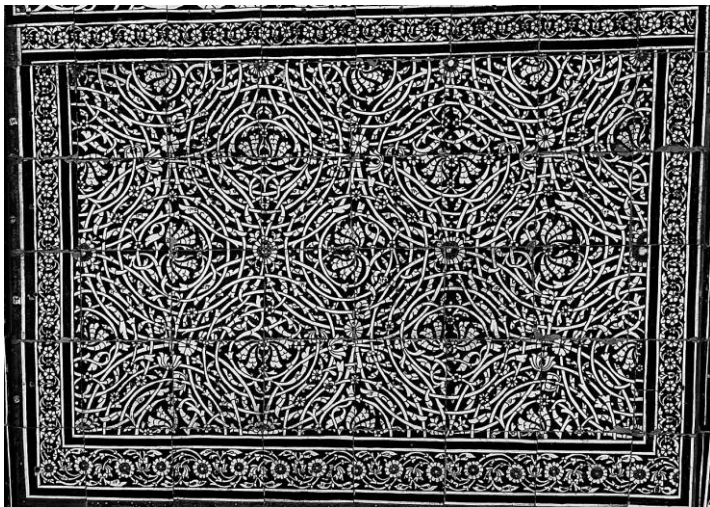
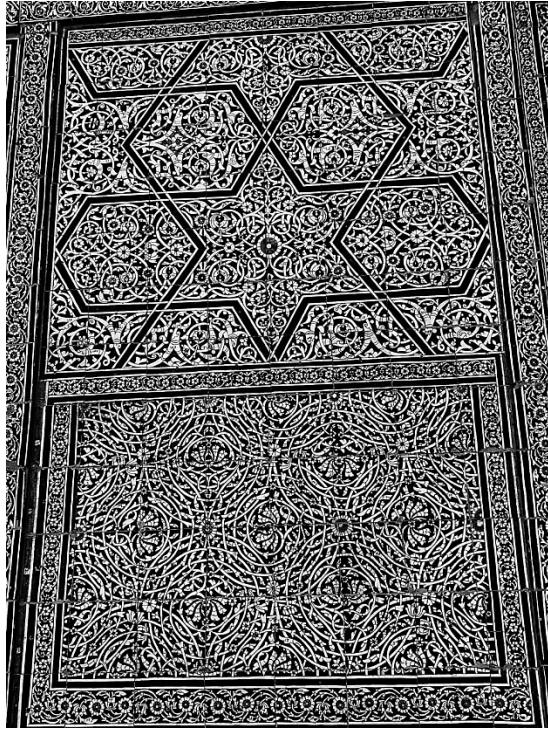
В Сердце этой вибрации — любящее Сердце. Оно не ищет опоры в Гнозисе. Ищущий опору, не Любит.

Он боится.

Любящее Сердце опьянено всевозможностью и познаёт мир в режиме Поэзии.

Чаша Грааля — достоверный горизонт этого Искусства.
Искусства Прозрачного Сердца.

28) ХИВА НАШИХ УЗОРОВ.

... все эти крайне скучные «глазурованная плитка»... «майолика»... «в оформлении использованы», словом, — Узоры и Убранство.

«Майолика» — название хорошее, так как отсылает нас в май. Вечный Май...

Такое Измерение неожиданно проступает в одном из Дворцов Хивы.

В каком именно, неважно.

Некий павильон. Несколько колонн. И — вселенная света, красок и блеска. Растительный Орнамент и чёткий Геометр.

Вечный Май вечного рая.

Узоры, конечно, порою, можно и придумать. Можно скомпилировать. Можно украсть...

Можно родить в муках суррогатной матерью концептуальный плод.

Но первоисток Узора, всегда в ином. Маха-Ати: Видения Лонгде...

Самопроявленная ясность кристальной хрустальности Алмаза.

Суфии.

Стихи Хайяма и Руми.

Джами.

Навои...

Перевод всегда условен, тем более, поэзии, особенно — Поэзии Опуса.

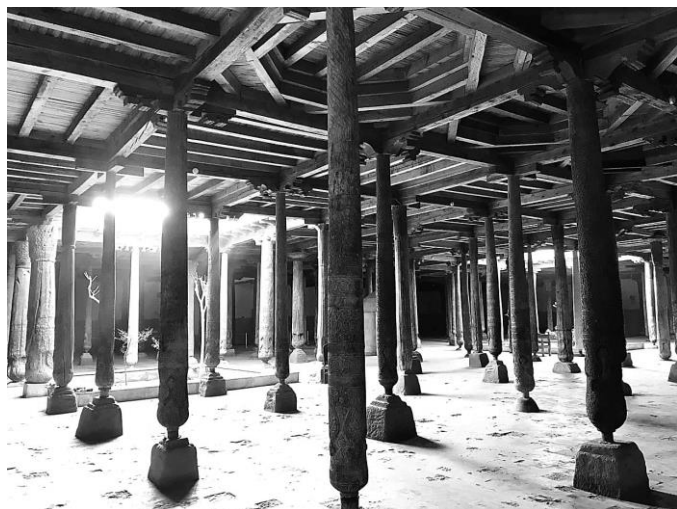
Учебники, описания и тому подобное, своей концептуальностью помогают нафсу всё это приватизировать и далее, под видом бога, изучать и детализировать собственное Неведение.

Наверное, Кутбы ввели Гнозис, посредством Символов.

Они легли в культуру, их освоили и распространили.

Суфизм в тарелках...

Тасаввуф пиал...

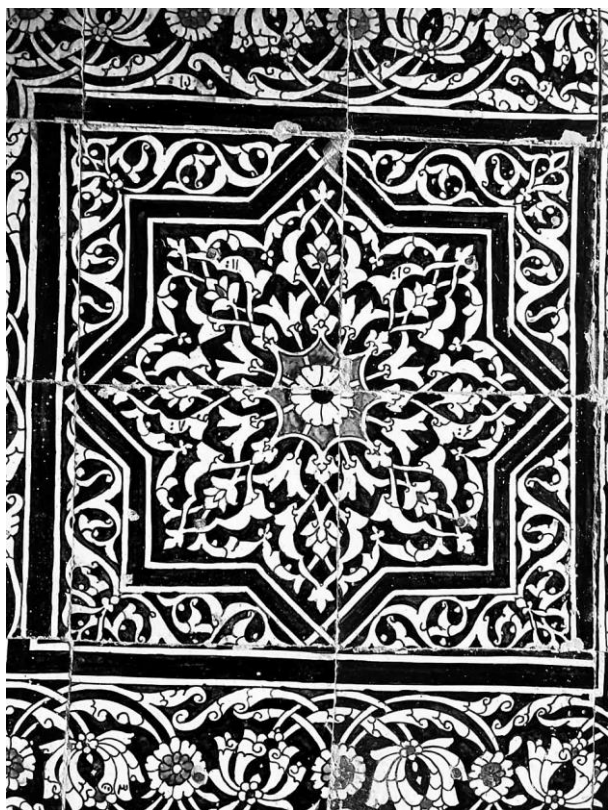

Чайная. Столовая. Убранство Медресе и Минаретов. Мечетей...

Тотальность катафатического Узора Лабиринта в океане апофатической Лазури...

Это можно пить.

В этом — Передача.

Вечер.

Хива совершенно безлюдна. Редко-редко встречаются одинокие путники или маленькие группки прохожих.

Они не гуляют.

Они идут домой.

Хива в темноте. Только центр и главный Минарет освещены.

Сумрачные площадки, тёмные улицы. Глина, подмёрзлая грязь...

Перед площадью Кальта-Минар есть ресторанчик.

Я бы даже назвал сие таверной.

Таверной «Привал странников». Или: Таверна «Между мирами»...

Это, коттеджного типа деревянный домик, золотой свет струится из его окон. Пару золотых фонариков на улице. Домик Праздника. Как с рисунка Кинкейда...

Таверна Золотой Розы.

Таверна Странников Золотой Розы.
Это те, у кого открыто Любящее Сердце.
Те, кто Любит, через Истину и посредством Истины, всех живых существ.
Это те, кто идёт в путь не из страха, не из корысти, но — в Блаженстве.
И потому, обретает Свободу.

Прозрачность.
Свет.

Сказано.
Сказано...

Из этого Привала Странников и ходят Пилигримы в Наше Убранство.
По Лабиринту сердец познавая Искусство Узора.

29) ПРОЗРАЧНОЕ ВИНО. ХИВА.

Последний, третий день, в Хиве.

Утро.

Беззаботность.

Опус Прозрачной Бесформенности.

К Мавзолеям и Гробницам.

Без каких-либо Воззваний. Без просьб. Без ожиданий.

Просто и непосредственно.

В ощущении насквозь и повсюду.

Расслабление.

Порою, важно совершать Опус именно так, в равном Вкусе и без включённости в вопрошании к Священному.

В Прозрачности Истины, а Свет пусть самопроявится.

Вне иерархии.

Прямо и без ступеней.

Приход к Могиле.

Стояние у Гробницы.

Вход и сидение в Мавзолее.

Расслабленная вездесущность входит в контакт со Святыми. Очень конкретно чувствуется их Присутствие.

Вне сомнений.

Ничего не прося.

Всё и так уже свершилось.

Вне молитв и воззваний.

За пределами дихотомии захир и батин. Вне спецификации Линиями Передач.

Белое Вино Истины.

Нечего терять, когда всё распахнуто и уже потеряно в окончательную Полноту.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

30) КРАСНОЕ ВИНО ХИВЫ. ВОПРОС ТРАНЗИТНОСТИ И ТАХАРАТА.

В Узбекистане вообще, в Хиве, в частности, много посуды с определёнными местными узорами. Главная особенность этого (по ней, кстати, можно определить аутентичность узора или, наоборот, его заимствование) состоит вот в чём: неким райским измерением суфийской реализации, выраженным в символах специфических Узоров, является оформление Мавзолеев, Мечетей и Павильонов Дворца и оно выливается на миры украшения самых разнообразных предметов быта.

Там живёт целое Измерение Бело-Сине-Лазурного Гнозиса.

Барака как бы раздаётся по самым разнообразным тарелкам, чашкам, пиалам и другой посуде...

Скорее всего, если говорить конкретно о Хиве, то первичными пульсовыми точками являются Мавзолеи, собираемые эссенциально к Кальта-Минар: потом, всё это множественными лазурными нитями распространяется в каждый дом и к каждому человеку данного оазиса.

В такой опции Хивинский Оазис может быть узрен как сияющая паутина бараки, в том числе, нашедшая свой осязаемый коагулят (давайте вспомним про связь Бараки и Хварено Зороастрийцев).

Так, весь город и окрестности распознаются уникально радостными в пересветах и бликах особого состояния вознесенного чувства: пожалуй, подавляющее большинство населения определит цвет счастья, как золотой. Здесь, в Хиве, он — Сине-Лазурный и Белый...

Всюду, где есть хотя бы цитата или намёк на указанное убранство, живёт Ритм Суфийского Гнозиса.

Размышляя о Красном Вине, уместно поднять вопрос Тахарата.

Омовения.

Нормативно, каждый мусульманин должен ежесуточно совершать Пятиразовую Молитву, Намаз. Перед каждой предполагается полное или частичное Омовение, Тахарат.

Как вы понимаете, это очень частый контакт с Водой, причём, ещё и в контексте смывания, динамики, Очищения.

Можно, здесь, вспомнить рекомендации или запреты некоторых Традиций, после определенного опуса не касаться воды или не мыться вообще. Считается, что мытьё как бы снимает некую энергетическую информацию и потому проблематична Фиксация и Пестование обрётённой новой интегральной модальности состояния.

Простой пример: после наполненной энергетической тренировки в даосских Воинских искусствах рекомендуется не мыться до 5-6 часов, а порою, желательно, даже не касаться воды, особенно, холодной.

Нужно ещё и отметить, что Тахарат применяет не просто воду, а — Окрашенную Воду (намерением, молитвой). Потому, здесь, не просто гигиеническая процедура, но — некое Таинство. Оно, вне сомнений, особо зацепляет Кровь...

Интересно всё это сопоставить: алтаря в Мечети нет — есть транзитный процесс обращённости на Киблу; Тахарат — также, потоковое действие, снимающее Фиксацию и резонирующее транзитности Намаза-Мечети.

Этому же соответствует необходимость Хаджа, Паломничества в Мекку, к Каабе...

Кааба земная — ответ Каабы Небесной...

Если, для сравнения, посмотреть на Христианство, то можно заметить, что Операции в его контексте значительно более фиксированные (начиная с наличия Алтаря в Храме, что и определяет его, собственно, как Храм).

Ислам, так получается при первом созерцании, чрезвычайно Транзитен: это некий мощнейший Поток, постоянно отрицающий любую налипающую мирскую грязь (функция Тахарата) и устремлённый к Запредельному Аллаху. Поток сей исключительно стремительный, настолько, что Святость здесь — это само Движение за Границы Границ.

Шариат же, как раз и представляет фиксированные берега данного Потока.

Такого рода аккуратный разбор в венце многих трюеточий, важен не ради интереса: его смысл — познание себя через проекции внутреннего Неба и его Созвездий на «внешний» мир...

31) ПАХЛАВАН МАХМУД. ХИВА. ПРИСУТВИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА.

Мавзолей Авлия, то есть, Святого.

Это — Суфийское влияние и в Исламе-захир, в принципе невозможен Зиярат, то есть, Паломничество к Святым Могилам.

Батин созерцает сие, полностью по-другому. Гробница Святого, это точка контакта с ним; как бы функция его Имени в контексте Тариката-Пути; это пульсовое место обозначенного Присутствия того, кто продвинулся в деле «иконы Мираджа». Ведь, по сути, Тарикат — есть повторение Ночи Мирадж.

Авлия — как Светильник в Нише.

В определённом смысле, Мавзолеи и Святые, это — некий аналог Алтаря в Христианском Храме, то есть — Точка Фиксации.

В этом видении, и города, и страны, буквально держатся на Святых.

И если, Рыцарский Пилигримаж в контексте Христианства, это путь от Храма ко Храму; то, в измерении Опуса Грааля, применительно к Ислам-батин, это — Путь от Мавзолея к Мавзолею.

Возможно, некой точкой Эссенции Авлия в контексте, например, Шиизма, как раз является Имам Али...

Мечеть сама по себе не сакральна: она — трамплин для Священного Ветра намаза.

А вот Мавзолей — Сакрален конкретно.

Пожалуй, центральный Мавзолей Хивы — это Усыпальница Пахлавана Махмуда.

Там захоронен не только этот Покровитель Града, но и некоторые другие выдающиеся люди батин и власти.

Вот краткие внешние сведения об этом Богатыре-Суфии:

«Пахлаван Махмуд (1247—1326) — великий поэт, просветитель, философ и суфий родился в Хиве. По словам Шамсиддина Соми, автора книги «Комус-ул-аълум» («Книга великих деятелей»), Пахлаван Махмуд был ученым, поэтом, непобежденным борцом и силачом, кроме того он шил шапки и шубы. Свои рубаи

и поэмы Пахлавана Махмуда писал на фарси. Одной из самых знаменитых поэм считается «Канзул хакойк» («Собрание истин»). В поэмах и рубаях Пахлавана Махмуда отражаются его суфийские идеи и мысли.

(...)

Пахлаван Махмуд считается одним из суфийских пиров. И как каждый суфий он был занят каким-либо ремеслом, которое приносило ему доход. Пахлаван Махмуд, как мы уже отмечали, был скорняком. В одном из хадисов (толкование Корана) говорится, что мусульманину следует трудом своим добывать себе пропитание и «лучше собирать в горах хворост, продавать его и таким образом находить себе на пропитание, чем жить на подаяния». Жизнь Пахлавана Махмуда является примером следования этому завету Корана. Ранее Пахлаван Махмуд был известен под именем Пурейвали. Это был один из псевдонимов которым он пользовался. Умер Пахлаван Махмуд в 1326 году».

(Источник: <https://greylib.align.ru/424/paxlavan-maxmud-rubai.html>).

Следует заметить, что неверно Пахлавана соотносить с Рыцарем. В Измерении Ислама мы имеем дело с другим Логосом: транзитный поток данного Учения настолько быстр и мощен, что здесь нет речи об Ордо или Варнах.

Это — одно из принципиальных отличий.

Как нет в Мечети Алтаря, так нет фиксированных Ареопагитик, а есть — динамические Стоянки.

Варново, Суфий объединяет в себе сразу все Ордо, что, скорее, похоже на Даосское отношение к вопросу.

Часто, Суфий, и — Воин, и — Труженик, и — как бы Жрец (просто жрец в Исламе невозможен ибо нет института Священства), и — Купец...

Рыцарская Алхимия — иная, хотя и есть определенные точки соприкосновения Батин с Рыцарским Опусом.

Мавзолей Пахлавана Махмуда весь облицован майоликой. Это какое-то серебристо-голубое, белое сооружение. Концентрация Святости здесь конкретна и велика.

На стенах внутренней камеры Мавзолея на фарси, начертаны рубайи, четверостишия, Пахлавана Махмуда.

Понятно, что перевод в таком случае есть лишь Луна смысла на облачном небе межъязыковых барьеров и, всё-таки, имеет смысл привести некоторые.

Над решеткой надгробия:

*Сто гор кавказских истолочь пестом,
Сто лет в тюрьме томиться под замком,
Окрасить кровью сердца небо — легче,
Чем провести мгновение с глупцом.*

О чём здесь речь?

Маловероятно, что такой Святой обуянен гордыней настолько, что аж сложил стих на тему.

Почему с глупцом так тяжело провести даже мгновение?

Вот ещё некоторые рубаи Суфия-Воина-Ремесленника, явно написанные под эгидой Золотой и Сапфировой Розы:

*Сказать всю суть в словах немногих рад я:
Цените каждый миг, пока мы вместе, братья.
Слетелись чудом мы под счастья крыло,
А разлетимся — трудно вновь собраться.*

* * *

*Душа, внимая злым, будь очень осторожна:
Ведь все, что вне любви — поддельно или ложно.
Что разлучит с душой? — одна кончина:
При жизни с ней расстаться невозможно.*

* * *

*Кому-то этот мир, как будто счастьем мечен,
А кто-то скорбью в нем с лихвою обеспечен.
А мне он кажется могилой ненасытной,
Что дня не проживет без жертвы человечей.*

* * *

*Те мусульмане лишь, кому сердца все рады,
В их благочестии сомнения не надо.
Но кто приносит боль — тот еретик —
И пост с молитвой не спасут от ада.*

* * *

*Ты помнишь ехавшего в Мекку? — он вернулся.
Покинул нас змеей — драконом обернулся.
Не обольщайся, что лицом он к Каабе —
Душой он точно от Аллаха отвернулся.*

* * *

*В душе моей печаль справляет торжество:
Так много в мире зла — не назовешь всего.
И если кто-то счастлив в этом мире,
То или мир — не мир, иль он не из сего...*

(Перевод с фарси Матназара Абдулхакима и Николая Ильина).

Странные, особенно для Суфия, стихи. Или: что-то мы не понимаем в этом их внешнем пессимизме и кажущейся банальности.

Мавзолеем звучит глубоко и сущностно, потому, как-то сразу интуитивно ясно, что за этими строками что-то сокрыто и не всё так просто...

Вот ещё ряд рубаи, которые, кажется, принадлежат Пахлавану Махмуду. Не будем их комментировать, лишь заметим, сей Святой — действительно Свят, а значит — глубок: сие безусловно ощущается в Мавзолее. Если вам покажется что-то поверхностным, это не так, нужно искать угол созерцания, откуда увидится по-другому. Впрочем, можно просто приехать в Хиву и молча сидеть в Мавзолее. Ничего не рассматривая. Не ожидая.

«Фана» — ключевое слово. Тогда всё придёт само.

Итак, рубаи:

*О, если хочешь стать и вправду падишахом,
Так будь слугой для всех! Стелись как след за шагом!
Чтоб стать короною носимой на челе,
Водю будь для рук и под ногами прахом.*

*Мне пыль чужих шагов на сердце не садится.
Обид не наношу и не спешу сердиться.
От ложной гордости судьбою я далек;
Зато в самом себе мне нечего стыдиться!*

*Когда б мы этот мир могли исправить силой —
Обрушило б добро все тропы злобы хилой!
Но мир — подобье нард: всего один бросок —
И жалкое грозит великому могилкой...*

*Неспешно жизнь прожить иль вечно торопясь;
Халат из шелка шить, носить ли вечно бязь —
Не все ль равно? Глупец слывет недолго мудрым...
Но горе чистому, затоптанному в грязь!*

*Я не сгорю в огне, в плавильне печи жаркой:
Я злато, а не медь под позолотой жалкой.
Я солнца яркий луч — не блеклый блеск луны,
Не тусклый, в пятнах, таз, начищенный служанкой.*

*Слез наших хватит тысячам потомков:
Исторгло время тысячи потоков!
Ной прожил тыщу лет — лишь раз видал потоп.
Я ж видел в жизни тысячу потопов!*

*О сердце, не мечтай о шелковых одеждах
И тех, что на тебе, не рви в пустых надеждах.
Коль хочешь жить легко, так блеском взор не тешь
И прихотям чужим не следуй безудержно.*

*На троне будь царем, мужчиной будь в дому —
И чести не вверяй дувалу одному.
А ветке стоит раз за стену перегнуться —
И тянут руку все к урюку твоему.*

*Мы веселы — и день нам не приносит горя.
И, получив одно, не жаждем взять другое.
Не морщим утром лоб: а будет ли обед?..
Не просим — и дано нам щедрою рукою.*

*Не знал мой бедный дух ни радости, ни грез,
Свободы от забот, от горя и угроз.
Сто пользы? Жизнь моя, такая дорогая,
Бесплодно пронеслась, пропала ни за грош!*

Я видел спящих на земной постели

*И тех, кто спит в земле, чьи ложа опустели.
А сколько есть других во тьме небытия!
Тех, что придут еще, тех, что давно истлели...*

*Мы с верой шли сквозь мир — и все же в малой мере
Мир плоти в мир души преобразить сумели.
Все семь десятков лет я думаю о том!
В испуге мы пришли, уйдем в недоуменье...*

*Строитель небосвода, вечный зодчий,
Что за день ты воздвиг — обрушишь к ночи.
Мечети своды и законов свод,
Едва уйдем — подточит время тотчас.*

*Сто раз я клятву повторю такую:
Сто лет в темнице лучше протоскую,
Сто гор в домашней ступе растолку —
Чем истину тупице растолкую.*

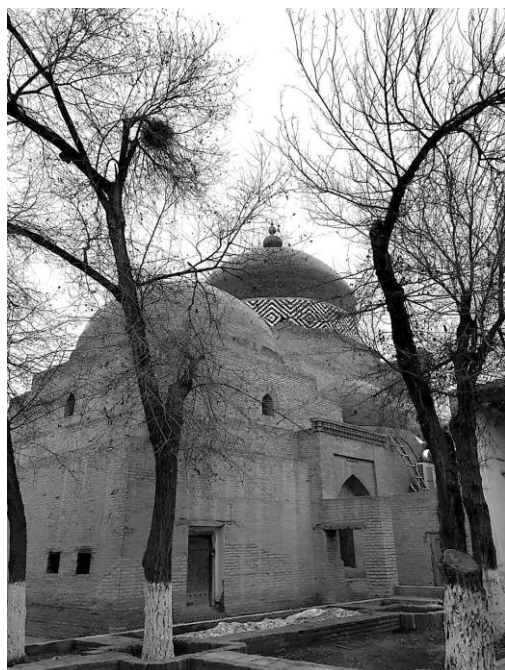
*Вина — виной: ей кара — искупленье.
Несправедливость горше преступленья!
В своих заплатах вор не виноват.
Чем зло пышней, тем мерзостней терпенье.*

*На плов в чужом котле кидать не стоит взора.
На пышный званный той позор идти без зова.
Ломоть свой черствый, свой глоток воды —
Стократ полезней пиршества чужого*

*Все спутники мои взирают свысока —
Как царственный букет на венчик василька!..
Беседы я веду лишь со своею тенью —
Как мальчик с зеркалом, как с берегом река.*

*Мой дух — огонь, что все вокруг раплавил.
А реки — слезы, что мой гасят пламень.
А глина, что на тех замешана слезах —
Я сам! И я, гончар, собой гордиться вправе.*

(Перевод А. Наумова; ресурс: <https://greylib.align.ru/424/paxlavan-maxmud-rubai.html>).

Всегда имейте в виду, что даже одно слово, неточно переведённое, может сильно исказить содержание. Переводчик должен не только знать оба языка, но ещё и иметь устойчивую духовную реализацию такого же или подобного, Пути, что, в данном случае, вряд ли наблюдается.

Тем не менее, всё равно, даже в таком переводе, можно что-то уловить.

Пусть и намёк ...

И ещё...

Как ни странно, борцы — люди ранимые. Иногда: предельно ранимые. Об этом свидетельствует и меркуриальная развитость Пахлавана Махмуда, его поэтическое наследие.

Эти стихи нельзя читать в солнечный день. Их не нужно открывать в полдень.

Пусть будет вечер...

Или: хмурое раннее утро.

Замечательно, если шелест длинного монотонного дождя украдёт разноголосицу всего многообразия мирских звуков.

Шелест дождя...

Белое вино. Лёд.

Немного фруктов и сыра. Рубай, как скупые капли: пусть падают не сразу в душу. Один стих. Пауза.

Глоток.

Слеза.

Шелест дождя. Вздох.

Пару глотков вина...

Пауза.

Сумерки. Равномерный ливень.

Так похоронят, когда-то, и тебя...

Проблемы перевода: Язык Опуса и язык захолустного рока.

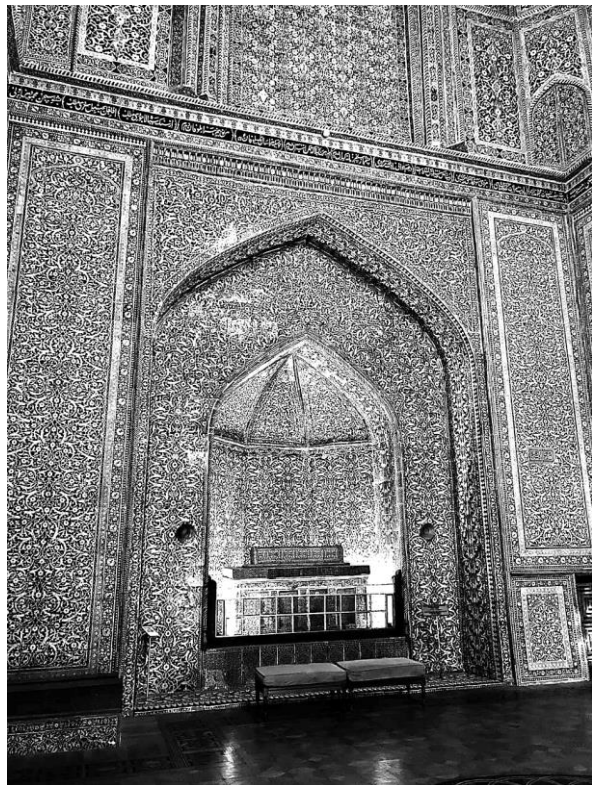
Сегодня счастливый день.

Прямо у Главного Минарета Хивы я нашёл Белого Верблюжонка. Малыша. Он доверчиво и мягко смотрел мне в глаза. Потом, уткнулся своими губами в ладонь. Ком подкатил к горлу.

Жизнь так мимолётна...

Жизнь так похожа на лепесток Розы, несомый порывом ветра на плоскость жаркого песка пустыни.

И, всё-таки: Верблюды преодолевают эти самые пустыни. Белое Существо сильнее Смерти.

32) КОЛОДЕЦ ВВЕРХ, КОЛОДЕЦ ВНИЗ. ХИВА.

Есть некая легенда.

Сын Ноя, Сим, скитался по Пустыне после Потопа.

Он устал и прилёг отдохнуть.

Пришёл сон...

Триста разноцветных факелов горит, их конфигурация определённой формы...

Сим просыпается. Он будет строить город в виде Корабля...

и он выкапывает Колодец.

Хейвак.

С тех пор дано рождение граду Хива. Колодец существует до сих пор.

Грязные переулки. Старая дверь. Внутри — не менее старый двор. В нём — Хейвак. Сейчас подойти к нему нельзя, можно только глянуть в щелочку.

Сим, согласно преданиям, прожил шестьсот лет. Некоторые, склонны считать, что Сим и Царь Праведности, Мельхиседек, это одно лицо.

От Сима произошли семитские народы...

Всё-таки, Хива, город Мавзолеев.

Уже в последний день пребывания нахожу ещё Гробницы, говорят, что там упокоены Авлия.

Со стороны Ворот Таш-Дарваза, имеются Гробницы прямо за стеной, снаружи, одинокие, группами... обнаруживается с другой стороны Мавзолей Саида Махируи.

Если обобщить, то, пожалуй, в этом Пилигримаже мы встречали Захоронения нескольких типов:

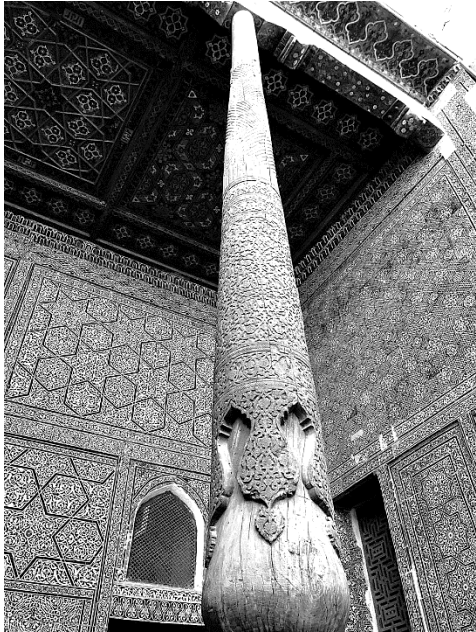
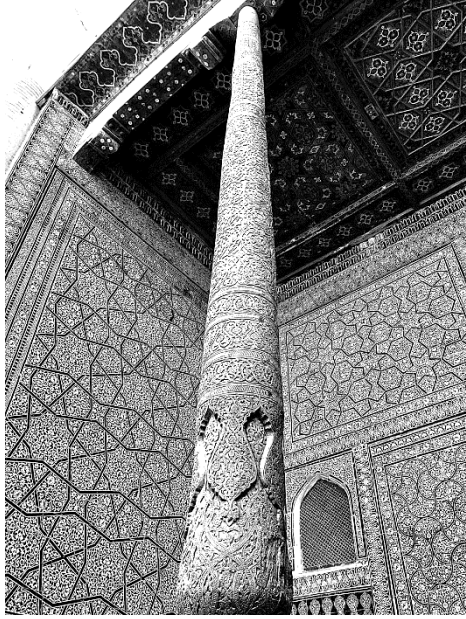
— Святых Суфиев, Авлия;

— Святых, связанных с Исламом, Хадисами и больше, захир (например, комплекс Имама Аль-Бухари);

— Святых Пророков-Предтеч (Могилы Дауда, Иова и тому подобное);

— Мавзолеи Правителей (здесь, видимо, это связано ещё с зороастрийской Хварено)...

Конечно, для местных, всё это является одним Измерением и никто ничего не классифицирует, люди просто, в меру своего понимания, совершают прихождение ко Святыням, читают какие-то молитвы, имам что-то декламирует для групп, каждый просит нечто своё...

Этот мир жив.

И жив весьма интенсивной жизнью.

В Хиве когда-то было чуть более двух десятков Медресе, многочисленные ученики, заинтересованные в познании самых разнообразных аспектов Ислама захир и батин. Сейчас, почти все они превращены в музеи, эти бессодержательные ковчеги количественных отчётов.

Обычно мы не посещаем такие учреждения, здесь, заходим в несколько и обнаруживаем только примечательный барельеф вездесущей Пентаграммы...

Узбекская еда, насколько мы её poznали за две недели Пилигримажа, никому из нас не понравилась: жирная, тяжёлая и отупляющая. Отсутствие качественного Вина усугубляет эту ситуацию.

Плов, конечно, и главное, и ритуальное блюдо узбеков.

Его приготовление имеет региональные особенности. Новые узбекские друзья пару раз свозили нас покушать настоящего плова, не для туристов; случилось это в Самарканде и в Хиве. Мы, конечно, остались очень признательны им, но чуда не произошло: не совпали эйдосы на эту тему.

Восток, точнее, Центральный Восток, коим является Средняя Азия, а уже её Эссенция — Узбекистан, имеет определённый пневматический модус. Некое постоянное расширение. Это, конечно, довольно оптимистично, но и устаёшь в такой динамике.

Запад свеж. Запад умывает. Запад омывает...

Особенно, Северо-Запад.

На Восток точно нельзя ехать гордым и недобрым людям: они станут только хуже. Значительно хуже.

В этом плане, Суфизм, пожалуй, Восточный.

Рыцарская Традиция — нет. По крайней мере, сначала...

На Восток нельзя ехать жадным и похотливым.

Сюда не нужно тем, у кого сильная животность и кто вульгарен в мелочах быта.

В общем, Восток не испортит насельников Стеклянного Острова, поскольку, у какого-нибудь Минарета они могут встретить Белого Верблюжонка, означающего Помощь и Спасение.

То Белое Существо, которое может перейти Пустыню.

33) АСПЕКТЫ ПИЛИГРИМА.

Начнём с цитаты:

«В работе «Монголы и Русь» Вернадский отмечал: «согласно Полю Пелио, имя Узбек (Özbäg) значит «хозяин себя» (maître de sa personne), то есть «свободный человек». Узбек в качестве названия нации значило бы тогда «нация свободных людей»». Эту точку зрения разделял П. С. Савельев, писавший о бухарских узбеках в 1830-х годах, который считал, что название «узбек» значит «сам себе господин»».

(Источник: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Узбекистан>).

Итак: свободный человек.
Узбек.
Козак, — на Украине.

Как мы попали именно в такой мир? В мир Смешения: благородство здесь соседствует с ужасающей низостью, чистота — с похотью и грязью, направленность к Истине — с глупостью и идиотизмом суеты.

ПЕРЕДАЧА.

Только её Семя, её Дуновение, дают шанс.

Первая Алхимическая Операция всегда и всюду одна: тем или иным способом, получить Передачу. Введение в Гнозис. И, далее, на этой основе — все остальные Операции. Нужна причина, чтобы выйти из тотального рабства.

В этом — само Сердце Пилигримажа. Различные Адепты реализовали Разный Опус. Много различных вариантов Пути.

Они оставили точки контакта со своим Измерением: Храмы, Гробницы, сведения о Святых Местах и тропах...

Нет вопроса, нет и ответа.

Вопрошание.

Воззвание.

Умноженное на усилия, цену, время и тотальность запроса. Прожитое судьбой.

Это и есть Паломничество.

Оно всегда, как и сама жизнь, остаётся неоконченным. С трое-
точием в завершении.

Внутри Пилигримажа проходится интенсифицированное бы-
тиё: по сути, ты конкретноходишь в Лабиринт.

Быт и сны, итак, загадка.

И так — пространство неопределённости.

Лабиринт познаётся Лабиринтом: так читается этот свиток.

Эта книга.

Различные вектора и последовательности Паломничеств
имеют в виду отличающиеся Формулы. Их определяют ряд фак-
торов:

- направление (Запад, Север и т. п.);
- контекст Учения или Учений (Буддизм, Ислам и так да-
лее...);
- время;
- Иероистория и мифопоэтика;
- Интуитивное определение всего этого и приглашение
Знаками на конкретный Путь;
- ...

Гнозис.

Знание.

Амрита.

Наше Красное Белое Вино.

... тинктурированная пневма Мудрости, чаще всего, регистри-
руется межбровьем и плоскостью лба. Через это место она и вхо-
дит в измерение тела. Сия пневма усвоена тогда, когда выпол-
нены важнейшие пункты:

- нисходящий ток через горло в центр Существа, то есть —
в Центральное Сердце (Опус Алтаря);
- распространение по всему объёму тела, это есть Опус
Храма;
- усвоение и фиксация объёмно и центрально (Знак
Солнца: Точка в Круге);
- жизнь с актуализированным Сердцем (Жизнь Тампля);

- Восхождения (Фонтан) и Нисхождения (Водопад): подъем пневмы Гнозиса из Сердца через горло в голову и нисхождения понятого и выраженного через Горло — Речь, Устная Передача...
 - промытое и открытое Горло для предыдущих Операций (молитвы, мантры, воззвания, высокая речь);
 - Излучения Гнозиса (Любовь, экстаз) Сердцем в весь объём тела, насквозь его, как следствие — «сгорание» гравитационных аспектов плоти в радости, творчестве и энергичности («корпус= Рыцарский Конь»);
 - Расслабление волной энтаза до полной Прозрачности и корпус тает, становясь эфемерно-легким;
 - аспекты пневматического противовеса этой Работе Верхних Трёх: компенсация ходьбой и опусканиями оперативности до низа живота («охрана Атанора»)...
 - ...

В принципе, всё это заложено в Жест Крёстного Знамениа.

Подобный в сути Жест Благословения у мусульман, когда ладони идут по кругу на себя, проходят по лицу и как бы выливают нечто на оператора...

В Даосской среде, кроме такой магистрали, есть ещё Взятие Знания через макушку.

Некое Облако Гнозиса как бы собирается над головой и выливается сверху, полностью заполняя тело и прителье оператора. Так может и Учитель, благословляя, передать.

В контексте Буддистских Тантрических Учений, главной формой является Передача через Ом-А-Хум, которые корреспондируют Голове, Горлу и Центру груди (Сердцу). В них принимаются Три Луча... далее, поток Гнозиса сверху вниз, поток Силы также. Некий аналог хлопка («удара молнии»), который ставит Печать объединения того и этого в Одно.

Вообще говоря, Передача происходит по мостам органов чувств и их каналов, которых, как известно, пять. Потому, Пентаграмма, также, Символ Введения в Гнозис.

Главные окна органов чувств находятся в голове, кроме того, один из основных и самых ранимых, глаза, там же.

Есть, ещё, некая иерархия чувств и их сознаний (по степени убывания):

- зрение;

- слух;
- нюх;
- осязание (включая самоощущение телесное);
- вкус.

Более низкие, как бы собираются в более высокие. Соответственны вибрационные характеристики. В конечном итоге, Эссенция всех органов чувств — зрение. Глаз, как известно, два. Эссенция зрения — это Третий Глаз, межбровье. Всё это ясно объясняет, почему волну Гнозиса принимают именно так, как описано выше.

Сердце — в контексте Гнозиса и Мистико-Магического Опуса, это не орган, качающий кровь. Потому, оно, конечно же, не слева. Оно по центру. Приблизительный ориентир — нижняя часть груди, некая площадка открытой кости, наподобие лба (где третий глаз). Это, как ты равнодействующая всего существа, Центр Измерения конкретного человека, потому оно так Священно. Там — Наитончайшее. Там — точка Символа Солнца...

Мозг — как бы лунная губка органов чувств. Информация, которая обрабатывается только в голове и головой, не содержит в себе эссенции, она — отражательна и опирается на внешнее. На эксперимент, на данные сенсориума, на чьё-то мнение, на авторитетов и на общую парадигму.

Голос Сердца — чувства. Однако, аутентичны только чувства очищенного Сердца, находящегося вне влияния страстей и концепций. То есть, свободного Сердца.

Прозрачность и Свет: вот два ключевых слова для Сердца (тишина, чистота, покой, облегчённость — тихая радость, любовь, творчество...). Когда Сердце пестуется так и, самое главное, когда оно изначально обращено к Всеполю Истине, тогда оно как бы Хранится.

Хранение Сердца.

Такое Сердце излучает особое наитие. Оно и вбирается (и вот здесь как раз Гнозис от Святыни ныряет в него) и излучается. Последнее, есть Солнечный Поток, зажигающий ясную Луну мозга, и уже он расшифровывает Сердечный Свет в тот, или иной дискурс, передавая потоки на речевой или двигательный центры.

Итак, мы определили Чело и Сердце. Два Сосуда Гнозиса.

Центр Колеса — Сердце.

Обод — Чело.

А вот Спица — Горло.

Горло сложно своей сложностью. Оно узкое. Если слова плоские и мирские, то такое горло не промыто высокочастотными вибрациями. Потому, если даже Гнозис и вошёл в Звезду Межбровья, он как бы спотыкается в несоответствующем горле, может ощущаться ком. Эта плотность промывается плачем покаяния.

Горло готовится длительной и регулярной практикой:

- мистико-магической Речи (Молитвы, Воззвания, Мантры...);
- мифо-поэтикой возвышенного слова (Искусство);
- ясностью философского описания, слушанием умных речей и рецитацией правильных текстов...

Если такой работы с горлом не проведено, как правило, такое горло не свяжет Чело и Сердце и не получится Опус Знания.

Практика Умных Движений интегрирует Сердце со всем объемом тела. Наилучшая форма, здесь, это либо — утонченность Ритуального Жеста, либо (а лучше, и) — опус Воинского Искусства.

Состояние Прозрачного Трона: Центр Колёса. Полюс.

Воинское Искусство и формы активности — Обод.

Речь и Слово — Спицы.

Пилигрим.

Три центра сверху (Сердце, Чело и Горло) — непосредственный контакт со Святынями.

Ходьба, длительная ходьба — зона ниже пупка на 4 пальца.

Связь — область солнечного сплетения.

Таков Эликсир Паломника и его Поля данного Атанора...

Ещё один важный момент.

Пневматический противовес Чела и третьего Глаза — это на 4 пальца ниже пупа внутри тела.

Когда ум слишком напряжен на распознавание внешних объектов, Чело как бы перегревается, усиливаются страсти и так далее... происходит выпадание из качества Опуса.

Потому.

Глаза не рассматривают, не бегают, они смотрят сквозь всё и, очень важно, органы чувств, особенно, глаза, как бы укоренены в месте 4 пальца ниже пупка.

Собирание своего Присутствия не вообще, а относительно взаимодействия с объектами, таково: половина его внутри (это ощущение стабильной Силы на 4 пальца ниже пупка), половина — равномерно распределена по всем органам чувств. Если же вообще, целостно, то центр — Сердце.

В работе с Внешним и Внутренним Эликсиром, Сердце как бы посередине, опять же, в Центре: Внешний Эликсир увязан в Челе; Внутренний — 4 пальца ниже пупа.

Если есть такое, то не происходит уворовывания пневмы через пять ворот. Сие даёт стабилизацию Опуса и постепенно прекращаются метания, уходит уныние, приходит некая неустанность.

Совершение Пилигримажа в более-менее таком ключе, создаёт контекст выплавки новых тел. Есть шанс, что они определённым образом выживут после смерти...

Здесь описаны Магико-Мистические аспекты Паломничества, связанные с Рыцарским Опусом. Существуют и другие формулы Пилигримажа, например, Путь Веры и Преданности: оператор строго следует нормативности условий и рекомендаций той или иной Религии на этот счёт; тогда, конечно же, он следует только одной Линии Передачи и у него нет возможности сочетать в что-то одно, например, Гнозис суфиев, православных и буддистов...

Вечером последнего дня, в преддверии последней ночи сего Пилигримажа в Страну Свободных Людей, мы из Хивы попадаем в Ташкент. Уставшие от узбекской еды, к своей вящей радости находим итальянский ресторан куда незамедлительно и направляемся.

Правильная еда...

Отличное белое вино...

Как это прекрасно.

Интересный оказывается интерьер в нашем зале, быть может, это какое-то влияние масонов...

Аквариум.

Довольно большой аквариум с рыбами. Над ним, слева и справа, два светильника, каждый, с двумя свечами.

Между источниками света — арка. Полукружная арка.

Центральный её камень (краеугольный) обозначен медальоном: то ли это Юпитер, то ли — Бог-Отец ...

По центру арки — четыре квадратных камня. На верхний опирается горизонталь, от её центра вверх, к главному камню арки, идёт Вертикаль; получается перевёрнутый Тау-Крест.

В центре этого креста, три ноги в виде «У» образуют двойную Свастику: колени-голени идёт посолонь, стопы — противосолонь. В центре сего вихря, скорее всего — Джокер...

Перелёт уже домой.

Смотрю письма Учеников.

Поразительно: в первом же письме — несколько иллюстраций практически такого же Знака, только у ног ещё есть шпоры.

Завершающая энигма данного Пилигримажа пришла.

Остаётся — начать её разгадывать и понять, куда дальше...

Змея, кусает себя за хвост. Различные прочтения имеет данный Символ, некоторые ассоциируют его в ключе смысловой негативности и дихотомии, видя чуть ли не сатанинским. Есть, однако, намного более спокойные версии.

В том числе: некое совпадение величайшего и мельчайшего, свадьбы Тонкого и Грубого Истины ради.

Как мы помним, наиболее субтильное чувство — зрение, его антипод — вкус. Алхимия повседневного быта: расписанная тарелка или пиала. То, в что помещается еда, воспринимаемая вкусом, освящается миром Суфийских райских узоров. Получается Таинство Тотальности и это как раз связано с Тавхидом, как его видит батин.

Длительный перелёт.

Украина.

Здесь снег.

Здесь как-то по-особенному мягко. Здесь есть европейские вина, их вполне можно купить...

На контрасте перелёта очень явственно ловится, что такое Восток.

Расширение, доходящее до приторности.

Восток великолепен. Он сказочный. Но современные люди переполнены значениями, их эго-нафс всё время возрастает. Они избыточны и даже не замечают этого.

Они нуждаются в промывке.

В утрате иллюзий.

В освобождении и в очищении.

Всё это — Западный вектор, а освящённый Нашей Чистотой, Северо-Западный.

Может потому так и сделали, что сейчас, в эпоху насилия и ограничений Карантина, можно направляться на Восток и на Юг, усиливая пневмы запутанности и мути.

Может потому и забрали Запад с его Атанорами Романо-Готических Тамплей.

Это Странствие таки стало Пилигримажем. Была обнаружена Пустыня Смерти и понято, что караванные тропы неизбежно пройдут по ней.

Однако, возле Кальта-Минар, в Хиве, был обнаружен Белый Верблюжонок. Существо, могущее преодолеть Пустыню и Смерть.

Пока что — это нежное и юное создание, однако, к счастью, глаза его не видели мук, страданий и лицемерия, потому — он свежесвободен.

В дружбе с ним и возможен дальнейший Опус.

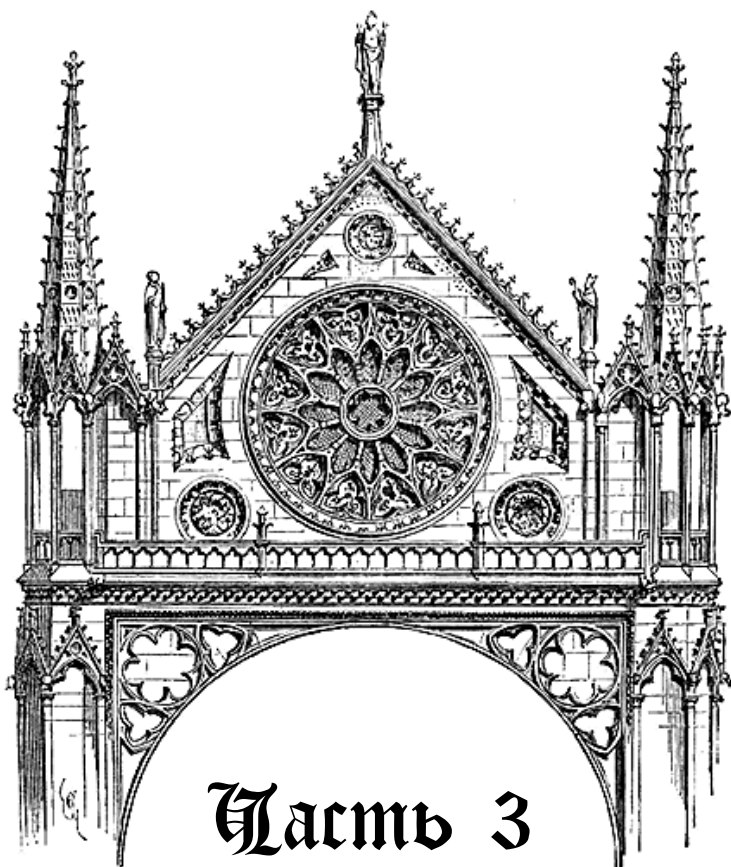
АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

NNDNN

SNTDG

PURIS OMNIA PURA

Часть 3

Романское созерцание Сотического Искуства

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

«Суфийский Dasein

Второй период расцвета суфизма в полной мере показал фундаментальность для этой традиции иранского Логоса как основополагающей ноологической структуры и самостоятельного полюса. Можно говорить об особом феномене суфийского Dasein'a внутри исламской цивилизации, подразумевающего естественную склонность духовной организации человека в сторону световой антропологии, свойственной догматически и доктринально маздеистским представлениям о зороастрианском человечестве, естественным образом родственном мирам Ахура-Мазды. Конечно, в иранском обществе далеко не все оказываются в состоянии реализовать эту экзистенциальную идентичность, но теоретически обращение человека «иранского типа» (то есть «зороастрианца») к внутренним мирам логически выводит его к световой лестнице тариката, воспринимаемой наглядно и достоверно, как всегда наличествующая в форме возможности, но далеко не всегда реализуемая инстанция онтологии и антропологии. Не всегда человек «иранского», «суфийского» типа реализует свою внутреннюю световую природу, но он всегда несет ее в себе потенциально. Тогда как обращение представителя противоположно южно-семитского, захиритского типа, направившего взгляд внутрь, сталкивается как раз с чем-то принципиально иным — с бездной отделенности, купированности, ограничивающей со всех сторон смерти, то есть со столь же достоверным и глубинным опытом отсутствия пути (тариката). Этот дуализм не совпадает строго с этническими группами, но отражает два типологических полюса исламской экзистенции. Случаи, когда оба полюса достигают самовыражения в законченных философских, культурных, художественных или теологических формах, чрезвычайно редки. Случаи же, когда носители соответствующих полярных типов опознают соответствующие их экзистенциальным основам «онтологии» в творениях предшественников, намного более распространены и отличают, собственно, интеллектуальную элиту исламского мира. Но большинство представителей обоих типов несут в себе эти ориентации как имплицитные и потенциальные — фоновые — экзистенциальные структуры, активируемые лишь в редких и чрезвычайных случаях.

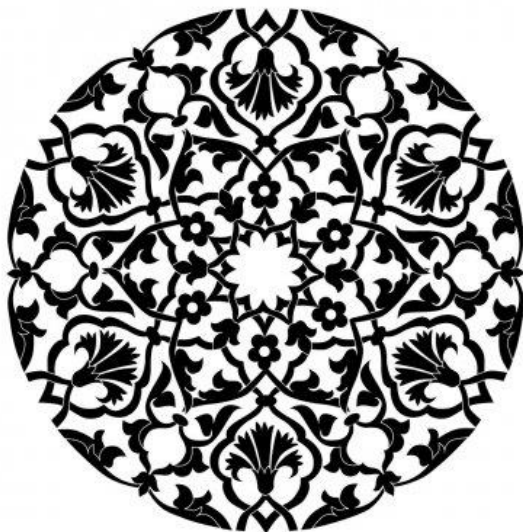
Эта типология чрезвычайно важна, так как показывает, что деление исламской цивилизации на внешнее и внутреннее не совпадает с вертикальным делением на интеллектуальную элиту и массы. Деление более сложное и имеет как вертикальное, так и горизонтальное измерения.

В общей исламской цивилизации существует два типа масс и два типа интеллектуальной элиты: интеллектуальная элита батинитов и интеллектуальная элита захиритов, и соответственно, массы батинитов и массы захиритов. Батиниты-суфии в эпохи максимально ясного оформления суфизма, придания ему финализированного «выражения», *Ausdruck*, отразили на уровне интеллектуальной элиты те черты, которые присущи в рассеянном виде также «иранским» (в культурном типологическом смысле) массам. Тогда как захириты (мутазилиты, калам и т. д.) и салафиты также на уровне интеллектуальной элиты отражают концептуально то, что соответствует естественным экзистенциальным установкам южно-семитских арабийских (снова в культурном типологическом смысле) масс. Так мы видим, что два Логоса внутри исламской цивилизации могут быть сведены к двум различным и различно структурированным онтическим комплексам соответствующих *Dasein*-ов.

Третья фаза суфизма, которая представляет собой «применение» (*Anwendung*) базовых суфийских теорий, сформированных в период второй фазы (выражение — *Ausdruck*), в лучшем случае представляет собой корректную и творческую ассимиляцию полностью сложившейся традиции и ее высших выражений, а в худшем — постепенное остывание духовного горения, переход от прямого опыта к его описаниям, воспоминаниям и даже симуляциям. Это свойство всех культурных форм, но при этом важно, что жизненность суфизма такова, что он до сих пор оказывает огромное влияние на культуру исламских обществ, и, отталкиваясь от конкретной теории и практики существующих по сегодняшний день тарикатов, при определенных усилиях можно подняться до тех световых высот суфийской Метафизики, которая составляет сокровищницу этой уникальной Духовной культуры — иранской версии аполлоно-дионисийского Логоса. А линию противостояния, существующую в современном Исламском мире между захиритами и батинитами вполне можно интерпретировать как продолжение глубинных процессов титаномахии и Ноомахии,

развертывающихся внутри исламской цивилизации, как ее внутренняя динамическая и эсхатологическая (а в некоторых случаях и геополитическая) проблематика».

(Дугин А. Г. — «Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая Война и Культура Ожидания» — М.: Академический проект, 2016, стр. 324—326).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Как известно большинству адекватных людей, интернет в общем — это своеобразная свалка всевозможной информации.

Однако, порою, редкие жемчужины Знания можно неожиданно найти и на этой помойке.

Предоставим читателю возможность самому осознать глубину и суть магистрального символа данной книги, «Белого Верблюжонка».

Итак, ряд цитат с указаниями источников:

«Дромадер/Мехари/Бактриан — на востоке (арабском) самец верблюда — народный образ мощи, величия, оплота, в России чаще имеет негативный смысл.

- достоинство, уважение, постоянство, царственность;
- Азия, Аравия; Богатство и язычество Востока;
- «корабль пустыни», дорога (к оазису), перевоз, переправа;
- тяжелый труд, послушность, покорность, неутомимость, выносливость;
- воздержанность, умеренность, неприхотливость, покаяние;
- осторожность, задумчивость, хорошая память;
- трудный, нелегкий характер;
- спесь, высокомерие, гордость, тщеславие (это подчеркивается постоянно высоко поднятой головой, горделивым выражением морды животного, создается впечатление, что верблюд и не замечает сидящего на нем человека);
- неумеренность (после долгого марша по пустыне способен в течение десяти минут выпить сто двадцать литров воды); страстность, разврат;
- бешенство, ярость, вредные привычки, эгоизм, непослушание, бесчувственность;
- смерть.

Верблюд, служащий средством передвижения и вьючным животным в Северной Африке, Центральной Азии и Индии, играет заметную роль в иконографии и литературе этих регионов.

Играет в символике двоякую роль.

Служил также знаком царственности и величия.

(...)

Из-за своей «физиономии» зачастую считался символом высокомерия, надменности и своенравия.

Тот, кто не вызывал доверия этого животного, провозглашал его на этом основании символом лени.

Ислам

Аль Адха — самый быстрый из верблюдов пророка, удостоившийся рая (с девятью другими животными).

Любимым верблюдом Магомета был также Аль Касва, погребенный недалеко от Каабы.

Ad vocem

«Верблюжатник из Мекки» — Магомет (пророк Мухаммед).

«Никуда не впускай даже носа верблюжьего, ибо тогда будешь вынужден впустить и все остальное» («Верблюжий нос» Л. Н. Сигурни, англ. 1815 г.).

«Даже самый паршивый верблюд кажущийся бессильным, сможет унести вьюки от многих ослов» (Диоген, около 125 г. н. э).

Пословицы:

«Верблюд искал себе рога, но потерял копыта...».

«Смерть — это черный верблюд, который топчется возле дверей каждого человека». Турецкая.

«Многие старые верблюды носят шкуры молодых на базар». Древнееврейская.

«Верблюд никогда не забудет кривды!». Греческая.

Библия

Часто фигурирует в темах из Ветхого Завета:

- Иосиф, сын Иакова;
- Ревекка у колодца;
- исход из Египта (Моисей).

Буддизм

Одно из четырех животных (вместе с индийским водяным буйволом (арни), слоном и тигром), которые горюют об умирающем Гаутаме Будде.

Античность

У римлян — персонификация Аравии на монетах.

По Плинию Младшему, верблюд, покрыв самку, продолжает в укромном месте сношение с ней в течение целого дня.

Иудаизм

По Зогару, змий из райского сада был своего рода «летающим верблюдом». Подобные ссылки обнаруживаются и в персидской Зенд Авесте (Керл-9). Змей с верблюжьей головой, согласно раввинатской традиции, был существом, на котором демон Самуил прибыл в рай, чтобы соблазнить Еву запретным плодом.

Зороастризм

Летающий верблюд (у иранцев) был образом райской змеи-дракона.

Геральдика

Выносливость, стойкость, согласие со своей судьбой.

Онейрокритика

Тяжелая работа, изнурительный труд; черный верблюд — неожиданная смерть, убийство.

Литература

В басне Эзопа верблюд просил Зевса дать ему рога, как у многих других животных; бог не только отменил его просьбу, но и обстриг верблюду уши.

Верблюд на собрании всех существующих животных увидел, как танцует обезьяна, и позавидовал ей. И решил попытаться тоже танцевать. Пустившись же в пляс, показал такое неумение, что его тут же выгнали с собрания («Верблюд и обезьяна», Эзоп).

Эмблематика

Атрибут персонифицированных Азии (части света);
Послушания (в средневековье).

В западном искусстве (и на римских монетах) — частая аллегория Азии.

В средние века благодаря способности принимать только поильную ношу он стал символом умения распознавать (различать).

В искусстве Возрождения обычно изображался для отражения обстановки Востока в библейских сценах.

Верблюд, нагруженный товарами.

- Меня не утомят ни тяжелая ноша, ни долгий путь.

Символ труда и упорства как в обычной жизни, так и в христианском подвиге. Порядочный христианин упорно идет по пути и несет свою ношу с терпением и без усталости. Верблюд способен нести невероятные тяжести, и может совершать длительные переходы, практически не уставая.

Верблюд, наклонившийся для загрузки.

Символ послушания.

Верблюд наслаждающийся питьем воды из реки, которую мутит копытом.

Аллегория любителя создавать себе трудности.

Христианство

- умеренность, воздержание, умение ограничить свои желания;
- сдержанность, смирение, покорность, послушность, послушание,
- достоинство, королевскую кровь, жизненную силу;
- узость взглядов на все окружающее.

Как позитивная была отмечена способность животного «покорно» опускаться на колени и безропотно нести тяжелую поклажу: в кафедральном соборе Амьена есть изображение коленапреклоненного верблюда, полностью отдавшего себя на волю Божью. Св. Августин рассматривал его как высшее воплощение умеренности и трезвости и сделал символом Христа, смиренно несущего свое бремя.

Волшебный верблюд — рождественская эмблема, ассоциируется с Магами. На картинах, изображающих трех волхвов с Ближнего Востока («трех святых королей»), оно выступает как вьючное животное.

Иисус Христос использовал верблюда как метафору трудности попадания богачей в рай: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Евангелие от Марка, 10:25). Образ встречается т. ж. у Матфея (23:24): «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!». Слова Христа гипотетически объясняются ссылкой на возможную погрешность перевода (арам. «гамла» (*gamla*) — это также веревка). Но аналог притчи в Вавилонском Талмуде использует образ людей добывающихся невозможного, которые заставляют «слона идти сквозь игольное ушко».

Неизменный атрибут Иоанна Крестителя — власяница из верблюжьей шерсти или верблюжьей шкура, которые служат для умерщвления плоти и покаяния: «Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих...» (Мк. 1:6).

Когда Свв. Косьма и Демьян должны были приобрести общую могилу, верблюд начал говорить и поддержал это желание.

Черт воплощался в огромного верблюда, чтобы ввергать в тревогу Св. Макария».

(Источник: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Верблюд>).

«Верблюд в геральдике

Верблюд является естественной негеральдической фигурой, распространённой в территориальной геральдике. Изображение можно встретить и в родовой геральдике.

Верблюд олицетворяет неприхотливость и выносливость».

(Источник: <https://f-gl.ru/геральдический-гlossарий/верблюд-в-геральдике>).

«В большинстве культур верблюд ассоциируется с надменностью, своенравностью, ленью и вспыльчивостью, в то время как в странах, где это животное используется в качестве вьючного, его наделяют более позитивным символизмом. В Северной Африке, например, верблюд может олицетворять воздержанность, поскольку хранит воду в своем горбу и расходует ее экономно, а в христианстве — умеренность. Когда верблюда навьючивают, он опускается на колени, и поэтому в христианской традиции он почитается как существо, поклоняющееся Богу, и символизирует смирение и покорность. К тому же верблюд — ездовое животное волхвов, а значит, символ царской власти и достоинства, жизненной силы и выносливости.

По преданию, пояс из верблюжьей шерсти носил Иоанн Креститель. В персидской «Зенд-Авесте» говорится о летающем верблюде (драконе-змее) как о змее Эдемского сада. Это животное почитается и в исламе, поскольку пророк Мухаммед бежал из Мекки в Кобу именно на верблюде; кроме того, по преданию, легендарный верблюд Ад-ха доставил его из Иерусалима в Мекку за четыре шага. Верблюд — символ и эмблема Азии и Аравии. Это вьючное животное, способное перемещать грузы на многие километры, безропотно сносить лишения, жару, жажду и голод,

также стало символом трудолюбия, целеустремленности, покорности, покаяния, чувства собственного достоинства. В азиатских странах он олицетворяет не только царственность, благородство, но и высокомерие, заносчивость. Древние евреи верили, что у змея, искушавшего Еву в раю, была верблюжья голова. Это существо также называется «крылатым верблюдом». По другой версии, змей с верблюжьей головой был атрибутом демона Самуила, который прилетел на нем в рай, чтобы соблазнить Еву.

Иоанн Креститель, живя в пустыне, питался медом диких пчел и кузнечиками, носил власяницу из грубой верблюжьей шерсти — в этом заключалась его суровая аскеза. Чтобы объяснить, насколько трудно богатому человеку вести праведную жизнь и заслужить своими делами и помыслами место в раю, Иисус Христос использовал аналогию: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Божье». В христианстве верблюд стал символом тяжелого труда, готовности подставить спину для любой ноши, даже самой тяжелой, покорности Божьей воле.

Заратуштру, иранского пророка и основателя религии зороастризм, называли «хозяином старого верблюда» — таково было его «внешнее» имя, призванное оберегать его от зла, покушений недоброжелателей. Фридрих Ницше, переосмысливший наследие Заратуштры в контексте собственной философской системы в книге «Так говорил Заратустра», использовал верблюда как символ порабощенного, перегруженного культурными образцами «выносливого духа», обреченного лишь на почитание того, что уже было создано до него, однако неспособного на творчество, на свободу. Однако верблюд превращается во льва, который способен отринуть прежние ценности, чтобы создать свои собственные. Следующая стадия символических трансформаций — ребенок, который в своей невинности превращает творчество в священную игру.

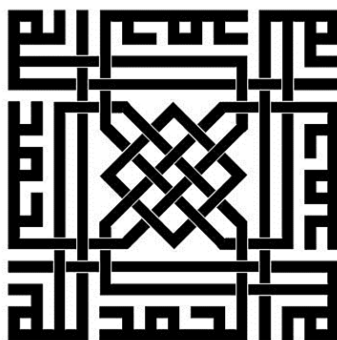
Созвездие Верблюда (Жирафа)

Современное созвездие Жираф долгое время носило другое имя. Первоначально его называли Верблюд в честь встречи Ревекки и Исаака у колодца на водопое этих животных. Только в 1624 году астроном Я. Барч окончательно закрепил за этим скоплением звезд наименование Жираф. Путаница возникла еще и из-за того, что европейцы не всегда четко различали этих двух экзотических животных. Кроме того, с латыни слово жираф (*Camelopardalis*) можно условно перевести как «пятнистый верблюд».

Поклонение волхвов

Верблюд — рождественская эмблема. Три мага — Каспар, Балтазар и Мельхиор путешествовали на верблюдах вслед за рождественской звездой и прибыли в Вифлеем. Там, в хлеву, они нашли только что родившегося Иисуса Христа с матерью. Волхвы преподнесли ему дары — золото, ладан и смирну. Золото, самый драгоценный из всех металлов, преподносят Иисусу как Царю всего рода человеческого, ладан (в переводе — белый), драгоценную смолу — как первосвященнику и учителю, а смирну, вещество, способное противостоять гниению, — как человеку, который своей смертью победит смерть».

(Источник: <http://sigils.ru/signs/verblud.html>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

«Zāhir и bātin: две метафизики

Сами суфии отказываются признавать тот факт, что их традиция восходит к Ирану и его духовной культуре, и традиционно ссылаются как на основателя суфизма на самого Мохаммеда и на Имама 'Али, иногда на второго халифа Абу Бакра (орден Накш-бандийя), всячески подчеркивая именно арабские корни этого направления. При этом стоит только перечислить имена первых суфиев, поинтересоваться их происхождением и установить время и исторический контекст возникновения и распространения суфизма, персидская природа этого явления становится очевидной и бесспорной.

Суфизм является выражением «духовного ислама». Он вводит в ислам топику «внутреннего» (bātin) измерения, превращая его тем самым в ноологическую конструкцию, качественно отличную от классического раннеаравийского южно-семитского ислама и всех возможных теологических, рационалистических и метафизических надстроек — калама, атомистского ашаризма, буквалистского салафизма, номократического фикха и т. д.

Дело в том, что изначальный коренной аравийский ислам основывает свой Логос на фундаментальном освобождении единственного и единого Бога-Творца от каких бы то ни было соотносимых с ним — пусть отдаленно — атрибутов. Если мы внимательно приглядимся к этой исконной исламской метафизике, то увидим, что она не просто «не знает» внутреннего измерения или «не подчеркивает» его наличия. Аравийский ислам основывается на полном и осмысленном, глубоко осознанном и прожитом отрицании «внутреннего» измерения; поэтому «чистый» ислам может быть только и исключительно «внешним» (zāhir). Именно единственность Бога метафизически выжигает любые мосты между Ним Самим и творением, делая творение Его отчужденной собственностью, не допускающей никаких опосредований. «Не давайте Богу сотоварищей» — это не просто одна из заповедей Корана наряду с другими, это сущность ислама — аравийского и изначального. Строго говоря, она может быть и должна быть интерпретирована «не допускайте в творении ничего внутреннего»

— его там нет и не может быть. Вместо «внутреннего», что было бы ступенью в сторону Бога, здесь зияет онтологическая бездна разрыва. Что общего у обладателя с обладаемым? У субъекта владения с объектом владения? Ничего. Поэтому мир есть только и исключительно внешнее. Это и есть его самая глубокая и последняя тайна. Мир есть внешний, и внутри у него нет ничего. «Внутреннее» и есть то, что царит до ислама и продолжает наличествовать вне его. Это многобожие, «придание Богу сотоварищей», *shīrk*. *Zāhīriyya*, признание за миром и человеком только и исключительно внешнего содержания, есть основа арабийского ислама. Внутреннее в нем активно и осознанно отрицается. Отсюда вытекает абсолютизация шариата как внешнего закона, а герменевтика, истолкование шариата (*ijtihād*) полностью заменяется его исполнением, практикой. Это может иметь как интеллектуалистское выражение (калам, мутазилиты, ашариты), так и антиинтеллектуалистское (салафиты, ваххабиты), а может сосредотачиваться лишь на вопросах права, *fiqh*. В мире нет ничего, что можно было бы интерпретировать, мир заслуживает только одного — покорения. И в человеке также нечего интерпретировать; он должен только строго следовать указаниям шариата — покоряться единственному Богу и покорять Ему (и себе как «верному Ему») все непокорное — природу и людей. Ислам есть активное и радикальное бескомпромиссное упразднение внутреннего (*bātiniyya*). В этом заключается его фундаментальная южно-семитская (титаническая) топика: Бог имеет дело только с поверхностью мира и людей, так как Он есть общий знаменатель их небытия. Помещать внутрь что-то отличное от поверхности, что-то промежуточное, и будет «*shīrk*», отступление от строгого Единобожия. Отсюда резкий онтологический перепад, составляющий секрет эффективности исламской экспансии и фасцинации ислама: Бог не где-то далеко, на дистанции; Он рядом, как смерть, абсолютная и необратимая смерть, никогда и ни при каких обстоятельствах не способная превратиться в жизнь. Жив только Он, значит, все остальное радикально и необратимо мертво. Но именно это дает мусульманину неограниченную свободу: он освобожден от выбора быть или не быть, так как одна из перспектив — быть — для него заведомо законодательно и абсолютно закрыта. Поэтому он может только не быть, формой этого «не быть» становится поверхность, внешняя сторона, у которой нет внутренней. Мир не загадка, которую можно разгадать, но сово-

купность принципиально бессмысленных предметов поверхности, равных самим себе (в теориях теолога аль-Ашари (873—936) Бог творит каждый атом и каждый момент времени всякий раз заново) и ничего не обозначающих; задача мусульманина одна — расположить эти предметы в соответствии с предписаниями шариата, который, в свою очередь, не имеет (не может и не должен иметь) никакого толкования, так как он исходит от Бога, а Бога никогда никому не понять. Не толкование, но подчинение, действие является смыслом ислама в его изначальной версии.

Такая титаническая топика создает «внешнее» без внутреннего, и собственно исламско-арабский Логос превращается в серп Сатурна, срезающего эйдетические цепочки смысла и утверждающего грандиозность своего радикально трансцендентного присутствия в факте прямой и всеохватывающей смерти. Мир и человек суть мгновенная вспышка внешнего как внешнего, в основе которой — прямой и непостижимый произвол Бога. Фасцинация ислама состоит в этом сверхсконцентрированном переживании материального и психического бытия, которого вполне могло бы не быть, которого не было и не будет. Это фасцинация случайностью факта творения, повисшего в бездне и над бездной (а также под бездной).

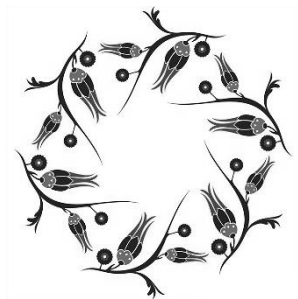
Иранское vs аравийское

Когда мы приходим к суфизму, мы сталкиваемся с самого начала с радикальной оппозицией семитско-аравийской метафизике внешнего (*zāhiriyya*): здесь к шариату (*sharī'a*), воплощающему внешнее, добавляется тарикат (*tarīqa*), путь, воплощающий внутреннее (*bāṭiniyya*). Это значит, что мы покидаем поле южно-семитской ноологии и оказываемся в совершенно иной парадигме. Само утверждение «внутреннего» кардинальным образом меняет всю структуру ислама, вводит в него иной Логос. Конечно, это делается не через отрицание шариата, так как в этом случае нам пришлось бы говорить о какой-то иной религии (отрицание шариата внутри ислама мы видим только в крайнем исмаилизме крепости Аламут эпохи «великого воскресения»), но через имплицитное отрицание аравийской метафизики, основанной на прямом и непосредственном (отсюда отсутствие жреческого сословия, демократия и антропологический эгалитаризм) соотношении внешнего и Абсолютного, где любая связь внешнего с Абсолютом заведомо и радикально исключена. Суфизм же, игнорируя острие

изначального (чистого) ислама, утверждает нечто прямо противоположное: внешнее есть лишь точка отсчета для внутреннего, фиксация стартового положения, от которого начинается путь внутрь. Сам термин «тарикат», «путь», указывает на наличие внутреннего измерения и на возможность эффективного движения в глубь него. Для чистого ислама такого «пути» нет и не может быть, так как нет и не может быть никакого внутреннего измерения: внешнее располагается с обеих сторон от человека и вещи — и вовне, и внутри. Эта граница есть небытие, через которое Бог устанавливает основу религии — несопоставимость Творца и твари. Поэтому внутри человека ровно то же, что и вне его — конкретность материального, мгновенного и преходящего наличия, во всех направлениях и в равной мере бесконечно удаленного от Бога. Чистый арабийский ислам основан на фундаментальном отсутствии «пути», на его невозможности. «Путь», «тарикат» есть нечто, что обнаруживается только в структуре иного Логоса. Какого?

На это дает ясный ответ простое перечисление имен суфиев первого поколения, личности и биографии которых исторически зафиксированы: Абу Язид Бастами (804—874), Джунейд (816/826—909), Хаким Термизи (IX век), Аль-Халладж (858—922), Али Худжвери (ок. 990—1077), Ахмад Газали (1058—1111) — сплошь персы, и время, когда впервые появляется само название «суфий», — IX век, то есть эпоха Аббасидского халифата, когда собственно и происходил процесс универсализации ислама, где персы играли ведущую роль».

(Дугин А. Г. — «Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая Война и Культура Ожидания» — М.: Академический проект, 2016, стр. 279—282).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

... в одной из глав читатель мог найти некую оду Троекочию и повествование о том, как Точка убивает жизнь, являясь пролитием гордыни и фиксации, исходящих из неведения, на нивы людские.

Точка и претензия на математическую точность есть элемент Земля. В данном случае — оковы.

Жизнь живая: три ноги в Трискелионе, составляющие Двойную Свастику. Это: три Активные Стихии — Вода, Воздух, Огонь...

Их танец есть облачные перемены.

Риторика, пусть и профанирована, пусть утеряно много Риторических Фигур, но всё-таки, она даёт некое представление о живом Расплаве Языка, а значит — и Жизни.

Кузнец работает с живыми Металлами: расплавами, или ковками и нагретыми.

Не нужно изучать академически это дело, имеет смысл нырнуть в объём.

Цитата на данную тему. Она не исчерпывающая, но вполне может дать толчок такому Риторическому Танцу Жизни.

Тем более ценен нижеприведенный материал, коль в нём имеются неосознанные послылы, собственно, к Царскому Искусству: например, одна и та же риторическая фигура объясняется применительно к различным искусствам — поэзии, прозе, кино, архитектуре...

Итак:

«Новая риторика в качестве коренных риторических фигур выделяет: метафору — семантическое замещение по сходству; метонимию — замещение по смежности, ассоциации, причинности; синекдоху — замещение на основе количественных отношений (множественность — единичность) или причастности, включенности. И если литературное мышление метафорично, то киномышление метонимично по самой своей природе.

По мнению же А. А. Потебни, «поэтический образ каждый раз, когда воспринимается и оживляется понимающим, говорит ему нечто иное и большее, чем то, что в нем непосредственно заключено. Таким образом, поэзия есть всегда иносказание... в обширном смысле слова».

Следовательно, правомерно сказать, что ряд коренных риторических фигур определяет художественно-образную суть мышления в разных видах и жанрах искусства.

Риторические фигуры классифицируются в зависимости от типа применяемой операции отклонения (впервые этот принцип классификации предложила группа «Мю»): 1) от знака (слова) — морфологические; 2) от грамматического кода — синтаксические; 3) от смысла — семантические; 4) от принципов мышления — логические.

Первый тип риторических фигур возникает на основе отклонений от морфологической нормы (знак, слово претерпевают частичные или полные преобразования, замены, деформации). Обозначим основные разновидности этого типа отклонений.

Эпентеза (вставка) — риторическая фигура, возникающая путем добавления в середине знака (произносимого слова) лишнего слова. Так, в русском просторечии говорят: «ндравиться», «радиво». Художник может использовать эту фигуру для речевой характеристики героя или создания насмешливой, ироничной авторской речи. Это художественное средство применяется и в изобразительном искусстве, например при создании карикатурного портрета или шаржа.

Синонимия — при одном и том же означаемом составные элементы означающего заменяются другими. Так, в «Медном всаднике» А. С. Пушкин обычное словосочетание «холодное тело» заменяет поэтически выразительным «хладный труп». К частным случаям стилистической синонимии относятся архаизмы — замена современного понятия устаревшим, вышедшим из употребления. В «Пророке» Пушкина читаем:

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.

Использование элементов ордерной системы в современной архитектуре, отказ от перспективы в живописи — это тоже примеры архаизмов.

Неологизмы — вновь образованные слова. Например, с помощью неологизма «громокипящий кубок» Ф. И. Тютчев создает яркий поэтический образ в стихотворении «Весенняя гроза».

Риторической фигурой является и превращение текста в набор звуков, смысл которых не воспринимается, хотя звуки членораздельны. В этом случае избыточности речи не хватает и не происходит полноценного художественного общения, ибо редукция (возвращение к какой бы то ни было «нулевой ступени») оказывается невозможной; возникает заузь — слова, лишённые значения, как в стихотворении А. Е. Крученых «Высоты»:

Еую
иас
оа
оасиея
оа

Этот риторический прием — разрушение традиционной знаковой системы и создание новой — широко применяется в абстрактной живописи и в конкретной музыке.

Цитирование иностранных слов также может быть риторической фигурой. Хорошо известно ее использование Л. Н. Толстым в «Войне и мире». Художественно выразительны и другие «инородные» включения. Например, диалектизмы в «Тихом Доне» М. Шолохова, жаргон в «Конармии» И. Бабеля.

Стыковка разных языковых пластов происходит и при использовании эклектического стиля в архитектуре.

Каламбур — игра слов, использование для достижения художественной выразительности и комизма многозначности слов,

омонимии (полное совпадение означающих при различии означаемых) или звукового сходства слов.

Как прием выразительности каламбур употребляется отнюдь не только в комедийном жанре. Прибегает к нему, например, М. Горький в одном из эпизодов своего романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Однажды товарищи высекли Бориса Варавку, сочтя его ябедником и доносчиком. Клим Самгин не любил Бориса. Поймав как-то «запоздалого жука и подавая его двумя пальцами Борису, Клим сказал:

— На, секомое.

«Каламбур, — пишет Горький, — явился сам собою, внезапно и заставил Клима рассмеяться...».

В изобразительном искусстве каламбур обнаруживается, например, в некоторых картинах С. Дали, которые при разных ракурсах взглядывания прочитываются по-разному: люди на фоне старинного замка — бюст Вольтера.

Анаграмма — риторическая фигура, образующаяся путем перестановки на морфологическом уровне (букв в слове). Впервые употребил эту фигуру греческий грамматик Ликофрон (3 в. до н. э.). Примеры анаграммы: «ропот — топор»; а также такие псевдонимы, как Харитон Макентин — Антиох Кантемир.

Палиндром («перевертень») — обратные перестановки, фразы, строфы стиха, одинаково читающиеся в обоих направлениях (слева направо и справа налево). Примеры: «Я иду с мечем судия» (Г. Р. Державин) или в поэме В. Хлебникова «Разин»:

Сетуй утес
Утро чорту
Мы низари летели Разиным
Течет и нежен нежен и течет
Волгу див несет тесен вид углов
Олени синело

В известном смысле палиндромом в архитектуре можно считать храм Покрова на Нерли, стоящий прямо на берегу реки. Отражаясь в реке, он удваивается и зрительно воспринимается в

единстве со своим обратным изображением в водной глади. Кроме того, этот храм имеет осевую симметрию и «одинаков» слева направо и справа налево.

Второй тип риторических фигур возникает на основе отклонений от синтаксической нормы (при этом автор воздействует на форму предложения, изменяет его грамматическую структуру). Нулевая ступень синтаксической нормы для этого типа риторических фигур опирается на грамматическую норму, определяющую структурные отношения между морфемами. Согласно выводам лингвиста Р. О. Якобсона, порядок слов во многих языках отражает логику содержания предложения: глаголы располагаются в соответствии с временной последовательностью событий, указывая на «главное действующее лицо сообщения», субъект доминирует над объектом. Нарушение этих «естественных» синтаксическо-грамматических особенностей сообщения имеет значение риторической фигуры.

Эллипсис — художественно-выразительный пропуск в речи частей предложения, которые в силу избыточности информации, заложенной в высказывании, подразумеваемы и могут быть мысленно восстановлены. Так, В. А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов» опустил глагол «превратим»:

Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Или другой пример. И. А. Крылов пишет: «Не тут-то: море не горит», а подразумевается выражение «не тут то было».

Когда слово или другая элементарная значащая смысловая единица исчезает из фразы, изменяется ее интонация, что в письменном тексте выражается многоточием. Примером такой риторической фигуры в живописи может служить картина В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни», где нет самой сцены казни — налицо полное сюжетное сокращение.

Примером эллипсиса в драматургии может служить диалог Елены Андреевны и Астрова в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня». Взволнованная речь персонажей отрывиста:

«Елена Андреевна. Нет... Уже решено... И потому я гляжу на вас так храбро, что уже решен отъезд...

Астров. Как странно... Были знакомы и вдруг почему-то... никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете...».

Чтобы можно было воспринять смысл текста, из которого что-то выброшено, избыточность этого текста должна быть достаточно велика для компенсации отсутствующего элемента.

Сокращение синтаксических знаков — риторическая фигура, сходная с асиндетоном (опущением союзов: «Пришел, увидел, победил...»). Впервые допустил исключение синтаксических знаков из поэтического текста французский поэт Г. Аполлинер. Позже эту риторическую фигуру стали применять многие поэты и прозаики. Но и при использовании этой риторической фигуры недопустимо нарушать границы избыточности, так как синтаксическая неопределенность вследствие сокращения знаков препинания может обернуться смысловой неопределенностью. В кино «знаки препинания» (наплывы, затемнения и т. д.) исключил из своего фильма «8/2» Ф. Феллини в кадрах перехода от реальных событий к воспоминаниям или воображаемым героем сценам. Это придало фильму дополнительную выразительность.

Амплификация — перечисление и нагромождение. Ярким примером этой риторической фигуры может служить следующая строфа из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,

Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

Амплификация используется в картинах И. Босха, С. Дали.

Силлепсис — риторическая фигура, возникающая путем художественно-выразительного нарушения правил согласования морфем или синтагм по роду, числу, лицу или времени. В. Гюго, например, принадлежат такие строки:

Просыпаешься утром, и вся семья
Вас обнимает и целует: мать, сестра, дочь!

Силлепсис как замену одного лица другим можно найти в «Очерках бирсы» Н. Г. Помяловского. Один из бирсаков, Петр Тетерин, так расписывается в получении казенных сапог: «Петры Тетеры получили сапоги».

В театре дополнительный художественный эффект возникает от исполнения детской роли актрисой-«травести», женских ролей — мужчиной или мужских — женщиной.

Хиазм — это риторическая фигура, которая задает определенный порядок в одном предложении, а в другом возникает его обратная (зеркальная) симметрия; композиционная фигура, в которой из двух предложений, построенных на синтаксическом параллелизме, второе предложение строится в обратной последовательности членов. Вспомним пушкинские строчки:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей...

Здесь первое предложение построено по схеме: «подлежащее — сказуемое», а второе наоборот — «сказуемое — подлежащее».

Параллелизм — одна из строк по своему синтаксическому построению повторяет другую. В «Размышлениях у парадного подъезда» Н. А. Некрасов пишет:

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?

Риторическая фигура тмезис возникает, когда обычно тесно связанные друг с другом морфемы или синтагмы разделяются другими, вставленными между ними элементами. В. Гюго, например, в стихотворении «Король неблагодарный» пишет:

Ты повелел в своей гордыне, —
Стыдись! — чтоб день и ночь тебя
Монах твой славил по-латыни
И по-кастильски — твой судья.

Или у А. А. Блока в стихотворении «Унижение» читаем:

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать..

Тмезис в кино выражается в виде неожиданной монтажной вставки между двумя связанными эпизодами, а в живописи возникает при некоторых видах коллажа и карикатурного изображения.

Инверсия — проявляется в изменении порядка подлежащего, сказуемого, обстоятельств времени и места, а также при сходных операциях, касающихся таких пар, как «глагол — наречие» или «существительное — прилагательное в роли определения»:

О, печальна, печальна была моя душа (П. Верлен).

Инверсия, хиазмы и другие риторические фигуры, построенные на «игре» порядком и расположением слов или других знаков, позволяют создать ощущение речевого пространства, помогают реципиенту ощутить знаковую систему данного искусства.

На этой основе возникают художественные поиски, подобные «топографическим опытам» С. Малларме, Г. Аполлинера, М. Бютора.

Риторические фигуры второго типа в специфически преломленном виде находят применение и в других художественно-коммуникативных системах, например в кинематографе.

Риторические фигуры третьего типа (тропы) — строятся на основе «семантических сдвигов», замены одного смыслового содержания другим, отклонения от «нулевого смысла». В тропе изменяется основное значение знака, слову приписывается значение, не совпадающее с его прямым значением. Троп изменяет содержание слова, сохраняя частичку его первоначального смысла. Такого рода смысловые риторические операции опираются на то, что всякое явление может быть разделено по двум основаниям: 1) составные части явления: река — исток, русло, устье; 2) разновидности явления: река — равнинная, горная, подземная. Эти два коренных смысловых взаимоотношения лежат в основе тропов, к которым, по словам Р. О. Якобсона, предрасположены реалистические школы искусства.

На основе перехода от частного к общему, от части к целому, от меньшего к большему, от вида к роду возникают риторические фигуры синекдоха и антономазия.

Обобщающая (расширяющая) синекдоха — употребление большего вместо меньшего. Например, о людях говорят: «простые смертные», однако это выражение правомерно применить и к животным. Обобщающая синекдоха придает речи философичность.

Сужающая синекдоха — употребление меньшего вместо большего. Например, в «Медном всаднике» А. С. Пушкина слово «флаги» употребляется вместо словосочетания «торговые корабли под национальными флагами»: «Все флаги в гости будут к нам...». Сужающая синекдоха возникает в поэтической речи и тогда, когда единственное число заменяет множественное. Например, в поэме Пушкина «Полтава»: «Швед, русский — колет, рубит, режет».

В кинематографе синекдоха как риторическая фигура применяется при крупных планах («блоу-ап»), когда часть предмета как бы олицетворяет его целое (изображение орудий — образ броненосца «Потемкин» в одноименном фильме С. Эйзенштейна). В скульптуре бюст, а в живописи портрет часто предстают как синекдоха.

Автономазия — замена имени лица предметом, к нему относящимся, или нарицательного имени — собственным. Так, в «Модерн и Сальери» А. С. Пушкин называет Микеланджело «создатель Ватикана», а в одном из стихов врача именуется эскулапом.

Одна из главных риторических фигур на службе поэтики и эстетики — метафора — установление в художественном сообщении смысловой связи по сходству, изменение смыслового содержания слова (шире — вообще знака), отсылка и к прямому, и к переносному его значению. По образному выражению группы «Мю», метафора — это маленький смысловой скандал. Как «перенос наименований по аналогии», она служит мощным фактором обогащения понятий. Базой для создания метафоры является сходство, проявляющееся в пересечении двух значений слова или другого знака. Группа «Мю», определяя генеральный троп риторики, замечает, что «метафора приписывает объединению двух множеств те признаки, которые, строго говоря, присущи только пересечению этих множеств... Метафора... как бы раздвигает границы текста, создает ощущение его «открытости», делает его более емким». При этом группа «Мю» выявляет наличие образных метафор в живописи. Ярким примером метафоры в литературном тексте может служить образное определение человека, предложенное Б. Паскалем: «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий».

Сближая разные предметы, метафора помогает лучше описать один из них. Не случайно она часто оформляется при помощи союзов «как», «подобно», «словно», способствующих сравнению и установлению похожести или тождества. Таковы стереотипные сравнения: «ясный как день», «один как перст».

Риторические фигуры в известном смысле «ложны», и заключенное в них отождествление никто не принимает буквально. Пример такой «ложной», но выразительной метафоры — строчка Г. Гейне:

Так сухо во рту, будто солнце я съел...

Интересные соображения о природе метафоры высказал в свое время поэт И. Л. Сельвинский на семинаре по поэтическому мастерству в Литературном институте им. М. Горького СП СССР, участником которого был автор этих строк. Сельвинский отмечал существование метафор восточного и западного типов, принадлежащих к разной художественной традиции. Восточная традиция предполагает, как правило, одну точку сходства между сравниваемыми предметами. Например, сказать «девушка стройна, как телеграфный столб» в рамках восточной традиции, считает Сельвинский, вполне допустимо. В традициях же русской и в целом европейской поэзии метафора должна нести по меньшей мере три точки сходства с сопоставляемыми явлениями. Следуя этой традиции, правомерно сказать: «девушка как березка». Схожесть здесь в том, что оба сравниваемых объекта стройны, молды, гибки, по-весеннему свежи и радостны.

Рассуждения И. Л. Сельвинского ценны тем, что на примере метафоры показывают отношение риторических фигур к глубинным структурам художественного мышления, фиксируя такой важный его параметр, как национальное своеобразие. Особенности выразительной метафоры европейской традиции Сельвинский показывал, используя фразу, описывающую спрятанную на лето в марлевый чехол люстру: «Люстра была как кокон». Здесь есть три вида сходства: внешнее — белая оболочка, внутреннее — в оболочке заключено нечто, бытийное — временность существования, которое будет изменено, и внутреннее обнаружится и оживится.

У Эсхила читаем: «Да не испытаем мы то, из-за чего — великие страдания, ради чего — великое море пропахано мечом». Анализируя эту метафору, литературовед О. Фрейденберг пишет: «Образ «пахать мечом» уводит к мифологии: известно се-

мантическое тождество земледельческих и военных орудий. Великое море, пропаханное мечом, — это то море, по которому отплыл Парис с Еленой в Трои, море любви, вызвавшее войну народов.

Мифологические образы продолжают говорить своим конкретным языком. Но они же «иносказуют» сами себя, давая понятийный смысл: «Да избежим мы пагубных последствий любви». Античное «иное оказывание» заключается в том, что образ, не теряя своего характера (пропахать мечом море), получает смысл, который вовсе не соответствует его смыслу (гибельные результаты страсти). Этот новый смысл начинает передавать семантику образа «иначе», по-другому, совсем в ином умственном плане — отвлеченно, словно мысль читает одно, а говорит другое».

М. Пруст считал, что метафора — привилегированное выражение глубокого поэтического видения, придающее стилю «род вечности». Подтверждением этой мысли может служить пример кинематографической метафоры из фильма А. Рене «Хиросима, любовь моя»: вначале зритель видит тело убитого японца, его руки раскинуты, это изображение монтажно сопоставляется с изображением тела солдата немецко-фашистской армии, лежащего в таком же положении. Можно вспомнить и другие кинометафоры: у С. Эйзенштейна в «Стачке» виды бойни, введенные в эпизод нападения полиции, или у Ч. Чаплина в «Новых временах» кадры, изображающие баранье стадо, монтажно вклинены в картину толпы. Примерами метафоры в монументальной скульптуре могут служить сфинкс, сопрягающий человека и льва, и кентавр, сопрягающий человека и лошадь.

Об общеэстетической всеобщности риторических фигур говорит определение архитектуры как метафоры из камня, данное итальянским теоретиком риторики и поэтики XVII в. Э. Тезауро.

Метафора — королева риторических фигур — нашла свое место и в системе индийских риторик и поэтик в фигуре рупака («придающая вид»). И неудивительно, потому что индийская поэзия метафорически насыщена. Так, в «Калидасе» мы читаем: «Твои пальцы — стебли, блеск ногтей — цветы, руки — лианы, и вся ты — весенняя красота, открытая нашему взору». Различения рупака и метафоры, которые намечает в своей работе П. Грин-

цер, недостаточны для того, чтобы не признавать эти фигуры соответствующими друг другу, тем более если исходить из широкого понимания метафоры, предложенного при классификации риторических фигур группой «Мю».

Близкой к метафоре риторической фигурой является сравнение — выявление общего признака при сопоставлении двух явлений. Например, у А. С. Пушкина в стихотворении «Анчар» встречается такое сравнение:

Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Монтажное сопоставление-сравнение часто применяется в киноискусстве.

Метонимия (буквально переименование) — установление связи между явлениями по смежности, перенесение свойств предмета на сам предмет, при помощи которого эти свойства обнаруживаются, иносказательное обозначение предмета речи. Так, у А. С. Пушкина «шипенье пенистых бокалов» заменяет пенящееся вино, налитое в бокалы. В метонимии следствие может заменяться причиной, содержимое — емкостью, в результате чего происходит перенос названия на основе смежности значений. Например, порой материал, из которого сделана вещь, заменяет обозначение самой вещи. У А. С. Грибоедова Фамусов вспоминает: «Не то на серебре, на золоте едал».

Французский исследователь риторики Дю Марсе раскрыл разницу между метонимией и синекдохой. Первая, как он считает, предполагает сопоставление существующих независимо друг от друга предметов («при метонимии заменяемое и заменяющее понятия не имеют общей семантической части»), а вторая — риторическое сопряжение предметов, составляющих некоторое единство и соотносящихся как часть с целым.

Исследователи отмечают также существование метонимичных эпитетов («Светило дневное блистает» — М. В. Ломоносов), метонимических перифраз («Великая Петрова дочь» — М. В. Ломоносов).

Метонимический характер имеют гербы и другие символические знаковые образования (герб — метонимия государства). Коллаж в живописи порождает метонимические взаимоотношения приклеенной детали к нарисованной части полотна. Об этом пишет Ю. М. Лотман: «Нарисованные и приклеенные объекты принадлежат к разным и несовместимым мирам по признакам: реальность/иллюзорность, двухмерность/трехмерность, знакомость/незнакомость и проч. В пределах целого ряда традиционных культурных контекстов встреча их в пределах одного текста абсолютно запрещена. И именно поэтому соединение их образует тот исключительно сильный семантический эффект, который присущ тропу».

Оксюморон — тесное соседство в синтагме двух знаков или слов с противоречащими значениями, прямое соотнесение и совмещение контрастных, казалось бы, несовместимых признаков и явлений. Таковы «черное солнце» в финале «Тихого Дона» М. А. Шолохова или «великолепие бесстыдства» — емкая характеристика женщины легкого поведения в романе У. Фолкнера «Город».

Повтор — повторение звуковое, знаковое (словесное), синонимическое осуществляется во имя художественно выразительных, эмоционально внушающих и логически убеждающих целей. Повтор придает художественному высказыванию усиление, изменение и приращение смысла. Таков, например, повтор у А. С. Пушкина:

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

В фильме Л. Бунюэля «Скромное обаяние буржуазии» в снах разных действующих лиц многократно повторяется одна и та же сцена приема гостей. Затем эта сцена осуществляется наяву.

Риторической фигурой повтора в архитектуре является, например, колоннада крыльев Казанского собора в Ленинграде.

В санскритской поэтической культуре риторической фигуре повтора соответствует фигура авритти, имеющая три разновидности: повторение слов с изменением смысла, повторение смысла с изменением слов и повторение и слов и смысла.

Четвертый тип риторических фигур возникает на основе отклонений от логической нормы. Для фигур этого типа «нулевым уровнем» может быть «протокольная» речь, удостоверяющая истинность фактов, оспариваемых риторической фигурой. Риторические фигуры четвертого типа строятся на основе сознательного использования полисемии (многозначности слова или знака) в художественно выразительных целях.

Антитеза — противопоставление различных, резко контрастных явлений. Она строится по логической формуле «А не есть не А». Антитеза особенно выразительна, когда складывается из метафор. К такой антитезе прибегает, например, Г. Р. Державин в стихотворении «Бог»:

Я царь — я раб — я червь — я бог!

Наложение — употребление слова одновременно в прямом и в переносном, «фигуральном», значении. Наиболее распространенной его формой является наложение, которое основывается на двух значениях слова, выраженных в одном его употреблении. Так, у В. Гюго читаем:

И вспоминают вас, перебирая пепел
Своего очага и сердца своего!

Специфика наложения заключается здесь в том, что выражение «пепел сердца своего» воспринимается метафорически. В то же время читатель при восприятии текста принимает во внимание прямое значение слова «пепел» в контексте «пепел своего очага».

Наложение как риторическая фигура присутствует и в других видах искусства, например в кинематографе, в кадрах, снятых с

двойной экспозицией. При этом одно изображение накладывается на другое и образует новую мысль, не заключенную ни в одном из взаимодействующих изображений.

Количественный (преувеличивающий) характер риторических фигур присущ гиперболе. Римский оратор и теоретик красноречия М. Ф. Квинтилиан определял гиперболу как уместное отступление от истинного положения вещей. Она предполагает предельное увеличение действия, свойств, размеров предмета в художественно выразительных целях. Когда Н. В. Гоголь утверждает в «Тарасе Бульбе», что «редкая птица долетит до середины Днепра», он пользуется гиперболой как риторической фигурой организации художественной речи. Иногда гиперболы предстает в сочетании с метафорой («Этот кот — тигр»). Среди древнеиндийских риторических фигур (аланкар) имеется фигура, сходная с восходящей к античным риторикам гиперболой, — это атишая (преувеличение) и ее разновидность — атишайокти (преувеличенное высказывание). Эта фигура рождается при желании описать какое-либо свойство (субъекта), выходящее за пределы обыденного. Так, блеск и белизна женских одежд и женского тела, неразличимые в сиянии лунного света, образно передается в «Калидасе» с помощью этой риторической фигуры: «Когда в венках из белого жасмина, намазав тело сандаловой мазью, в платье из льна женщины идут на свидание, их нельзя различить в лунном свете».

Но чтобы не нарушить эстетическую меру в искусстве, как верно замечал Псевдо-Лонгин, художнику «необходимо знать предел, до которого в каждом отдельном случае можно довести гиперболу».

Примеры гиперболы в архитектуре: грандиозная пирамида Хеопса, ибо для практической цели захоронения и мемориальной фиксации могилы достаточно холмика или склепа; гиперболы входных ворот — триумфальная арка одновременно символизирует величие деяний тех, в честь кого она создана.

В литоте также проявляется количественный, но уже уменьшающий характер риторических операций. Литота умень-

шает явление, говорит о меньшем, чтобы сказать о большем. Литотами являются: миниатюра — в живописи, избушка на курьих ножках — в архитектуре.

Доведенная до предела, литота превращается в молчание (лучший способ сказать меньше — вовсе ничего не сказать). Молчание может носить и гиперболический характер: от сильной эмоции речь обрывается молчанием, а письменный текст — многоточием. Внезапное прекращение речи — обрыв или прекращение временное — приостановка. Во временных видах искусства приостановка может выражаться не только в молчании, но и в стоп-кадрах (киноискусство) или в немой сцене (театр). Широкоизвестный пример такого молчания — немая сцена в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Жандарм сообщает о приезде подлинного ревизора, и далее следует авторская ремарка: «Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении».

Аллегория — иносказание, перенос значений одного круга явлений на другой, перенос по сходству от буквального значения к небуквальному значению суждения, мысли или целой системы суждений. Так, в «Слове о полку Игореве» игра Бояна на гусях передается через аллегорию:

Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу...

(перевод В. Жуковского).

В финале фильма И. Бергмана «Седьмая печать» в традиционно-аллегорическом виде (скелет с косой) героям является смерть и уводит их из жизни. А в «Земляничной поляне» того же режиссера аллегорией конца времен во сне больного героя предстает циферблат уличных часов без стрелок.

В басне аллегорическое отклонение от логической нормы происходит посредством олицетворения (король — лев) или через сужающую синекдоху (хитрец — лиса, труженик — муравей).

Эвфемизм — замещение грубого, запретного, неприличного или излишне резкого выражения более мягким, более приемлемым этически, социально, эстетически. При этом смысл эвфемизма сохраняется, но к нему добавляются случайные смысловые оттенки. Так, в одном из стихотворений Е. А. Баратынский для обозначения «могилы», «того света» употребляет менее резкое выражение «обитель ночи», достигая тем самым большей художественной выразительности.

Фигура эвфемизма широко применяется и в кинематографе.

У древних народов среди табу были запреты упоминать то или иное явление, поэтому приходилось давать понятия о них с помощью аллегорических выражений или эвфемизма. Можно предположить, что аллегория и эвфемизм — древнейшие риторические фигуры, возникшие еще до развития собственно художественного сознания.

Антифразис отличается от иронии отсутствием комедийного начала в критике. Пример этой риторической фигуры, когда о достойной сожаления точке зрения говорят: «Хороша позиция!».

Отрицание — риторическая фигура, используемая для образной характеристики явления «от обратного», путем сообщения, чем оно не является. Например, М. Ю. Лермонтов так характеризует своего лирического героя:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Применяя риторические фигуры четвертого типа, авторы художественного текста, сознательно нарушая логическую связь и даже порой издеваясь над логикой реальности, в известном смысле воздают ей должное, ибо пользуются избыточностью информации о ней. Например, «нож без лезвия, у которого не хватает ручки» (Г. К. Лихтенберг) — это предмет, существующий только в языке, посредством которого мы получаем возможность видеть особую реальность.

Риторические фигуры дают такое парадоксально-неожиданное сцепление исходных знаков, слов, при котором происходит диалектический скачок и возникает качественно новая мысль, прямо не содержащаяся ни в одном из исходных знаков и не возникающая из их простого внериторического сложения.

Придавая глобально-философское, вселенско-бытийное значение риторическим фигурам, Тезауро полагал, что они составляют саму основу механизма мышления той гениальности, которая одухотворяет и человека, и Вселенную. Эти идеи находят продолжение в современных взглядах на ретиорику, в результате чего собственно художественное значение риторических фигур недооценивается. Верно отмечая наличие тропов в науке, Ю. М. Лотман делает расширительный вывод, что они «принадлежат творчеству вообще»: «... тропы являются не внешним украшением, некоторого рода апплике, накладываемым на мысль извне, — они составляют суть творческого мышления... сфера их также шире, чем искусство. Она принадлежит творчеству вообще. Так, например, все попытки в построениях пространственных физических моделей элементарных частиц и пр. являются риторическими фигурами (тропами). И точно так же, как в поэзии, в науке незакономерное сближение часто выступает в качестве толчка для формулирования новой закономерности».

В целом это верно, но с той лишь оговоркой, что в науке тропы и риторические фигуры — дополнительное, необязательное средство. В искусстве же они неременны, они «сама суть», фигуры именно образного, а не всякого креативного мышления.

Сила риторических фигур в том, что, являясь носителями понятийного смысла, они в то же время имеют зрительную природу. Тем самым именно риторические фигуры создают в нашем мышлении «мост», перемышку между деятельностью левого и правого полушарий, одно из которых обеспечивает понятийное, а другое — зрительное, конкретно-чувственное мышление. Эта двойственность, амбивалентность риторических фигур (понятийность и «зрительность», представимость, конкретно-чувственность) и позволяет им жить и в вербальных (прозе, поэзии), и в изобразительных искусствах (живописи, скульптуре), а также в других его

видах, построенных на взаимодействии зрительного и вербального начал (театр, кино и пр.).

Через интонационную сторону своей вербальной природы и через близость конкретно-чувственной ее стороне риторические фигуры оказываются значимыми и для музыкального мышления.

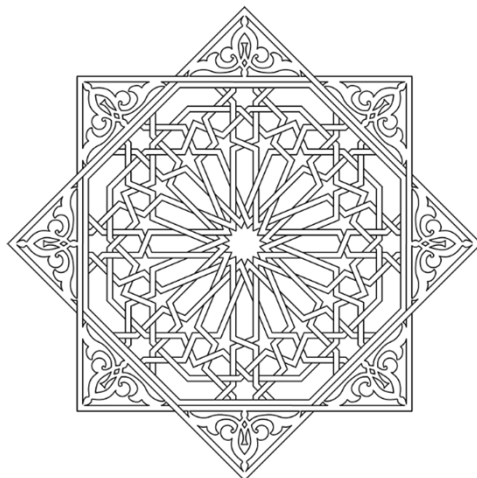
«В системе поэтического языка фигуры и тропы являются основными узлами, в которых сосредоточено энергетическое напряжение стилистического тела текста», — справедливо замечает М. Я. Поляков. Для прочтения риторических фигур главное — понять, какое переносное значение получает данное знаковое образование в данном контексте.

Итак, художник с помощью указанных четырех типов риторических фигур нарушает «нулевую ступень» речи, создавая таким образом художественную речь, передающую художественный смысл и несущую специфически эстетическое воздействие».

(Источник: Боров Ю. Эстетика. — 4-е изд. доп. — М.: Политиздат, 1988, стр. 240—254. Типы риторических фигур;

Рыжачков Анатолий Александрович;

<https://livrezon.com/publication/typy-ritoricheskikh-figur>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

«Символ Трискелион дошел до нас из глубины веков. Этот знак почитаем многими народами, ведь он воспевает восходящее солнце. А солнце — есть жизнь и свет. Ещё в десятом веке этим знаком татуировали себя русы. Для них он означал движение самой жизни, её цикличность. Название символа переводится с греческого как «трёхногий». А сокращенное его название — трискель. С почтением относились к Трискелиону кельты, японцы, этруски, греки, народы Европы и Востока, Азии и Южной Америки. Но до сих пор неизвестно, откуда же произошел этот солярный знак.

История возникновения символа Трискелион

До сих пор нет однозначной версии о том, как и откуда появился этот символ. Он встречается в культуре самых разных народов, даже не схожих между собой по религиозным взглядам. Одна из теорий возникновения символа — греческая. По ней о Трискелионе впервые узнали в Сицилии, куда в начале 18 века до нашей эры прибыли греческие путешественники. Так этот символ появился в Сицилии, где получил название и значение по числу горных пиков, которые обозначали границы острова. В дальнейшем народы, которые жили на острове Крит и в Македонии, заимствовали этот знак, сделав его частью своей культуры. Трискелион стал основным элементом Сицилийского знака. Он был изображен в виде бегущих от центра трех ног, согнутых в коленях. А центром была голова Медузы Горгоны, вместо волос у которой были змеи. Сегодня Трискелион по-прежнему изображен на флаге Сицилии, но вместо головы Горгоны его украшает лицо богини плодородия, волосы которой — это колосья пшеницы.

Существует ещё одна теория возникновения символа. Это теория викингов. Если верить ей, то знак Трискелион придумали ещё в 5-6 веке до нашей эры на острове под названием Мэн. Этот остров находится в Ирландском море и представлял собой самое древнее государство эпохи. Граждане этого государства были викингами. До сих пор Трискелион — это ключевая эмблема на флаге острова Мэн, последний раз флаг менял свой внешний вид в

18 веке. Но эти теории не доказаны и скорее всего Трискелион имеет ещё более интересную и древнюю историю.

Значение Трискелион в разных культурах

Считается, что знак Трискелион заключает в себе силу трех природных стихий, то есть он объединяет огненную, воздушную и водную энергию. Защищает от стихийных бедствий. Благодаря ему можно спастись от пожаров и наводнений. Уберегает он и от воровства. Этот знак символизирует быстротечность жизни. Число три тоже имеет особое значение в символике изображения Трискелиона. Тройка встречается во многих религиях. В христианстве это триединство Бога.

Знак Трискелион дает энергию жизни, наполняет внутренней силой. Его симметричность является олицетворением самодостаточности и мудрости. Но у разных народов было своё отношение к этому символу и поэтому значение Трискелион встречается тоже разное.

Что значил Трискелион для кельтов?

Среди кельтов знак Трискелион использовался при чтении заклинаний.

Симметрия знака показывает независимость от цикличности жизни. Изображение Трискелиона можно встретить на разных предметах кельтов, таким образом они наполняли эти предметы магической силой. Более поздний, норманнский вариант, немного отличается от изначального изображения символа Трискелион. Он называется Трискеле Одина. Распространили его викинги. Он является олицетворением триединства. Причем это триединство начинается с таких богов как Один, Локи и Тор и заканчивается библейским триединством. Кельтский трискелион был олицетворением цикличности бытия, сменой утра, дня и ночи.

Знак Трискелион в буддизме

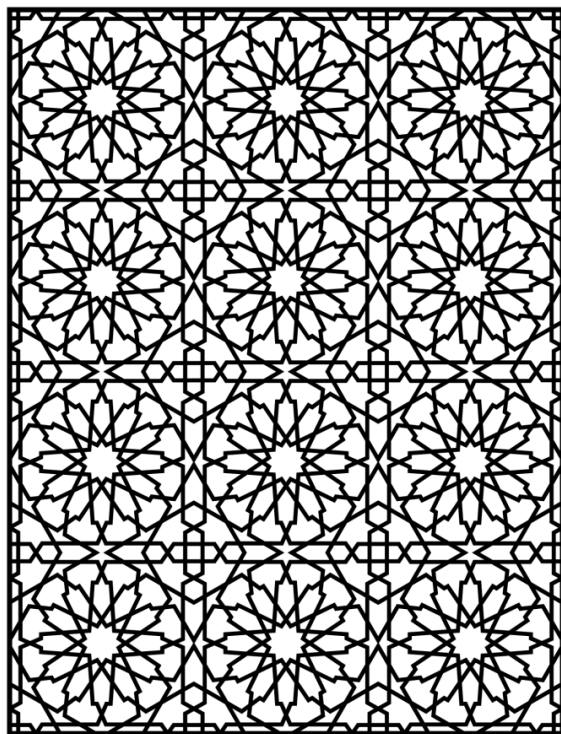
В буддизме этот знак изображается в колесе Дхармы. Буддисты придают ему особое значение. Колесо Дхармы может включать в себя 5 или шесть, в некоторых случаях 8 спиц. Знак Трис-

келион можно увидеть в трех частях колеса. Каждая часть означает основы учения буддизма. Ступица — это Винайя. Сюда относятся правила этики, с помощью которых можно успокаивать и сосредотачивать ум. Спицы выражают собой мудрость, которая достигается через неведение. Обод представляет собой медитацию.

(...)

Лучи в Трискелионе ассоциировались с тремя бегущими ногами. Так как ноги изображены согнутыми в коленях, это указывает на то, что движение происходит очень динамично».

(Источник: <https://blog.replicahouse.ru/simvol-triskelion/>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

О Белом Цвете:

«Испокон веков этот цвет наделяется свойствами очищения и божественности. Символизирует чистоту, невинность, легкость, свежесть, ослепительность, радость. Это символ духовности, ясности. Символ Белой магии.

(...)

Он ассоциируется с дневным светом и с небесными светилами, а также с производящей силой, которая воплощена в молоке и яйце. С белизной связано представление о явном, общепринятом, законном, истинном. Белая дорога — это дорога чистоты и очищения.

(...)

Это цвет очищения и возвышения. Венцом радости и очищения считает каббала корону белого цвета.

В иудаизме он передает значение высокой, чистой сущности. В одежду белого цвета одеваются ангелы и праведники. По каббале, белый цвет («белое пламя») — это духовная сила, которая постоянно стремится вверх — к единению с Абсолютом.

В христианстве белый цвет света посвящен Богу-отцу. За этим же цветом закреплён в канонах иконописи и цвет Святых Девственниц. В христианской традиции белое обозначает родство с божественным светом.

Буддистские верования наделяют белый цвет самообладанием и высшей духовной трансформацией через женственность мира.

Индуизм связывает белый цвет с цветом чистого сознания и его манифестацией при духовном возвышении.

Художники дзен приходили к белому через серое. Их «загадочно туманная живопись» была направлена на изобразительное представление Пути, Абсолюта. При этом живопись тушью развивалась в двух различных направлениях. Во-первых, в направлении изображения абсолютного Ничто, каковым является сам

Путь. И во-вторых, в направлении изображения того, как это Ничто служит первичной метафизической основой Бытия.

Лао-цзы описывает Путь как противоречивое единство Ничто и Нечто:

Глубокий и бездонный, он как исток
и основа десяти тысяч вещей...
В нем абсолютно ничего нет,
и все же кажется, что там нечто есть.

Если художник выберет первое направление, то он, естественно, должен прийти к изображению Ничто в его абсолютном небытии, то есть к тому, чтобы фактически не рисовать ничего. В этом случае листок белой, чистой бумаги или кусок шелка, не тронутый кистью, должны будут считаться высочайшими шедеврами изобразительного искусства.

(...)

Будет интересно отметить, что действительно были некоторые художники, которые пользовались этим принципом на практике. В результате мы имеем в истории японской живописи то, что известно как «чистая бумага с надписью» *haku-shisan*, что представляет собой абсолютно чистый лист бумаги лишь с несколькими строками надписи в стихотворной форме наверху, предназначенной для интерпретации картины, предполагаемой ниже. Говорят, что этот любопытный вид «белой живописи» был введен японским приверженцем культа чайной церемонии Йекен Фудзимура в конце периода Токугава. Но обращение к таким крайностям неизбежно ведет к самоуничтожению живописи как живописи. Ибо пока человек полагается на графические средства, он не может, не рисуя ничего, эстетически вызвать образ Пустоты в духе Лао-цзы или Ничто шуньята в духе буддизма Махаяна.

Т. Изуцу

Вспомните обратный эффект — «Черный квадрат» Малевича. Икено Тайга (1723—1776), характерного представителя японской живописи периода Эдо, однажды спросили: «Что вы находите самым сложным в живописи?» «Рисование белого пространства, где абсолютно ничего не нарисовано, — вот самая сложная для достижения вещь в картине», — был ответ.

Обыкновенно же белый цвет ассоциируется со святостью, чистотой и целомудрием. В белом изображаются праведники.

Византийские писатели говорили о белизне истины.

У некоторых народов белую одежду носили цари и жрецы, что символизировало торжественность и величие. В литовском языке «белые люди» — это честные люди, в венгерском «белый народ» — женщины. На Руси слово «белый» обозначало, между прочим, вольный, независимый, благородный, праведный: «белая Русь», «белый царь», «белые крестьяне» — свободные от всех податей, «белая земля» — церковная земля, «белый свет», по В. И. Далю, — «вольный свет, открытый мир, свобода на все четыре стороны». Этот свет противостоит загробному миру, царству тьмы, как белый день черной ночи. Во время первого сева надевали чистую белую рубашку, клали в семена освященное на Пасху яйцо или его скорлупу, чтобы зерно было такое же чистое и белое.

Негативное действие белого цвета

Однако белый цвет может быть и негативным — поглощать, нейтрализовывать все остальные цвета. Поэтому он соотносится с пустотой, ледяным молчанием, и, в конечном счете, — со смертью. В Китае и ряде других стран Азии и Африки белый цвет является цветом траура. Славяне одевали мертвецов в белые одежды. В белой одежде являлись людям призраки. Фата невесты — это умирание старой и рождение новой жизни».

(Источник: <https://www.astromeridian.ru/astro/>).

«Серебро — второй по благородству среди всех металлов и цветов, используемых в геральдике. Оно олицетворяет Луну и её ночное сияние, холодное и чистое, как прозрачная вода. В геральдике традиционно символизирует такие качества и понятия, как: невинность, непорочность, милосердие, мудрость, благородство, безмятежную радость, девственность, чистоту, откровенность, надежду, правдивость, честность, чистосердечность, искренность, правдивость, единодушие, младшую ветвь рода.

Некоторые английские специалисты по геральдике в описании гербов пэров называют серебро «жемчугом» (pearl), а при составлении гербов королей и принцев применяют термин Луна (luna). Если щит полностью серебряный, то он символизирует мир, ду-

шевное спокойствие, умиротворение, удовлетворённость скромным и уединённым сосуществованием, безмятежную и счастливую любовь. Гвельфы считали серебряный и белый цвета своими символами.

Символическое значение серебра может меняться в зависимости от того, какой цвет с ним сочетается:

- С красным — радость.
- С синим — победа.
- С зелёным — щедрость, человеколюбие и воздержание.
- С пурпурным — святость и нерушимость обычаев.
- Сочетание серебра и золота — красноречие.

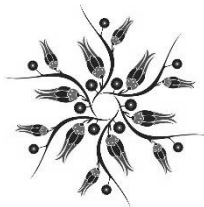
Серебряные шлемы (с золотыми застёжками) во внешних элементах герба могли принадлежать благородным по крови герцогам и графам, в то время, как стальные шлемы с серебряными застёжками, которые также изображались при помощи белого цвета (который в блазирвании мог называться серебром), символизировали простых дворян и рыцарей, имеющих древнее происхождение. Серебряные шпоры являлись отличительным знаком щитносцев и оруженосцев.

В серебряных фигурах (особенно в изображениях орлов и львов) отдельные детали и части тела, очертания фигуры, оперения, суставы, глаза и т. д, как правило, передавались при помощи чёрного цвета.

Серебряный (белый) цвет на флагах может иметь несколько символических значений: в военной истории — символизирует предостережение и надвигающуюся опасность, возможно, поэтому впоследствии отличительным знаком парламента, стал именно белый флаг, тот же флаг выбрасывался в случае капитуляции.

В средневековой астрономии серебру соответствовала Луна, в алхимии — жемчуг, стихия — вода».

(Источник: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Серебро_\(геральдика\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Серебро_(геральдика))).

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Символика Цвета в Исламе:

«Цветовая символика Ислама сыграла в истории определенную идеологическую роль. В борьбе с доисламской культурой ислам искоренил иконическую символику и антропоморфные изображения богов и в своей культуре активно применил чистые (неизобразительные) цвета, создал свою цветовую символику. В догматах ислама свет уже не соотносился с образами творца. Это было не абсолютное сияние библейского бога, а оптический феномен Природы, созданный им. Поэтому исламский свет имеет определенные значения: Солнце, Месяц, Звезда, Утро, Заря, Ночь и собственно Свет. В исламе от библейской трактовки отличается и символ Тьмы. Тьма не противопоставляется Свету, а находится с ним в причинной связи. Тьма — это одеяние Ночи, Тень — это творение Солнца, Тень — это космическая глубина, нечто непознаваемое, но реальное.

Среди цветов у ислама было три основных.

Первым основным цветом в исламской символике считается белый как символ святости и достоинства, а в ритуальной церемонии он является не трагическим, а благостным символом траура. Белый цвет приобрел собирательное значение всего хорошего и наилучших качеств.

Второй основной цвет — желтый как символ блестящего Света, Солнца, Золота, Нетления, Радости.

Третий основной цвет — красный, причастный к Свету. В отличие от библейской символики, где красный символизировал жестокость и греховность, в исламе — это положительный символ — Солнце, Огонь и Кровь как признак жизни, красоты и сильных эмоций.

Голубой — самый популярный цвет, ассоциируется с чистым небом и водой, является символом Спокойствия и Благополучия, служит талисманом от вероломства и разных напастей.

Синий — символ спокойствия Ночи и Смерти, применяется в траурных церемониях.

Черный — отражает отрицательную сторону жизни в случаях, когда он соотносится с нечистой совестью и плохими побуждениями. В положительных случаях черный цвет выражает глубину

ума и сердца. Черным обозначают высшую тайну мироздания. В этот цвет окрашено и священное знамя династии Аббасидов. Главный священный символ исламского храма — черный камень.

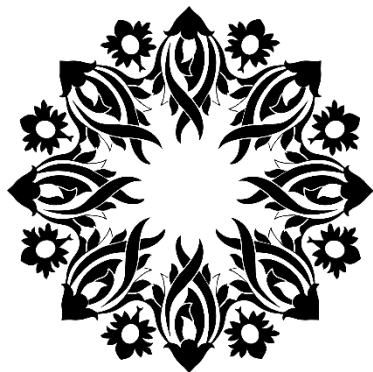
Зеленый — главный цвет мусульманского Рая. В этом цвете соединяются и земное, и небесное начала. Зеленый цвет в исламе имеет исключительно положительное значение. Священное знамя Магомета и всего мусульманского мира — зеленое, что находит отражение в современной флаговой и геральдической символике.

Серый — это цвет злости и подлости, нищеты и несчастья. Коричневый — цвет отвращения, разложения, распада и гибели.

Цветовые символы в исламе имеют не только понятийное и метафорическое значение, но и являются средством цветового обозначения в алхимии, науке и жизни. В астрономии Солнце обозначают желтым, Марс — красным, Венеру — белым, Сатурн — черным, Меркурий — бирюзовым, Луну — зеленым цветами, Юпитер — цветом сандала. Дням недели соответствуют цвета: понедельнику — зеленый, вторнику — красный, среде — бирюзовый, четвергу — цвет сандала, пятнице — белый, субботе — черный, воскресенью — желтый.

Для выражения большей экспрессии цветовые отношения в исламе строились и на гармонии цветовых пятен подобно музыкальным аккордам. Соотношения цветов в них определяли основную цветовую тональность, которая могла быть «минорной» и «мажорной», т. е. по-разному напряженной и активной».

(Источник: <http://www.symbolizm.ru/index.php/simvolizm-tsveta/237-colorsymbolizm>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

В данной книге довольно часто шла речь о Накшбандия — суфийском Ордене, возможно, самом влиятельном и распространённом.

В его Семизвёздии мы совершили небольшой Опус Пилигри-мажа, закончив его у Могилы Бахауддина Накшбандия.

В самом тексте довольно много подразумеваний, часть Гнозиса передаётся читателю через ряд интонаций и модулируемых состояний настолько, насколько это позволяют возможности речи на письме и контекст повествования.

Чтобы суфийский Опус стал чуть более конкретно обозначен для читателя, ниже приводим цитату, взятую из открытого источника.

Она описывает внутреннюю Работу Накшбандия:

«БАШКИРСКИЙ ШЕЙХ ЗЕЙНУЛЛА ИБН ХАБИБУЛЛА АН-НАКШБАНДИ АШ-ШАРИФИ (РАСУЛЕВ)

Божественные истины, постижение которых необходимо для муридов суфийского братства Накшбандийа, славословия [Аллаху] и молитвы — «салауат»

Первое издание было осуществлено [на арабском языке] в 1899 г.

Типография Б. А. Домбровского г. Казань

Перевод с арабского под редакцией и с примечаниями

И. Р. НАСЫРОВА

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Хвала Аллаху и мир Его рабам, которых Он сделал избранными!

И далее. [Эта книга представляет собой изложение методов] постижения обязательных для искренних муридов важнейших божественных истин — да поможет им Всевышний Аллах своей милостью и щедростью! Аминь!

Автор сочинения — бедный раб и слуга бедных и нищих, мулла Зейнулла ибн Хабибулла ан-Накшбанди (суфий братства Накшбандийа) аш-Шарифи [родился в дер. Шариф Учалинского

района Республики Башкортостан] — да простит их обоих [т. е. сына, Зейнуллу, и отца, Хабибуллу] Направляющий на верный путь!

Порядок исполнения зикра, принятый шейхами Накшбандийа-Муджаджидийа-Халидийа — да будут святы их могилы!

1. Ты [мурид] должен сесть, скрестив ноги и обратившись в сторону Мекки, затем, после произнесения «Агузу биллахи мин аш-шайтани ар-раджим!» (Я оберегаюсь Господом Богом от побиваемого камнями дьявола-шайтана!) и «Бисмиллахи ар-рахмани ар-рахими!» (Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!), произнести 15 (пятнадцать) раз слова «Астагфиру Аллаху!» (Я прошу прощения у Аллаха! Боже упаси!).

2. Ты должен 5 (пять) раз произнести «Салауат шариф» (Молитву в честь пророка Мухаммада, членов его семьи и его сподвижников): «Аллахумма салли аля сейидина Мухаммад уа аля эли сейидина Мухаммад би-адади кулли даа-ин уа дауаа-ин уа барик уа селлим алейхи уа алейхим касиран (на третий раз следует произнести это слово «касиран» три раза) уа салли уа селлим аля джамиги аль-анбияи уа-ль-мурсалин уа эли куллин аджмагин уа аль-хамду лиллахи раббил-ль алемин!» (О Боже! Благослови нашего сейида (господина) Мухаммада и членов семьи нашего сейида Мухаммада, дав лекарство от каждой болезни! Даруй свое благословение и мир ему и членам его семейства — много раз! О Боже, благослови и даруй мир всем пророкам и посланникам, всем членам семьи пророка Мухаммада! Хвала Аллаху, Господу миров!).

3. Затем ты должен 3 (три) раза прочитать 112-ую суру Корана «Аль-Ихлас» (Искренность) и один раз 1-ую суру Корана «Аль-Фатиха» (Открывающая). После этого мурид должен посвятить вознаграждение от Бога, которое ему полагается за рецитацию (чтение) Корана, душам всех пророков и посланников Аллаха — мир им всем! — душам всех «аулия» и благородных шейхов (суфиев), особенно душам Ходжа Бахаутдина Накшбанда и мауляны Халида аль-Багдади нижеследующим образом: «Аллахумма салли уа аусыл мисла сауаби ма кара-наху уа наууир ма талаунаху багда аль-кубули минна биль-фадли уаль-карами иля аруахи джамиги аль-анбия-и уаль-мурсалин салауату Аллах уа

салямуху алейхим аджмагин уа иля аруахи джамиги аль-аулия уа машаихи ат-турук каддаса Аллаху Тагалю асрарахум аль-уля уа аля аль-хусуси иля рухи рухина уа имамина уа миктада-ина имами ат-тарикати гаус аль-халкийати зу-ль аль- файди аль-джари уан-нури ас-сари хазрат Ходжа Мухаммад Бахаутдин Накшбанд аль-Уэйс аль-Бухари каддаса Аллаху Тагале сиррау уа иля рухи рухина кутби аль-арифин зуль-джанахейн фи-ль гилми аз-захир уа-ль батын шейхина Халид ал-Багдади каддаса Ал-лаху сиррау!» (О, Боже, после того, как Ты примешь с милостью Твоей то, что мы прочитали, даруй вознаграждение, полагающееся нам за это чтение, душам всех Твоих пророков и посланников — мир и приветствие от Аллаха им всем! — также душам всех аулия и шейхов суфийских тарикатов — да будут святы их могилы! — особо душе нашего имама и образца для подражания, имама тариката, спасения для созданий Божьих, обладателя истин из потока божественного излияния и света, Ходжа Мухаммада Бахаутдина Накшбанда аль-Уэйси аль-Бухари — да будет свята его могила! — также душе «Полюса арифов», обладателя тайного и явного знания, шейха Халида аль-Багдади — да будет свята его могила!).

4. После этого ты должен прочесть «дога» [молитву, которая в тексте 3. Расулева приведена на старотюркском языке]: «Йа рабби бинем хэм шейхымнын кылган гиадатларын уа зикрларын кабул айлэ хасан хатима илэ хатм айлэ бинэ хэм шейхымны тарикат уа шаригат аузары сабит уа мустахим айлэ уа суннат шарифа-и бинем хэм шейхымнын йадында рауаджили айлэ! Аминь!» (О, Господи, прими мои и моего шейха [обряды] поклонения [Тебе] и зикры! Прими их наилучшим законченным образом! Укрепи нас в несении бремени тариката и шариата по правильному пути! Помоги мне и моему шейху в исполнении благородной сунны [пророка Мухаммада]! Аминь!).

5. Затем следует «тафаккур маут» (размышление о смерти). Тебе следует, проявляя смиренность, покорность и самоунижение, размышлять о себе, как о мертвецe, находящемся в могиле, и о делах и обстоятельствах в этой могиле.

6. «Рабита». Мысленно сконцентрируйся на образе своего шейха, чтобы установить с ним духовную связь — «рабита».

7. «Баз кашт». Тебе следует 3 (три) раза прочесть молитву — «дога»: «Илахи энтэ максуди уа ридака матлуби». «Боже мой! Ты — моя цель! Предмет моего желания — Твое довольство мною!».

8. После этого следует приступить к занятию «вукуф калби» (сердечная пауза), то есть муриду следует четверть часа (15 минут) без зикра Аллаху пребывать в состоянии «таваджжух» (обращенности всем своим существом к Богу), страха и почтительности перед Всевышним.

9. Затем следует приступить к зикру, вместе с «тасбихом» (восхвалением Аллаха), в течение [не менее] пяти минут [можно] вечером или днем.

Латаиф зикр [Части тела, куда направляются мысленно произносимые слова восхваления Аллаха (зикр)].

1. «Калб тахта кадам Адам алейхи салям» (место в груди ниже левого соска) — Сердце под ногой пророка Адама — мир ему! — который [пророк Адам] снабжается духовными богатствами в изобилии от нашего пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Это сердце испускает желтый свет, [на него] изливаются благоденствия [от Бога] и его «душой» (нафс) является «уарид» (откровение свыше).

2. «Рух тахта кадам Нух уа Ибрахим алейхима ас-салям» (место в груди ниже правого соска) — Дух под ногами пророка Нуха (Ноя) и Ибрахима (Авраама) — мир им! — которые снабжаются в изобилии духовными богатствами от нашего пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Этот дух испускает красный свет, является местом излияния благоденствий [от Бога] и его воздухом (хауа) является «уарид» (откровение свыше от Бога).

3. «Сирр тахта кадам Муса алейхи ас-салям» (место выше левого соска) — Тайна под ногой пророка Мусы (Моисея) — мир ему! — который получает в изобилии духовные богатства от нашего пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Эта тайна испускает белый свет, является местом излияния благоденствий [от Бога] и ее водой является «уарид» (откровение свыше от Бога).

4. «Хафи тахта кадам Иса алейхи ас-салям» (место выше правого соска) — «Скрытое, тайное» под ногой пророка Исы (Иисуса) — мир ему! — который в изобилии черпает духовные богатства от нашего пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Это «тайное» [место] испускает черный свет, является местом излияния благоденствий [от Бога] и его огнем (нар) является «уарид» (откровение свыше от Бога).

5. «Ахфа тахт кадам сейиди аль-мурсалин салла Аллаху алейхи уа ас-салям» (место в середине груди суфия) — Самое тайное и скрытое [место] под ногой пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и приветствует! Это место испускает зеленый свет, является местом излияния благоденствий [от Бога] и его землей (тураб) является «уарид» (откровение свыше от Бога).

6. «Латыфа нафс» [Тончайшая бестелесная, дарованная Богом, субстанция «нафс» (души)], находится на лбу суфия, чуть впереди мозга и связана с сердцем.

7. «Латыфа джасад» [Тончайшая субстанция тела [суфия], дарованная Богом. Все части тела связаны с этой «латыфа джасад». Зикр, произносимый этой «латыфа джасад» [в единстве с остальными местами — «калб», «рух», «сирр», «хафи», и «ахфа»], называется «султан азкар» (царь или повелитель зикров).

Человек состоит, по мнению божественного имама [Ахмеда Фаруки ас-Сирхинди] и его последователей — да будут их могилы святы! — из 10 (десяти) частей. 5 (пять) частей из «алем аль-амр» (мира божественных повелений, потустороннего света): «калб», «рух», «сирр», «хафи» и «ахфа». Пять частей из «алем аш-шахада» (чувственного, видимого земного мира): «нафс» (душа) и четыре элемента — воздух, вода, огонь и земля.

Всего насчитывается, по мнению шейхов Халидийя [бокового ответвления от суфийского братства Накшбандийя-Муджаджидийя], 20 (двадцать) принципов и предписаний исполнения зикра.

7 (семь) явных (внешних) предписаний

1. «Тахарат» (религиозное омовение для достижения ритуальной чистоты). Совершается для очищения тела.

2. «Хали макан» (уединенное место), где суфий-мурид должен сесть лицом в направлении г. Мекки («кибла»). Это делается для освобождения от всяких помех, отвлекающих сознание суфия и для преисполнения его души важностью предстоящего дела (исполнения зикра).

3. «Акс турук» (необходимость сесть на пол, скрестив ноги, — так, чтобы ступня правой ноги находилась под голенью левой ноги). Это делается для достижения должного воздействия на сердце.

4. «Гамд аль-айн» (необходимость закрыть глаза). Это делается для освобождения сознания от посторонних мыслей.

5. «Истигфар» (произнесение слов «Астагфиру Аллаху» — Я прошу прощения у Аллаха! Боже упаси!). Это делается для очищения от грехов.

6. Прочтение [мысленное] 112-ой суры Корана «Аль-Ихлас» (Искренность) 3 (три) раза, 1-ой суры Корана «Аль-Фатиха» (Открывающая) 1 (один) раз и молитвы — «салауат» [см. выше] 5 (пять) раз.

7. «Истимдад аруах машаих» (обращение за помощью к душам великих шейхов братства Накшбандийа). Это делается для подавления похоти и вожелений низменной души человека, а также для избавления от наущений шайтана-дьявола.

7 (семь) внутренних принципов и предписаний

1 (8). «Рабита маут» (связь со смертью, то есть размышление о собственной смерти). Это делается для того, чтобы душа преисполнилась смирением и покорностью.

2 (9). «Рабита муршид» (духовная связь с муршидом-наставником). Это делается для успешного движения по Пути [к Богу].

3 (10). «Рабита худур» (постоянное пребывание [присутствие] сердца суфия у Бога). Это делается для достижения полной определенности от всего, кроме Аллаха.

4 (11). «Вукуф калби» (сердечная пауза или остановка сердца). Это делается для отказа от всех связей и отношений, кроме как от отношения с Богом.

5 (12). «Вукуф зикри» (пауза в зикре). Это делается для достижения дружбы, любви и чистосердечия [с Богом].

6 (13). «Вукуф адади» (остановка для исчисления). Делается для различения и исчисления.

7 (14). «Баз кашт» (произнесение молитвы «Илахи энтэ максуди уа ридака матлуби» (Боже мой! Ты — моя цель! Предмет моего желания — Твое довольство мной!)). Это делается для исправления намерения (цели).

15. Влияние зикра (его следствие): сперва сознание наполнится сладостью зикра (восхваления Аллаха).

16. Влияние «рабита» [последствия для суфия от реализации «рабита»]: сперва все тело суфия наполнится сладостью и испытывает наслаждение [от исполнения зикра].

4 (четыре) двери [этапа] к Божественному

17. «Шариат» («прямой, правильный путь»; мусульманский закон; предписания ислама, авторитетно установленные в качестве обязательных для мусульман). Шариат исполняется с целью следования предписаниям Аллаха и отказа от совершения осуждаемых Аллахом поступков. Или, другими словами, шариат следует исполнять, чтобы избежать ада и попасть в рай.

18. «Тарикат» («дорога», «путь», «суфийское братство»). «Тарикат» служит средством следования сунне пророка Мухаммада и борьбы с [плотской] душой и шайтаном. «Тарикат» — это полное подчинение суфия-мурида шейху-муршиду и полная обращенность мурида всем своим существом и помыслами к Аллаху. Или, другими словами, «тарикат» — средство достижения полного совершенства чистоты сердца с помощью веры в Аллаха.

19. «Хакикат» («истина, правда, подлинность»). «Хакикат» — это отрешенность от «дунья», земного мира, и от исходов и результатов [событий этого мира]. Или, другими словами, «хакикат» необходим для полного совершенствования человека и для достижения [божественных] сущностей.

20. «Магрифат» [состояние «халь», в котором пребывает «ариф» (постигший Истину суфий)]. «Магрифат» — отрешенность от отрешенности, отказ от отказа, полный отказ от всего, кроме Всевышнего Аллаха. Или, другими словами, «магрифат» необходим для сердечной чистоты и искренности, совершенства «гирфан» (божественного знания) [которое постигают только совершенные, «просветленные» суфии — «арифы»].

Что касается условий исполнения зикра «нафи» и «исбат» [путем повторения слов «Ла илаха илля Аллаху» — Нет богов, кроме Аллаха], принятых шейхами Халидийа-Накшбандийа — да будут

святы их могилы! — то их 9 (девять), из которых 7 (семь) условий являются общепринятыми и общепризнанными, а 2 (два) условия — спорными.

1. «Вукуф калби» (сердечная пауза) — для [сконцентрированной] обращенности сердца [суфия к Богу].

2. «Хабс нафс» (задержка дыхания) — для отвлечения от посторонних мыслей.

3. «Мулахазату хат» (наблюдение черты) — для контроля над методом исполнения зикра.

4. «Мулахазату накш» (наблюдение или представление образа своего сердца с выбитым на нем именем Бога «Аллах») — для непрерывного повторения слов «Ла илаха илля Аллаху» (Нет богов, кроме Аллаха).

5. «Мулахазату аль-магна» (мысленное представление смысла [слов «Ла илаха илля Аллаху»]) — для единения [с Богом].

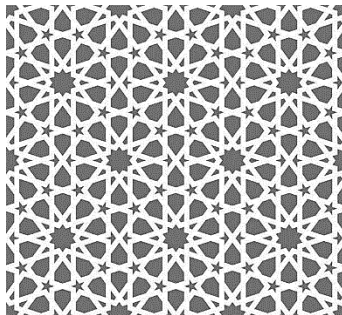
6. Сильный удар по сердцу словами «Ла илаха илля Аллаху!» — для расширения и укрепления сердца, чтобы очистить его от дурных и низменных качеств.

7. «Мулахазату адади аль-уатр» — для различения [для исчисления, чтобы за один промежуток дыхания было произнесено нечетное число зикра].

8. Зикр «Мухаммад расулу Аллахи» (Мухаммад — пророк Аллаха) — для достижения пророческой святости — «вилаят».

9. «Баз кашт» — произнесение молитвы «Илахи энтэ максуди уа ридака матлуби» (Боже мой! Ты — моя цель! Предмет моего желания — Твое довольство мною! — для исправления [совершенствования] намерения...»).

(Источник: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=619>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 9.

Мирадж...

Один из самых сущностных сюжетов, священных Архэ, Ислама.

Для Батин — это лоция Пути, Тариката.

Мы описывали с восторгом и восхищением Архитектуру Центральной Азии: Самарканд, Хива, Бухара, Ташкент...

Эти неповторимые Узоры, похищающие тектонику строений в небеса...

Ключом к ним является всё тот же Мирадж.

Мирадж — это Священная Арка и для внутреннего зодчества Латаиф, Искусства пневматических центров в Тасаввуф.

Ниже, приведём обширную выдержку на данную важнейшую тему. Она взята из мусульманского сайта, потому, пожалуй, это информация из первых рук:

«После возвращения Пророка ﷺ из Таифа, произошло Чудособытие — Ночное Перенесение и Вознесение Мухаммада ﷺ.

Мухаммад ﷺ отправился в путешествие из мечети аль-Харам в Мекке в иерусалимскую мечеть аль-Акса, это ночное путешествие называют аль-Исра. За этим путешествием Посланник ﷺ вознесся на небеса. Вознесение Пророка ﷺ называют Мирадж.

Поистине, аль-Исра валь-Мирадж — это чудо Аллаха, которое он сотворил для Мухаммада ﷺ.

В священном Коране говорится о Мирадже как о событии, при котором Аллах перенес раба Своего ночью из запретной мечети в Мекке в Иерусалим в мечеть аль-Акса, окрестности которой были благословлены реками и плодами, для того, чтобы тот увидел удивительную мощь Всевышнего.

Мирадж Пророка — это великий дар и настоящее чудесное событие в жизни Пророка ﷺ, которым Аллах вознаграждал Своего Любимца за годы проповедования Ислама жителям Мекки, от которых он натерпелся обид, оскорблений и унижений.

События аль-Исра

События Ночи Вознесения аль-Исра валь-Мирадж развивались так. Пророк ﷺ отдыхал в «Аль-Хиджр» — место, между северной стеной Каабы и полукруглой стеной аль-Хатим. К нему снизошел ангел, рассек грудь без боли и крови, достал сердце и омыл в золотом тазе, наполненный верой, потом наполнил его (верой), потом вернул его (на прежнее) место.

После этого к нему подвели длинное белое животное по имени «Бурак», размером меньше, чем лошадь, но крупнее осла. Животное описывается как невероятно быстрое, способное за один скачок преодолевать огромное расстояние. Ангел Джibriль (عليه السلام) велел оседлать Бурака и вместе они отправились в мечеть аль-Акса, расстояние до которой 1200 км.

Пророк Мухаммад ﷺ мчался на Бураке, а звезды освещали его путь в пустыне. Верхом на этом животном Посланник ﷺ доехал до самого Байт-уль-Макдиса, останавливаясь по дороге в Медине для совершения молитвы, а также в местности под названием Мадйан, где растёт дерево пророка Мусы (عليه السلام), и там Мухаммад ﷺ также совершил намаз. Ещё одна остановка по пути была в месте рождения пророка Исы (عليه السلام), сына Марьям, и там Мухаммад ﷺ также совершил два рака'ата. И всякий раз во время остановки Джibriль (عليه السلام) вопрошал, знает ли Мухаммад ﷺ, где он совершает намаз, на что он отвечал, что он не знает, и ангел рассказывал ему, в каком месте они остановились.

По прибытии в иерусалимскую мечеть аль-Акса Мухаммад ﷺ привязал к кольцу, к которому своих животных привязывали все пророки, своего Бурака, после чего вошел в мечеть и в качестве имама вместе со всеми пророками (السلام عليهم) совершил два рака'ата коллективный намаз.

Когда же он вышел из мечети, Джibriль (عليه السلام) подошел к нему и предложил выбрать один из двух сосудов, которые держал в руках: в одном из них было молоко, а в другом — вино. Мухаммад ﷺ выбрал тот, в котором молоко, и ангел сказал, что его выбор соответствует фитре (прирождённому качеству, т. е. религии Ислам), которой он будет придерживаться и его община.

События Мираджа. Вознесения на небеса

Затем Мухаммад ﷺ с ангелом вознесся на первое небо, где спросили Джibriля, кто это с ним и послан ли он. Джibriль назвал Мухаммада ﷺ и ответил, что он уже послан.

И затем врата небесные отворились, и Мухаммад ﷺ увидел Адама (السلام عليه), который приветствовал его и испросил для него благ у Аллаха.

Затем Пророк Мухаммад ﷺ вознесся с ангелом на второе небо, и там ангелу задали те же самые вопросы, и он ответил на них. На каждом из небес происходило так же. На втором небе Пророка ﷺ приветствовал пророк Иса, сын Марьям, и Яхья ибн Закария, на третьем небе — пророк Юсуф, которому была отдана в дар половина мирской красоты, на четвертом небе Пророк увидел Идриса, а на пятом его приветствовал Харун. На шестом небе Пророка Мухаммада ﷺ встретил Муса, а на седьмом небе — Ибрахим (السلام عليهم), прислоненный спиной к Обитаемому Дому (аль-Бейт аль-Ма'мур), куда ежедневно заходит сто тысяч ангелов, уже не возвращаясь к нему никогда.

Пророк ﷺ вознесся к лотосу крайнего предела (сидрат аль-мунтаха) — так была названа местность, являющаяся пределом всего, названная окончанием любого пути, рубеж окончания знания творений. Плоды этого лотоса велики как кувшины Хаджара, местечка близ Медины, листья этого лотоса подобны слоновьим ушам. По словам Джibriля (السلام عليه), у лотоса крайнего предела текут четыре реки: две скрытые (текущие в раю) и две видимые (Евфрат и Нил).

Встреча с Аллахом

По словам самого Пророка ﷺ, Аллах внушил ему «то, что внушил» — Всевышним было предписано пятьдесят намазов в сутки, после чего Пророк ﷺ вернулся к Мусе и рассказал ему об этом. В ответ Муса посоветовал Пророку ﷺ вернуться к Аллаху и попросить облегчить это предписание, ибо сыны Израиля, не вынесли этого, и умма Пророка Мухаммада ﷺ не вынесет этого. Мухаммад ﷺ возвратился к Всевышнему Аллаху и испросил облегчения для своей уммы, и Аллах убавил пять молитв, после чего Пророк ﷺ вновь вернулся к Мусе и сообщил об этом, на что Муса снова посоветовал вернуться и попросить облегчить предписание для

уммы. Так Пророк ﷺ ходил к Всевышнему несколько раз, пока Аллах не ответил, что за каждую из пяти молитв в сутки он вознаграждает десятикратно, а если кто-то задумает совершить благодеяние и не сделает, то за это он запишет одно благодеяние, но если совершит его, то это будет записано за десять. Если же кто-то задумает совершить плохой поступок, но его не сделает, то за ним ничего не будет записано, а если же сделает плохое, то за ним будет записано одно плохое деяние.

Об этом Пророк ﷺ рассказал Мусе, и Муса вновь посоветовал вернуться к Господу и попросить облегчения, на что Мухаммад ﷺ ответил, что возвращался ко Всевышнему до тех пор, пока не почувствовал стыд.

Чудеса аль-Исра валь-Мирадж. Рай и Ад

Ночь Вознесения или аль-Исра валь-Мирадж — это великий почет, который был оказан Всевышним только лишь Пророку Мухаммаду ﷺ: Во время Мираджа Пророка ﷺ ему были показаны чудеса, которые для разума людей непостижимы, а также показаны воздаяния, которые соответствуют деяниям людей. Пророк Мухаммад ﷺ увидел Обитаемый Дом или небесную Аль-Ка'бу, а также Рай, Ад и Арш и еще многое другое.

Мирадж подарил возможность Мухаммаду ﷺ увидеть удивительные вещи: людей, сеющих и собирающих каждый день урожай, так, что им приходилось вновь возвращаться и собирать урожай друг за другом. На вопрос Пророка ﷺ, кто эти люди, Джibriль рассказал, что они воевали на пути Всевышнего, чтобы возвеличить Его слово, и их хорошие деяния увеличивает Аллах до семисот раз, как и то, что они из своего имущества израсходовали, он им в наследство сохраняет.

Дойдя до Египта, почувствовал приятный запах Пророк ﷺ. Оказалось, что это запах зверски убитых Фараоном служанки и ее детей. Взору Пророка ﷺ Мухаммада ﷺ также предстали люди, которые разбивали свои головы о камни, а после оживали — это были те люди, которые намазы ленились совершать. Видел он и таких людей, что были закованы в цепи, издавая все время звуки подобно верблюдам и питаясь дурно пахнущими плодами деревьев Ада, хворостом с колючками, дикими маслинами и камнями: это были те, кто не выплачивал обязательную милостыню.

Потом увидел Пророк ﷺ людей, питавшихся плохим, мерзким и гнилым мясом, хотя рядом с ними было и хорошее. Эти люди

были примером того, как человек, рядом с которым есть дозволенная жена, оставляет ее ради запретной женщины, совершая с ней прелюбодеяние. Увидев человека, купающегося в реке из крови и глотающего камни, Пророк ﷺ узнал от ангела, что это наказание за ростовщичество. Увидев людей, которые имели ногти из железа, которыми царапали себе лица, Мухаммад ﷺ узнал от Джибриля, что это сплетники. Когда же Пророк ﷺ почувствовал доносящийся из одного из ущелий отвратительный запах и ужасающий голос, и тогда Джибриль объяснил ему, что это к Всевышнему взывает голос Ада.

У Мухаммада ﷺ была и возможность увидеть пытки, которые уготованы в Аду для грешников: одну из адových отдушин приоткрыл для Пророка ﷺ повелитель Ада Малик (السَّلام عليه), у которого на лице никогда не бывает улыбки. В этой отдушине увидел Пророк ﷺ, как толпа людей глотает плоды с адского дерева, и узнал, что это те из его уммы, кто из своих богатств не выплачивал закят. Там же он увидел человека, который безуспешно пытался поднять целую кучу дров. Оказалось, что на этом человеке грех присвоения чужого добра, что было оставлено ему для сохранения. Здесь же была и женщина, что родила ребенка своему мужу, который был зачат в греховной связи: Пророк увидел, что эта женщина висит на крюках, которые пронзают ее грудь. Видел Мухаммад ﷺ и тех грешников, что греховны в присвоении имущества сирот — им приходилось глотать раскаленные угли.

Возвращение в Мекку

Следующим после Миладжа или Ночи Вознесения утром Пророк Мухаммад ﷺ рассказал о том, что он видел и где побывал. Эта новость передавалась из уст в уста, и мушрики или многобожники высмеивали его слова, и даже предложили Мухаммаду ﷺ описать аль-Кудс и окрестности его. Пророк ﷺ, побывав там, внимания особого на город не обратил, но Аллах показал его взору вид на Аль-Кудс, в результате чего Пророк ﷺ смог детально описать это место. На язвительный вопрос Абу Джахля ибн Хишама, собирается ли Мухаммад ﷺ рассказывать вновь небылицы, Пророк ﷺ рассказал о своем путешествии, и его слушатели усомнились, возможно ли добраться из Мекки в Иерусалим и назад всего за одну ночь. Абу Джахль Пророку ﷺ не поверил, ведь для того, чтобы преодолеть огромное расстояние между Иеруса-

лимом и Меккой, необходим месяц пути на верблюдах. На это Посланник ﷺ ответил, что по воле Господа ему удалось совершить такое путешествие. Мухаммад ﷺ упомянул, что по дороге он встретил караван, когда возвращался в Мекку, описал его подробно и сказал, что этот караван прибудет на утренней заре в Мекку, и караван действительно в это время прибыл в Мекку.

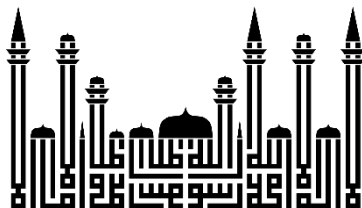
И тогда многобожники, надеясь вызвать сомнения у Абу Бакра о событиях Мираджа, сообщили ему об этом чуде, на что Абу Бакр (عنه الله رضي) сказал, что готов верить Мухаммаду ﷺ и в более невероятных вещах, и за это нарекли Абу Бакра «Сыддиком», за то, что не искал подтверждения сказанному и оправдал Мухаммада ﷺ.

Мусульмане сразу же поверили в события Мираджа, рассказанные Пророком ﷺ, в отличие от его врагов, потому что в душах истинных верующих нет места сомнениям в истинности того, о чем им поведал Посланник Божий. Однако достоверно известно, что некоторые слабой верой мусульмане отреклись от религии. Можно сказать, что случилось это событие, чтобы успокоить и проявить сострадание Посланнику Аллаха ﷺ, испытать неверующих, которые стали еще больше упорствовать, и слабых верой мусульман, вера которых содрогнулась и они отреклись от веры, так и не возвратившись к ней обратно и впоследствии были убиты (при Бадре).

До того, как совершить путешествие в ночь аль-Исра валь-Мирадж, Мухаммад ﷺ совершал утром и вечером по два рака'ата, но после Ночи Вознесения Джibriль (السلام عليه) научил его намазу и тому времени, когда его следует совершать, так, как это сегодня мы знаем».

(Источник: <https://medinaschool.org/library/creed/prorok-muhammad/miradzh-proroka>).

Интересно и то, что опус Намаза, одного из Пяти Столпов Веры, также связан с Мираджем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10.

... описывая пневматику и Гнозис Самарканда, мы не раз обращались к Амиру Тимуру.

Если попробовать вывести некую Триаду самых сущностных Военачальников, ещё и принимавших личное участие в боях, то яркими светилами проявятся Александр Македонский, Чингизхан и Амир Тимур.

По некоторым данным Амир Тимур принял участие в около тысячи сражений, практически все они принесли победу данному Великому Воину.

Как уже описывалось, Амир Тимур находился в отношениях Ученик—Учитель с несколькими выдающимися Суфиями. Более того, он похоронен в ногах своего Коренного Учителя.

Тем интереснее прикоснуться к наследию Амира Тимура, ниже, некое эссенциальное извлечение из его Автобиографии:

«Во имя Бога, милостивого, милосердного.

Да будет ведомо всем счастливым детям, могущественным родственникам, почетным приближенным и визирям, что Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем народа, возложить на голову мою венец царский и утвердить меня на престол. Всеми этими милостями я обязан присущим мне двенадцати нравственным качествам.

1. Первым таким качеством я считаю беспристрастие. Я ко всем относился одинаково строго и справедливо, не делая никакого различия и не выказывая предпочтения богатому перед бедным.

2. Я всегда строго хранил заветы веры и относился с подобающим уважением к людям, возвеличенным силою Божией.

3. Я щедро раздавал милостыню бедным и терпеливо разбирал каждое дело, прилагая все усилия к тому, чтобы разобрать его как можно лучше.

4. Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращавшихся ко мне по разным случаям. Текст Корана, смысл которого, что слуги Божьи должны исполнять одни лишь Его повеления и от Него принимать милости, был мною усвоен, и во всех делах своих я им руководствовался.

5. Дела, относящимся к вопросам веры, я отдавал всегда предпочтение пред делами житейскими, мирскими, и только исполнив в точности всё, что требует от человека религия, что надлежит Богу, я принимался за исполнение дел житейских.

6. Я всегда был правдив в своих речах и умел отличать правду в том, что мне удавалось слышать о настоящей и будущей жизни. Между прочим, я слышал рассказ, что когда Всевышний сотворил первого человека — Адама, ангелы сетовали на Бога за Его первое творение, скорбя, что это дело всемогущего Бога не будет иметь благих последствий. Ангелы высказали Богу уверенность, что созданный Им человек, без всякого сомнения, будет обманывать себе подобных, не будет исполнять данных другим обещаний, будет совершать убийства и, вообще, своей несправедливой жизнью заставит своего Творца раскаяться в том, что человека создал. Бог ответил Ангелам, что случаи проявления людской злобы Им предусмотрены и что, сотворив род человеческий, Он имеет в виду ниспослать на землю меч, который воздаст должное преступным людям за их злые деяния. Обдумав содержание этого рассказа, я пришел к заключению, что Бог подразумевал под этим карающим неправду мечом правителей созданного Им человечества, и прилагал все усилия, чтобы поступать во всем справедливо и правильно судить обо всем, что встречалось в моей жизни.

7. Я никогда не давал такого обещания, которого не в состоянии был бы исполнить. Исполняя в точности данные мною обещания, я никому не причинял вреда своей несправедливостью.

8. Себя я считал первым, усерднейшим слугою Бога на земле и без повеления Бога, или пророка, не предпринимал ничего. Без воли Божьей я не причинял вреда ни одному из населявших землю народов. Лицам высокопоставленным и простому народу

я одинаково желал сделать добро. Во мне не было никогда желания завладеть чьим-либо имуществом, и я никогда не заботился о том, чтобы скопить побольше материальных богатств. Никогда я не чувствовал зависти к кому-либо. В этом отношении для меня был крайне поучителен пример амира Хусайна, причиной падения которого была жадность, проявленная им по отношению к имуществу своих подданных.

9. Я придавал одинаковую веру и старался в точности исполнить как повеления Божьи, так и откровения Пророка. Во всех поступках своих я руководствовался исключительно указаниями Шариата и всеми силами уклонялся от дурных дел. Пророка и его последователей я почитал своими единственными и лучшими друзьями.

10. Я высоко поднял на земле знамя Ислама и в распространении веры видел всегда могучий залог собственного моего величия. Я слышал, что вера и величие как бы рождены из одного чрева и потому только то могущество прочно, которое зиждется на твердой вере.

11. Я всегда относился с должным уважением к сайдам, почитал улемов и шейхов. Эти лица всегда участвовали в моем совете и всё, что ими указывалось по делам веры, я всегда выслушивал со вниманием и исполнял в точности. За это народ меня очень любил и все были мне признательны. В отношениях своих к упомянутым лицам, я руководствовался примером царя Константина; этот благочестивый правитель однажды собрал войско, чтобы идти войной на царя Рай. Двигаясь с войском к стране последнего, Константин вдруг узнаёт, что в совете царя Рай заседают сайды, улемы и шейхи. Узнав это, Константин отказался от мысли покорить царство Рай и поспешил возвратиться назад со своим войском. Своим приближенным и военачальникам царь объяснил свое решение тем, что в книге Самауви говорится о важности присутствия в совете царском почетных лиц духовного звания. «Если в совете царя заседают духовные лица, сказано там, то никто не в состоянии одолеть такого царя». Константин написал султану Рай, что правление его подобно правлению царя царей, а потому он раздумал идти воевать с царем, которого не может победить.

12. Своим милостивым вниманием я снискал признательность людей даже самого низкого общественного положения — юродивых, не имеющих определенного пристанища. Я всеми силами старался улучшить положение этих людей. К мусульманам я был снисходителен, за каждую маловажную провинность не взыскивал слишком строго. К потомкам пророка я всегда относился с подобающим уважением. Я избегал выслушивать людей, говорящих неправду. Я слышал, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим подданным, и в Коране сказано, что, пролив вину одному виновному, правитель тем самым оказывает милость всем людям. Примером таких милостивых царей я и руководствовался во всех своих действиях. Я слышал, что если Бог возвеличит кого-либо и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Вследствие этого, чтобы поддержать свое могущество, я взял в одну руку свечу справедливости, а в другую — свечу беспристрастия и этими двумя светочами освещал всегда свой жизненный путь, т. е. правилами этими руководился во всех своих поступках. Я выбрал себе четырех министров, проникнутых теми же идеями; назову из них Махмуд Шахаба Хорассанского и Насреддин Махмуда-уль-Арамыра. Этим министрам я повелел неусыпно следить за мной и останавливать меня каждый раз, как я вздумаю поступить несправедливо, поверю чьим-либо ложным словам или захочу воспользоваться чьим-либо чужим имуществом. Я слышал, что Бог, возвеличивая какого-нибудь человека, оказывает ему тем самым великую милость, и такое благоволение Творца обязывает возвеличенного человека в свою очередь быть справедливым и милостивым. Сидя на престоле, я постоянно помнил об этом и вполне усвоил себе эти качества.

Сильное войско мое, расположившись у Эрзрума заняло всю степь, окружающую этот город; взглянул я на войска свои и подумал; ведь вот я один и, кажется, не обладаю никакой особенно силой, а всё это войско и каждый воин в отдельности — все безусловно повинуются моей воле. Стоит мне отдать какое-либо приказание и оно будет в точности исполнено. Размышляя таким образом, я возблагодарил Создателя, так возвеличившего меня среди своих рабов, и спросил у мудрых высших духовных лиц, в чем заключается причина повиновения всей этой массы людей моей воле. Улемы объяснили мое влияние тем, что меня осенило

величие Божье, и потому я силен силою и волею Божьей. Они привели текст Корана, в котором сказано, что если правитель во всех своих действиях будет руководствоваться справедливостью, то все подданные его будут ему повиноваться беспрекословно, а враги его будут трепетать пред ним. При этом преданность такому царю его подданных объясняется тем, что нет никакой причины не быть признательным и послушным такому правителю.

Когда мне исполнился 21 год, я задумал отправиться в путешествие. Прежде всего я обратился за напутственным благословением к шейху Заинуддину-Абубекру Тайбадскому. Этот старец, благословляя меня на задуманное мною дело, препоясал меня поясом, дал мне шапку и вручил коралловое кольцо с надписью: «рости-расти», что означает: если будешь справедлив, то во всём встретишь удачу. Шейх пожелал мне всякого успеха в делах и между прочим рассказал, что из бывшего ему откровения он узнал, что на земле есть один человек, который во всём меня поддерживает называя наибо́м пророка, что теперь я не могу увидеть этого человека, но когда-нибудь он сам посмотрит на меня счастливым взглядом...

Оба мы совершили омовение, и затем Сайд Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру. Я усердно молился, и молитва доставила мне большое наслаждение. Помолившись, кутб сказал мне: «Ты Божий гость и потому, во имя гостеприимства, Бог готов исполнить всё, о чем ты его теперь попросишь». Я стал просить утверждения в вере (иман). Тогда мой бывший конюх сказал: «Вера принадлежит пророку; вера есть город, вне которого некоторые произносят: „нет божества, кроме Аллаха“; другие, внутри его, говорят, что кроме Аллаха, нет божества; имя того города „Баб-ул-абваб“, там жилище произносящего счастливые слова: „Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Бога“».

После этого конюх снова начал класть поклоны, и я последовал его примеру. Когда я поднял голову после поклона, я заметил, что кутб уже умер.

В отчаянии, я возвратился к шейху, которого оставил, и рассказал ему подробно всё, что случилось со мною с того времени, как мы расстались.

Шейх сказал мне: «Владычество принадлежит одному кутбу, наместнику Бога, который, по приказанию кутба кутбов, оказывает помощь султану; к последнему, по смерти кутба, переходит

вся власть. Власть Кайсара поддерживал один человек Божий, этот народ исчез и власть его перешла к тебе».

Эти слова почтенного старца навели меня на мысль, что мое могущество и слава дошли тоже до высшей точки, но я надеялся, что на мое место встанет какой-нибудь справедливый царь. Чтобы сделать богоугодное дело, я отпустил на волю 4000 пленных «руми» и защитил Туран от набегов узбеков. Мне удалось прекратить в этой стране грабежи, и я овладел страной Мавераннахр. За мое благополучие стали молиться во всех мечетях имамы, стоящие на возвышениях (минбар), за меня стали возносить к Богу молитвы потомки пророка и высшие духовные лица.

Однако нашелся недовольный таким отношением ко мне народ. Хазрет Убайдулла, самый знаменитый из высших духовных лиц, громко высказал: «Тимур — кровожадный турок; он убил много народа; за него молиться нельзя».

Вскоре после выраженного таким образом протеста против молитв за меня, Убайдулла в одну ночь видит во сне самого пророка и рядом с ним, меня сидящим. Убайдулла трижды почтительно поклонился пророку, но тот не обратил на него никакого внимания и даже не счел нужным ответить на обращенное к нему приветствие. Огорченный таким обращением, Убайдулла, обратился к пророку с речью: «О, пророк Божий! я служитель твоего шариата, Тимур — кровопийца, истребивший много людей, между тем ты его принимаешь, а меня отвергаешь». Пророк, выслушав Убайдулла, возразил ему, что хотя, действительно, по моей воле гибнет много людей, но этот грех свой я вполне искупаю своим почтительным вниманием к потомству пророка на земле и потому, без всякого сомнения, за такого правителя народ должен молиться.

Услышав такое мнение самого пророка, Убайдулла проснулся и поспешил ко мне, чтобы выпросить прощение за причиненную мне, по неведению, неприятность. Всё это быстро узнал весь народ, и все убедились, что за меня молиться следует. Подданные мои сказали: «Да поможет ему Бог» и поняли, что я действительно пользуюсь особенной милостью Божьей.

Убедившись, что Пророк милостиво не отказывает мне в своей помощи, я стал еще с большим уважением относиться к его потомству.

Одной из милостей Божьих было то, что в 1398 г. я с 400000 конницы двинулся к г. Эрзруму. Двигаясь по направлению к этому городу, вместе со своим войском, я внимательно наблюдал за

тем, что делается по сторонам дороги, по которой мы шли. Я скоро заметил, что со стороны Ирака к нам приближается большая толпа народа. Через час воины, охранявшие движение моей армии, донесли мне, что со стороны Ирака видна еще толпа арабов. Прошел еще час, и я получил новые сведения, что к моему войску прибыла большая толпа бедуинов и саидов из Кербеллы и Педжефа. Всеми этими людьми предводительствовал сайд Паттах, а пред ним несли белое знамя.

Я очень обрадовался прибытию такого подкрепления и решил, что, вероятно, люди эти прибыли ко мне на помощь по воле Божьей. Сайд Паттах, приблизившись ко мне, сказал: «Во сне мне явился четвертый халиф, Али, и приказал мне: доставь белое знамя брату моему Тимуру. Жители Неджефа, в свою очередь, сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь, при осуществлении задуманного мною дела, как средство к исполнению моего желания овладеть Эрзрумом. Услышав всё это, я пал ниц, благодаря Бога за помощь, и приказал записать это событие в историю моих подвигов. В то же время ученые, находившиеся в моей свите, нашли в Коране изречение, указывающее, что в том году Рум должен пасть; в то время прибыл Инга-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово «победа» за хорошее предзнаменование и вручил ему белое знамя. Он бросил взгляд на белое знамя и начал битву.

Бог и в других случаях, кроме приведенного, неоднократно помогал мне; так, когда я собирался в поход к столице Рума, я пожелал узнать наперед, суждено ли осуществиться моему намерению. Для этого я отправился на могилу святого шейха Ясави и просил погадать мне. При посредстве гадания я узнал, что если во время войны я буду находиться в затруднительном положении, то мне стоит только прочесть нижеприведенное четверостишие и успех дела будет вне всякого сомнения. Стихи, которые должны были оказать мне такую помощь в трудную минуту, следующие:

«Ты, который по своему желанию волен темную ночь обратить в день.

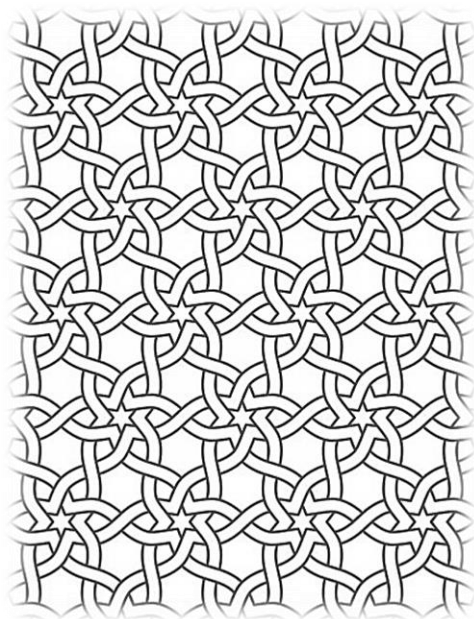
Ты, который можешь превратить всю землю в благоуханный цветник.

Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне, и сделай его легким.

Ты, который делаешь легким всё затруднительное».

Я твердо запомнил эти стихи, и во время боя с Кайсаром 70 раз прочитал их про себя и одержал победу».

(Источник: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=504>, на этом ресурсе Вы сможете найти полный текст).

ПРИЛОЖЕНИЕ 11.

Трудно переоценить для Пилигрима, особенно в контексте контакта с наследием Батин, Фигуру Хызра.

О Хызре:

«В восточных сказках, в персидской и арабской прозе Пророк Хызр — любимый персонаж. Он появляется в образе старика в зеленых или белых одеждах, улыбчивый и спокойный, — именно тогда, когда путнику больше всего необходима помощь.

У него всегда есть мудрый совет, или волшебный предмет, который он дарит тому, кто отчаялся.

И с этим советом или предметом герой обязательно побеждает зло и выходит победителем из сложной ситуации.

Ученые не пришли к единому мнению об истоках происхождения легенды о Хызре, он похож и на Илию, и на Георгия, и еще на множество легендарных личностей в разных эпосах и культурах — Божьих Слугах, бессмертных, и приходящих на помощь в самый отчаянный момент.

Вечно живущий Чудотворец может прийти в любой момент, поэтому на Востоке так сильно развито чувство гостеприимства.

Хазрат может прийти в любом облике, и очень важно оказать гостю почет. Это перекликается и с евангелическим: когда Христос говорил — «Я пришел к тебе, а ты не накормил Меня».

Считается, что у Пророка нет фаланги большого пальца, поэтому на востоке принято жать руку собеседника двумя руками, чтобы узнать Хазрата. А вдруг?».

(Источник: <https://dolorestravel.com/ru/blog/news-khazrat-khizr>).

Ещё о Хызре:

«Отождествлялся со многими персонажами:

- с Александром Македонским, который играет значительную роль в эпосе персов под именем *Искандера* (например в «Шахнаме», «Книге царей» поэта Фирдоуси, изложившего в стихах эпические сказания древней Персии);
- с неким современником персидского царя Феридуна, прославившегося изгнанием арабов из Ирана;
- исламский праведник по имени Хидр;
- с христианским святым Георгием Победоносцем.

(...)

Поступки Хидра

1. Попытка пробить молотком дно лодки в открытом море, где он находился вместе с Мусой.
2. Убийство маленького мальчика.
3. Бесплатная строительная работа в городе бессердечных людей.

Толкование этих поступков

1. Хизир испортил лодку, чтоб её не забрал деспот: «Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, труженикам моря. Я хотел (временно) испортить его, поскольку (владельцам корабля) угрожал царь, силой отбиравший все суда» (18 Сура «Аль-Кахф», 79).

2. Хизир убил мальчика, из которого в будущем мог бы вырасти величайший деспот и садист: «Что же касается мальчика, то его отец и мать были верующими, и мы остерегались, что им повредит (перед Богом) его ослушание и неверие. И мы хотели, чтобы Господь взамен этого (ребенка) даровал им сына, который был бы чище (душой) и милосерднее» (18 Сура «Аль-Кахф», 80-81).

3. Хизир починил стену, под которой лежал клад. Если бы стена обрушилась, то клад бы достался нечестивцам, а так он сохранил клад для сирот того дома: «Что же касается стены, то она была собственностью двух мальчиков-сирот из того города. Под стеной был зарыт клад, принадлежавший им (по наследству). Отец их был праведным мужем, и твой Господь пожелал, чтобы они извлекли клад по милости Господа твоего,

достигнув совершеннолетия. Я поступал не по своему усмотрению. Вот толкование тех поступков, с которыми ты не мог смириться терпеливо» (18 Сура «Аль-Кахф», 82).

Уроки Хидра

Хизир научил Мусу терпеть и не гневаться, не осуждать людей за те вещи и действия, смысла которых он не знает. Возможно, у людей есть веские основания для их действий. Быть может, они руководствуются добрыми намерениями и не желают причинять зло.

- Не следует быть самодовольным и считать, что всё знаешь и что нет никого, кто знал бы больше тебя и был бы более сведущ. Только Один Аллах знает всё на свете. Аллах делает для людей много полезных вещей. Однако они никогда не задумываются, а зачем Аллах делает это для них, поскольку им неизвестна суть этих вещей. Они могут счесть это чем-то вредным, но в своей сути эти вещи оказываются полезными. Вспомним, например, дыру в лодке, убийство нечестивого мальчика.

- Человек должен делать добро, даже если он за это ничего не получит, так как это добро приносит пользу другим добрым людям. Так, например, Хизир починил стену, которая едва не обрушилась, даже не взяв за это плату.

(Источник: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Хидр>).

Алишер Навои связывает Хызра с Опусом Александра Македонского, Хызр одет в Зелёную одежду.

Возможно, здесь имеет место намёк на связь Гермеса и Хызра...

Мы уже упоминали, что одной из Эссенций Каппадокии является Святой Георгий, к тому же — Покровитель Рыцарства.

Вот цитата, указывающая на связь Святого Георгия с Хызром (и с Гермесом):

«В круге ближневосточных культур образ св. Георгия слился с образами аналогичных и более древних персонажей-мучеников. Ареал этих культур очаг древнейшего земледелия. Здесь некогда зародилась идея, олицетворяющая страдания человека захороненным, а потом проросшим зерном. Эта идея проявила удивительную устойчивость и прошла сквозь века. Образ Св. Георгия разными нитями связан с названной идеей. Одна из них персонаж по имени Хадир, Хазир, или Хидр (буквально по-арабски «Зеленый»). В мусульманских странах очень популярно верование в этого святого, отличительная черта которого бессмертие. Он ходит в зеленых одеждах. Он покровительствует растительному миру. Он также связан с водой. Поэтому он оберегает путешествующих по морю и к его имени взывают о помощи тонущие. В мусульманской Индии он стал божеством рек и колодцев. В Средней Азии Хазрати Хызр воспринимается как популярный в народе святой, иногда делающийся видимым людям и совершающий всякие благодеяния. У курдов, расселенных в ближневосточных странах от Турции до Туркмении, перед Наурузом (весенним Новым годом) устраивается праздник в честь святого Хыдырнебе. Он покровительствует растительному и животному миру. Ученые этот образ идентифицируют с Георгием Победоносцем. Имя Хадира обычно произносят вместе с именем другого мусульманского бессмертного Илийасом. В Турции это как бы один святой Хадыр-Ильяс. Работая в Абхазии я установил народный праздник Хдырлаз. Это день в апреле, когда людям не положено беспокоить растительность (вся земля отдыхает). Спустя только некоторое время я установил, что это и есть Хадыр-Ильяс.

В науке считается, что образ Хадира восходит к безымянному «рабу Аллаха», который учил мудрости и терпению странника Мусу. В мусульманском мире образ безымянного, но справедливого и мудрого раба Аллаха несет большую нравственную силу. Эти черты стали ассоциироваться с образом суфийского учителя XII века Абд-ал-Кадир ал-Гилани. Это основатель кадирийского суфийского ордена, прозванный «Розой Багдада». Орден кадирийцев чрезвычайно распространен в современной Чечне. Его члены исполняют танец — зикр («помятие Бога»). Распространению этого ордена в Чечне в прошлом веке в эпоху Шамиля способствовала деятельность выдающегося чеченского вероучителя Кунта-Хаджи Кишиева. Его почитатели до сих пор считают, что он не умер, что он появляется в трудную минуту для того,

чтобы выручить человека. Этот святой тоже воспринял черты зеленого старца Хадира.

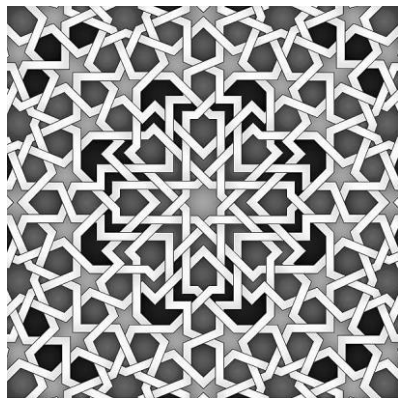
Победа над собственной смертью — вот что, пожалуй, захватывало первоначально воображение почитателей св. Георгия. По мусульманской легенде Георгий, называемый здесь Джирджис, три раза умирает и оживает при пытках. В византийской легенде он устрашает врагов, даже будучи лишен головы: известна икона, где он изображен стоящим с собственной головой в руках. В славянских странах Георгий становится божеством весны: у хорватов это Зеленый Юрай, у восточных славян Егорий-Храбрый, почитаемый в народе как покровитель весенних земледельческих работ и первого выгона скота на пастбища. Несомненно, что у славян образ Георгия контаминировался с образами весенних божеств Герилой и Яровитом. Отсюда возникла форма его имени Юра, Юрий, Еры (у белорусов). Егорий стал у крестьян «загонщиком скота», охранителем его от волков.

23 апреля в Восточной Европе, на Кавказе и на Ближнем Востоке это важная дата в цикле сельскохозяйственных работ и праздников. Это прежде всего выгон на пастбища скота, что сопровождалось особым праздником, с принесением в жертву первого весеннего ягненка. Егорий охраняет скот от волков, они сами становятся его псами. Он охраняет также людей и животных от змей, так как в одной из древних легенд он победил змея. Колоритные были восточнославянские весенние праздники окликания, посвященные Георгию. Егорьевский цикл составляют особые песни. Вот Костромской вариант: «Мы вокруг поля ходили, Егория окликали... Егорий, ты наш храбрый... Ты спаси нашу скотину в поле и за полем, в лесу и за лесом, под светлым месяцем, под красным солнышком, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого».

Мы подошли, может быть, к главному обстоятельству легенды о Георгии Победоносце. В христианских вариантах (апокрифические жития) деяния св. Георгия приурочены к IV веку, только вместо римского императора Диоклетиана в греческом тексте жития появляется персидский царь Дадиан. Этот греческий текст лег в основу арабского варианта, немецких и французских поэм и русского духовного стиха о Георгии Храбром. По этой легенде в некоем

языческом городе где-то на Ближнем Востоке, скорее всего в Ливане, объявилось чудовище-дракон, он поселился на болоте, от жителей города он требовал регулярных жертвоприношений — юношей и девушек. Их выбирали по жребию и в конце концов дело дошло до дочери правителя города. Как раз в тот момент, когда девушка получила свой ужасный жребий, мимо этого города проезжал Георгий на коне. Он повел коня к воде, чтобы его напоить. На берегу он увидел обреченную девушку и змея-людоеда. Силой своей молитвы Георгий укротил дракона. А девушка отправилась домой, ведя чудовище на поводке. Пораженные жители высказали пожелание перейти в христианство. В конце концов Георгий сражает голову змея, а деву отдает ее отцу. Чудо св. Георгия о змее и девице случилось 26 ноября (старого стиля). Этот день праздновался как осенний Юрьев день».

(Источник публикации: История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября», № 25, июнь 1999, стр. 10—12; Я. В. Чеснов — «Чудо святого Георгия, древние легенды и московский герб»; <https://iphras.ru/page27605366.htm>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 12.

Некоторые формы осознания истинности и наоборот, лжи, в духовном Опусе, могут быть связаны с некими магистральными потоками жизни человека и отношением к их сюжетам в контексте той или иной системы ценностей.

Одним из таких вопросов является отношение к деторождению.

Итак: некие условные крайности.

Иудаизм: для еврея иметь детей обязательно. Это — часть религиозного опуса. Связано с их учением о перевоплощениях (Гилгул) и тем, что иудей обязан предоставить новые тела (родить и вырастить детей) для возможности дальнейшего совершенствования и исправления еврейских душ.

Кто отказался родить и вырастить детей, в определённом смысле, преступник, так как предал дело Израиля в деле исправления и очищения.

Ультра-Гностицизм. Материя — зло. Все живут в Злой Демииургии. Приводить сюда детей — преступление, так как все новые души обрекаются на страдания в материальном мире. Потому, благо, полностью отказаться от деторождения.

Иногда, даже, этой мотивацией оправдывают содомию: мол, всё, что противоестественно, то против злого бога, создавшего плохой мир. Потому, по их логике, содомия — благо. Кроме того, нет риска зачать детей.

Быт: сенсуальное техно-язычество. Ребёнок — способ отвлечься от себя. Кровно-родственный эгоизм: отсюда — коррупция и идея жить за счёт других (паразитирование, правота своих и тому подобное). Ребёнок — находится в цепи Предки-Потомки. Живущий, должен Предкам и обязан Потомкам. Он распыляет своё эго и гордыню в прошлое и будущее, снимая с себя ответственность и убивая осознанную жизнь через её растаскивание по телу Рода.

В этом суть Кибелианства: воспроизведение дурного количества ради него самого.

Наоборот: потребитель-эгоист отказывается от деторождения, чтобы больше сэкономить на себя самого различного ресурса. Больше удовлетворить свои капризы и не нести ответственности за слабое зависимое существо.

Христианство: есть различные модели. Для мирян хорошо иметь детей, но это не ультимативно (как в Иудаизме); монашество — форма бытия вне деторождения и Рода.

Буддизм.

Различные формулы. Есть варианты семейной жизни и детей; есть монашество. Суть: быть свободным от привязанности и от избирательного кумирствования своего ребёнка. При этом — проявлять осознанное сочувствие ко всем живым существам, без каких-либо приоритетов.

Итак.

Всё, описанное выше, представляет собою некое утрирование. Однако, такая операция даёт точки отсчета для более ясного осознания.

Вечный Сентябрь, ряд тезисов в связи с вышеописанным:

- свобода делать и не делать: человек сам решает, уместно ли в его ситуации иметь детей;
- освобождение от Кровоно-Родственного эгоизма: обязательное условие духовного пути и правильного сочувствия; дети не должны стать кумирами;
- освобождение от долгов: ты ничего не должен Предкам, ты ничего не должен Потомкам; если ты решаешь что-либо кому-либо сделать, то это — свободный и радостный дар без ожидания ответа;
- Злая Демиургия — это ряд функций эго самого человека, его гордыня, иллюзии, неведение и страсти;
- материи нет вообще, потому она не может быть проклята; материя — застывший Свет; однако, материалист по воззрению — сам проклял себя, создав себе тюрьму из страха;

- любые формы содомии — безусловное зло и духовное преступление, содомит не способен к Освобождающему Опусу; оправданий этому нет и не может быть;
- иметь детей или не иметь детей: всё есть яд и всё есть лекарство — зависит от дозы, ситуации, человека и специфики Линии Передачи, а также — особенностей Опуса;
- любая идея подразумевает не гордое проклятье точки, но — сочувственное пространство троеточия; многие (но не любые) решения и идеи правильности могут быть пересмотрены;
- мир интернета и электроники, скорее всего, отнимет ваших детей и будет деформировать их душу и разум, вам оставив лишь выращивание оных (однако, вполне возможны исключения в общем потоке);
- деторождение — исключительно ответственный акт, так как он (как и убийство) необратим: родить обратно нельзя;
- деторождение «как все» преступно и глупо, «случайное» — глупо и безответственно;
- люди, не могущие по болезни иметь детей, не должны чувствовать себя ущербными;
- если уж завёл детей, постарайся сделать их счастливыми (для этого нужны папа и мама и мир в семье);
- если завёл детей, не приватизируй их судьбу; они — не продолжение твоего эго, твоих хотелок и не ресурс для обеспеченной старости, они — не лекарство от твоего страха Смерти;
- если решил не иметь детей, не чувствуй вины: это твоё решение, твоя судьба и никто тебе не судья; люди разные — некоторые вполне могут быть не-родителями в своей сути и, тем не менее, это не значит, что такие люди эгоисты;
- нельзя заводить ребёнка по сценарию «как все», для развлечения, от нечего делать или чтобы состояться «как мать» и т. п.;
- в Вечном Сентябре деторождение не есть обязанностью, не есть рекомендацией, нет и запрета на него;

деторождение или отказ от него — вопрос осознанности в искусстве адекватно видеть обстоятельства времени и пространства и особенности своего Опуса постижения Истины;

- ребёнок такой же человек, как и остальные; более слабый, более ранимый, но и более насыщенный жизненностью; нет смысла потакать детям, неправильно и строго и черство к ним относиться;
- ...

Из описанного выше понятно, что Вечный Сентябрь свободен от крайностей в вопросе деторождения.

Во всём хороша мера.

Каждому — своё.

Благородный на Пути сам способен определить аспекты и правильности оного.

Однако: он может и ошибиться.

Ошибки можно исправлять.

Не все ошибки получится исправить.

Не стоит множить страдание и зло.

Но можно щедро умножать радость.

Вопрос деторождения — не есть Краеугольный Камень.

Краеугольный Камень — вопрос обретения правильного Андрогината в Опусе Любви Мужчины и Женщины. Именно в этом её смысл.

В Эликсире...

Поскольку, подавляющее число людей, к сожалению, являются рабами в концлагере Великой Матери и потому способны, в основном, только к количественным параметрам, постольку, вот симметричное введение в «Драгоценный Круг» Вечного Сентября:

«ТРАКТАТ СЕМЬ ПОКЛОНОВ.

Первый Поклон — Истине.

Второй — настоящему Учителю, ибо он дарует главное рождение.

Третий — Братьям и Сёстрам на Пути, живым и ушедшим, всем тем, кто шёл и идёт к Истине, без каких-либо ограничений.

Четвёртый: Жене (для женщины — Мужу), ибо с ней совершается великое таинство Эликсира, которое и есть Смысл Любви.

Пятый — Родителям и детям. Всем людям. Всем тем, кто добросердечен и кто способен к договорам.

Шестой — всем живым существам. Ибо — это и есть жизнь и все стремятся в сути своей к радости и Всеполноте Истины.

Седьмой — Истине.

Ибо всё начинается с Неё. Завершается Ею. Пребывает в Ней. Ею пронизано...

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ».

Примечания:

а) Учитель (Второй Поклон) — это и живой Человек, открывший Путь Немирского и, в Ритуале Тройной Чаши, а также, в Воззвании Пилигрима, — Четыре Корня Передачи;

б) Пятый Поклон: добросердечие и способность договариваться связаны; кто сие может — тот и человек; нарушающий благородные Договора — нелюдь.

в) «Истина», если Ваше Сердце так чувствует, можете заменить словом «Бог»...

г) с точки зрения Изумрудной Розы, в этом Трактате чётко определены иерархические круги более и менее сущностного; однако, в Воззрении Чёрной Розы — всё равно пронизано Единой Истиной; Золотая Роза греет сердце добросердечием и любовью, Сапфировая — обучает Пространству и снимает приторность

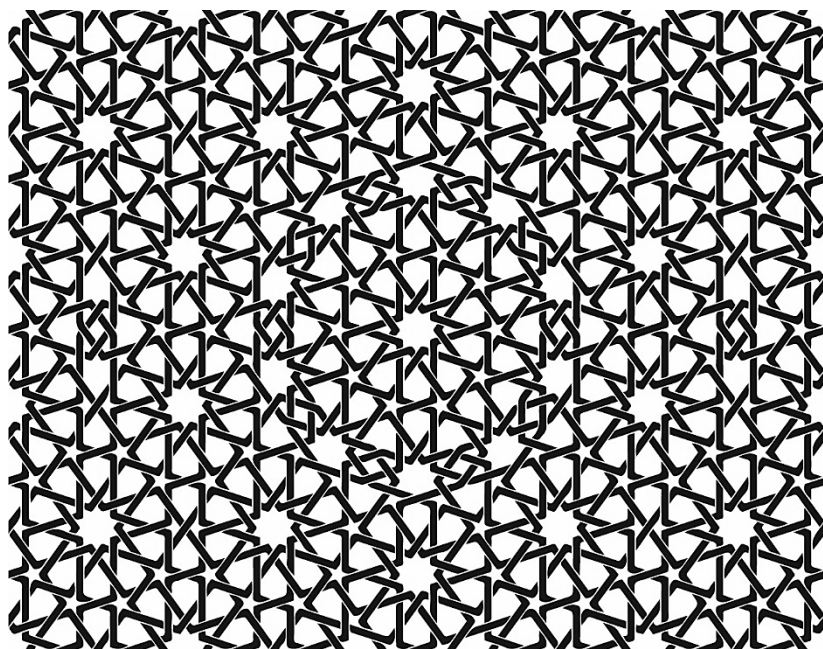
привязанностей; в сочетании и равновесии этих Четырёх только и возможно истинное постижение данного Трактата.

ИСТИНА.
СВОБОДА.
БЛАЖЕНСТВО.

NNDNN
SNTDG

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

PURIS OMNIA PURA

ПРИЛОЖЕНИЕ 13. ГОТИКА-1.

... вот уже вторая книга Вечного Сентября, описывает миры Зодчества и Опуса за пределами ойкумены Готических Храмов.

Родных Готических Храмов.

Это нехорошо.

Готика и Романика — наше всё, потому как, в них — Наша Европа Девственного Снега.

Ниже, мы приведём ряд цитат из некоторых статей, посвящённых этому великому Зодчеству.

В таких /.../ скобах будут даны наши комментарии и намёки.

Итак, первый каскад цитат:

«В XI веке существовал цех мастеров-каменщиков, куда входили совершенно гениальные художники-архитекторы, которые предпочли остаться в тени. Стать Мастером можно было только при одном условии — сдать экзамен на звание Мастера. Для того, чтобы его сдать, требовался необыкновенно высокий уровень подготовки и, безусловно, талант. Мастер сдавал экзамен на шедевр. А шедевр — это то, что никто ни до тебя, ни после тебя создать не может.

Все соборы имеют один и тот же план — вытянутый прямоугольник. Внутри собор имеет трёхчастное деление. Это наглядно продемонстрировано в соборе Парижской Богородицы и Реймском Соборе. Нижняя часть называется «корабль», средняя — «трансепт», а верхняя — алтарная часть. Сущность готической конструкции заключается «в соединении стрельчатого свода с системой подпорок. Эта система ведёт к тому, что всё сводчатое покрытие покоится только лишь на столбах, стены не поддерживают тяжесть, так как боковое давление свода «корабля» переносится на контрфорсы» /так начинает доминировать Стихия Воздуха/.

Трансепт, иногда его ещё называют «розой», — это метафизическое место встречи Бога и человека /точнее: точка кипения Андрогинной Пневмы, место Священного Брака, Чаша Грааля.../. Самая главная точка этой встречи называется «пуповина трансепта». Именно над этой точкой возводился купол /чаще, для Готики, характерен не купол, это вообще не её форма/. Раньше в

этой части размещались исповедальни. Именно здесь человек очищался от грехов, и все его промахи выходили через эту точку пуповины.

Центральная часть собора имеет вид креста. Эта часть проецируется на «корабль», а «роза» проецируется на центр креста. Здесь образуется соединение Креста и Розы. Средокрестие — связка души и тела, мужского и женского начала. А мужское и женское в гармонии противоположностей открывают портал к духу. Мф 19:5-6: «И будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть и будет им царствие божие».

Идея любого готического собора — это идея Розенкрейцерства или рыцарского символа. Внутри собора выражалась определённая мысль — изображение розы — путь женского начала; роза, пересечённая с крестом, — символ мужского и женского соискания. Каменщики, которые строили готические соборы, определённо знали смысловой контекст данной символики. Вероятно, они входили в систему семантики розенкрейцерства.

Все готические соборы несут в себе глубочайший смысл. Каждый собор имел подле себя университет (но не в классическом современном понимании). Именно так была построена Сорбонна. Этот университет являлся источником знаний, и не простых, а тайных. У цеха каменщиков существовала целая архитектурная наука. Самым занятым местом в готическом соборе являются нервюрные своды. По сути, это небольшие колонны. Но остаётся вопрос: как будут стоять эти колонны, если все подпоры вынесены наружу? Вот тут требовался сложнейший расчёт.

Если смотреть на внешний фасад готического собора, создаётся впечатление, что он не достроен. Такой эффект производят колокольные башни, потому что они действительно не достроены. И это не случайность. Символ башни — познание. А познание всегда бесконечно. Поэтому и башня не может быть достроена, она намеренно не достраивается !!!!!.

Какой замысел готики содержит православный храм? У храма есть подкупольное пространство, свой трансепт — иконостас, а также свой «корабль» и алтарь. И здесь мы наблюдаем эволюцию пространства готического трансепта в плоскость православного иконостаса. Трансепт преобразуется в вертикаль. Пространство иконостаса — это пространство трансювого ноля. Это

пространство ничейное, здесь мы не просто стоим перед иконостасом, а иконостас находится внутри нас. Здесь мы встречаем Бога.

Трёхчастность православного храма и готического собора объединены идеей Святой Троицы, — во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. «Корабль» отдан телу, трансепт — душе, а алтарь — духу. Тело и душа связаны друг с другом, а дух — нет. Поэтому трансепт в готическом соборе и иконостас в православном храме являют открытому сознанию человека откровение, т. е. мистическую встречу с Богом. Для культуры, где исповедовалось христианство, данное единство было главным. Единство — как творческий потенциал Святого Духа. Данное высшее представление о своей христианской эпохе архитекторы выразили посредством великих соборов и храмов.

В однотипных готических соборах мы видим вытянутую базилику с трёхчастным делением и с вытянутыми апсидами. Абсолютно идентично выглядят классические православные храмы с однокупольным четырёхстолпным перекрытием. Этот уникальный тип храмовой архитектуры в России мы можем наблюдать во Владимире и Новгороде».

(Источник: <http://www.berlogos.ru/article/edinstvo-v-troichnosti-goticheskij-sobor-i-pravoslavnyj-hram/>; Шафрановская Ксения).

Далее, следующая цитата:

«Итак, на основании проведенного исследования мы получили следующие теоретические результаты:

1. Христианское искусство обращается к таким человеческим чувствам, как сострадание и сочувствие, умиление и покой, просветленная радость и одухотворение.

2. Символично пространство храма — дома Бога, центра спасения, ковчега для душ верующих. Все образы, символы и знаки христианства включались в образно-культовую систему церковного праздника. Она была направлена на возведение человека «от видимого к невидимому», т. е. погружала его в особый духовный мир. Многие виды искусства — архитектура, живопись, декоративно-прикладное искусство, музыка (многоголосные хоры), объединенные и задействованные во время богослужения, интенсивно воздействовали на эмоции и духовное состояние веру-

ющих. Храмовый синтез искусств /это — один из ключей к пониманию Королевского Искусства.../ вызывает у прихожан чувство единения с богом и светлой радости. Певучесть Слова, строгие лики святых, величественная архитектура храмов, монументальность фресок, сдержанная пластика скульптур, звучащая церковная музыка с ее строгими и возвышенными мелодиями, предметы декоративно-прикладного искусства — все это вызывает высокие нравственные чувства, раздумья о жизни и смерти, грехе и раскаянии, рождает стремление к истине и идеалу. Религиозное искусство обращается к таким человеческим чувствам, как сострадание и сочувствие, умиление и покой, просветленная радость и одухотворение.

3. Готический стиль именуют «новым», и он быстро становится эталоном, тем более что первые соборы строились быстро. В литературе XII века слово «современный» впервые стало употребляться в положительном смысле. Впервые стало казаться, что новое должно быть лучше старого. Зарождается концепция прогресса, понимаемого первоначально в сакральном смысле, как поэтапного пути к спасению /прогресс в современном понимании этого слова и спасение души не связаны, более того — они антагонисты/. Идея прогресса, заложенная в самой структуре христианской Библии, переместилась в реальную жизнь /грубая ошибка/. Если в ранней готике новые апсиды и порталы часто пытаются интегрировать со старой основой, то в зрелой готике пропадает всякая оглядка на прошлое. Доходит до того, что радуются пожарам, разрушавшим старые храмы и создающим условия для их обновления. Пожар старого собора в Шартре в 1194 г. был воспринят как очищающий божественный огонь, ниспосланный Богородице, возжелавшей перестройки посвященного ей собора в новом стиле.

Выводы:

1. Образ готического собора представляет собой результат эволюции образа Нового Иерусалима. Это во многом прямолинейный, иллюстративный образ Святого Града, характерный как внешним сходством со средневековым городом, так и богатой декорацией и ярко выраженной структурой, отражающей влияние городского духа /весьма примитивное суждение/.

2. Образ Святого Града, воплощенный в готическом соборе, отмечен структурной сложносоставленностью в сочетании со сти-

левым единством, а также, особенно в ранней готике, выраженной скульптурностью своей иконической пластики. Родство готической образности духу средневекового города, оказавшему столь значительное влияние на характер современной западной цивилизации, определяет место и значение готических соборов как одного из её центральных культурообразующих парадигматических образов.

3. Итак, можно смело утверждать, что готический собор действительно есть образ мира и — больше того — являет собою целый мир. И хотя не каждый в состоянии вместить в себя весь этот мир, сам этот мир в состоянии вместить в себя каждого».

(Источник: <https://www.work5.ru/gotovyie-raboty/133399>).

И, в завершение этого Приложения:

«Аристотель читался в изложении Аверроэса и авторизованном комментарии Авиценны, представившим Аристотеля в неоплатонической обработке в духе исламской культуры. Эти три элемента — Аристотель, арабская культура и неоплатонизм — стали слагающими генома средневековой культурной формы, отлившейся в философию Альберта Великого, который ввел аристотелизм в контекст христианской мысли в форме высшего авторитета философии и теологии, в аристотелизм Фомы Аквинского, в платонизм Дунса Скота и арабскую стилистику в образе жизни высших классов. А в целом геном воплотился в готическом храме /здесь интересна связь Готики через исламские Формулы с Иранским мусульманством, для которого характерно Батин: в Зороастризме у Ахура-Мазды есть своя Фраваша, что намекает на запретельную Трансценденцию, «Выводящую за Пределы Пределов», воплощением чего мог стать Готический Храм; в этом случае Аристотелианство, скорее стабилизирует срединную зону, как бы замедляя экстремальность данного рывка: в Готике, этому соответствуют человеческие формулы статуй, витражных сюжетов и тому подобное; Розы и Стрельчатая Вознесённость здесь, скорее всего, от Запределья.../.

(...)

Хейзинга считал, что «...каждая культура стремится к осуществлению мира грез в рамках действительности, прибегая для этого к преобразованию форм данного общества».

Как можно этого достичь? Через создание каркаса повседневности, соответствующего идеологии. Для высших слоев общества некие игровые правила могут стать нормативными (как стала нормой для средневекового дворянства игровая культура рыцарства, основанная на воссоздании древних легенд о короле Артуре и разыгрыванию в лицах литературных сценариев рыцарских романов), что невозможно для широких слоев населения. Для них необходимо создание формальных и смысловых ориентиров в повседневной жизни, которая редко бывает связана как с первоисточником идеи — книгой, так и почти никогда не предоставляет возможности выпасть из реальности не прославив блаженным безумцем /этот ряд размышлений вряд ли соответствует средневековой специфике, являясь переносом современной привычки мыслить туда, хотя бы потому, что в Средние Века не было никакой идеологии в принципе.../.

В культуре позднего Средневековья эту роль выполняет готический храм, который становится одновременно и книгой, которую можно читать, не владея не только высоким теологическим образованием, но даже грамотой и всем миром, который самой своей формой подразумевает определенные жизненные движения человека и его мировосприятия /весьма сомнительное утверждение: всё это есть тоже, но только в среднем слое статуй: выше и ниже — Огни не от мира сего.../.

Готика развилась и исчерпалась в XIII—XIV вв. /обратите внимание: в начале 14 века уничтожен Орден Тамплиеров/.

В основном «готическим искусством» считается искусство архитектуры храмов, развивавшееся в Иль-де-Франс и Северной Франции в 1140—1240 годах, особенно в период правления Людовика IX (1226—1270). Прототип каркасной конструкции и стрельчатой арки — встречается в архитектуре Ирана VIII—IX вв. и в архитектуре древней Месопотамии /это очень важно: Иранская Метафизика Света вполне связана с Тибетским Бон; Готический Тампль и есть воплощение Метафизики Света, особенно в витражах и в Розе; отсюда, возможна связь Готики с Активным Гнозисом Света, который наиболее подробно и эксплицитно дарован в Буддистских Высших Тантрах, потому, не вызывает удивления подобие Готической Розы Тантрической Мандале.../.

В Европе впервые стрельчатая арка, принесенная из Испании и Иерусалима крестовыми походами использовалась у мастеров Ключни /примечательно: сошлись Запад (Испания) и Восток (Иерусалим)/.

Аббатство Сен-Дени (недалеко от Парижа) можно рассматривать как пример переходного от романского к готическому стилю храма, был создан под руководством аббата Сюжера (Сугерия) (1122—1151).

Люди стиснутые духовно /сомнительно, что они были стиснуты духовно, это — горделивая проекция персонажа технопосткультуры на век живой духовности/ и телесно, жили в темных крохотных помещениях, окна которых выходили на узкие улицы, порою упираясь в окна дома напротив. И те же люди возводили строения, которые представляются разрывающими все рамки земной связанности, которые пространственно широко и легко поднимаются на головокружительные высоты. В строительстве храмов принимали участие художники из близка и далека, и эти постройки являли совместный труд поколений /то есть: это — Эссенция узла Времени и Пространства/, который словно раздвигал временные рамки бытия собора. В этих постройках реализуется идея соотношения государства Божия и мира как новое соотношение между духом и материей.

Говоря о готике, ее часто называют окаменевшей схоластикой /а в некоторых кругах, считают Зодчеством Алхимии, Герметизма и Рыцарства/. Но в основе этого уподобления лежат более глубокие и многогранные процессы превращения идей. Готическое искусство явило образное воплощение того фундаментального примирения между надчувственным толкованием жизни и относительным признанием жизни, что лежит в основе мировоззренческой трансформации позднего средневековья. «Грандиозные соборы были чистейшим воплощением мирового института церкви, как бы символом эпохи, как сегодня таковыми являются громадные города» /очень сомнительное и поверхностное утверждение/.

(...)

Сам подход Аристотеля к структурированию знания во всех областях, доступных человеческому разуму как нельзя более отвечал новым тенденциям, ментальным и социальным, позднего средневековья /это только частично так/. Аристотелевская си-

стема знания подразделяется на теоретические науки (метафизика), практические науки (задачей которых является моральное совершенствование) и продуктивные науки (т. е. производство объектов) /такая классификация не сущностная и всецело профанная/. Такая классификация удивительно естественно ложилась на систематизацию средневекового социума. Альберт Великий принимает аристотелевскую психологию познания, объединяя ее, правда, с тринитарной психологией души Августина. Если Платон использует в своем философствовании методiku маевтики, унаследованную от его учителя Сократа, что ведет к образованию спиралевидной конструкции всего корпуса текстов и, в целом, философии, Платона, спирали. Поиск ведется без установления окончательных позиций и схем, то Аристотель стремится к органическому синтезу и систематизации, чему способствовала и его страсть к классификации феноменов. Область компетенции аристотелевского разума (низшего, по Альберту, разума) — земная феноменальная реальность. Такое познание осуществляется в непосредственном контакте с вещью. Разделяя разум на высший и низший, допуская два плана реальности, два типа познания — аристотелевский (философский, логический) и августинианский (теологический), Альберт признает за реальностью земной, за естественным порядком вещей равные с небесами права /тут речь не о равенстве в ценностном аспекте, а о равновесии оперативности Срединного типа, весьма связанной именно с Гермесом/. Альберт, вслед за ним Фома признают за Аристотелем абсолютный авторитет в горизонтали отношений сущего, которая невозможна без вертикали отношения Бога и мира, представленного теологами. Но оба направления в эпоху позднего средневековья нуждались в упорядочении и кодификации.

Выработка четкой структуры (по крайней мере, стремление к ней) предполагает создание системы установлений, которые превращаются в догму /не обязательно так/. Таким образом, открытой спиральной структуре платонизма, которая втягивает в себя все вопросы мироздания, человеческого бытия противостоит стабильная система аристотелизма /она не противостоит, а является более оперативной спецификацией Платонизма в Воинском и Царском Ключе/, которая воспринимается в Средневековой Европе как паттерн для всего мироздания, организующий все его элементы и дающий ответы на все вопросы /Традиция любит Троекотие, потому такая категоричность вряд ли уместна/.

Художественно-теоретические воззрения равно у Аристотеля и в средневековой схоластике представляют собой вспомогательные построения для философских и теологических рассуждений. Схоластика, привлекая для сравнения искусство, обращается к аристотелевскому примеру «архитектора», «зодчего», в силу господства аристотелевского представления об искусстве. Фома Аквинский вслед за Филоном и Платином для описания процесса воплощения идеи-формы в материи уподобляет его строительству зодчим дома: «У формы имеющего быть созданным должно быть подобие в создающем... А это бывает двояким образом: в некоторых действующих субъектах форма создаваемой вещи предсуществует в смысле природного бытия... например, когда человек порождает человека или огонь порождает огонь; в других же действующих субъектах — в смысле умопостигаемого бытия, а именно у тех, кто действует посредством ума. Так, дом предсуществует в уме зодчего, и это может быть названо идеей дома, потому что художник стремится сообразовать дом с той формой, которую он постиг в уме. Но так как мир возник не благодаря случаю, а был создан Богом, действующим посредством ума, то в Божьем уме с необходимостью должна существовать форма, по подобию которой создан мир. В этом состоит понятие (ratio) идеи».

Здесь транслируется аристотелевская идея об имманентности формы материи. Субстанция-субстанциальность есть синтез материи (субстрат) и формы (имманентно присущей материи), где форма есть суть бытия всякой вещи и ее первая сущность первой субстанции. Форма есть начало, причина и основание бытия, благодаря которой индивид обусловлен и обустроен.

Для Авиценны, который привнес в схоластику разработку именно этого аспекта аристотелевской философии, важна проблема индивидуально-конкретного и сущностно-абстрактного. Индивидуальным является факт, конкретный человек. Сущностью здесь будет человечность — сущность человека, вещьность — ественность вещи. Интерес Аристотеля к феноменальному способствовал перенесению акцента с абстрактного абсолютного божественного /абсолютно Божественное не абстрактно, а более Апофатично/, ставшего отождествляться с Интеллектом к конкретному, индивидуальному, человеческому. Аристотель употребил платоновский «эйдос» для обозначения формы вообще и, в

частности, «внутренней формы», существующей в душе художника и переносимой благодаря его деятельности в материю.

В человеческом сознании идея (на уровне метафизической сущности) и помысленное (мысль) сливается в топосе (месте) художественного объекта — в храме, месте Бога. Так платоновский дуализм между миром идей и миром явлений в аристотелизме заменяется «синтетическим взаимодействием между всеобщим понятием и единичным индивидуальным проявлением в области теории познания, в области философии природы и искусства — синтетическим взаимодействием между формой и материей». У Аристотеля искусство есть область непрерывного становления (восхождения к своей форме или к идеальному образу) самой структуры вещи /это — важная тема Расплава/.

А максимально совершенным произведением искусства Аристотель считает весь космос. В готическом храме же происходит синтез места человека (его разума) и места Бога (абсолютного интеллекта) в месте мира-космоса.

По словам Йохана Хёйзинги дуализм Средневековья — это дуализм Бога и мира, но не мира и искусства, характерный для Нового времени. Искусство здесь есть место пресуществления бога в мире как идеи в материи но не непосредственно, а через Мастера, через разум человека. В готическом храме горизонт повседневности (городская, деревенская жизнь) и вертикаль Священной и героической истории пересекаются в точке эстетического, через приобщение к которому повседневность переходит в иную ценностную — сакральную — систему. Искусство — архитектура в особенности, т. к. она и являлась стилеобразующим началом — являлось материалом для реализации тех же теологических рассуждений и тем самым оно становилось в один ряд с богословием и философией, хотя само по себе не было признано самоценным. Искусство — продукт актуализации (во-площения, о-формления в материи) интеллектуальных идей, сущности, абстрактной и потенциальной по своей сути. Произведение искусства (художественная форма), таким образом, является равноправной реальностью наряду с животными, растениями, человеком. Более того, «художник не является здесь ни подражателем плоскому и обманчивому миру явлений, ни истолкователем метафизических сущностей... Напротив, в его уме живет величайший

прообраз красоты, на который он в качестве творца может направлять свой внутренний взор».

Художественные создания определяют по согласию его не с природным предметом, а с представлением, внутренне присутствующим уму: «И отсюда вещи рукотворные именованы истинными по своему отношению к нашему уму: ибо дом именуется истинным, когда он достигает сообразности с формой, пребывающей в уме художника».

Разумеется, выраженное здесь «перемещение объективности из объекта в субъект» (вероятно, лучше сказать: из наглядного в познавательное) теоретически произошло уже у Аристотеля: «Через искусство возникает то, образ чего уже есть в душе». В философии Аристотеля идеализм Платона сменяется эмпиризмом, ориентированного на наличные феномены, бытие которых удостоверяется формой, имманентной материи /это не так: Аристотель, если использовать предложенные здесь тесные термины, есть не эмпиризм, а баланс идеализма и эмпиризма/.

Для средневекового сознания формально воплощение (изображение или скульптура) является вернейшим подтверждением бытия феномена. Присутствие зримого образа является доказательством истинности изображения. В понимании средневекового реализма, все, что может быть поименовано, обретает существование, равно свойства, понятия и вещи.

У Аристотеля человек занимает срединное место между умопостигаемой и чувственной областью, между абсолютным интеллектом и материей. Индивидуальный интеллект конкретного человека рассматривается не самостоятельно, но в его соотносительности с абсолютным, в его стремлении к высшему. Такое движение доступно лишь путем абстрагирования, создающего действительность иной, абсолютной, тотальной размерности при помощи универсальных понятий. Универсализм и абстрактность становятся для схоластики аристотелевского направления определяющими. Равно как и первые подходы к конкретности индивидуального. Второй путь, не прописанный в богословских сочинениях, ни в корпусе сочинений Аристотеля, но заложенный там и реализованный практически в Средние века — путь деятельного воплощения внутренней божественной формы в материю при строи-

тельстве и украшении храма. Само это занятие считалось богоугодным. Не зря образ донатора и покровителя строительства изображали рядом с образом чаще всего Богоматери, обращенными к ней с моделью храма в руках. Так же впервые начинают фиксироваться имена зодчих и строителей готических храмов /в основном, зодчие Готических Храмов как раз безымянны/, храмов, полных символов и образов высшей универсалии и абстракции, каким мыслился в христианской теологии позднего средневековья Бог.

Тема *движения*, однонаправленного и постоянного характерна для христианского миропонимания. Эсхатологизм — имя исторической концепции Средних веков. Идея движения к Богу, к Апокалипсису как последней ступени бытия тварного мира и соединения его с Божественным порождает эсхатологичность истории и концепцию времени в средневековой традиции, которую Шпенглер рассматривал как конституирующую для европейской культуры.

Вечное движение у Аристотеля как вечное время существует благодаря Первоначалу, вечному, неподвижному, абсолютно актуальному. Все движется по отношению к Первоначалу, но при этом само первоначало остается равнодушным /не равнодушным, а нейтральным/ ко всему, абсолютно, даже внутренне неподвижным.

Аверроэс разрабатывает аристотелевскую идею движения. Для него будучи по природе финальным и вечным, движение обеспечивает единство универсума и ведет все к совершенству, чем утверждается вечность мироздания. Силой, которая лежит в основе вечной и необходимой активности, является Бог. При этом Бог у Аверроэса приобретает статус интеллекта — всеобщего, принадлежность которому дает возможность формулировать универсальные принципы. Универсальные принципы являются тем фактором, наличие которого устанавливает единство человечества в его разумности. Однако универсалии потенциальны и их актуализация в форме знаний человека возможна лишь через приобщение к абсолютной актуальности Бога. Так вера совершенствуется разум. Это положение было подхвачено Фомой Аквинским.

Идея единого неизменного Первоначала Аристотеля была приемлема для монотеизма христианства /Христианство, всё-

таки, особенно по сравнению с Исламом, является Тринитаризмом/. В средневековой теологии (схоластике) Первоначало получает имя Бог, который функционирует как целевая причина, которая все движет к совершенству, притягивая к себе, проявляя тем самым любовь ко всему тварному миру. Хотя в позднем Средневековье идея о безразличии Бога усилилась, в связи с интеллектуализацией самого Бога, что привело к выхолащиванию из его образа эмоционального плана /это утверждение есть ошибка, автор путает палитру мистического Опыта и эмоциональность, последняя, как раз и проявляется позднее, в ренессансе и особенно в барокко/, способности любить, прощать, сострадать, Он все более стал походить на аристотелевское равнодушное Первоначало, к которому устремляется всякая вещь, не в состоянии сопротивляться естественному притяжению, как не может сопротивляться железо магниту. Если романский храм подобен чаше, воспринимающей Божью благодать, готовый впитать ее и позволить во чреве своем присоединиться к ней человеку, твари, то готический храм изо всех сил, вопреки всему стремится, рвется вверх, к исчезающему Богу /тут, видимо, каждый судит по себе: Готический Тампль рвётся к Сверхбогу (Стрельчатость и Высота), но, одновременно, он пребывает в нейтральном центре (Розы); так что, такой Храм — это решенная Квадратура Круга.../.

И падение непрочных, перегруженных весом шпилей конструкций словно символизировало отвергнутость новых вавилонских башен, призванных поднять человека к Богу /опять сильное искажение: никакого отношения к Архэ Вавилонской Башни Готический Храм не имеет, такое утверждение есть функция гордыни автора/.

В это же время религиозная жизнь обретает все более акцентированный экстатический характер, зарождаются одновременно мощные еретические движения, ищущие Бога за границами официальной церкви и догм, и инквизиция, стремящаяся водворить духовные и интеллектуальные искания в четкие рамки доказуемости, каузальности и верифицируемости. Школьное философствование на основе аристотелизма, принесенного в Европу в арабских переводах, превратило Бога в элемент логических построений (для арабов философия Аристотеля была именно логическим корпусом. И христианские философы получили ее логизированной, что, несомненно, повлияло на их ход мышления), в по-

ложение, нуждающееся в логическом доказательстве своей возможности и инквизиция, направленная на силовое сдерживание разрушений догматического здания христианства.

Несмотря на то, что носителем идеи остается божественный интеллект, воплощая идею-форму в материю, создавая образ, человек наделяет идею, а значит и сам Божественный интеллект бытием. Равно как приводя логическое доказательство бытия Бога, теолог легитимизирует Бога, позволяет ему быть в мире человеческой рациональности. Произведение искусства — а для Средневековья это в первую очередь архитектура — это способ приближения к Богу, восхождения интеллекта к абсолютному интеллекту через актуализацию универсалий, способ познания Бога, способ вписания Бога в человеческую размерность мира повседневного и вписывания человека в метафизическую сакральную реальность в пространстве храма-мира /неплохо сказано/.

У Аристотеля все стремится, но стремится не куда-нибудь, а чтобы выразить самого себя. Форма такого движения — круговая, или движение внутри предела. Это движение — есть вечная жизнь, идея которой была основополагающей для христианского миропонимания. Стремящееся к первоначалу движение, не выходящее при этом за пределы границы самореализации, т. е. имманентной формы, предполагало определенное пространство, пространство, равное миру.

Пространство для Аристотеля это место-граница, вмещающая тела, поскольку она соприкасается с его содержанием, первая граница, внутри которой только и возможно существование различных феноменов, за пределы которой, следовательно, невозможно выйти. Подобное понимание пространства, внутренне дифференцированного по степени приближения к совершенному, не терпит пустоты. Тотальность знания — необходимое условие, так как лакуны недопустимы. В средневековой интеллектуальной и эстетической традиции также прослеживается боязнь пустоты. Суммы стремятся дать перечень всего сущего, реального и имагинативного (наряду с собакой и лошадью — василиск и химера), охватить все времена от сотворения мира, Адама и праотцев до Страшного Суда, все горизонты мира — от Седьмого неба до Ада, от земель псоголовых до ангельских ратей, все уровни социальной структуры, от вилланской деревни, мона-

стыря и города до небесной иерархии и Троицы. А художники, иллюминирующие рукописи, стремятся заполнить орнаментом каждый квадратный миллиметр, каменотес покрывает резьбой стены храма от цоколя до купола /на эту тему может быть иное объяснение: Всеизобильная Щедрость Божества, Абундатио/.

(...)

Пластика в античном понимании — это «отчетливо-геометрическое пространственно-временное соотношение всех живых элементов в картине искусства и жизни вообще». Подобным образом храм становится не просто неким, даже специфически выделенным — сакральным местом, но миром в себе. Готический собор — в большей степени организация пространства как внутреннего, так и наружного, чем формы. Готическая архитектура не оформляет замкнутое пространство, а превращает все вокруг себя — и земную твердь, и небо в образно-значительное целое. В результате появляется абсолютно симметричная конструкция, в которой объем является только символом «мирочувствования в пространстве», по словам О. Шпенглера, с доминантой вертикали, вертикали, ведущей, движущей храм, весь мир-пространство и человека к богу.

Упорядочив мир сакральный и секулярный, физический и духовный, придав ему столь совершенную форму, человек Средневековья словно наконец настолько повзрослел, что осмелился объявить свои права на занимаемое им место /опять — гордыня человека техно-цивилизации; никто не взрослел, люди и их мир просто деградировали со времён Средневековья/.

Он утвердил себя в некоей точке, назвав ее своим Домом. Он выстроил храм-мир, город-мир, государство-мир. Стены и границы очертили сферу его обитания, придали ей форму, и, тем самым, привнесли в человеческий мир основное свойство оформленности — конечность. Ту конечность, которая не подразумевает жизни после жизни, обещанной христианством. Потому что Бог — гарант посмертного истинного существования стал органичным элементом человеческого мира. Утратилась многовекторная направленность платоновской спирали в трансцендентное, которое только и есть условие любой формы экзистенции, как то, что позволяет ей жить-двигаться, вырывает ее из бесплодного вращения вокруг себя, абсолютного самодвижения аристотелевского перводвигателя /никакого отношения к Готическому

Зодчеству данный пассаж не имеет, всё с точностью до наоборот; взять, хотя бы Шартрский Собор: он, как раз, есть некий Камень Шартрской Платонической Школы.../.

Позднейшие вспышки духоискательства были так или иначе связаны с интересом к спиритуализму Платона. А аристотелевский ренессанс всякий раз сопутствовал активизации тенденции государственного строительства и тотального упорядочения мира в связи с этим /примитивное понимание Аристотеля, для другого можно хотя бы поинтересоваться видением Хайдеггера на данную тему/».

(Источник: Разова Е. Л. — «Готический храм: Аристотелевская картина мира в культуре позднего Средневековья»; <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/goticheskiy-hram-aristotelevskaya-kartina-mira-v-kulture-pozdnego-srednevekovya>).

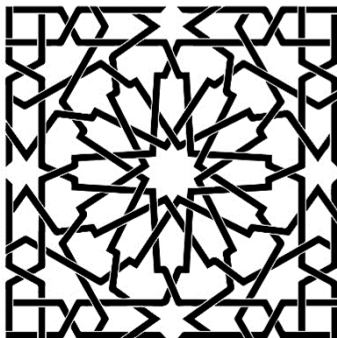
Под занавес данной главы, остаётся благожелать читателю найти книгу: «Исламское искусство и духовность», Наср Сейид Хосейн.

Внимательно изучить в ней главу о Зодчестве.

Так, во-первых, появится возможность вообще получить опыт погружения в тему через труд оператора, реально практиковавшего Опус, а не современника-дилетанта.

Во-вторых, можно будет на контрасте понять больше и о Готике и о мусульманском Зодчестве...

Впрочем, всецело Гнозис убить нельзя: его жемчужно-изумрудные осколки упорно проникают через все формы неведения, в чём, собственно, мы могли убедиться, читая вышеприведённые цитаты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14. ГОТИКА-2.

Тему Готического Зодчества пытаются раскрыть многие, есть в этом объёме весьма обстоятельные работы.

Их все можно классифицировать, в первом приближении выделим следующие группы:

1. Поверхностное техническое описание: история, структура, особенности, сюжеты, легенды и тому подобное...

2. Углубление в суть — видение Готического Тампля в контексте мистико-магического Опуса, попытка осознать содержание через христианское богословие, пневматику тайных Учений (Алхимия, Герметизм...), расшифровка Храма через Ареопагитики, Платонизм и Аристотелизм; всё это — в русле Традиции...

3. Циничное вскрытие содержания Храма: видение в нём манифестаций идей прогресса, Штурма Неба, Люциферианства, идейных и содержательных предпосылок нового времени; данный подход антагонистичен предыдущему пункту...

4. Поэзия, вводящая в Готику...

5. Книги предполагаемых Адептов (например, Фулканелли)...

6. Сложносоставные эссе, сочетающие риторические фигуры, техническое описание, мифо-поэтику и исследование оперативности в контексте Рыцарства...

7....

Интересно, что Готический Храм видят либо скучно и уныло, просто как некий артефакт определенного исторического периода, либо — такой Тампль провоцирует созерцателя зреть в нём мощную динамику Огня. Одни, распознают в ней Свет Истины, другие — гордыню и Вавилонскую Башню. Возможно, каждый видит своё отражение там...

Снова обратимся к обработке текстов о Готике, созерцая их как своеобразную руду: в ней ищется жила, или хотя бы, капли (комментарии в /.../ скобках есть наш способ извлечь оные из мычащей породы).

Итак:

«Литература по готике обычно начинается с описания составляющих её технических элементов (Figure 1). При этом весь процесс становления новой архитектуры видится через призму технического прогресса — от более простых строительных методов к более продвинутым. Процесс архитектурного творчества рассматривается как решение совокупности технических задач, подчиненных простой общей цели: выше, больше, светлее. Об осознанном воплощении новой духовной образности речь обычно не заходит. Однако, при дальнейшем чтении выясняется, что ни одно из готических новшеств не было изобретено самими создателями готики, а все они появились в конце XI — начале XII веков, в основном в романской архитектуре Нормандии и Бургундии. Таким образом, становится очевидным, что суть ранней готики состояла не в изобретении новых элементов, а в их соединении с целью создания нового архитектурного образа /важное замечание: суть в обретении андрогинной пневмы высокой возгонки через новую формулу соединения известных ингредиентов.../.

В чем же состоит суть этого нового образа? Несмотря на обилие литературы, связанной с готикой, ясного ответа на данный вопрос до сих пор нет.

Между тем, всеобщий интерес к готическим соборам и производимое ими впечатление хорошо известны. При посещении западноевропейского города, все туристы, не исключая убежденных атеистов, устремляются к расположенному в центре готическому собору чтобы, отвлекшись на время от окружающей современности, побыть в атмосфере его возвышенной сакральности /эффект Магнита, люди — опилки.../. Кажется, что эти соборы своим присутствием дают больше для поддержания культурного и духовного единства Европы, чем расколотая и ослабевшая церковь /скорее, эти Соборы и содержат в себе Белый Девственный Снег Европы, к которой Евросоюз не имеет ни малейшего отношения, более того, одна из задач Евросоюза как раз и состоит в уничтожении Европы.../.

Их скульптурные порталы поражают даже тех, кто не умеет читать их каменные росписи. Их эстетика остается актуальной, даже при том, что безвозвратно ушла в прошлое породившая её религиозность. Своей впечатляющей материальностью, они

мощнее свидетельствуют о реальности и величии божественного, чем происходящие в них модернизированные священнодействия. Эти соборы настолько резко выделяются среди городской застройки, что кажутся спустившимися с неба, а не поднявшимися с земли /важное замечание, имеющее конкретную оперативную силу/. Изумленному взгляду туристов они представляются чем-то великолепно нездешним.

В этом очерке мы попытаемся понять образность готики, вдохновляясь методологией иеротопии. Иеротопия, согласно А. М. Лидову, рассматривает создание конкретных сакральных пространств (в том числе храмов) как творческий процесс, своего рода искусство. При этом сакральный ансамбль берется как целое, во всей совокупности своих материальных, образных и идейных компонент /принцип «Всё во Всём»/. При анализе сакрального ансамбля, в нем как правило можно найти центральный образ, своего рода смысловой стержень, для которого А. М. Лидов ввел специальный термин «образ-парадигма». Этот образ нигде прямо не изображен. Он связан с сакральным пространством, но не порождается им, а как бы вспоминается. Он известен верующим из других источников, и сакральный ансамбль лишь усиливает и конкретизирует его переживание /это — поиск Квинтэссенции, Священного Ядра/.

Общеизвестно, что для средневекового христианского храма таким образом-парадигмой был образ Небесного Иерусалима — спускающегося с небес города-храма из книги Откровения (Лидов, Wilson, Klein). Мы увидим, что переход от романики к готике был связан не с созданием принципиально иного образа, а с «модернизацией» /скорее, здесь уместен термин «катафатизация», как некая совокупность Операций нюансирования Огня/ образа Небесного Иерусалима, в процессе которой этот образ впитал и сублимировал веяния эпохи, из которых выкристаллизовалось обновленное материальное воплощение недостижимого Святого Града.

ИЕРУСАЛИМ ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

Судя по письменным свидетельствам, взгляд на храм в целом, как на икону Небесного Иерусалима был особенно характерен для монашеской среды. Отто, аббат крупного монастырского центра в Клюни писал в 10 веке, что он видит в монастырских церквах сошедший с небес Новый Иерусалим. Как свидетельствует Пётр

Достопочтенный и другие авторы, сам монастырь воспринимался как перенесенный Иерусалим, новый центр христианского мира и место спасения. Параллель монастыря с Иерусалимом приобрела новый смысл в связи с крестовыми походами. Церковь обещала спасение как крестоносцам, так и монахам. Обретение Иерусалима духовного приравнивалось к завоеванию Иерусалима земного. Монастырское служение уподобляли крестовому походу, а крестоносцы объединялись в ордена монахов-воинов. Небесный Град как бы спускался с небес прежде конца времен и воплощался в земном Иерусалиме, который тем самым обретал небывалую святость и благодать.

В контексте григорианских реформ, призывавших одновременно и к духовному обновлению церкви, и к укреплению её власти в миру, оформилось два подхода к монашескому идеалу и к христианской жизни в целом. Если Св. Бернар понимал монастырский путь как личную «лествицу» на небо, то в Ключи его видели скорее как реализацию божественного идеала земными средствами. Яростная полемика «нестяжателя» Бернара с представителями более традиционных бенедиктинских центров имела успех у слушателей, однако будущее принадлежало его оппонентам, стремившимся к прямой иллюстративной реализации Небесного Иерусалима в виде поражающего своим величием храма. Не сохранившаяся до наших дней, но известная по описаниям, церковь Ключи могла бы свидетельствовать об этой тенденции в поздней романике — сооружении огромных соборов, щедро украшенных снаружи. Развитие готики происходило в русле этой же тенденции, ускоренному развитию которой способствовало появление новых технических приемов. Готика в чем-то предвосхитила барокко /это утверждение, к сожалению, является близорукой ошибкой: Готика и барокко — всецелые антагонисты; барокко — архитектура похоти, каприза и душевной испорченности, она не сакральна вообще; Готика, напротив, манифестирует Рыцарскую Формулу Святости/ с его прямолинейным стремлением впечатлить, и этим резко отличалась как от более сдержанной романики, так и от холодной гармонии архитектурных форм Возрождения /Готика продолжала Романику, мы вообще видим не отдельно Готический Стил, но — Романо-Готическое Зодчество, где первая часть — более Монашеская, вторая — Рыцарская, а совокупье прекрасно отражается образом Тамплиера, Монаха-Воина; между Готикой и ренессансом связь, скорее, отрицательная/.

ХРАМ И ГОРОД

Современный фламандский автор Рауль Бауэр пишет о рождении готики из духа средневекового города (Bauer). Действительно, одной из основных черт готики является её привязанность к городскому окружению /возможно, такой Тампль есть своеобразным комплексом алхимической перегонки различных эссенций города в Единство Камня данного Измерения/.

Если романский храм (так же как и православный) можно представить одиноко стоящим посреди леса или поля, то готический собор возникает из городской застройки как Афродита из морских волн и без неё невыносим. Он принадлежит городу так же прочно, как замок Золушки принадлежит парку Диснея /всё наоборот: город принадлежит Готическому Храму/. Невидимые нити связывают каждую его башенку с верхушками городских крыш /важное оперативное замечание/. Если романский собор отгораживался своей гладкой стеной от всего мирского /аспект герметизации, так как речь идёт о другой Формуле/ подобно тому, как Святое Святых ветхозаветного храма отделялось завесой от остального мира, то готический собор начинался снаружи и выставлял напоказ свои каменные кружева, формируя своего рода «публичный интерфейс» к находящимся внутри святыням. Он выделялся из окружения так, как дворец выделяется среди простых зданий /дворец выделяется по-другому, так как суть дворца отличается от сути Храма/, а не так, как утес выделяется из воды.

Хотя в наше время религиозность часто ассоциируется с древней, простая вера и добродетель которой противопоставляется изощренному и развратному городу, христианство с первых своих шагов было по преимуществу городским движением. Пусть ветхозаветная религия началась среди кочевников, но центр святости и организованной религии прочно переместился в город начиная с переноса ковчега Завета в Иерусалим Давидом и строительства Храма. Город был так же необходим Храму как Храм Городу. Будучи центром формирования и развития цивилизации в целом, город формирует и её религиозную составляющую. Перестройка и Города и Храма была центральным пунктом религиозной программы иудеев, вернувшихся из вавилонского пленения. Из города в город ходят проповедовать Иисус и апостолы. В городских домах собираются первые христиане, и именно город-

ская публика воспринимает и разносит Евангельскую Весть /Готика — это не только и не столько специфически христианское искусство, она является очень рельефным и конкретным выражением арийского духа, в этом её родовой признак; внешне, сие явлено как Рыцарская Архитектура — именно это первично, а не «христианскость» (хотя важна и она); Готический Тампль не менее алхимичен и герметичен, чем христианен.../.

Если библейская история начинается в саду, то её конец ознаменован сходом с небес Святого Града, являющегося одновременно и храмом. Именно в этом городе-храме будет стоять Божественный Престол, и именно в нём будут жить в свете Божьей Славы избранные праведники /возможно, намёк: Сад связан с Первоматерией и началом, Град есть Камень.../. Образ рая как города, связанный с образами книги Откровения, присутствует в средневековой иконографии. Это и не удивительно: западноевропейский город резко отличался от окружающего уровнем жизни и безопасности и, как был раньше, так и остался до сих пор для многих, вождленным местом, своего рода земным раем /это, конечно, не есть причина: типичный пример объяснения Высокого через низ/.

Сходство наружного вида готического собора с его бесчисленными башенками и средневекового города с его тесно расположенными остроконечными крышами бросается в глаза /принцип одной волновой модальности: Храм захватывает содержания домов и восхищает всё это — Вверх (общая Стрельчатость) и в Сердце (Розы)/. Готический собор, таким образом, представляет облик Нового Иерусалима, именно как города в единстве его множественных структурных составляющих. XII век — это время расцвета городов и формирования сословия горожан, составленного из разнообразных профессиональных групп. Город, резко отгороженный стеной от окружающей сельской местности, был особым, выделенным местом, где действовали свои законы и царил свой порядок /герметизация, по принципу похожая на герметизацию монастыря, только в другой Формуле/. В городе ковались не только тончайшие ювелирные изделия и сложные механизмы, но и сам дух современной западноевропейской цивилизации — дух парадоксального сочетания свободы и порядка, вольностей и закона, единства и многообразия, предприимчивости и дисциплины. Кажется, что сам этот дух воплотился в готическом со-

боре, найдя в образе Святого Града скрепляющий стержень, объединяющий многогранные аспекты своего характера, которые тем самым освящались каменной громадой собора, одновременно воздушной и монументальной.

ЗОЛОТО И ЦЕРКОВЬ

Один из важных аспектов готики — пышность и роскошь убранства церкви. Современный скально-серый окрас древних соборов вовсе не характеризует их изначальной красочности, когда скульптуры и барельефы были раскрашены, стены в значительной мере покрыты фресками, а оригинальные витражи еще не были разбиты и заменены на простые стекла. Сверкавшая золотом и драгоценными камнями литургическая утварь занимала свое законное место в сакральном центре храма, а не была заперта в музейных стеллажах, превратившись в окаменелость некогда живого организма. Мы можем лишь гадать, как смотрели современники на эту пышность во всём сиянии её славы, если она впечатляет нас даже отблесками своих разбитых осколков. Видели ли они в ней отсвет небесных сокровищ духа или просто проявление земного могущества церкви? Предоставим слово известному вдохновителю нового стиля аббату Сугерию. В качестве игумена аббатства Сен-Дени, он собирал средства на перестройку старого храма, руководил строительством и разрабатывал его иконографическую программу. Сугерий оставил мемуары «Де администратционе» в которых излагается история его администрирования и строительства храма.

Большая часть этих мемуаров посвящена перечислению деревень и территорий, которые различными способами были присоединены к Сен-Дени. Повествование напоминает бухгалтерский отчет. Проявляя прекрасную память прирожденного администратора, Сугерий повествует о давно прошедших куплях и тяжбах, точно зная какой доход в каждом случае был принесен монастырю. О Боге, молитвах или даже воле Провидения речь почти не заходит. Если ограничиться этой частью текста, Сугерий предстает лишь как удачливый менеджер, сумевший увеличить масштабы предприятия. В дальнейшем, однако, выясняется, что основной целью всех этих накоплений была перестройка собора. Сугерий, таким образом, копил богатства не ради самих богатств, а ради прославления Господа и Св. Дионисия.

Сугерий почти ничего не пишет об архитектурных новациях, зато много внимания уделяет украшению золотом нового алтаря. Вспоминая известную статью С. С. Аверинцева о символизме золота, невольно ищешь в тексте Сугерия аналогичные возвышенные мотивы. Однако мысль Сугерия и здесь вращается вокруг количественного измерения потраченных «драгметаллов». Трудно обвинить Сугерия в прямом материализме — ведь все это делается во славу Божию, все это принадлежит сфере богослужения. Сугерий уверен, что человек должен искренне и от души нести Богу лучшее, что у него есть. Библейские цитаты об украшении ветхозаветного храма услужливо предоставляют богословское обоснование. Легко распознать здесь хорошо известный тип западной религиозности, которая предписывает являться в церковь в лучшем костюме. Похожие соображения вдохновляли и мастеров, строивших соборы и изготовлявших церковную утварь: служить Богу плодами своих земных трудов. Богу отдается и посвящается все лучшее, но критерий лучшего вполне земной — т. е. лучшее с нашей человеческой точки зрения /Золото символизирует не богатство и не роскошь, такие выводы есть следствие деформации сознания ценностями и настроениями нового времени, в Средневековье, Золото — это Солнце, земное золото, это Икона Алхимического Золота.../.

Слабая сторона этого типа благочестия легко обнажалась в полемике с «нестяжателями»: действительно, кто сказал, что Богу, тем более такому как Иисус, вид золота слаще вида меди или дерева? Цистерцианцы настаивали на минимализме /Цистерцианцы и Св. Бернар представляли полюс Апофатики; аббат Сюжер, Катафатики (метафора разворачивающегося Творения, исхождение Золотого Света): налицо равновесие в Истине; это Равновесие и есть суть Ареопагитик (Сюжер-Сугерий как раз создал первый Готический Тампль в его славу (Св. Дени))/.

В литургических сосудах они использовали лишь посеребренную медь. Однако, даже в этой среде, стремление к святой бедности постепенно заглохло. Оно мощно оживет и восстанет в совсем новой форме в век реформаций и революций, прокатившись всеразрушающим потоком по церковным алтарям и сокровищницам.

Пolemика со св. Бернаром неявно ощущается и в тексте Сугерия, побуждая его прибегать к развернутым оправданиям своих

роскошеств. В этом ему помогает сам Св. Дионисий, слугой которого считал себя Сугерий, и авторитет которого был для него непререкаем. К этому святому вдохновителю постройки первого готического храма мы сейчас и перейдем, чтобы увидеть его во всем том величии, в котором он предстал перед Сугерием и его братией /вряд ли, даже если и правда о такой степени роскошного убранства, что Готический Храм являл собою некую приторность; даже если он и был весь расписан, даже если и было множество золота и т. п., следует учесть его свойства: Устремлённость вверх, феерию света через витражи, огромный объём..., — мы получаем доминацию стихий Воздуха и Огня; в этом случае богатое убранство, сливается с Огнём и освежается Воздухом; а вот то же количество богатства в храмах стиля классицизм (Земля) и барокко (Грязная Вода) будет ощущаться приторным и излишним.../.

СВЯТОЙ ДИОНИСИЙ — ЧУДОТВОРЕЦ И ФИЛОСОФ

Средневековая традиция, часто грешившая слиянием во едино исторически разных персонажей, соединила в одном лице трех святых: во-первых, Дионисия Ареопагита, афинского ученика апостола Павла, во-вторых, Св. Дионисия Парижского, мученика и чудотворца 3 века, и, в-третьих, загадочного автора «Ареопагитик», одного из самых авторитетных христианских философов. Традиция, таким образом, гласила, что церковь в Сен-Дени была заложена на том самом месте, на котором упал и испустил дух долго несший свою отрезанную голову парижский мученик, просветитель Галлии и прямой ученик великого апостола, оставивший после себя исполненные мудрости поучения. Фигуру такого калибра нетрудно было представить святым покровителем всего королевства. В служении столь великому святому было более чем естественно опираться на его же труды, знакомые Сугерия и его современникам в латинском переводе Иоанна Скота Эриугены.

Влияние «Небесной иерархии» ощущается в тексте Сугерия на каждом шагу. Храмостроительство вполне определенно понимается им в духе дионисиевского учения о «несходных образах», указывающих на мир божественного. Однако, это учение приобретает у Сугерия совсем иной оттенок, чем в византийском мире. Сугерий видит в дионисиевском учении обоснование необходимости и важности материально воплощенного промежуточного

слоя образов-посредников, в то время как на Востоке это учение понимается в духе активной созерцательности /сомнительное утверждение/. Дионисиевские принципы вдохновляли византийских аскетов на поиск божественного «умным взором» сквозь полупрозрачную завесу «несходных символов». На Западе в этих же принципах увидели руководство к действию по созданию самой среды «несходных символов».

По сути речь идет о разных трактовках иконического. На Востоке акцент делался на возможность доступа к божественному, просвечивающему через иконическое. При этом само иконическое видится, как плоскость пересечения двух миров, земного и божественного. На Западе внимание притягивалось к самому иконическому, слой которого становился «толстым» и субстанциальным и, в известной мере, самодовлеющим. В учении Дионисия прочитывалось утверждение о невозможности прямого видения божественного, из чего следовала необходимость создания слоя материальных образов, единственно доступных человеческим чувствам. Из материала этого слоя следовало вылепить пусть «несходную», но впечатляющую иллюстрацию божественного, на которой и следует сосредоточить внимание.

Не в этом ли понимании иконического следует искать ключ к разгадке готической образности? Не создает ли она практически эффективный «интерфейс» к божественному земными методами и средствами и, что пожалуй еще важнее, с использованием земных эстетических критериев /думается, это утверждение ложно: представитель третьего Ордо пытается понять Гнозис Рыцарства и у него это не получается.../? Это утверждение может показаться странным, так как обвинение в подмене сакрального прекрасным обычно предъявляют Ренессансу. Однако, невзирая на хорошо известную несовместность ренессансной и готической эстетики /!!!/, данная тенденция зарождается уже в готический период /так кажется автору и это неверно/. В готике обмирщение сакрального еще только начинается, но именно это смешение небесного с мирским в буйных «пламенеющих» каменных кружевах и составляет загадку и очарование «оживального» стиля /неспособность пропускать Тайное Пламя, материализм восприятия и предвзятое отношение к Средневековому Западу, обуславливают автора статьи сделать такие вульгарные и неправильные выводы. Как раз Великая Мать, вошедшая в Византию и её Гнозис является причиной ренессанса, обмирщение пошло из Византии через Италию.../.

СТРУКТУРА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Известно, что в пространстве готической церкви возникает новый тип структурности: пространство храма теперь состоит из модулей-травей, которые архитектор использует как стандартные кирпичики для сооружения общей конструкции. Панофски исследовал тесную связь данной тенденции с одновременным развитием схоластики с её стремлением всё анализировать и «раскладывать по полочкам». Бауэр отмечает преобладающий линейный, поступательный характер этой структурности, особенно явно проявляющийся в длинных готических неффах. Он видит в этом вторжение в храм исторического секулярного времени, которое он противопоставляет вневременности архитектурного образа романских и византийских храмов. Однако, действительно ли речь идет об историческом времени в мирском смысле, или о новом понимании времени как последовательности сакральных событий?

Понятие о сакральной историчности отнюдь не является изобретением 12 века. Оно принадлежит к фундаментальным аспектам иудео-христианства. Очевидно ведь, что Библия строится как историческая хроника, описывающая формирование избранного народа и его религии как поступательный процесс. Этот историзм был еще усилен в христианстве, которое рассматривало Ветхий Завет существенно исторически. Переоценка Ветхого Завета как исторического процесса, ведущего к явлению Христа, является предметом первой задокументированной христианской проповеди Св. Стефана. Становление новой религии, описанное в Деяниях апостолов, также представляет собой «богодуховенную» историю. В средневековой Франции готической эпохи, сакрализация истории выразилась в культе святых королей и в сакрализации королевской власти. Само создание государства и вся его деятельность должны были восприниматься как этапы истории спасения.

Идея пути к спасению, как упорядоченной последовательности событий, выразилась на Западе и в развитии концепции Крестного Пути и его «станций». Становление культа Крестного Пути было тесно связано с паломничествами в Иерусалим, популярность которых в готический период значительно возросла. Возникло стремление к переносу сакрального пространства Свя-

того Града и маршрута страстей в любой католический храм. Появилась канонизированная последовательность 14-ти стаций, которая в настоящее время является основным элементом иконографических программ католических храмов. Как иконография, так и сама концепция Крестного Пути хорошо согласуются к линейной структурностью пространства готического храма, развертывающегося при движении от западного портала к алтарю. Крестный Путь историчен и в тоже время сакрален. Он отражает человеческое видение мира в его становлении, и, в тоже время, это становление сакрально, так как ведет к спасению. Разворачиваясь во времени, Крестный Путь в тоже время разворачивается в пространстве, образуя последовательность сакральных локусов, которая является также последовательностью событий во времени.

К этой же категории сакральной пространственно-временной последовательности относится и развившаяся в том же 12 веке концепция чистилища. Чистилищу выделялось место и время в сакральной истории. Жизнь после смерти больше не виделась как прыжок во вне-мирность, а была переселением в новое место проживания, также временное. Индивидуальное спасение приобрело черты трехчастного пространственно-временного процесса /линейность — базовый исток этого типа сакрального прочтения находится в Зороастризме и скорее всего оттуда пришёл и к иудеям и в христианство/.

Бауэр отмечает, что линейная структура пространства храма, открывающегося входящему по мере продвижения в сторону алтаря, впервые получила сильное выражение в Ланском соборе, первом законченном произведении готической архитектуры. Действительно, ланская колоннада, намеренно усиленная горизонтальными мотивами, своим волновым ритмом вовлекает вошедшего в поступательное движение в сторону наиболее сакральной части базилики. Похожий эффект движения по дуге апсиды создает и известная колоннада в Сен-Дени. Замена круглых арок на стрельчатые еще сильнее усилила впечатление «соединенной разделенности» церковного пространства. Готический собор стал напоминать улицу западноевропейского города с её разворачивающейся при движении последовательностью индивидуально разных, но стилистически совместимых и объединенных единой линейной структурой зданий /эта «улица» есть Путь (в суфизме

— Тарикат; Стрельчатые Арки — Тайный Огонь; отсюда, расшифровка — это Огненный Путь, то есть — Рыцарский Путь поиска Пресвятого Грааля.../.

Апсидные часовни, которые в романике были почти отдельными зданиями, в готике вывернулись вовнутрь и стали условными секциями единого пространства, подобными полуотгороженным «кьюбиклам» современных офисов /апсидные часовни — это некие акценты специфических Ванн Мистического Опыта, в Романике они более герметизированы, в Рыцарской Готике открыты внутрь из-за большей интенсивности Воинского Пламени на Пути, не будем забывать, что все Капеллы восходят к Мартину Турскому.../.

Городской принцип «единства в многообразии», ставший де-факто центральным постулатом западной культуры, мощно вторгался в храмовое пространство, формируя идейно-образный стержень, до сих пор скрепляющий духовное единство западной Европы /современный Евросоюз не находится в цепи преемственности с Европой; Готика вообще ничего общего не имеет с современными парадигмами/.

Линейная пространственно-временная структурность проявляется в готике и в вертикальных мотивах. Трехчастное деление стен (боковые нефы, трифорий, клересторий) могли наводить на мысль о трехчастном пути спасения (земной мир, чистилище, Царство Небесное) /это связано с Ареопагитической Сеткой Деяты: Три по вертикали, это — Грубое, Тонкое и Тончайшее.../.

Ланцетные окна, длинные и узкие, украшались витражами, составленными из тондообразных секций, содержание которых образовывало временную последовательность, прочитываемую снизу вверх. Верхние секции витражей были едва различимы в «небесной» выси, еще сильнее подчеркивая трудность её достижения.

Линейную структуру иконографии готических витражей интересно сопоставить с типичной поздневизантийской структурой житийных икон с центральным образом и клеймами, ставшей популярной примерно в одну и ту же эпоху. На православных житийных иконах основное внимание приковано к центральному образу, а окаймляющие клейма образуют замкнутую на себя ленту.

В такой кольцевой структуре, не имеющей начала и конца, все события жития происходят как бы одновременно. Такое строение иконы стимулирует созерцающий взгляд, суммирующий всё изображенное в единый целостный образ святого, объединяющий его личность с его житием. Как сам святой, так и факты его биографии, отделяются от изначально породившей их матрицы земного пространства-времени и занимают место в вечности /эта центральная Вечность и одновременность всего в Готическом Храме выражена в Розе; листовые витражи манифестируют историческое время, линейное; всё вместе даёт ключ от Тайного Огненного Спирального Времени.../.

В ланцетных витражах восприятие жития происходит совсем не так. Каждая секция-тондо представляет собой замкнутое изолированное изображение, искусно вписанное в круговой контур. Крупных доминирующих изображений самого святого нет вообще. Витражи не мыслились как молитвенные образы. Это скорее последовательность сакральных иллюстраций, фиксирующая внимание на самих событиях, понимаемых как этапы его пути к святости и спасению. Сохраняя качество иконичности, витражи в то же время подчеркивают видимый, земной характер изображаемых событий. В отличие от икон, они жестко скреплены с церковным зданием, способствуя созданию образа церкви как необходимого посредника в индивидуальном спасении. К витражам нельзя приложиться. Если икона могла отождествляться со святым и представлять его личность, витраж демонстрировал события жизни святого как часть сакральной истории Церкви /совершенно примитивное понимание Мистерии Витража, оно в корне неверное, явно прослеживается предубежденность автора против Готики; наше видение Витражей см. в книгах Вечного Сентября.../.

ПРЯМАЯ И КРУГ

Мотив круга слишком глубоко сакрален, чтобы без него можно было совсем обойтись. Церковь не может состоять из одних углов. Избавившись от круглых арок, куполов и сводов, готическая архитектура, как будто в компенсацию, создала большие, почти безвкусно огромные /здесь автор вообще уже охамел, выдавая свою духовную слепоту и душевную убогость вкупе с жестким кон-

цептуализмом за некую эстетическую данность/ круглые окна-розетки, по поводу назначения которых в литературе нет единого мнения. Предназначены ли они лишь для эффективного освещения или несут конкретное символическое значение? Высказывалось даже мнение, что они символизируют королевскую власть, потому и расположены как правило на западном портале.

Назначение розеток становится более ясным если взглянуть на их иконографическое содержание. Своей круглой формой розетки дают возможность заполнить их ненарративным иконическим материалом, образующим объединенный образ, связанный с вечностью и концом века сего. Наиболее важной темой такого рода является, очевидно, Апокалипсис, как правило изображаемый на розетках западного портала. Круг розетки появляется перед верующим, входящим во храм как вращающийся меч архангела, воспрещающий доступ к святому. Он встает как плотина на пути потока времени, за которым времени уже нет, а есть только две вечности — адских мук и райского блаженства.

Розетки также использовались для секулярных сюжетов, выражающих вневременные категории, таких как аллегии искусств (Сен-Дени, северный трансепт) или знаки зодиака. Именно через розетки в готику входит образ вневременности. Судя по тому вниманию, которое аббат Сугерий уделял содержанию витражей, необходимость выражения в них вневременных богословских категорий могла быть важным фактором, определяющим развитие архитектурных форм.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Готический стиль именуют «новым», и он быстро становится эталоном, тем более что первые соборы строились быстро. В 12 веке слово «современный» впервые стало употребляться в положительном смысле (Baueg, с. 88). Впервые стало казаться, что новое должно быть лучше старого. Зарождается концепция прогресса, понимаемого первоначально в сакральном смысле, как поэтапного пути к спасению. Идея прогресса, заложенная в самой структуре христианской Библии, переместилась в реальную жизнь, в которой уже начали нервозно и требовательно тикать уже изобретенные, но еще не вошедшие в обиход, механические часы.

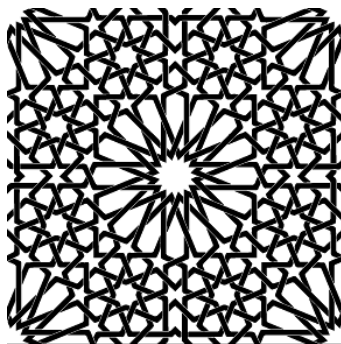
Если вначале новые апсиды и порталы пытаются интегрировать со старой основой, то в зрелой готике пропадает всякая

оглядка на прошлое. Доходит до того, что радуются пожарам, разрушавшим старые храмы и создающим условия для их обновления. Пожар старого собора в Шартре в 1194 г. был воспринят как очищающий божественный огонь, ниспосланный Богоматерью, возжелавшей перестройки посвященного ей собора в новом стиле (Klein, p. 49) /спорные утверждения/.

ВЫВОДЫ

Образ готического собора представляет собой результат эволюции образа Нового Иерусалима. Это во многом прямолинейный, иллюстративный образ Святого Града, характерный как внешним сходством со средневековым городом, так и богатой декорацией и ярко выраженной структурой, отражающей влияние городского духа. Образ Святого Града, воплощенный в готическом соборе, отмечен структурной сложносоставленностью в сочетании со стилевым единством, а также, особенно в ранней готике, выраженной скульптурностью своей иконической пластики. Родство готической образности духу средневекового города, оказавшему столь значительное влияние на характер современной западной цивилизации, определяет место и значение готических соборов как одного из её центральных культурообразующих парадигматических образов /абсолютно профанное и крайне примитивное резюме, стоило ли столько писать, чтобы так банально завершить сие/.

(Источник: https://lib.rmvoz.ru/bigzal/Iconology_gothic_church; Охоцимский А. — «Иконология готического храма (опыт иеротопического подхода)»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 15. ГОТИКА-3.

Взрыв Вулкана...

Постепенно, со временем, лава застывает. Тогда приходится её пробивать или активировать этот Вулкан.

Крестовые Походы и Реконкиста вернули такого рода ситуацию всем трём Учениям Книги, а Готическое Зодчество застыло огненными сталактитами оживляемой Передачи.

Готика, воистину, Архитектура Тайного Пламени...

Не отвлекаясь на опровержение пошлых и вульгарных попыток представить Готику как «зодчество вавилонского штурма Неба и гордыни» (и, того хуже, как «метафору технического прогресса»), определим две магистрали данной Священной Архитектуры Благородного Рыцарства:

ПЕРВАЯ ЭССЕНЦИЯ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ. Гнозис Витражной Розы и Лабиринта. Сие есть Самопроявление Божественной Славы как равновесия Апофатики и Катафатической Лавы Звуко-Света, что в итоге даёт базовую Формулу Истины: Прозрачный Свет. Он проявляется Сферически, причём, в пульсации Экстаза и Энтаза.

Это — Тончайшее и в теле соответствует Умному Сердцу.

В горизонт Мирского сия Мистерия проецируется как Лабиринт...

ВТОРАЯ ЭССЕНЦИЯ: ВОСХОДЯЩАЯ. Гнозис Небесной Лестницы.

Сие соответствует Тонкому: не самой Истине, но Её Энергии. Мирадж...

Лестница Иакова...

Вознесение и Нисхождение (вспомним «Изумрудную Скрижаль») ... каскады Возгонок...

Фраваша Ахура Мазды...

Прыжок в Небо (в некоторых Буддистских Тантрах, принцип Пховы...).

Сделав такое вступление, обратимся к цитированию и комментированию (в таких /.../ скобках) небольшой, но весьма хорошей статьи о Готическом Зодчестве, с искренней любовью и восхищением описывающей сие чудо.

Итак:

«(...)

В каком бы городе Западной Европы мы ни оказались, если в нем есть готический собор, мы сразу же почувствуем, что он средоточие всей жизни города /то есть — Эссенция. Эликсир. Камень. Чаша Грааля.../. Так было, есть и будет — до тех пор, пока собор стоит. Остроумный ход Пруста в его замечательной книге «Памяти убитых церквей» — предложить читателю представить себе, что собор давно умер, а теперь делаются попытки возродить его (речь идет не о здании, а об истинной его религиозной жизни). С помощью этого литературного приема писателю удается ярко продемонстрировать, что собор никогда не умирал.

Можно смело утверждать, что готический собор остается одновременно и источником жизненных устремлений, и их целью, он аккумулирует силы центростремительные и одновременно генерирует силы центробежные, от него все исходит и к нему все возвращается /это и есть великое единство и равновесие Экстаза и Энтаза/.

Глубокую мысль высказал Альфред Шнитке, великий современный композитор: готический собор, независимо от того, каким храмом он является (католическим или протестантским — А. М.), — всегда некая модель мира. Например, Шартрский или Реймский соборы. По ним надо ходить, их необходимо обойти снаружи, их надо охватить сознанием, как некий огромный город.

И действительно, большие кафедральные соборы строились с таким расчетом, чтобы вместить все тогдашнее население города, иными словами — они должны были быть огромных размеров. Новые задачи потребовали небывалых инженерных решений, и в первую очередь проблемы сводов. Гениальный выход был найден посредством совершенно нового распределения веса свода на опоры (колонны и стены) /аспект левитационной сути данного вида архитектуры, Принцип Контрфорса как способа решить проблему посредством кардинальной перемены в ключе Квадратуры Круга.../.

В готической архитектуре был достигнут поразительный эффект: пространство собора внутри кажется большим, нежели сам собор, когда осматриваешь его снаружи /совершенно точно подмечено: это и есть мистерия выхода за пределы измерения, то есть — Операция конкретного изменения континуума, а значит —

перемены Узла Времени и Пространства (здесь можно вспомнить Крест Распятия как выражения Демиургии ограничений Временем и Пространством; Христос попирает Крест Страдания, превращая его в Источник Причастия; Готический Тампль, почти всегда представляет собою Крест Нефа и Трансепта....). Но что особенно важно — новые архитектурные решения были абсолютно адекватны теологической концепции мира, выработанной схоластической теологией XII—XIII столетий /это как раз глубоко вторично/.

(...)

Готический собор при всем богатстве составляющих его элементов поражает необычайным единством как архитектурного плана, так и всей системы декора (экстерьера и интерьера). Более того, это единство характеризует готический стиль в целом. У Виктора Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» есть такое замечательное рассуждение: «Искусство меняет здесь (в разных памятниках готики — А. М.) только оболочку. Самое же устройство христианского храма остается неизменным. Внутренний остов его все тот же, все то же последовательное расположение частей. Какой бы скульптурой и резьбой ни была украшена оболочка храма, под нею всегда находишь, хотя бы в зачаточном, начальном состоянии, римскую базилику. Она располагается на земле по непреложному закону. Это все те же два нефа, пересекающихся в виде креста, верхний конец которого, закругленный куполом, образует хоры; это все те же постоянные приделы для крестного хода внутри храма или для часовен — нечто вроде боковых проходов, с которыми центральный неф сообщается через промежутки между колоннами. На этой постоянной основе бесконечно варьируется число часовен, порталов, колоколен, шпилей, следуя за фантазией века, народа и искусства. Предусмотрев и обеспечив все правила церковного богослужения, зодчество в остальном поступает как ему вздумается. Изваяния, витражи, розетки, арабески, разные украшения, капители, барельефы — все это сочетает оно по своему вкусу и своим правилам. Отсюда истекает изумительное внешнее разнообразие подобного рода зданий, в основе которых заключено столько порядка и единства. Ствол дерева — неизменен, листва — прихотлива».

Уже давно обнаружено глубокое родство между принципами конструкции готического собора и принципами построения крупнейших теологических концепций того времени /это также вторич-

но: Готика не плод концепций, это результат глубокого и аутентичного Мистического Опыта, связанного с рядом Традиций; Христианством, Алхимией-Герметизмом, Платонизмом, Митраизмом... Рыцарством, как эссенция арийского Воинства; Христианская Передача в Готике весьма откровенна: Крест Распятия Спасителя, Гнозис Апостола Павла и Ареопагитики, безусловно глубокая мистичность Апокалипсиса...; Апостол Фома и его Гностическое Евангелие с уравнениями обретения Андрогинной пневмы (что максимально эксплицитно и выражено в Готическом Зодчестве); ещё тотальность Готического Храма вполне коннотирует даже формой в контексте Рыцарской Передачи главному ритуально-символическому Оружию данной Линии — обоюдоострому прямому Мечу (обратим внимание, что, аналогично, в Исламе, Меч Зульфикар созвучен пневматике Мечети).../.

Этот параллелизм выявлен и блестяще объяснен выдающимся историком искусства Эрвином Панофским в работе «Готическая архитектура и схоластика» (полностью эта работа имеется на сайте <http://www.krotov.info/history/14/pigol/panof2.html>). «Подобно «Суммам» Высокой схоластики, — пишет исследователь, — собор Высокой готики стремился, прежде всего, к всеохватности («тотальности») /эта Тотальность как раз и связана с оперативностью Алхимического Опуса (см. наш комментарий выше)/. В своей образности собор Высокой готики стремился воплотить все христианское знание /не только Христианское ... но, в первую очередь, Рыцарское/ — теологическое, естественно-научное и историческое, где все элементы должны находиться каждый на своем месте, а все то, что еще не нашло своего определенного места, подавляться». Иными словами, готический собор — это воплощение универсума /отсюда, связь с Тончайшим, то есть, с Пресвятым Граалем/.

Детальная разработка «своего места» для каждого элемента конструкции в готической архитектуре аналогична детальной разработке плана больших «Сумм», которые должны были отвечать трем требованиям (в формулировке Э. Панофского): 1) — всеохватность (достаточная сумма аргументов); 2) — классификация по принципу единообразия частей и частей этих частей (достаточная разделенность аргументов); 3) — четкость и дедуктивная убедительность (достаточная взаимосвязь аргументов).

Первое сочинение подобного рода — «Сумма теологии» Александра Галльского — было столь объемным, что весило, по свидетельству Роджера Бэкона, «столько, сколько могла свезти лошадь». Весьма примечательно, что Александр Галльский начал писать свой труд в том же 1231 г., когда началось строительство нового нефа собора Сен-Дени. Эталонным образцом этой «Суммы» стала «Сумма теологии» (1274) Фомы Аквинского, которую он писал в Париже, созерцая такие шедевры готики, как Нотр-Дам и Сент-Шапель.

Всеохватность, членораздельность и взаимосвязанность — вот категории, в которых мыслился универсум. Они в равной степени приложимы как к теологическим трактатам, так и к памятникам готического искусства. Классический готический собор есть материальное воплощение универсума, что в символическом смысле выражено господством в его конструкции троичности — как символа Св. Троицы и тринитарной доктрины, главного догмата христианского вероучения. В основе готического собора трехрядный неф и трехрядный трансепт. Нервюрный свод образует членение на смежные треугольники, ребра которых специально подчеркнуты, с тем чтобы при взгляде снизу их структура была ясно различима, равно как и при взгляде на планы готических соборов.

Отражение тринитарной доктрины мы видим в разных готических искусствах и формах, например в литературе, где ярчайший пример — «Божественная комедия» Данте. Она схоластична не только по своему содержанию (полностью отвечает трем требованиям к «Сумме»), но и по конструкции: в ней три книги («Ад», «Чистилище», «Рай»), что можно уподобить тройному нефу готического собора, и в каждой — 33 песни. Более того, терцины, которыми написана «Божественная комедия», как ее наименьшие конструктивные элементы, аналогичны треугольникам нервюрного свода, наименьшим конструктивным элементам готического собора /в этой связи можно порекомендовать читателю прекрасную работу Рене Генона «Эзотеризм Данте»/.

Символизируя Землю и Небо, готический собор вмещал в себя и всю человеческую жизнь от рождения до смерти /Архэ Ковчега.../. Яркая иллюстрация этого тезиса — картина Рогира ван дер Вейдена «Семь Таинств». В центре главное Таинство — Евхаристии: священник у алтаря возносит гостию в знак того, что хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христа — доктрина Реального Присутствия. Кстати, текст исповедания веры, и

в частности впервые употребленный в нем термин «пресуществление» (transubstantiatio), утвержденный IV Латеранским (XII Вселенским) Собором (1215), использует богословский вклад Парижского университета — тот опыт схоластического богословия, который вдохновлял и создателей готических соборов в XIII столетии.

Интерьер собора, ради которого мы в первую очередь воспроизводим эту картину, великолепный образец Высокой готики; напоминает собор св. Гудулы в Брюсселе. Изображение внутри собора всех семи таинств — от Крещения до Елеопомазания (ИМЕННО ТАК) (Соборования) — свидетельствует о восприятии собора как универсума.

* * *

Будучи символом Универсума, готический собор стал реальным воплощением синтеза искусств, средствами которых этот Универсум воссоздавался. В лоне готического стиля необычайного расцвета достигли скульптура, витражное искусство — этот главный вид готической живописи, декоративное искусство (резьба по камню, дереву, кости и др.), музыка.

Скульптура

Порталы и алтарные преграды готических соборов сплошь украшены статуями, скульптурными композициями, орнаментами, фантастическими фигурами зверей (химерами). Лучшие статуи святых и аллегорические фигуры были отмечены глубокой духовной красотой. Застылость и замкнутость романских скульптур сменились подвижностью, ритмическим богатством пластики фигур, их обращенностью друг к другу и к зрителю /прекрасно подмечен баланс: Покой — Романика и Движение — Готика/.

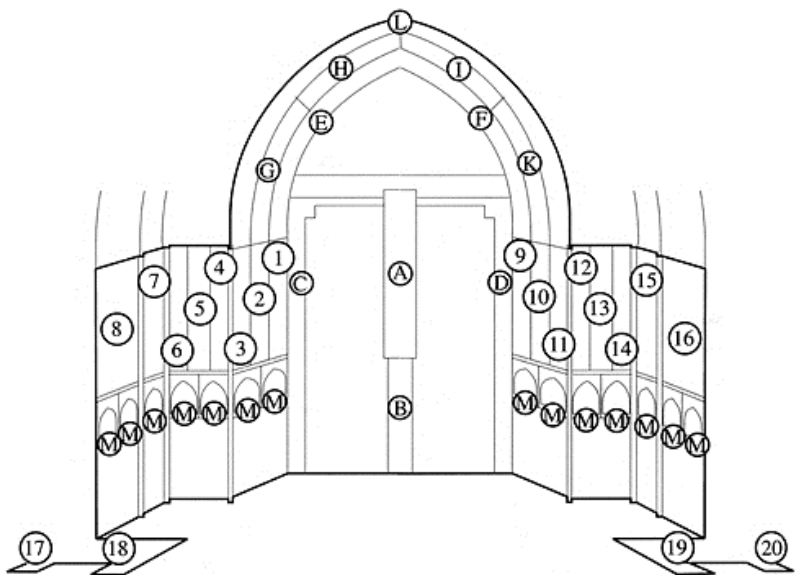
Первостепенное значение придавалось декору главного — западного — портала собора /Запад в Рыцарской Традиции связан с мистерией Сапфировой Розы: это Опус растворения иллюзий, рассеивания гордыни и в целом, Очищения до Прозрачного Состояния (сим данная Линия отличается, например, от Учения Ишрак, где Запад репрезентирует материализм и царство Смерти)/.

Для него была выработана специальная иконография, цель которой — представить христианскую концепцию мира. Ярчайшим примером служит западный портал Амьенского собора с его

знаменитым «Благословляющим Христом» на колонне про-
стенка, воспетым множеством поколений как «Прекрасный Бог»
(Le Beau Dieu).

Если в соборе на западной стороне было три портала, то цент-
ральный непременно посвящался Христу. Полное описание де-
кора лишь одного западного фасада заняло бы много места (для
примера укажем, что центральный портал Реймского собора за-
ключает в себе семьдесят шесть скульптур!). Однако необходимо
дать представление о той всеохватности образов, которая побу-
дила Марселя Пруста назвать готический портал Библией.

Опишем Большой портал (портал Христа) великолепного ка-
федрального собора в Меце.

- A — Христос
- B — Давид
- C — Мудрые девы (Мф. 25:1 — 13)
- D — Неразумные девы (Мф. 25:1 — 13)
- E — Херувимы (семь)
- F — Серафимы (семь)
- G — Господства (четыре)

Н — Силы (четыре)
I — Архангелы (четыре: Михаил, Гавриил, Рафаил и Уриэль)
К — Власти (четыре)
L — Ангелы
M — Сивиллы и пророки

- 1 — Св. Петр
- 2 — Св. Андрей
- 3 — Св. Фома
- 4 — Св. Симон
- 5 — Св. Матфей
- 6 — Св. Филипп
- 7 — Св. Стефан
- 8 — Ветхий Завет
- 9 — Св. Павел
- 10 — Св. Иоанн
- 11 — Св. Иаков Старший
- 12 — Св. Иаков Младший
- 13 — Св. Варфоломей
- 14 — Св. Иуда (не путать с Иудой-предателем)
- 15 — Св. Лаврентий (в буклете, изданном собором, эта фигура ошибочно названа св. Павлом)
- 16 — Новый Завет
- 17 — Исаия
- 18 — Иеремия
- 19 — Иезекииль
- 20 — Даниил

Христос стоит на центральной колонне на льве и драконе; правой рукой он благословляет, в левой — держит книгу (Евангелие). В нише под ним фигура царя Давида, который согласно концепции типологии (параллелизма Ветхого и Нового Заветов) считался одним из предтеч Христа.

В тимпане помещена сцена Страшного суда; она разделена на три (вновь тринитарный символ) секции. Тимпан с обеих сторон обрамлен тремя архивольтами с фигурами семи (труднообъяснимо, почему /возможно, это метафора противоядий Семи Сферам Принуждения, которые связаны с основными грехами.../) из девяти (3x3) ангельских чинов.

Слева и справа на задних колоннах фигуры двенадцати апостолов; каждый из них попирает своего гонителя, а в руке держит атрибут своего мученичества.

Фигуры слева и справа соотносятся как парные. Некоторые из таких пар были строго установлены (мы касались этого в статьях нашего цикла «Христианские святые в живописи», в частности в статье «Маэста»). Например: Мудрые девы — Неразумные девы; Ветхий Завет — Новый Завет; Херувимы — Серафимы; св. Петр — св. Павел, и другие. Именно эта парная группировка, бывшая традиционной уже в то время, позволяет с уверенностью идентифицировать № 15 как св. Лаврентия, поскольку именно этот святой, ставший диаконом и принявший мученическую смерть, сопрягается с первым христианским мучеником, тоже диаконом, св. Стефаном, симметрично расположенным на нашем портале слева (№ 7).

Витражи

Внутреннее пространство собора — с многочисленными архитектурными и скульптурными украшениями, светом, льющимся сквозь стекла витражей /очень важно: Формула Прозрачного Света/, создает образ небесного мира. (Псевдо) Дионисий Ареопагит, особо почитавшийся аббатом Сугерием (или Сюжером), родоначальником готического искусства, в самом начале своего большого труда «О небесной иерархии» говорит: «Каждое существо, видимое или невидимое, есть свет, вызываемый к жизни Отцом всякого света».

Это толкование физического света как символа света Божественного, заставляло строителей разрабатывать все более утонченные структурные системы /... есть Великий Опус соответствия и тотального единства Внешнего и Тайных Светов в Наитончайшем.../. Отсюда культивирование искусства витража в XII—XIII вв. и такие его достижения, каких не знала ни одна последующая эпоха !!!/. Достаточно сказать, что площадь витражей, например, Шартрского собора равнялась 2600 квадратным метрам.

В разработке сюжетов витражей, как и в детальной проработке иконографии порталов и всего скульптурного декора, нет ничего случайного. Продуманную систему персонажей и сцен мы можем видеть не только внутри одного окна или розетки, а во всей системе витражей собора в целом. И здесь мы наблюдаем ту же

всеохватность /эта Всеохватность связана с Граалем, то есть — Учением, вышедшим за границы спецификаций и ограничений, что превосходит Тонкий уровень Сакрального; Тончайшее выше и сущностнее Священного.../, о которой уже говорили в связи с концепцией /тут лучше вместо термина «концепция» подойдёт определение «Мистерия», ибо сие связано не с лунным концептуальным умом, но с Солнечной его формулой Божественной интуиции/ готического собора в целом.

Музыка

Особая тема в рассказе о готическом соборе как образе мира — музыка.

Возведение в Париже собора Нотр-Дам (1163—1235) совпало с учреждением при нем Певческой школы, во главе которой стоял Леонин, его преемником стал Перотин; за ними последовали Роберт де Сабильон, Пьер де Ла Круа, Иоанн де Гарландия, Франко Кельнский. Сейчас все это хорошо известные имена, и истинное наслаждение испытает тот, кому посчастливится оказаться во французском готическом соборе в тот момент, когда он залит светом, льющимся сквозь его витражи, и наполнен звучанием творений этих композиторов...

Первым плодом деятельности Певческой школы было появление большого музыкального сборника песнопений для службы в новом соборе. Это была «Большая книга органумов» (*Magnus liber organi*). Оригинал этого собрания давно исчез, но его копии, несколько отличающиеся одна от другой, обнаружены в разных частях Европы — в Испании, Англии и Италии, и это доказывает ее широкое распространение. Один анонимный английский автор называет ее автором Мастера Леонина, и можно предположить, что она была составлена между 1163 и 1182 г. Ее стиль — так называемый органум.

Поначалу это было двухголосное пение, в котором над выдержанными звуками главного (нижнего) голоса (*vox principalis*) располагались звуки дублирующего голоса — органалиса (*vox organalis*). Примерно к 1200 г. песнопения этой книги были переработаны в новом стиле. Постепенное развитие полифонической техники привело — в рамках готического стиля — к господству трехголосия.

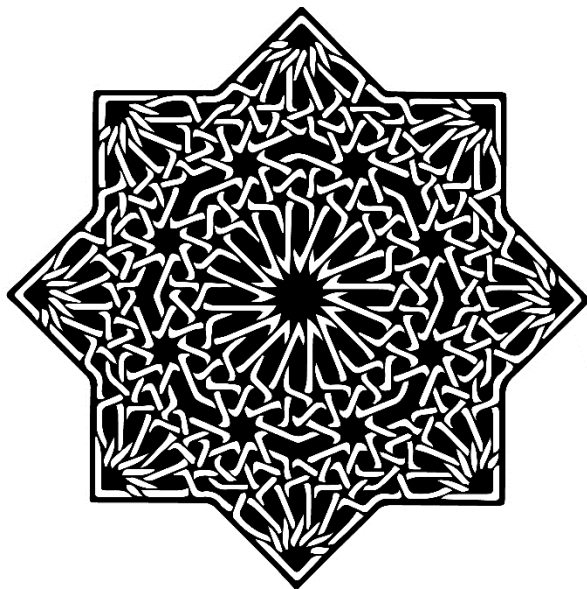
Не проанализирован еще в полной мере вклад музыки в становление готической тринитарной концепции. Увлекательным,

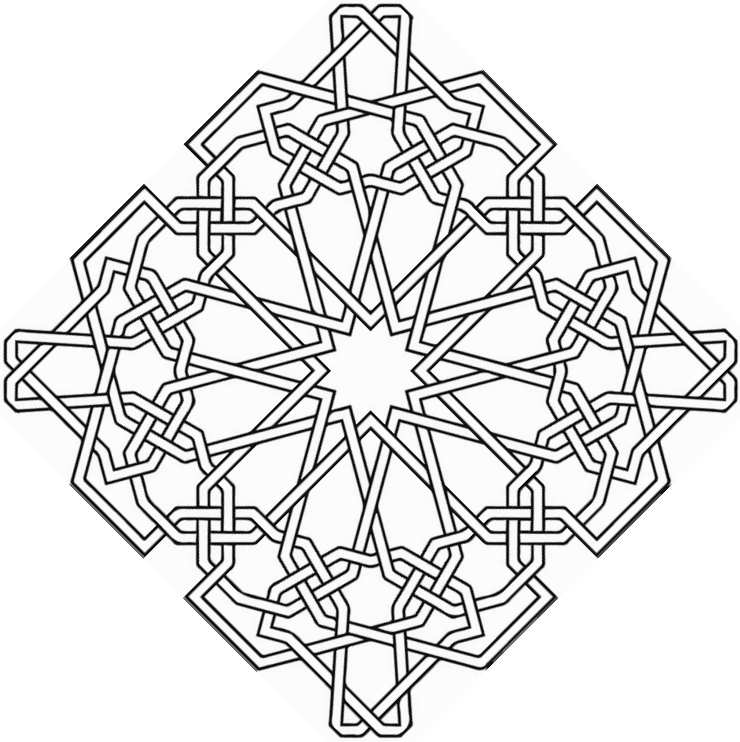
как мне кажется, было бы сравнительное исследование развития принципов трехголосного органума и тройного нефа готического собора, приемов модальной музыкальной ритмики и принципов членения архитектурного пространства в готике /автор интуитивно нащупывает алхимическую природу Готического Собора/.

Итак, можно смело утверждать, что готический собор действительно есть образ мира и являет собою целый мир. И хотя не каждый в состоянии вместить в себя весь этот мир, сам этот мир в состоянии вместить в себя каждого».

(Источник: <https://art.1sept.ru/article.php?ID=200500701>;
Александр Майкапар — «Готический собор — образ мира»).

В завершение данного приложения, остаётся отослать читателя к великолепной и базовой по описываемой теме, работе Юлиуса Эвола, «Мистерии Грааля».

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Центром нашего Пилигримажа, в определенном смысле, стала некая Восьмерица: Бухара и её семь Пиров. Причём, именно как место с присущим ему настроением, Бухара нас менее всего живо зацепила: Хива и Самарканд были пролиты в плане объемного присутствия значительно качественнее и роднее.

Однако: отдельные самоцветы в диадеме Бухары просто поразили прямоотой своей Передачи: Мавзолее Саманидов, Чор-Минор, Колодец Иова...

Бухара, она же Вихара, наиболее прямо указала на буддистскую эманацию...

Её же мы обнаружили в местном суфизме...

Человек, привыкший к своей иконической, лучевой, спецификации, зачастую, распознаёт что-либо Качественное, как своё отражение в Зеркале, или, точнее, себя — как отражение Истинного Света в Фигуре того или иного Адепта, Святого или Пира...

Так тарикат конкретизируется и обретается большая осязаемость пневматических Жестов, в деле Эликсира и Эликсиров...

Авиценна — так его нарекли на Западе. В луче определенного Ключа, Бухару можно узреть в Иконе Ибн Сины.

Потому, в конце данной книги, в узоре её намеков и описаний, приведём большую цитату из уже не раз упоминавшейся замечательной книги Дугина:

«Абу Али Хуссейн ибн Абдалла Ибн Сина (970—1037), перс родом из Бухары (Трансоксании), всю жизнь прожил в Персии. Родственники (отец и брат) Ибн Сины были шиитами-исмаилитами, сам он — шиитом-двенадцатеричником. Ибн Сина был придворным философом правителей Саманидов, а позднее занимал высокие должности при дворе правителей Хамадана.

Ибн Сина создал свою оригинальную философскую систему, названную им «мудростью востока» (*hikmat mashqiṭīya*), которую он противопоставлял западной философии, однако полный текст, где излагались основы его развернутого учения «Китаб-аль-Инсаф» («Книга беспристрастных суждений»), был утерян, и от

всего его гигантского философского наследия остались лишь отдельные фрагменты. Но и они открывают грандиозную картину оригинальной философской системы, оказавшей огромное влияние на схоластическую мысль западного Средневековья.

Метафизика Ибн Сины (по меньшей мере, в ее интерпретации Анри Корбенем) исключает понятие возможности, чем сразу же выходит за границы строгого креационизма. Жесткий монотеизм не связывает божественное бытие, заключающее в себе все возможности, с актом творения внутренними онтологическими взаимосвязями; в определенном смысле, приведение мира к существованию из ничто есть произвол Бога, не имеющий под собой ни причины, ни необходимости, ни цели. Теоретически творения могло бы и не быть. По Ибн Сине, акт творения не просто возможен, но именно необходим и вытекает из внутреннего для Божества акта самопознания, который не есть нечто постороннее Божеству и лишь возможное, но, напротив, составляющее сущность Божества, а значит, необходимое для него. Здесь легко можно опознать образ Софии-Мудрости: ее отношения с Богом более близкие, нежели строгий монотеизм понимает креацию и иные акциденции Бога. София — атрибут, но атрибут особый, качественно и структурно превосходящий все остальные атрибуты, так как в нем проявляется нечто от сущности Божества. София как самопознание Бога Богом есть внутренний акт Божества, имеющий творение лишь своим следствием. Творение есть чистая акциденция, а вот его причина не совсем, так как она является одновременно и акциденцией (так как не есть Сам Бог), и эссенцией, потому что в ней как в (первом) Акте присутствует Актор — *Absolvens* в *Absolutum*. Это принципиально: здесь мы можем угадать особенность маздеистской метафизики в той ее части, где говорится о существовании фраварти — души — у самого Ахура-Мазды и, соответственно, о динамической структуре Божества как открытого (а не статичного). Фраварти-София толкуется как внутренний акт божественного самопознания, мыслится как движение Бога не вовне (как в классической версии креации), но вовнутрь, Его обращение к самому Себе. Но это обращение, будучи совершаемым внутри Единого и Единственного, не может состояться, если это Единое не раздвоится на Познающего и Познаваемого. Так, Бог в самопознании конституирует собой волей к самопознанию Другое внутри Себя; это Другое внутри и есть Он Сам, как То, Что познается, но так как мы в Едином, а не вне Его,

то мгновенно и симультанно, энантиодромично пропорции переворачиваются, и Он сам становится Другим, и уже Другое — Мудрость-София — познает Его. Так мистерия внутрибожественного познания незаметно переходит в мистирию Любви — Любви между Богом и его фраварти (Софией). Мистерия Любви внутри Бога становится фундаментом философии Ибн Сины.

Акт самопознания, по Ибн Сине, необходим, а следовательно, необходимы и его последствия, выражающиеся в появлении манифестационных секвенций Умов. Отблеск познания Богом Самого Себя (своей Софии-Фраварти), предполагающего первоначалек на Диаду, но пока еще внутри строго Единого и Единственного, приводит к действительности Первый Ум. Первый Ум не само самопознание Бога, но его следствие. Это не Любовь, но отзвук Любви, ее эхо. Это уже акциденция в чистом виде (София не является в полном смысле акциденцией — она акциденция-эссенция), но высшая среди акциденций.

Продолжая линию аль-Фараби, утверждавшего, что «Одно порождает только Одно», Первый Ум становится Одним, единым и единящим Началом всех остальных акциденций. Но прежде чем перейти к иным манифестациям — Второму, Третьему, Четвертому Умам и так вплоть до Десятого, следует немного задержаться на этой инстанции.

Первый Ум есть результат познания Богом Самого Себя (как Другого). Он един и как Ум единственен. Но он ни в коем случае не есть Первоначало; над ним располагается нечто, что вызвало его к бытию, и признание этого Первоначала над самим собой необходимо для всей структуры развертывания дальнейших манифестаций. И тут мы снова сталкиваемся с сублильным штрихом иранизма: над Первым Умом он обнаруживает Единого, но не как только Единого статически, но Единого в лице Двух; это не дуализм зороастризма в чистом виде, поскольку отношения Бога и Софии носят совершенно световой и незатемненный характер, но все же идея фундаментальной и неснимаемой Диады, диадичности, прорывается в эту неоплатоническую модель, описанную в арабско-исламских категориях — как твердая глубинная интуиция иранско-арийского Логоса о необходимости искать двойственность в самих основаниях метафизики. Но в то же время здесь эта Перводиада напоминает стилистический и неоплатонический экстазис Ума, дионисийское безумие, овладевающее

Умом (Νοῦς), когда он обращается к своей причине — к апофатическому Единому, где двойственность исключена (о чем учил Плотин). Но она исключена таким образом, что наличествующий Ум, как явно и однозначно второй после Единого, но первый как сущее, как бытие, все же включен в Него, не прямо, но через экстаз, безумие и Любовь, структурно близкие к суфийской идее «самопогашения», *fana'*. В зороастризме диадичность — в том числе примордиальная диадичность — заостряется, в неоплатонизме смягчается, но в обоих случаях фиксируется и признается, причем как нечто фундаментальное и главное в религии и философии. У Ибн Сины диалог двух Логосов — эллинского и иранского — достигает своей тончайшей кульминации, где выясняются пропорции внутри самых высших сфер световой верховной сверхнебесной метафизики и где нюансы экстатических созерцаний приобретают абсолютный характер, предопределяя все большие расхождения и вес по мере удаления от Первоисточков фундаментальной теологии.

Когда Первый Ум оказывается вызванным к бытию актом божественного самопознания, он повторяет сценарий этого самопознания на своем уровне. Но теперь его познание своей высшей идентичности уже с полным онтологическим основанием обращено к божественному бытию, вызвавшему его к наличию. И снова здесь как нельзя уместна картина Ахура-Мазды и его фраварти, а также Фраварти иных ахуров: познавая свою причину, Первый Ум движется в сторону своей фраварти, души, своей трансцендентной невесты, составляющей его высшую идентичность. На первый взгляд, мы здесь находимся на более твердой почве, нежели в случае акта познания Богом Самого Себя (превышающего всякое умозрение) и соответствующего обнаружения Абсолютом Софии-фраварти, его собственной Паредры. По меньшей мере, между Богом и Первым Умом мы можем констатировать причинную связь, тогда как внутри божественного Единства даже необходимость не имеет каузальной природы и остается свободной и включенной в природу Единого. Однако такая «ясность» обманчива, она есть следствие того, что мы подходим к проблеме формально и со стороны. Но если осуществить умозрительный взлет к Первому Уму, — по непрерывной цепочке наш (человеческий) ум — Десятый Ум и выше, вплоть до Первого Ума — это всегда теоретически возможно (!), — мы окажемся в положении не менее парадоксальном и проблемном, нежели само

предшествующее Первому Уму божественное бытие. Единственность божественного Бытия в глазах Первого Ума с необходимостью оборачивается апофатичностью, даже если это у Ибн Сины и аль-Фараби акцентировано не столь эксплицитно, как у Плотина и исмаилитов. Первый Ум, постулируя свой Исток и свою Причину как Другое, рискует и бросается в «тьму превысшую света» (по Дионисию Ареопагиту), навстречу недостижимому трансцендентному горизонту. Его познание проблематично и энантиодромично не в меньшей степени, нежели метафизическим этажом выше. Глубина риска в его познании абсолютна, и именно это создает динамику развертываемых им единиц — он может направить внимание на себя, расширив себя горизонтально, но не сотворив ничего нового — это мысль об идентичности себя с самим собой, своей статической самождественности как Другого по отношению к Причине, а значит, альенированного от своей сущности, от своего высшего Я, от своей фраварти, творит Небеса, как продукт остывания Первого Ума, его охлаждения в броске вовнутрь. Небо результат не-Любви и не-Ума, содержащихся в Уме, который есть Любовь. Но Первое Небо не оставлено самим Первым Умом, так как он сам движется вовнутрь себя, к своей Причине, к своему внутреннему горизонту и за его — внутренние — пределы, сквозь самого себя. Это движение, динамика создает движение Неба и порождает Первую Душу, оживляющую Первое Небо, заставляющую его вращаться, то есть жить, экзистировать. Но главным продуктом творческой Любви Первого Ума к тому, что выше него, становится Второй Ум — его дитя, его Возлюбленный и Единородный Сын — снова «Одно порождает Одно», и вся драма Любви и познания, Любви как познания, повторяется на уровне Второго Ума. Вот здесь, кажется, все приобретает уже вполне отчетливые формы, и отношения Второго Ума к Первому должны иметь четко детерминированный характер. Но снова это не так. Сама динамика Первого Ума, порождающего Второй, сама неопределенность точки фиксации его внимания на себе или Другом (предшествующем, проблематичном), генетически передается Второму Уму, конституирует его драму, делает его наличие снова вопросительным, динамичным, подвижным и энантиодромичным: Второй Ум мыслит о себе и порождает Второе Небо, тем самым двигаясь изнутри вовне, но и возвращается к Первому Уму, вверх, и тогда движение резко меняет ориентацию, он снова бросается внутрь себя, к внутреннему пределу, к внутрисердечной черте и за нее, сквозь нее. И снова это рождает динамику Второй Души,

связывающей Второй Ум со Вторым Небом и вращающей, оживляющей и пробуждающей это Второе Небо.

У первых двух Умов тяготение кверху, к тому, что предшествует им, сильнее фиксации самих себя. Они говорят о себе: «я есть Он», породивший меня; я есть Она, моя возлюбленная фраварти, мое высшее Я, стоящее (Стоящая) там, за внутренней гранью, по ту сторону завесы. Поэтому Первые и Вторые Небеса лишь намечены — творение еще не приобрело фиксированности и плотности, они легки и прозрачны, наполнены Душой-дыханием, влекущей их к полюсу, центру.

Вся драматика тождества/различия и творческой манифестации, рождающейся из акта Любви Ума к предшествующему, и по знания Умом предшествующего, повторяется в цепочке 10 ипостасей, в целом воспроизводящей три ипостаси Плотина, усложненные многоэтажными эйдетическими этапами позднейших неоплатоников — от Ямвлиха до Прокла и Дамаския. Лишь Десятый Ум таков, что Любовь в нем стихает, он больше мыслит о себе, чем о том, что было до него и что над ним, поэтому развертываемые им Небеса становятся твердью, и он более не может породить нового Одиннадцатого Ума — на это ему не хватает Любви. А Небеса, порожденные им, становятся впервые настоящему плотными, и это есть исток земли, материи и плоти.

Между материальной периферией и самим Десятым Умом, однако, есть душа, а у самого Десятого Ума еще есть Любовь. Но ее Недостаточно. И вместо того, чтобы «Одно снова породило Одно», на сей раз Одно — Десятый Ум, порождает многое — множество человеческих умов, рассеянных по миру плоти, конституированному отчуждением Десятого Ума от самого себя, именно в силу того, что он мыслит себя как себя, а не как «Его» или «Ее». Поэтому Десятый Ум страдает. Он в каком-то смысле болен, и наличие телесного мира и множества людей в нем — следствия фундаментальной болезни Десятого Ума; отсюда берет свой исток великое страдание человека, а сам ум становится истоком боли — ведь мысля, мы мыслим глубинную онтологическую катастрофу, которой и является мир — как чуждение, продукт остывания, слабости, упадка, бессилия. Человек настолько глуп именно в силу того, что отеческий для него Ум слишком слаб, чтобы зажать его силой Любви. И поэтому человек мыслит себя как себя (а не как Его/Ее), ведь Десятый Ум мыслит себя как себя (а не как Девятый Ум и свою фраварти); но если Десятый Ум в мысли о

себе как себе (а это изначально плохая, порочная мысль) и создает Небо и Землю из этой, наверное, неправильной мысли лишённой Любви, то и человек мыслит в сторону плотских вещей и стихий, убивая тем самым мысль, себя как мысль, убивая Любовь. Тем самым он убивает Отца, Десятый Ум, который умирает в человеке, через человека, рассеиваясь в людях, как люди рассеивают свое внимание в вещах материального мира, чье наличие само по себе есть след катастрофы.

В картине Ибн Сины нет ни гностического «злого демиурга», ни исмаилитской истории с падением Третьего Ума, ни фигуры зороастрийского Ангро-Манью, атакующего творение извне. Но общий тревожный и проблематичный настрой, отличающий заостренный дуализм иранской метафизики, сохраняется. В отношении же исламской теологической ортодоксии, наряду с переходом от креационизма к манифестационизму, что само по себе является в высшей степени революционным моментом, мы можем увидеть намек на катастрофическую природу творения и амбивалентную сущность Творца, о чем Ибн Сина прямо не говорит (по крайней мере, в тех трудах, которые до нас дошли), но что можно вывести из общей системы его учения, что отдаленно напоминает догадку о титанической природе Креатора, творящего мир не от изобилия, а от не достаточности, и соответственно, что полностью выходит за рамки оптимистического исламского креационизма.

Здесь мы видим косвенно те дионисийские мотивы, которые нам не удалось обнаружить в классическом маздеизме. Десятый Ум оказывается фигурой отдаленно напоминающей Диониса, так как он предстает разорванным на части внутри титанической клетки из плоти, уловленным миром тел. Можно вспомнить слова Прокла из «Комментариев на "Кратила"» о том, что «Ум (Nous) в нас от Диониса и является подлинным образом Диониса». Титаническое здесь — самоощущение Десятого Ума, которое выражается в его творении материального мира, а сам Десятый Ум, коль скоро он не познает свою высшую идентичность (Девятый Ум, свою фраварти, высшее Я), не конституирует ее актом Любви, превращается в собственный дубль, порождая фундаментальную онтологическую, космологическую и сотериологическую проблему темного двойника Диониса (третьей демиургии Адониса, по Проклу), покрывающую мертвенной сетью пульсирующую, жи-

вую и душевную демиургию Диониса. Это появление гностических и отчасти манихейских мотивов у Ибн Сины показательно. Исторически оно могло быть результатом влияния исмаилитской метафизики, почерпнутой из семейного круга (отца и брата — исмаилитов), а ноологически представляет собой безусловный шаг от иранского Логоса к Логосу эллинскому, так как фундаментальность метафизики Диониса является отличительной чертой именно эллинской духовной культуры. Так, уже у Ибн Сины мы начинаем различать появление образа Диониса Иранского, совершенно чуждого ортодоксальной маздеистской культуре, но, как мы увидим в дальнейшем, обнаруживающего свое присутствие в комплексных и смешанных формах иранской философии — в шиизме и суфизме».

(Цитата по: Дугин А. Г. — «Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая Война и Культура Ожидания» — М.: Академический проект, 2016, стр. 264—271).

Правильно ли Дугин осознал и понял Ибн Сину?

Вряд ли мы получим точный ответ на сие вопрошание. Однако, очевидно то, что упомянутый современный философ искренне и в потоке ровного длительного Огня реально старается прикоснуться к Качеству. Его Пламя возжигает Пламя Смысла, и два становятся одним.

Читателю, вовсе не обязательно пытаться овладеть данным комплексом объяснений: зачастую, такая концептуальная приватизация не более чем плотность иллюзии, которая объясняется другой иллюзией (при этом сам пострадавший думает, что понял и обрёл).

То, о чём пишет Дугин — Тайна. Сияющая, рвущая спящую душу всесторонь, Тайна...

Можно не убояться и позволить.

Позволить себе, пред лицом Её Величества Смерти, влюбиться в эту Тайну.

Войти, погрузиться, в сию Воду. Научиться жить в Море Символов.

А понял ли Дугин, поняли ли мы — вторично. Главное: мы Любили.

Мы любим.

Любим Истину и Её глашатаев.

Пьем вместе одно Вино.

Вне надежд и страхов.

Потому, продолжим цитирование:

«Манифестация Десяти Умов у Ибн Сины описывается как ангельская иерархия, в которой каждый Ум представлен парой Херувима (Kaḡūbūyūn) и Ангела (Maḡā'ika). Ум, как он есть, представляет собой Херувима, а его Душа — Ангела. Поэтому на каждом из 10 уровней манифестации существует триада Херувим/Ум — Малик/Душа — небесная сферическая оболочка (Джизм/Тело). При этом каждая триада соответствует трем уровням восприятия: Херувим и его мир Джабарут — чисто интеллектуальному постижению сущности Вещи; Ангел/Малик и его мир Малакут (Malakūt) — сфере воображения, 'ālam al-khayāl, где схватывается форма вещи, ее эйдос в отрыве от плотной материальности; чувственное восприятие и мир Мольк (Mōlk) — переживание явления в телесно-материальном срезе. Ангел/Малик в этой картине осуществляет функцию связи между телами и Умом и представляет собой персонификацию Любви к Уму, влечение к нему извне. Сам Ангел может подойти вплотную к Херувиму, соединиться с ним, а телесное творение слишком грубо для этого, и ему остается одно — вращаться вокруг возлюбленного полюса в тщетной надежде приблизиться к нему. Любовь поэтому движет звездами и планетами здесь в самом прямом смысле, который, возможно, и имел в виду Данте в своем образе из «Рая» «Божественной Комедии»: «L'amor che move il sole e l'altre stelle».

Когда мы переходим к Десятому Уму, мы снова оказываемся внутри триады, но только на самом низшем уровне манифестации. В центре этого мира стоит Херувим/Активный Ум ('Aql fa'al), Он эманурует своего Ангела, составляющего Мировую Душу. Из тени Ума, из его обратной слабосильной стороны, где Ум переходит в свою противоположность, создается плотный материальный мир. Материя и плоть, таким образом, представляют собой сгущение мировой глупости, космического идиотизма. Материя предельно глупа и создана из соскользнувшего в бездну мутного мышления. Можно соотнести такое представление с платоновским «бастардным Логосом» — из «Тимея», с помощью которого Тимей предлагает постигать хору/материю. В данном случае манифестационистская система Ибн Сины рассматривает материю как сам этот «бастардный Логос», как воплощенное и обретшее

видимость самостоятельности слабоумие. Плоть глупа и не представляет собой ничего, кроме как погасший ум.

При этом влияние глупой плоти на Мировую Душу при творческой слабости нижнего Херувима приводит к разрыву Души и пребывающего в ее центре полюса Херувима на множество человеческих существ. Так складывается образ человечества как расчлененного Ангела, внутри которого пребывает расчлененный Херувим. В темницах глупости (телесности) расчлененный Ангел и искры Херувима еще более ослабевают, гаснут, тонут. Это возможно потому, что плоть не есть нечто (...) иное, нежели сам Херувим, а его истощение, его угасание. Глупость материи есть не статическое ее состояние, а процесс; материя есть оглупление, угасание, действие, направленное в противоположную от Ума сторону. Все в человеческом мире пронизано слабостью, из которой он и состоит в своей субстанции, более того, сам мир есть ослабевание. Поэтому телесность есть не иное начало, нежели Ум, а сам Ум, только движущийся от себя, падающий, гаснущий, глупеющий (не поглупевший, а именно глупеющий). Так, мы видим типично неоплатоническую и аполлоно-дионисийскую картину градуальной оппозиции: зло есть умаление добра, процесс нисхождения от полноты (Херувим — Порос) к своей минимализации, актуализирующейся в процессе нисхождения. В такой картине есть то, от чего отталкивается движение, но нет и не может быть того, к чему оно нисходит. Акцент в этой системе падает на фигуру Ангела/ Души, на Ангела как Душу, так как именно в этой инстанции сосредоточен динамический баланс жизненного процесса, в ходе которого осуществляется силовой момент онтологического перепада — от Ума (Херувим) к глупости, от Единого к множественному. Мир Ангела/Малика, Малакут, есть та зона, которая связывает центр и периферию, осмысленное и бессмысленное (еще не осмысленное), а значит, именно здесь действуют силы расчленения и соединения, осуществляется принципиальный выбор и баланс между эпифанией и апофанией, открытием (Ума) и сокрытием глупости (плоти) или, наоборот, между открытием телесности и сокрытием смысла. Мир Малакут, пространство Ангела-Души есть мир воображения, который и становится в центре внимания философии персидского неоплатонизма. В этой промежуточной зоне Души человек свободен в выборе потока: он может открыть заслон и позволить умному Свету полностью излиться во тьму плоти, но может обратиться вспять, к своему истоку и встать на путь философии, то есть любви к Уму, Софии,

фраварти. В человеке и человечестве проблематизируется Любовь, которая в любом случае остается главной и центральной инстанцией онтологии, космологии и физики мира: либо Любовь обращается в сторону Тьмы, которая сама по себе не существует и которую невозможно любить, так как в ней нечего любить, но которая конституируется, наделяется видимостью бытия именно таким обращением Ангела вовне, либо она поворачивается в сторону Света, но и в этом случае именно она своим волевым возвращающим порывом конституирует в свою очередь то, что любит — Ум, Херувима и нисходящую к нему всю небесную иерархию манифестаций. Но драма Души в том, что Ум не дан ей как явный и действенный полюс притяжения. Он на десятом этаже манифестаций ослаблен и болен (как хромым король-рыбак в легенде о Граале), поэтому Душа должна создать его заново, родить вовнутрь себя, и тем самым восстановить, вылечить, исцелить, вернуть силы и поставить на путь великого возврата сквозь небеса и сферы к вершине мировой оси. Поэтому-то речь и идет о воображении: Ангел-Душа может вообразить тело, но может вообразить и Ум, в одном случае она растратит свои силы еще больше и породит горизонты праха и глупые ряды бессмысленных чувств и переживаний, в другом — пожертвует собой ради иного, высшего, и тем самым реставрирует высшее, «накормит» его собой и вернет ему силы светить, мыслить и возноситься вверх. Ангел выбирает. В нем есть оба решения, поэтому он принципиально двойственен, оба пути для него имманентны. Снова мы видим энантиодромию, движение одновременно в двух противоположных направлениях.

Это совсем не зороастрийская мысль, но иранистская (хотя в еще большей мере — греческая и эллино-христианская), и именно поэтому мы говорим об иранском Дионисе. Под этим следует понимать не аутентично и эсклюзивно иранскую фигуру, что невозможно, так как иранский Логос строится как раз на ее исключении, но о прибытии греческого Диониса в Иран, о его эпифании в иранском пространстве, которая происходит под покровом ислама, исконно аравийскому Логосу которого чужда вся эта проблематика в целом».

(Цитата по: Дугин А. Г. — «Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая Война и Культура Ожидания» — М.: Академический проект, 2016, стр. 271—274).

Итак, с помощью цитат из глубокого опуса Дугина, мы немного прикоснулись к тому, что было самым Корнем, Основой, для Ибн Сины. Не вызывает сомнений, что его Врачебная Наука покоилась на таком фундаменте.

Ирония судеб: Авиценна, в основном, известен как врач. Почти как эмпирик...

Его мистико-философская Глубина в массовой культуре осталась где-то за кадром.

Что-то подобное дарует гражданину «просто жизнь».

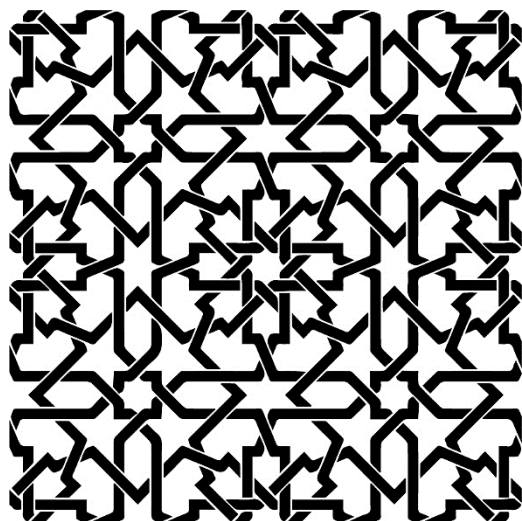
Эта «просто жизнь» есть алхимическое рабство: то есть — ты, не более чем расходный ингредиент в чужих лабораторных процессах.

Не хочешь так, не хочешь бездарно растратить себя, придётся, в той или иной форме начать Опус...

Его качество во многом будет обусловлено твоей тотальностью и соответствующим ей языком.

Пилигримаж для того и совершается, чтобы инициировать качественный рывок в данном вопросе.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

ЧАСТЬ 1. ТУРЕЦКИЕ ЛОЦИИ ХЫЗРА.

1. ОРЁЛ И ЗМЕЯ ТУРЕЦКОГО ГНОЗИСА.....	7
2. АНКАРА. ТИШАЙШЕЕ ЗНАНИЕ ХАДЖИ БАЙРАМА.....	14
3. БЕКТАШИ ПОЗВАЛ...-2.....	19
4. ВЕЧНАЯ ПАСХА КРЕСТОВОЙ КАППАДОКИИ.....	29
5. С НОВЫМ ГОДОМ. 2021.....	36
6. ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ ВЕЧНОГО СЕНТЯБРЯ.....	38
7. КЕЙСЕРИ. СНОВА АХИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПЕРЕКРЁСТОК.....	44

ЧАСТЬ 2. ЛАЗУРНЫЕ КУПОЛА УЗБЕКИСТАНА.

1) ТАШКЕНТСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ.....	51
2) ВЕЧНЫЙ АПРЕЛЬ ТАШКЕНТА.....	58
3) ТАШКЕНТ И ЕГО КАФФАЛЬ ШАШИ.....	67
4) ПАРИЖ В ТАШКЕНТЕ.....	78
5) ТАШКЕНТ — НЕ ТОЛЬКО ЖАРА: СНЕГ.....	80
6) СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВОСТОЧНОГО ЦЕНТРА.....	89
7) САМАРКАНД. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. РЕГИСТАН. НЕБЕСНОЕ СЕЛЕНИЕ.....	91
8) ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ: САМАРКАНД. ВЕРСИЯ ТИМУРА ВЕЛИКОГО.....	98
9) ТАМГА АМИР ТЕМУРА. САМАРКАНД.....	105
10) ИМПЕРИЯ СИМВОЛОВ. САМАРКАНД.....	107
11) ТАБЛИЦЫ И ОБЛАКА САМАРКАНДА.....	112
12) МЕДРЕСЕ, МЕЧЕТИ И МАВЗОЛЕИ. САМАРКАНД.....	116
13) ПО СУФИЙСКОМУ СЛЕДУ. ХАЗРАТИ ДАУД.....	126
14) ЭФФЕКТ ТЮБЕТЕЙКИ. САМАРКАНД И ОКРЕСТНОСТИ.....	137
15) ХРУСТАЛЬНЫЕ ЧЁТКИ БЛАГОУХАЮЩЕГО ЛАБИРИНТА.....	145
16) ОТКРЫВАЯ БУХАРУ.....	147
17) ВОПРОС АДАПТАЦИИ КРОВИ. БУХАРА.....	154
18) ВОЛШЕБСТВО ЧОР-МИНОР. БУХАРА.....	167
19) БУХАРА. БУДНИ ВОКРУГ МИНАРЕТА КАЛЯН.....	171
20) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-1.....	177
21) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-2.....	184
22) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-3.....	192

23) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-4.	201
24) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-5.	213
25) СЕМЬ ЗВЁЗД СЕМИ ПИРОВ БУХАРЫ НА ФОНЕ ДЫМНОГО НЕБА-6.	222
26) ХИВА: АРИЯ НЕДОСТРОЕННОГО МИНАРЕТА.	226
27) ХИВА: МАВЗОЛЕИ И МИНАРЕТЫ. НАШЕ ТРОЕТОЧИЕ... ..	231
28) ХИВА НАШИХ УЗОРОВ.	238
29) ПРОЗРАЧНОЕ ВИНО. ХИВА.	243
30) КРАСНОЕ ВИНО ХИВЫ. ВОПРОС ТРАНЗИТНОСТИ И ТАХАРАТА.	244
31) ПАХЛАВАН МАХМУД. ХИВА. ПРИСУТСТВИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА.	247
32) КОЛОДЕЦ ВВЕРХ, КОЛОДЕЦ ВНИЗ. ХИВА.	256
33) АСПЕКТЫ ПИЛИГРИМА.	262

ЧАСТЬ 3. РОМАНСКОЕ СОЗЕРЦАНИЕ ГОТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА (ПРИЛОЖЕНИЯ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.	273
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.	276
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.	284
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.	288
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.	308
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.	311
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.	315
ПРИЛОЖЕНИЕ 8.	317
ПРИЛОЖЕНИЕ 9.	325
ПРИЛОЖЕНИЕ 10.	331
ПРИЛОЖЕНИЕ 11.	339
ПРИЛОЖЕНИЕ 12.	345
ПРИЛОЖЕНИЕ 13. ГОТИКА-1.	351
ПРИЛОЖЕНИЕ 14. ГОТИКА-2.	367
ПРИЛОЖЕНИЕ 15. ГОТИКА-3.	383

ПОСЛЕСЛОВИЕ. 395

